
ПРЕДИСЛОВИЕ

Свыше ста лет производятся археологические исследования Херсонеса Таврического. Раскопки дали обильный материал, освещающий различные стороны жизни города, его истории и культуры на протяжении двадцати веков античного и средневекового времени. Однако до настоящего времени еще не написана история Херсонеса Таврического, которая бы удовлетворяла требованиям современной науки. Это обусловлено рядом причин. Самые важные из них следующие: археологическое изучение города осуществлялось изолированно от его окружи; вопросам экономики уделялось недостаточное внимание; историю города изучали вне связи с историей и экономикой коренного населения юго-западного Крыма, т. е. не учитывали конкретно-исторические условия и экономические основы существования и развития самого города.

В послевоенное время сотрудники Херсонесского Государственного историко-археологического музея сконцентрировали внимание на этих основных вопросах. Наряду с продолжением раскопок на Херсонесском городище были проведены большие полевые исследования и в его округе. В результате их выявлены новые памятники земледелия античного Херсонеса и обнаружены поселения и могильники коренного населения юго-западного Крыма, начиная с X—VIII вв. до н. э. и до конца античной эпохи.

Эта работа — попытка осветить историю земледелия и отчасти землевладения античного Херсонеса. В основу ее взяты неопубликованные еще материалы, добытые при раскопках в последние годы на Гераклеюском полуострове. Кроме того, автор использовал археологические материалы по истории земледелия античного Херсонеса, собранные ранее. К сожалению, эти материалы, зачастую исключительной научной ценности, весьма отрывочны: многие чертежи, фотографии и дневники раскопок затеряны. В настоящее время не все вопросы античного земледелия могут быть освещены одинаково полно. Известную помощь оказывают античные авторы, однако аналогии не могут заменить конкретный материал. В связи с изложенным некоторые положения могут быть выдвинуты только в порядке постановки вопроса и подлежат проверке и дальнейшему изучению в процессе раскопок памятников Гераклеюского полуострова. Несомненно, что эти раскопки позволят значительно приблизиться к решению многих вопросов истории и экономики античного Херсонеса.

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АНТИЧНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Изучение памятников античного земледелия Гераклейского полуострова началось в конце XVIII века, как только русские вступили в Крым. Еще до основания Севастополя были сняты два археологических плана «древнего Херсона». Третий план «сочинен» в ноябре 1786 г. А. Строковым. Русское правительство неоднократно повелевало разыскивать в Крыму всякие древности, старинные монеты и медали, описывать их, а также давать зарисовки и планы различных древних памятников. В этих целях организовывались путешествия специалистов¹.

Первый период дореволюционного этапа исследования памятников Гераклейского полуострова охватывает время с конца XVIII до середины XIX вв. Тогда зачастую считали, что Херсонес занимал всю его территорию. В частности, об этом свидетельствует надпись на плане, составленном А. Строковым: «План развалин древнего Херсона с показанием бывших прямых улиц, красной краской означенных» (рис. 1)².

План является очень важным документом для изучения земледелия и землевладения античного Херсонеса, так как позволяет установить общее количество клеров, размежеванных на Гераклейском полуострове³.

В 1794 г. с памятниками полуострова знакомился академик Паллас⁴. Осмотру памятников «Гераклеотского Херсониса» он уделил несколько дней⁵. Паллас отметил, что «окрестности Севастополя или Ахтияра представляют поистине землю классическую. На каждом шагу

¹ Подробно об этом см. А. Л. Бертъе-Делагард. Раскопки Херсонеса. МАР, № 12, Спб., 1893, стр. 5 и сл.

² Впервые этот план издан в 1822 г. в «Отечественных записках», № 22, после стр. 434, в статье под инициалом Е. «О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму». Вторично (перездан) В. Д. Блаватским в работе «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья». М., 1953, стр. 38, рис. 13. Ср. А. Л. Бертъе-Делагард, ук. раб., стр. 5—6 и прим. 3 на стр. 6. Точность плана проверена нами топографической съемкой на площади ок. 2000 га между Стрелецкой бухтой и Маячным полуостровом. На этой площади зафиксировано более 80 клеров Херсонеса.

³ См. ниже, стр. 48 и сл.

⁴ Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalter-Schaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, t. II, Leipzig, 1801.

Русский перевод описания путешествия по Крыму см. ЗООИД, т. XII, отд. 1, Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах, стр. 62—208, Одесса, 1881.

⁵ ЗООИД, т. XII, отд. 1, стр. 93.

вы наталкиваетесь на греческие древности...»¹, и ниже — «весь Херсонис полон следами древних стен и фундаментами древних построек. Стены эти, кажется, были оградами полей»². Паллас описал несколько усадеб вдоль западного берега Гераклейского полуострова, в Юхариной и Бермановской балках. К сожалению, район Казачьей, Круглой и Стрелецкой бухт был им опущен, — Паллас предполагал это сделать после «более обстоятельного исследования в более свободное время»³. Главное внимание он уделил описанию башен усадеб. Уже в то время от их стен сохранился на поверхности земли один ряд крупных блоков — квадеров. Только немногие башни сохранили 2 или 3 ряда их и лишь одна — «четыре ряда лежащих один над другим квадера»⁴. Паллас первый объяснил назначение этих башен: «для безопасности деревенских жителей на случай нападения тавро-скифов»⁵. Однако ниже он назвал их укреплениями для защиты плодородных долин⁶. Им же замечена связь башен с полями, размежеванными на полуострове⁷. В отношении последних Паллас пишет: «...разрушенные ограды полей из осколков камня, которые везде до Ахтияра идут почти через весь Херсонес (Гераклейский полуостров, *С. С.*), на 10 верст в длину и ширину и которые, потому что они местами представляют правильные улицы, считались оградами домов или дворов»⁸. Поля эти большие, продолговатые, четырехугольные, одинаковые по размерам, занимают большую часть Херсонеса (Гераклейского полуострова, *С. С.*) и «подобны описанным... в древнем Херсонесе» (на Маячном полуострове, *С. С.*)⁹.

Описание полей очень суммарно¹⁰, однако в свете последних исследований ряд его деталей имеет существенное значение. Так, мы узнаем, что ограды полей местами еще возвышались до двух аршин (ок. 1,50 м), на полях находились большие усадьбы из тесаных камней, от которых сохранились только фундаменты.

Очень интересно описание плантажных стен на древних виноградниках, которые Паллас принял за остатки жилищ. Учитывая исключительную важность этого описания для реконструкции плантажных стен, разрушенных в настоящее время до уровня дневной поверхности, процитируем его подробно: «В других квадратах (виноградных участках клеров, *С. С.*), — пишет Паллас, — ничего не видно, кроме мусора от параллельных, по прямой линии идущих стен, у основания своего имевших два аршина ширины, сложенных из известняка и отделенных друг от друга попеременно на три и на четыре аршина расстояния. Эти параллельные стены местами прерываются. Так же прерываются эти параллельные стены в некотором расстоянии от наружных стен и от

¹ ЗООИД, т. XII, отд. 1, стр. 93.

² Там же, стр. 97.

³ Там же, стр. 105.

⁴ Там же, стр. 109 и 108. Такое соотношение близко современному состоянию башен гераклейских усадеб. Правда, некоторые из них подверглись за это время основательному разрушению. Обращаем внимание, что четыре ряда квадеров отмечены Палласом только на одной стороне башни, а не по ее периметру.

⁵ Там же, стр. 108. Конечно, термин «деревенских жителей» не верен, ибо никаких деревень на Гераклейском полуострове не было. Паллас не заметил, что эти башни являются частью, одним из сооружений усадеб. Кроме того, нападение на усадьбу, с целью ее ограбления, могли совершать не только тавры или скифы, но и воры.

⁶ Там же, стр. 110.

⁷ Там же, стр. 108.

⁸ Там же, стр. 100.

⁹ Там же, стр. 108.

¹⁰ Там же, стр. 104.

квадратов, оканчиваясь обыкновенно очень большим плоским камнем, ширина которого равна толщине стен»¹.

Таким образом, плантажные стены на виноградниках возвышались над поверхностью земли и в проездах тщательно закреплялись с торцевой стороны². Это первое описание памятников Гераклеийского полуострова и выводы Палласа оказали большое влияние на всех последующих путешественников и исследователей. Следы этого влияния имеются и в работе XX века.

Вместе с Палласом в обследовании полуострова принимал участие Э. Кларк³. Не вдаваясь в общую оценку взглядов этого путешественника⁴, отметим его описание «старого», так называемого страбоновского Херсонеса и прилагаемый к нему план в виде виньетки⁵.

Как и Паллас, Кларк считал, что страбоновский Херсонес занимал весь теперешний Маячный полуостров, или, как он его именовал, «полуостров Фонари». Описание остатков стен и сооружений Кларк заменяет указанным планом. «План, хотя и несовершенный, помещенный в виде виньетки... дает лучшее представление о расположении этих развалин, чем какое угодно описание»⁶. В последнем он, безусловно, прав.

П. Сумароков, путешествовавший в Крыму в самом конце XVIII в., повторяет Палласа. Краткое упоминание о памятниках Гераклеийского полуострова свидетельствует, что он их не понял: «Все проеханное мною сюда пространство от Георгиевского монастыря, верст на 10, — пишет Сумароков, — усеяно правильно расположенными улицами, между коих заключаются равные отделения по 2000 шагов, и валяются удивительной величины тесаные каменья с выдолбленными на них круговинами. Невозможно, чтоб все это расстояние занимало было одним городом, но надлежит думать, что находился тут еще какой-либо другой город, а промежутки их имели на себе сады»⁷.

В 1822 г. вышла в свет небольшая, но очень важная работа, подписанная инициалом — «Е»⁸. Главное достоинство ее в том, что она включает археологический план Гераклеийского полуострова, «сочиненный в 1786 г.» землемером подпоручиком А. Строковым⁹.

Судя по описанию, автору хорошо известны памятники полуострова

¹ ЗООИД, т. XII, отд. I, стр. 104.

² Как мы увидим ниже (стр. 12), Дюбуа де Монпере дает аналогичное описание этих стен, указывая даже сохранившуюся их высоту, при этом он первый правильно определил, что участки с такими стенами — виноградники.

³ Clarke. Travels in various countries of Europe, Asia and Afrika, t. I, Loundon, 1810, t. II, Loundon, 1816.

⁴ См. об этом А. Л. Бертъе-Делагард, ук. раб., стр. 2 и сл.

⁵ Там же, т. I, стр. 566—567.

⁶ Там же. Ниже он сообщает: «Мы работали целый день над составлением плана... почтенный Паллас, более активный, чем мы, трудился без отдыха, обходя по всем направлениям и измеряя собственными руками каждую стену и фундамент, которые остались». Это сообщение вызывает удивление, ибо Паллас (ук. раб., стр. 105) пишет: «Снятие со всего точного плана отняло бы у меня больше времени, нежели то, которым я располагал, да и не было бы особенно полезно». Почему Паллас не приложил этого плана к своей работе — совершенно неясно.

⁷ П. Сумароков. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду, ч. I, Спб. 1803, стр. 208—209.

⁸ Е., О следах древнего греческого города Херсона, доныне видимых в Крыму. «Отечественные записки», 1822, февраль, № 22, стр. 158 и сл. Статья заимствована из неизданных «Географических известий о Таврической губернии» К. И. Габлица (1787 г.). См. А. И. Маркевич. Таугіса, Симферополь, 1894, вып. 1, стр. 14, № 241. Автором работы являлся митрополит Евгений, опубликовавший статью под аналогичным названием: «О следах древнего греческого города Херсона» — в журнале «Труды и летописи Общ. Истор. и Древн. Российских», т. IV, кн. 1, стр. 102—115 (Последняя работа нам известна только по названию, С. С.). См. А. И. Маркевич, Таугіса, вып. 2, стр. 3, № 7348, Симферополь, 1898.

⁹ См. выше, стр. 7

и его размежевание. Им правильно указываются размеры кварталов между линиями — улицами (так автор называет клеры и ограничивающие их дороги). Эти размеры — 300×200 сажень (630×420 м), в точности совпадают с размерами клеров полуострова¹.

Автор фиксирует размежевку полуострова на всей его площади, на протяжении 11 верст в длину и ширину и, так же как Габлиц, полагает, что вся эта громадная площадь была занята городом — древним Херсонесом². Он говорит, что в середине этих больших кварталов, видимо, находились сады. Дома в кварталах были квадратные в плане, 14 аршин по стороне. Таким образом, мы видим, как и в описании Палласа, что от большинства усадеб клеров сохранились только башни. Некоторые усадьбы, пишет автор, сохранились лучше, стены их сложены из громадных тесаных камней, скрепленных между собою железными полосами³.

Автор первый высказал предположение об ирригационном назначении памятников полуострова. Он говорит: «...линии сии (дороги между клерами, С. С.) сделаны не для улиц, а для предохранения всего косогора, под самым городом лежащего, от промыву поверхностною и подземною водою и тем самым для прочности всех зданий в кварталах»⁴, а о крупных зданиях, сложенных из блоков (усадебных клеров), замечает: «Здания сии может быть служили, в свое время, общенародными водохранилищами»⁵.

И. М. Муравьев-Апостол ограничился только указанием, что на пространстве от мыса Маяка до Георгиевского монастыря «на каждом шагу видны явные признаки первобытного поселения: тут без сомнения существовал древнейший Херсон, покинутый жителями оною для выгоднейшего местоположения между северных бухт»⁶.

Не больше мы узнаем о памятниках Гераклеийского полуострова и у П. Кеппена, обратившего внимание лишь на остатки одной из усадеб, близ Георгиевского монастыря, в которой он, как и Паллас, усмотрел остатки укрепления⁷.

Трезвы, но, к сожалению, очень кратки описания и суждения члена российской Академии наук и академий — Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской — А. Демидова⁸. Так, он отмечает: «На некоторой части этой косы»⁹ и даже у самого Севастополя рассеяны остатки стен, правильно распределенных на равных Североугольных пространствах. Некоторые ученые принимают эти параллелограммы за развалины древнего Херсонеса...

Но некоторые другие антикварии, не легко полагающиеся на предания, находят в этих симметрических участках не иное что, как доли пашен, распределенных поровну между известным числом владельцев; правда, и они соглашаются, что, по-видимому, распределение могло

¹ Е., ук. раб., стр. 159.

² Там же, стр. 156—157.

³ Последнее замечание по меньшей мере сомнительно.

⁴ Е., ук. раб., 156—157.

⁵ Там же, стр. 160. Оба эти положения были неудачно «развиты» Л. А. Монсеевым в 20-х годах XX столетия; см. ниже, стр. 19 и сл.

⁶ И. М. Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде в 1820 году. Спб., 1823, стр. 70.

⁷ П. Кеппен. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор. Таврических. Спб., 1837, стр. 227—228.

⁸ А. Демидов. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. М., 1853. Обращаем внимание на сохранность клеров и их усадеб на Маячном полуострове, которые им приняты, как и Палласом, за остатки древнего Херсонеса. Он пишет, что эти остатки «исчезли еще задолго прежде нашей эры, почти не оставив и следов своего величия».

⁹ Так он называет Маячный полуостров, на котором «была сильная и долго процветавшая греческая колония», т. е. Херсонес.

быть сделано не иначе как в глубокой древности. Фундамент этих стен, почти совершенно изгладившихся с поверхности земли, углублен так мало, что стены очевидно не могли принадлежать к большим зданиям. Эти развалины находятся почти на всем протяжении полуострова, составлявшего древний Гераклеотический Херсонес. Местами встречаются также остатки больших башен, замечательных по громадным камням, из которых они были выстроены, складенным без смазки¹.

В 1841 г. вышел в свет VI том описания путешествия Дюбуа де Монпере². Его описание памятников Гераклеотического полуострова наиболее полное из всех предшествующих и последующих работ этого характера. Описанию предпослана геологическая, физическая и историческая характеристика самого полуострова, значительно облегчающая понимание расположенных на нем памятников. К описанию приложены многочисленные чертежи, в том числе хороший археологический план полуострова³. Этот план точно показывает основные направления размежевки полуострова по странам света и восточную границу этой размежевки вдоль западного склона Сарандинакиной балки, включая водораздел между последней и Хомутовой балкой. Крупным недостатком изданного плана, по сравнению с планом 1786 г. А. Строкова, является излишняя при таком масштабе детализация внутренней размежевки клеров в ущерб точному определению их границ. Это и помешало Дюбуа де Монпере до конца правильно осмыслить значение и характер изучаемых им памятников. Несмотря на это, он первый наиболее близко подошел к этому осмыслению, что и является крупнейшей его заслугой.

В основном, правильно указывая размеры площади полуострова (100 кв. верст), де Монпере значительно преувеличил его населенность, предполагая на этой территории до 12 деревушек и деревень, кроме 2—3 тыс. больших и малых сельских усадеб⁴. Он думал, что земли не доставало и поэтому херсонесцы разделили ее между собой. По его мнению, вся площадь полуострова была покрыта прямыми дорогами, пересекающимися под прямыми углами, независимо от рельефа местности. Некоторые из них являлись основными магистралями. Все дороги имели 15 футов ширины и были с обеих сторон ограждены стенами, ограничивающими правильные четырехугольники. На эти большие или меньшие по величине четырехугольники можно было входить с любой стороны, с любой из четырех дорог⁵.

¹ Там же, стр. 361.

² F. Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase chez Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Grimée. Paris, 1841, t. VI, Atlas, 1-re série, tab. XX, XXI, IV-c série, tab. XXVI. Немецкое издание в серии Sammlung der vorzüglichsten neueren Reisbeschreibungen, mit besonderer Beziehung auf Naturkunde, Kunst, Handel und Industrie bearbeitet. Darmstadt, 1846, — третья часть III тома. Ссылки даны по немецкому изданию.

³ F. Dubois de Montpéroux, ук. раб., Atlas, 1-e série, pl. XX. К этой же оценке пришел Л. А. Монсеев, осуществивший в течение нескольких лет основательное исследование южной части Гераклеотического полуострова. Архив ЛОИИМК, д. № 162, 1927, стр. 3 и 4, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 286: «...das mehr als 12 Weiler oder Dörfer nebst 2—3000 grossen und kleinen Land—und Lusthäusern hier hatten finden können...».

В настоящее время на полуострове известно 149 усадеб. Трудно предполагать, что их имеется более четырехсот, ибо таково максимальное количество клеров, на которых находится по одной усадьбе. Кроме того, за исключением одного пригородного поселка (С. Ф. Стржелецкий. Раскопки 1939 года у Карантина вблизи Херсонеса Таврического, Хсб., вып. IV, стр. 51 и сл., стр. 63, Крымиздат, 1948), на всем полуострове не известно ни одной древней деревни, да и места для них не оставалось при сплошной его размежевке на клеры.

⁵ Там же, стр. 286—287. В отношении величины клеров («четырёхугольников») автор не прав, ибо подавляющее их большинство имеет одинаковую площадь; см. ниже, стр. 49—50 и 54.

Дюбуа де Монпере полагал, что эти участки (клеры, С. С.) находились в частной собственности. Владельцы их строили свои жилища вдоль дорог, как бы улиц грандиозного города¹. Он высказывается за единовременный характер размежевки, учитывая строгое единство всей схемы размежевки, правильность дорог, связь с ними домов, расположенных на отдельных участках. Кроме того, связь всех дорог с Херсонесом (подразумевается Херсонес у Карантинной бухты), по его мнению, явствует, что эта размежевка произошла при второй колонизации (т. е. связана не со старым, так называемым страбовновским Херсонесом)².

Большое внимание Дюбуа де Монпере уделяет району к западу от Стрелецкой бухты³. Здесь, как он предполагал, находилась четвертая часть главных виноградников Херсонеса. Обнаруженная площадка для выдавливания сока из винограда позволила ему, в принципе совершенно правильно, представить весь процесс этой работы⁴. Он же первый выдвинул положение о большом значении виноградарства в земледелии Херсонеса, обосновав это данными о древних виноградниках полуострова и имеющейся надписью в честь Агасикла сына Ктесия. Он же зафиксировал, что плантажные стены виноградников возвышались «—nur einen Fuss über den Boden...»⁵

Не меньший интерес представляют его описания сельских усадеб, циклопической кладки с винодельнями, хлевами, кладовками и жилыми помещениями⁶. Им же отмечено практическое назначение усадеб, в которых особое внимание уделялось мощности башен⁷.

Конечно, у Дюбуа де Монпере были и ошибочные выводы. Мы уже указывали, что он преувеличивал населенность полуострова. Не оправдана и аналогия одного из сооружений усадеб с гомеровскими фолосами⁸. Таких ошибочных суждений можно привести больше, однако все они имеют второстепенный характер и понятны, если иметь в виду, что относятся еще к концу первой половины XIX столетия.

В 40-х годах того же столетия памятникам Херсонеса и Гераклеийского полуострова уделил много внимания З. А. Аркас⁹. Однако он не понял земледельческого характера памятников полуострова и принял усадьбы клеров за «строения древнего Херсонеса». В работе даѐ очень

¹ Там же, стр. 287. Как мы увидим ниже, это предположение исследователя подтвердилось дальнейшими исследованиями; см. ниже, стр. 110.

² Там же, стр. 287. Необходимо отметить, что только исключительная наблюдательность и вдумчивость может объяснить точность этих выводов. Они предваряют результаты современных исследований.

³ Обстоятельство, объяснимое исключительной сохранностью клеров этого района даже в настоящие дни, спустя более чем сто лет. Не случайно Паллас, не имея времени в первую поездку, предполагал к ним специально вернуться.

⁴ Там же, стр. 288. Атлас, серия IV, табл. XXVI в, рис. 16. Насколько нам известно, это первая попытка воссоздать херсонесский винодельческий пресс.

⁵ Там же, стр. 290. Атлас, серия IV, табл. XXVI в, рис. 13. Ссылка на Палласа позволяет понять нечеткое описание таких же стен на виноградниках клеров Мяичного полуострова. Интересно, что Дюбуа де Монпере объяснял сооружение стен необходимостью сохранения и удержания влаги.

⁶ Там же, стр. 293 и сл., атлас, серия I, табл. XXI.

⁷ Как и в целом ряде предшествующих случаев, наблюдения и выводы Дюбуа де Монпере подтверждены современными раскопками.

⁸ Напомним, что это сопоставление у де Монпере только внешнее, ибо он правильно датирует размежевку полуострова и строительство усадеб. Следует напомнить, что уже в XX веке некоторые ученые, введенные в заблуждение циклопической кладкой башен на усадьбах Гераклеийского полуострова, допускали аналогичные сопоставления с памятниками микенской культуры.

⁹ З. А. Аркас. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. ЗООИД, т. II, отдел, 1, Одесса, 1848, стр. 245 и сл.

краткий перечень основных памятников: больших зданий со стенами циклопической кладки, таких же обсервационных башен, оснований больших четырехугольных оград, заключавших в себе обработанную землю, и «фундаментов правильных дорог»¹. Очень интересна фиксация на полях, внутри указанных оград, «одичалых смоковничных деревьев и местами иссохших виноградных корней, огромной толщины». Отмечены им также плантажные стены на древних садовых участках и террасирование последних². Столь же кратко дано описание 12 усадеб клеров и двух древних бассейнов у источника в Верхне-Юхариной балке. Приложенные к описанию чертежи этих сооружений настолько схематичны, что в настоящее время не могут быть приняты для каких бы то ни было научных выводов³.

Остановил свое внимание на памятниках Гераклейского полуострова и П. Беккер⁴. По ряду вопросов он полемицировал с Дюбуа де Монпере. П. Беккер считал, что размежевка полуострова и прокладка дорог производилась постепенно, а не одновременно. По его мнению, сначала размежевке подверглась прибрежная северная часть полуострова, примыкающая к городу, а затем уже внутренняя ее часть. С последней размежевкой автор связал надпись на постаменте статуи Агасикла, поэтому равниной, на которой размежевал Агасикл виноградники, он считал внутреннюю часть Гераклейского полуострова⁵. Не согласен он и с предположением Дюбуа де Монпере, что сельские усадьбы полуострова были построены владельцами земельных участков. Больше того, он принимал их за специальные укрепления против тавров и скифов⁶. Выводы Беккера ошибочны, но здесь мы не будем заниматься их разбором, так как исследованию этих вопросов посвящено несколько разделов настоящей работы.

Две последние работы, которые относятся еще к первому периоду изучения памятников Гераклейского полуострова, принадлежат А. Фабру⁷ и Ф. Бруну⁸. Обе работы чисто кабинетного порядка. В основу первой положен труд П. И. Кеппена⁹, но описание памятников Гераклейского полуострова полностью взято у Палласа. Повторяя его, А. Фабр делает интересные дополнения, на которых мы только и остановимся. В первом случае это относится к четырехугольным полям, принимаемым «Палласом за признаки оград древних садов и полевых участков. Это вероятно так, — замечает Фабр, — потому что и ныне у новейших греков, в Морее, древнем Пелопоннise — всякий полевой участок, а уж сад и того более, непременно обнесен оградой»¹⁰. Второе замечание сделано относительно назначения зданий и башен на Гераклейском полуострове: «По мнению того же Палласа, — говорит автор, — это были башни, в которых спасались сельские жители во время набегов кочевавших в со-

¹ З. А. Аркас. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. ЗООИД, т. II, отдел I, Одесса, 1848, стр. 259—260.

² Там же, стр. 260.

³ Там же, табл. VIII и IX.

⁴ P. Becker. Die Herakleotische Halbinsel. Leipzig, 1856. Описания памятников взяты у Дюбуа де Монпере и З. А. Аркаса.

⁵ Там же, стр. 83.

⁶ Там же, стр. 56.

⁷ А. Фабр. Достопамятнейшие древности Крыма и соединенные с ними воспоминания. Одесса, 1859.

⁸ Ф. Брун. К вопросу о древней топографии Ираклийского полуострова. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России, т. I, Одесса, 1879.

⁹ А. Фабр. Ук. раб., предисловие. П. Кеппен, Крымский сборник, Спб., 1837.

¹⁰ Там же, стр. 43, ссылка на Poqueville, Voyage en Morée pendant les années 1798, 1799, 1800, 1801, т. I, p. 27.

седстве варваров, а быть может, что это и развалины загородных домов херсонитов, о которых упоминает Прокопий»¹.

Работа Ф. Бруна построена на абстрактных рассуждениях и неправильном понимании отдельных памятников Гераклейского полуострова. Основная задача автора заключалась в попытке, вопреки фактам и действительности, доказать размещение древнейшего Херсонеса к югу от бывшего Георгиевского монастыря на высоком береговом обрыве².

Начавшиеся систематические раскопки Херсонеса в 70-х годах XIX века отвлекли внимание исследователей от памятников Гераклейского полуострова. С этого времени начинается второй период дореволюционного этапа его изучения. Внимание сосредоточивается на памятниках самого города и на связанных с ним основных проблемах. Главная из них: установление времени и места основания города.

Особенно острые дискуссии вызвал вопрос о месте основания города, в связи с указанием Страбона на существование двух Херсонесов: древнего и нового, расположенных на Гераклейском полуострове³. В защиту существования «древнего» Херсонеса и точности Страбона выступил А. Л. Бертъе-Делагард. Противоположных взглядов держался К. К. Косцюшко-Валюжинич. В настоящее время общепризнано, что А. Л. Бертъе-Делагард был не прав, что с момента основания Херсонес всегда находился на западном берегу Карантинной бухты. Не вдаваясь в подробности, считаем нужным отметить, что вопрос этот окончательно не решен и на основании бесспорных фактов решается в пользу Страбона (подчеркиваем, не А. Л. Бертъе-Делагарда или К. К. Косцюшко-Валюжинича, а Страбона), ибо оба городские поселения: на перешейке Маячного полуострова и на берегу Карантинной бухты—существовали одновременно в течение IV—II вв. до н. э.⁴

А. Л. Бертъе-Делагард не занимался изучением клеров и их усадьбами⁵. Очень характерна для его взглядов противоречивая оценка самого Гераклейского полуострова: «Город, — говорил он, — владел только каменной, безводной и бесплодной своей ближайшей окрестностью и ничем более до времени Митридата»⁶. И здесь же, противоре-

¹ А. Фабр, Ук. раб., ссылка на Прокопия, De bello goth. I. IV, с. 6, de edific., p. 63. По-видимому, А. Фабр подразумевает здесь Кепы и Фанагурис, которые не имеют никакого отношения к Херсонесу и усадьбам клеров. Глава указана ошибочно (IV, 5, 27—29).

² Точка зрения Ф. Бруна не принята ни одним из последующих исследователей Гераклейского полуострова. Исчерпывающая критика этого необоснованного предположения дана А. Л. Бертъе-Делагардом в его работе — О Херсонесе. ИАК, в. 21, стр. 178—179.

³ Strab., VII, VI, 2.

⁴ В настоящем исследовании мы не затрагиваем ни этого вопроса, ни споров о местонахождении храма Девы, поскольку ни один из них не имеет к нему прямого отношения. Основная литература по вопросу о местонахождении древнего Херсонеса: А. Л. Бертъе-Делагард — Раскопки Херсонеса. МАР. XII. Спб., 1893, стр. 55 и сл.; он же — О Херсонесе. Приложение III. Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам. ИАК, в. 21. Спб., 1907, стр. 177 и сл. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Важное археологическое открытие. ИТУАК, № 13, Симферополь, 1891, стр. 55, и сл. Э. Р. Штерн. О местоположении древнейшего Херсонеса. ЗООИД, т. XIX, Протоколы, 296-е заседание общества от 30/IV-1896 г. Одесса, 1896, стр. 99 и сл.

⁵ Как известно, А. Л. Бертъе-Делагард крайне пренебрежительно оценивал памятники античного Херсонеса и, вопреки фактам, упорно отстаивал свою точку зрения на протяжении всей своей научной деятельности. Он писал: «В древнегреческий период Херсонес был весьма бедным городом, от которого поэтому никаких остатков так и не находится, кроме мелких вещей». И ниже — «Все значение для нас Херсонеса, и очень большое, лежит во временах христианских, византийских» (О Херсонесе, ИАК, в. 21, стр. 172). Это тенденциозное мнение давно опровергнуто результатами раскопок.

⁶ А. Л. Бертъе-Делагард. О Херсонесе. ИАК, в. 21, стр. 193.

ча самому себе, утверждает, что равнина, упоминаемая в надписи Агасикла¹, находилась на плоскогории «ближайших окрестностей Херсонеса, где виноградарство прекрасно развивается, и только оно одно...»². В 1910 г. А. Л. Бертъе-Делагард не решался рекомендовать Н. М. Печенкину начинать раскопки у Маяка, он предупреждал его, что «не будет показных находок», но возможны любопытные, если удастся найти некрополь. И тут же пишет, что сам бы копал, — «имея время и средства»³.

Как это ни странно, но именно А. Л. Бертъе-Делагард сделал очень много для последующего изучения памятников Гераклеийского полуострова. Но главная и неоченимая его заслуга заключается в том, что по его указанию в 1886 году классный военный топограф Тяпин выполнил точнейшую инструментальную съемку всех видимых тогда следов античной размежевки на западной половине Гераклеийского полуострова⁴. В письме Н. М. Печенкину, в 1910 г., А. Л. Бертъе-Делагард сообщает, что, давая такое указание топографу, он надеялся получить только общее направление стен, которое, конечно, верно дано на карте. Однако он тут же предупреждает, что съемку делал не археолог и издавать ее в таком виде—значит вводить в заблуждение археологов. Учитывая это, он собирается сам провести корректировку карты на месте⁵.

Вторая заслуга А. Л. Бертъе-Делагарда заключается в том, что его настойчивые указания о необходимости раскопок на Маячном полуострове для окончательного установления первоначального местоположения Херсонеса⁶ привели к организации таких работ Н. М. Печенкиным в 1910 и 1911 гг. Хотя основная задача раскопок осталась нерешенной, но зато они положили начало изучению земледелия античного Херсонеса⁷.

В 1888 г. раскопки в Херсонесе возглавила Археологическая Комиссия. Наблюдения за этими работами, а вскоре и руководство ими были поручены К. К. Косцюшко-Валюжиничу. Блестящие результаты его раскопок хорошо известны. Он доказал факт существования Херсонеса на берегу Карантинной бухты с древнейшего времени. Однако спор с А. Л. Бертъе-Делагардом увел его в сторону от объяснения известного места в географии Страбона (VII. 6. 2)), где упоминаются два Херсонеса. Острая полемика и опасение, что памятники Маячного полуострова могут ослабить его аргументацию в пользу древнего сущест-

¹ IOSPE, I², № 418.

² А. Л. Бертъе-Делагард, ук. раб., стр. 193, прим. Как мы увидим ниже, раскопки на полуострове дали археологически неповторимые примеры высокого развития античного земледелия.

³ Арх. ЛОИИМК, ф. № 27, д. № 1, док. № 3 от 27/VIII-1910 г.

⁴ Размежевка и точность ее фиксации проверены инструментальной съемкой части этого района под нашим руководством в 1955—1956 гг. на площади 82 клеров (ок. 2000 га).

⁵ Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 1, док. № 4. Это письмо и предостережение А. Л. Бертъе-Делагарда, к сожалению, стало известно нам только в самое последнее время. Увеличение части схемы съемки Тяпина было выполнено нами перед Отечественной войной. Корректировку удалось провести только после войны, начиная с 1953 г., в связи с раскопками на клерах близ Круглой бухты. В результате проверки пришлось полностью отказаться от кабинетной разбивки клеров на увеличенном чертеже, как не соответствующей действительности. К сожалению, принятая нами размежевка клеров была использована покойным В. П. Лисиним в его неопубликованной диссертации и в экспозиции Гос. Херсонесского музея, где она стала известна широкому кругу исследователей истории Северного Причерноморья и некоторыми из них была использована для научных выводов, которые, естественно, в настоящее время отпадают.

⁶ А. Л. Бертъе-Делагард. О Херсонесе. ИАК, в 21, стр. 207.

⁷ См. ниже, стр. 16 и сл.

ования Херсонеса у Карантинной бухты, привели к тому, что К. К. Косцюшко-Валюжинич стал явно устраниваться от их исследования. За 20 лет он только один раз, в 1890 г., по настоянию А. Л. Бертье-Делагарда, провел раскопки на Маячном полуострове. Как он сам пишет, «раскопки... дали блестящие результаты»¹.

С оговоркой относительно точности Страбона, под давлением добытого археологического материала он писал: «Я позволю себе думать, что этот древнейший город находился там сравнительно не долго, был в это время малолюднен и беден и около III века до Р. Х. был уже на новом месте»².

К. К. Косцюшко-Валюжинич не выполнил в дальнейшем своего обещания и указания Археологической Комиссии, он не продолжил начатых им работ на Маячном полуострове. Более того, материалы раскопок 1890 г. изданы очень суммарно, а чертежи боевых стен города на перешейке полуострова даже не опубликованы. Что касается площади к северу от городских стен, то она осталась им не понятной: «От второго вала тянется на запад (на север, С. С.), по направлению к Маяку, ровная местность, покрытая остатками осыпавшихся каменных оград, которые разделяли ее на множество, правильной формы, площадок, иногда настолько узких (виноградники с плантажными стенками, С. С.), что значение их делается решительно непонятым»³.

В 1907 г., получив сообщение об открытии какого-то здания во время плантажных работ на винограднике у Круглой бухты К. К. Косцюшко-Валюжинич послал туда своего нештатного помощника В. Рота⁴.

Усадьба клера, или, как ее называет К. К. Косцюшко-Валюжинич, загородная дача, IV в. до н. э., была квадратная (18,00×18,00 м). Как и все усадьбы клеров, она ориентирована углами по странам света. Если можно верить плану, усадьба имела два двора. К юго-западному примыкали три помещения, к северо-восточному — по крайней мере четыре помещения. Насколько правильно воссоздан план В. Ротом, трудно сказать. Удивляет отсутствие башни.

К моменту приезда В. Рота остатки усадьбы были сильно разрушены. Во время плантажных работ и пятидневных раскопок найдены различные вещи, судя по описанию, только эллинистического времени. Среди них: обломки грубо сделанных известняковых колонн, одна такая же база и два дверных порога, обломки чернолаковых сосудов (один с накладным орнаментом), 4 амфорные ручки с клеймами: три херсонесских (на двух имена Сотата, Филиппа; на третьей клеймо сбито) и одна синопская (?); бронзовые монеты: на двух — воин со щитом, на обратной стороне — квадрига; на третьей — Артемида, на обратной стороне — грифон, чиновник — Филистий; на четвертой — Артемида, поражающая лань, на обратной стороне — бык, чиновник — Сириск. По словам рабочих, ими было разбито много больших амфор.

Вышедшая в свет в 1907 г. большая работа А. Л. Бертье-Делагарда вновь сосредоточила внимание археологов на проблеме страбонов-

¹ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Важное археологическое открытие в Крыму. ИТУАК, № 13, стр. 58.

² Там же, стр. 61, то есть для него не было сомнения, что расследованное им поселение являлось городом, хотя и бедным и малолюдным.

³ Там же, стр. 58.

⁴ Арх. ГХМ, д. № 41, док. № 572, от 8 марта 1907 г.; д. № 16, лист 1-й. Приложение — схематический план сооружения на кальке, в масштабе 1:100. Фотографий нет. Производили ли раскопки здания, хотя бы в присутствии В. Рота — остается неизвестным.

ского Херсонеса¹. В 1910 г. и 1911 г. Н. М. Печенкин организовал крупные археологические изыскания на Маячном полуострове. К сожалению, он опубликовал только краткий отчет за 1910 г.² Остальные материалы хранятся в архивах, а частично затеряны³.

Основной задачей этих археологических исследований являлись поиски так называемого страбоновского Херсонеса. Несмотря на большой размах работы⁴, Н. М. Печенкин не сумел правильно осмыслить полученные материалы и факты. В 1910 году он называет стены на перешейке Маячного полуострова оборонительными, но всегда берет это определение в кавычки⁵. В 1911 году кавычки опускается⁶. Несмотря на авторитетное указание М. И. Ростовцева, что открытые им памятники на полуострове представляют не городские сооружения, а сельские клеры с усадьбами⁷, Н. М. Печенкин писал: «Произведенная разведка выяснила, что на всем полуострове (подчеркнуто нами, С. С.) от «оборонительных» стен до Маяка имеются остатки значительного древне-греческого поселения»⁸. В отчете за 1911 г. он это повторяет⁹. Однако выше Н. М. Печенкин делает исключительно важный вывод, вытекающий из новых наблюдений, раскопок Р. Х. Лепера на усадьбе, подсобной раскопанным у Маяка, раскопок у Маяка, раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича у Круглой бухты в 1893 г., которые дали те же результаты¹⁰, разведки вблизи «Каранского кургана», проведенной вместе с Лепером, и, главным образом (подчеркнуто нами, С. С.), карты окрестностей Севастополя¹¹. Цитируем этот вывод, учитывая его важность.

«Теперь позволю себе... утверждать, — говорит автор, — что исследованное мною в районе Казачьей бухты поселение не ограничивается указанным районом. Оно занимало огромную площадь в несколько десятков квадратных верст от маяка до шоссе из Севастополя в Балаклаву и везде имеет один и тот же определенный характер. Дома-усадьбы расположены в некотором расстоянии друг от друга, в середине участка, ограниченного стенами, или примыкая к улице-дороге. Усадьбы имеют оборонительный характер; такой же характер имеют и улицы-дороги в районе Маяка, в большинстве ведущие в за-

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. О Херсонесе. ИАК, в. 21. Работа заканчивается словами, призывающими к новым раскопкам у «Казачьей бухты и по всему полуострову до Маяка».

² Н. М. Печенкин. Археологические разведки местности страбоновского старого Херсонеса. ИАК, в. 42, СПб. 1911 г., стр. 198 и сл.

³ Рукописные материалы. Архив ГХМ. Разыскания на местности предполагаемого древнего Херсонеса, дело № 182. Дневник раскопок в 1910 году старого Херсонеса, дело № 184. Архив ЛОИИМК, фонд № 27. Археологические разведки в местности страбоновского древнего Херсонеса. Работа 1911 года, дело № 10. Археологические разведки в местности страбоновского старого Херсонеса, дело № 14. Дневник (беловой) раскопок 1910 и 1911 гг. на месте старого Херсонеса, дело № 5. Чертежи, планы и карты к раскопкам Н. М. Печенкина 1910—1911 гг., дело № 8. Описание находок из раскопок Н. М. Печенкина на месте старого Херсонеса в 1910 и 1911 гг., дело № 6. Клейма с ручек амфор, черепиц и пифосов из раскопок Н. М. Печенкина на месте старого Херсонеса в 1910—1911 гг., дело № 7. Переписка в связи с раскопками Н. М. Печенкина на месте Херсонеса, 1908—1912 гг., дело № 1. Материалы к истории древнего Херсонеса, дело № 4.

⁴ А может быть и вследствие его, поскольку Н. М. Печенкин не был подготовлен к таким археологическим раскопкам.

⁵ Н. М. Печенкин, ук. раб. ИАК, в. 42, стр. 126.

⁶ Арх. ЛОИИМК, ф. № 27, д. № 14.

⁷ Об этом ниже, стр. 18, прим. 7.

⁸ ИАК, в. 42, стр. 126.

⁹ Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. 14, лист 14.

¹⁰ Вероятно, ошибка в указании года. См. выше, стр. 16.

¹¹ Карта 1886 г. работы Тяпина, см. выше, стр. 15.

щищенное двумя оборонительными стенами пространство. Земля участков тщательно обрабатывалась, главным образом, под виноградники, на что имеются прямые указания»¹. В дальнейшем Н. М. Печенкин ставил перед собою задачу — «Тщательного изучения открытого военно-сельскохозяйственного поселения, однородного на громадном пространстве...»²

Несмотря на ряд крупных недостатков в полевой работе³ и неправильных выводов, основная линия планируемых исследований была намечена правильно, а достигнутые результаты трудно переоценить⁴. Если Дюбуа де Монпере, в результате обследования Гераклеийского полуострова, первый подошел наиболее близко к открытию клеров⁵, то Н. М. Печенкин впервые обнаружил их археологическим путем. Не случайно его раскопки привлекли внимание ряда научных обществ России⁶, а материалы этих раскопок получили правильную оценку, как крупное научное открытие, у М. И. Ростовцева⁷.

Этими археологическими открытиями Н. М. Печенкина завершается первый, дореволюционный этап изучения памятников Гераклеийского полуострова⁸. Эти же открытия способствовали широкому размаху исследований на втором их послереволюционном этапе.

На втором этапе, сразу же после окончательного утверждения в Крыму Советской власти, памятникам Гераклеийского полуострова уделяется большое и, самое главное, систематическое внимание. Начиная с основания Севастопольского музея краеведения (1923 г.), в течение 20-х годов была проведена исключительно большая работа по учету, составлению планов и описанию так называемых гераклеийских башен (усадб клеров) молодыми краеведами под руководством П. П. Бабенчикова⁹.

В итоге этой работы к концу 20-х годов на учет было взято свыше восьмидесяти памятников и составлена археологическая карта полуострова¹⁰. Параллельно, а зачастую и совместно, эту же работу прово-

¹ Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. 14, л. 13.

² Там же, л. 14. Эту задачу Н. М. Печенкин не успел осуществить.

³ Главный из них: раскопки без учета стратиграфии.

⁴ См. ниже, гл. II, которая вообще могла быть написана только благодаря работам Н. М. Печенкина. Там же дан разбор памятников и выводов их исследователя.

⁵ F. Dubois de Montpère, ук. раб., стр. 287.

⁶ См. «Записки» класс. отд. ИРАО, т. VII, стр. 192; ИАК, приб. к в. 42, стр. 4; ИТУАК, № 47, приложения, стр. 41; «Записки» класс. отд. ИРАО, т. VIII, стр. 204; ИАК, приб. к в. 44, стр. 145; ИАК, приб. к в. 46, стр. 4—5.

⁷ ИАК, приб. к в. 46, стр. 4—5; М. И. Ростовцев. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи. Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, примечание на стр. 8.

⁸ Раскопки Р. Х. Лопера на Маячном полуострове накануне первой империалистической войны осуществлены с вопиющим нарушением методики полевого исследования. За исключением небольшой, неполной описи находок, фиксация раскопок и их результатов абсолютно не велась. Об этих работах сохранилась только небольшая информация Л. А. Монсеева, см. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 68—70.

⁹ Благодаря большому организаторскому и педагогическому таланту П. П. Бабенчикова, его глубокому знанию и любви к истории и историческим памятникам Крыма, вокруг него всегда находилась большая группа севастопольской молодежи, которая под его умелым руководством и осуществляла археологическую разведку всего юго-западного Крыма. П. П. Бабенчиков не опубликовал ни одной работы по археологии Крыма, однако, щедро передавая молодежи свои знания и опыт полевого работника, воспитал значительную группу археологов и историков (См. Бюл. № 6, Конфер. археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. (Неопубликованные работы по археологии П. П. Бабенчикова и его работы совместно с В. П. Бабенчиковым и Н. И. Репниковым — «Гераклеийский сборник», гл. 3, Описание памятников. Арх. ЛОИИМК, ф. № 35, оп. 2, арх. № 452).

¹⁰ Основная работа выполнена сотрудниками сектора истории материальной культуры Севастопольского музея краеведения, в которую входили: А. Бернштам, Б. Вей-

дил Государственный Херсонесский музей под руководством К. Э. Гриневича.

Много внимания уделил памятникам Гераклеийского полуострова Л. А. Моисеев¹. К сожалению, многолетняя его работа шла по неправильному пути и излагаемые им выводы ввели в заблуждение ряд исследователей, занимающихся изучением истории Херсонеса.

В 1924 г. Л. А. Моисеев высказал предположение, что «Гераклеийские башни» являются памятниками строительства тавров-эхейцев, прибывших на Гераклеийский полуостров в XII—XI вв. до н. э., и связал их с памятниками Микенской культуры². Так как раскопки И. Н. Бороздина (1924 г.) и К. Э. Гриневича (1928—29 гг.) не вскрыли полностью эти сооружения, Л. А. Моисеев считал вопрос о датировании их нерешенным³. В действительности же эти археологические раскопки доказали неприемлемость предложенной им даты. Раскопки В. П. Лисина и А. К. Тахтая в 1937 г.⁴, а также наши раскопки 1950—1956 гг. еще раз это подтвердили.

Вторая крупная ошибка Л. А. Моисеева заключалась в неправильном осмыслении основных памятников полуострова. Разрушенные межевые стены клеров приняты им за каптажные канавки⁵. Дороги между клерами — за каменные ложки-водостоки, а остатки заборов клеров по сторонам дорог — за фланговое завершение этих водостоков⁶. По его подсчету протяженность насыпей Гераклеийского полуострова (разрушенных межевых стен, С. С.) составляла около 200 км. Ему представлялось, что эти насыпи являлись «вероятно той главной дренажной сетью полуострова», при помощи которой орошались виноградники⁷. Дренажная система дополнялась каптажными сооружениями и конденсаторами⁸. К этому типу сооружений был причислен и ряд усадеб. Так Л. А. Моисеев считал, что двубашенная вилла № 14⁹ «служила, по-видимому, водокатной станцией одной из линий Херсонесского водопровода»¹⁰. «От нее, — говорит он, — отходит двойная

марн, Е. Веймарн, Г. Волобуев, Г. Кулагин, С. Стржелецкий, В. Чепелев, А. Шишмарев и др. В 30-х годах чертежные материалы были систематизированы Е. Веймарном для «Гераклеийского сборника», подготовляемого к печати Институтом истории материальной культуры АН СССР. Арх. ЛОИИМК, ф. № 35, оп. 2, арх. № 452.

¹ Доклад на заседании историко-этнологического отд. Всесоюзной Ассоциации Востоковедения. 1924 г., Труды отделения археологии, I, РАНИОН, М., 1926, стр. 48—49; Доклад на конференции археологов СССР в Керчи, 10 сент. 1926 г., Бюлл. конференции № 6, Керчь, 1926; Л. А. Моисеев, Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеийском полуострове, «Записки Крым. Об-ва естеств. и любит. природы», т. IX, Симферополь, 1926, стр. 115—122; Рукописи: Обследование системы древней ирригации и мелиорации в районе Севастополя и Евпатории в 1927 г. Арх. ЛОИИМК, 1927, д. № 151; Отчет о работе партии Л. А. Моисеева в Севастопольском районе Крыма летом 1927 г. (Детальное обследование древних гидротехнических сооружений). Арх. ЛОИИМК, 1928, д. № 162; Общая сводка работ Л. А. Моисеева по Гос. Академии истории материальной культуры (май 1927 г. по октябрь 1928 г.). Арх. ЛОИИМК, 1928, д. № 162; Некоторые положения о деревне и экономике древнего Херсонеса, 30-е годы, Арх. ГХМ, д. № 679.

² Труды отд. археол., I, РАНИОН, М., 1926, стр. 48—49, Арх. ГХМ, д. 679, лист 4.

³ Л. А. Моисеев. Следы ирригации... «Записки Крым. Общ. естеств.», т. IX, 1926, стр. 115; Арх. ГХМ, д. № 679.

⁴ В. П. Лисин. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. ВДИ, № 2, 1939.

⁵ Л. А. Моисеев. Следы ирригации... «Зап. Крым. Общ. естеств.», т. IX, 1926, стр. 116 и 117.

⁶ Там же, стр. 116—117; Арх. ЛОИИМК, д. № 162, 1928, стр. 6.

⁷ Арх. ЛОИИМК, 1928, д. № 162, стр. 14.

⁸ Там же, стр. 8, 12 и 14.

⁹ Нумерация принадлежит Л. А. Моисееву.

¹⁰ Арх. ЛОИИМК, 1928, д. № 162, стр. 12.

валообразная насыпь с ложком между ними»¹. В действительности ничего соответствующего описанию нет. Прежде всего это не одно, а два сооружения, — две обычные усадьбы двух соседних клеров, каждая со своей башней. Обе усадьбы построены вдоль дороги между их клерами, которая действительно идет до самого моря между Стрелецкой и Круглой бухтами на протяжении почти 10 км².

Не соответствует действительности и следующее «наблюдение» Л. А. Моисеева относительно башен усадеб: «Нам удалось установить, что многие из них (башен, С. С.) включают внутри себя водоемы, а на поверхности руин их замечаются обломки гончарных водопроводных труб». И ниже — «Итак... мы думаем, что башни эти... играли роль хранилищ запасов воды для нужд их прежних или новых владельцев, а может быть и самого города-государства, некоторые же из них, как будет видно ниже, вероятно, вошли в системы водопроводной сети Херсонеса»³. Прежде всего следует отметить, что раскопки десяти таких башен не подтвердили этого предположения. Во-вторых, не исключены находки обломков водопроводных труб на отдельных усадьбах, расположенных неподалеку от городской водопроводной сети Херсонеса. Однако нельзя забывать, что эта сеть сооружена в начале нашей эры, а усадьбы с их башнями — на рубеже IV—III вв. до н. э.⁴

В результате такой интерпретации памятников Л. А. Моисеев воссоздает совершенно нереальную картину изобилия воды на Гераклеийском полуострове в III—II вв. до н. э.: «Тогда зеленеющие верхушки садов и доминирующая над всем масса виноградников чередовалась с золотистыми волнами пашен, а в зимнее и весеннее время террасы их разделялись шумными потоками вод, ниспадавшими по каменным ложкам водотехов в устроенные в лощинах цистерны»⁵.

Отмеченные нами ошибочные положения Л. А. Моисеева отнюдь не умаляют значения других сторон его многолетней работы на Гераклеийском полуострове. Важно начатое им исследование водопроводов позднеантичного и средневекового Херсонеса⁶. Очень важны обмеры клеров в южной части Гераклеийского полуострова, установившие их размеры (630×420 м)⁷. Его топографические работы дополнили планы А. Строкова и Дюбуа де Монпере и подтвердили их правильность⁸. Эти работы являются твердой основой для научного определения размежевки клеров на всей площади Гераклеийского полуострова и установления общего их количества.

Исследователь правильно отмечает отсутствие башен на усадьбах

¹ Арх. ЛОИИМК, 1928, д. № 162, стр. 13. Как мы видели выше, эти ложки служили «водостоками».

² Обе эти усадьбы именуется «Близнецами» и расположены на водоразделе Верхне-Юхаринной и Бермановской балок.

³ Л. А. Моисеев. Следы ирригации... «Записки Крым. Общ. естеств.», т. IX, стр. 116. На сто лет раньше такое предположение было высказано митрополитом Евгением, см. выше, стр. 10.

⁴ Лично нам, в итоге обследования около 150 усадеб херсонесских клеров, удалось зафиксировать обломки водопроводных труб только на одной, — на клере № 33, на берегу Камышевой бухты. Обломки поздние, возможно, даже не античного времени.

⁵ Ук. раб., стр. 117—118. Эта картина столь же далека от действительности, как и связь «башен» усадеб херсонесских клеров с микенской культурой. Вынуждены подчеркнуть это обстоятельство, поскольку в печати пока еще не вскрывалась ошибочность взглядов Л. А. Моисеева, и эти взгляды нашли отражение в работах, авторы которых не могли проверить их соответствие с действительностью.

⁶ Ук. раб., стр. 118 и сл.

⁷ Арх. ЛОИИМК, 1928, д. № 162, стр. 6.

⁸ Там же, стр. 3—5, стр. 13.

клеров Маячного полуострова, раскопанных Н. М. Печенкиным и, что очень важно, на вилле, раскопанной им же в 1917 г. близ Мойнакского озера¹. Не лишены интереса аналогии башням на Гераклеяском полуострове башен на Ближнем Востоке. Они указывают на широкое географическое распространение строительства их на сельских усадьбах в древности². Правильно отмечается преобладающее значение виноградарства в земледелии античного Херсонеса³.

Следствием доклада Л. А. Моисеева в 1924 г. явилась экспедиция Научной Ассоциации Востоковедения СССР, которая под руководством проф. И. Н. Бороздина и проф. А. С. Башкирова «поставила своей задачей путем углубленных археологических разведок выяснить основные типы загадочных сооружений Гераклеяского полуострова и определить их хронологию»⁴.

Работы проводились на двух усадьбах: в Александриаде и на северо-восточном склоне Верхне-Юхариной балки. В первом случае раскопана башня усадьбы, во втором только вход в такую же башню. К сожалению, полный отчет о раскопках не издан до настоящих дней.

На основании опубликованных кратких сведений, главным образом небольшого плана, и нескольких фотографий очевидно, что на усадьбе в Александриаде было несколько строительных периодов. Так как раскопана всего лишь одна башня, то нельзя пока ничего определенного сказать о плане всей усадьбы, хотя бы одного из строительных периодов.

Вторая задача разведки оказалась достигнутой. Раскопки на обеих усадьбах дали материалы не древнее III в. до н. э.⁵ Это обстоятельство устраняло предположение о дохерсонесском происхождении башен. Кроме того, И. Н. Бороздин правильно отметил связь раскопываемых им сооружений с окружающими их виноградниками.

Раскопки 1924 г. сосредоточили внимание исследователей на памятниках полуострова и поставили их перед необходимостью решения основной задачи: изучения экономики античного Херсонеса, его сельского хозяйства. Раскопки активизировали разведочные работы по учету и охране памятников полуострова Государственного Херсонесского музея и Севастопольского музея краеведения⁶.

В 1928 г. Херсонесский музей, под руководством К. Э. Гриневича, начал раскопки одного из хозяйственных комплексов в Бермановской балке. В 1929 г. эти раскопки были продолжены и начаты еще на

¹ Арх. ГХМ, д. № 679, л. 4.

² Там же, л. 10, из этих аналогий приведем цитату Л. А. Моисеева из евангелия Марка (12, 1): «Некий человек посадил виноградник и обнес оградой и вырыл точно и построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился». Здесь же Л. А. Моисеев делает совсем неожиданное предположение относительно сооружения этих башен для явления винограда.

³ Там же, л. 7—8; Л. А. Моисеев. Следы ирригации... «Зап. Крым. Общ. естеств.», IX, стр. 117.

⁴ И. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму. М., 1925, стр. 12. Предварительный отчет; то же, журнал «Новый Восток», № 1(7), 1925; он же. К вопросу о хронологической датировке памятников Гераклеяского полуострова. Труды отд. археологии. РАНИИОН, т. I, М., 1926, стр. 47—50, а также стр. 90 и 92; он же. Некоторые социологические предпосылки изучения древностей юга СССР. Труды отд. археологии. РАНИИОН, т. I, 1927, стр. 136—147. См. также архив ЛОИИМК, дело № 112 за 1924 г. и № 203 за 1926 г.

⁵ И. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму, стр. 29; он же. К вопросу о хронологической датировке памятников Гераклеяского полуострова. Труды отд. арх. РАНИИОН, т. I, стр. 50.

⁶ См. выше, стр. 18 и сл.

двух соседних комплексах¹. Однако ни на одном из комплексов работы не были доведены до конца.

В 1930 г. раскопки были перенесены на Маячный полуостров и продолжены в 1931 году². Результаты их подтвердили выводы Н. М. Печенкина и дали материалы IV—II вв. до н. э.³ Однако и этот комплекс остался недоследованным.

Раскопки в Бермановской балке проведены «квадратно-послойным методом вскрывания почвы»⁴, с тщательной фиксацией в чертежах, фотографиях и дневнике. Материалы поступили в фонды и архив Государственного Херсонесского музея. К сожалению, вследствие применения квадратного метода и отсутствия чертежей сооружения, соответствующих его различным строительным периодам, нам не удалось свести в один комплекс археологический материал по помещениям, принадлежащим к одному и тому же времени. Таким образом, не удастся расчленить общий генеральный план по периодам и поэтому нельзя представить себе плана сооружения в целом и взаимосвязи его различных помещений. Положение усугубляется неясной характеристикой стратиграфии слоев этого сложного памятника, существовавшего в течение, по крайней мере, семнадцати веков и претерпевшего за это время целый ряд кардинальных перестроек⁵.

Обследование памятника на месте устанавливает, что раскопками 1928—1929 гг. обнаружена усадьба одного из клеров южного района Гераклеийского полуострова с многочисленными хозяйственными и жилыми помещениями, с мощной пирамидальной башней. Интересно отметить наличие на усадьбе винодельни, по-видимому, недокопанной, от пресса которой обнаружен *in situ* большой каменный груз⁶.

В указанной статье К. Э. Гриневич обобщает результаты раскопок двух лет и предлагает читателю опыт социально-экономической характеристики открытого памятника, а через него памятников всего Гераклеийского полуострова. Так, усадьбы клеров полуострова все еще являются загадочными сооружениями, «дата которых восходит к эпохе IV—III вв. до нашей эры, а может быть на столетие и раньше»⁷. Все эти сооружения снабжались водой посредством водопровода и соединены друг с другом рядом стен, которые идут на территории всего полуострова⁸.

Если с первым положением еще можно с оговорками согласиться, то последние два не соответствуют действительности. В особенности последнее, ибо каждая усадьба клера не соединяется с другими, а изолируется от других внешними оградами этих клеров.

---

¹ К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклеийской экспедиции 1928 г. Предварительный отчет с описанием архитектурного комплекса, «Крым», 2(8), М.-Л., 1928, стр. 34—71; он же. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклеийской экспедиции (7 авг. — 4 сент. 1929 г.). Севастополь, 1929; он же. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района, «Крым», № 2(10). М.-Л., 1929, стр. 38—50.

² К. Э. Гриневич. Исследование подводного города в 1930—31 гг. близ Херсонесского Маяка. М., 1931.

³ См. ниже, стр. 40 и сл.

⁴ «Крым», № 2(8), 1928, стр. 35.

⁵ Характеристику слоев см.: К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклеийской экспедиции 1928 года. «Крым», № 2(8). 1928, стр. 43—47; он же. Отчетная выставка... стр. 7, 23 и сл. См. также В. Д. Блаватский, Земледелие., стр. 123 и 124.

⁶ К. Э. Гриневич. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района. «Крым», № 2(10), 1929 г. План после стр. 48, пом. № 15, рис. 2, груз обозначен буквой «а», стр. 48.

⁷ Там же, стр. 43.

⁸ Там же страница, выше.

В этой же балке экспедицией были раскопаны еще две башни усадеб соседних клеров. К. Э. Гриневич, полагая, что с основным комплексом их связывала одна стена, пришел к следующему выводу: «Неосомненно одно: все эти сооружения являются произведениями не только одной эпохи, но, быть может, осуществлением единого плана эксплуатации не защищенной от врагов местности путем системы блок-постов»¹. Свою статью он заканчивает так: «Ясно одно: не может быть случайным единство плана и техники стройки во всей сотне древних памятников... перед нами следы государственной системы ведения сельского хозяйства»².

Действительно, все усадьбы относятся к античной эпохе, однако, как показали последние исследования, никакой государственной системы не составляют, не имеют единой техники строительства и, возможно, не имеют единства планов. Клеры и их усадьбы являлись частной собственностью граждан Херсонеса, поэтому нельзя согласиться с характеристикой раскопанного в балке Бермана комплекса (усадеб) как одного «из тех шупальцев» державного Херсонеса, посредством которых община вела свое сельское хозяйство, выкачивая из земли продукты питания»³.

Несколько слов относительно центрального сооружения — башни усадьбы в Бермановской балке. Прежде всего следует отметить, что башня первоначально не являлась центральным сооружением, а выступала снаружи усадьбы, с ее северо-восточной стороны, на 2 метра.

Только в результате многочисленных перестроек и расширения усадьбы она оказалась включенной в ее внешнюю ограду.

Во-вторых, с самого же начала существования это сооружение являлось башней и никогда не представляло собою святилище⁴, как говорит К. Э. Гриневич. Весьма правдоподобно, что ниши, сохранившиеся в ее юго-восточной стене, имели культовое назначение. Однако это не дает основания считать саму башню культовой, ибо ниши сделаны в наружной стороне ее и находились, таким образом, не в ней, а в примыкающем к ней помещении усадьбы, которое и могло быть культовым.

Заканчивая, следует отметить, что К. Э. Гриневичем впервые была четко поставлена исследовательская задача, направленная на выявление основ экономической жизни античного Херсонеса⁵. Эта задача явилась основным стержнем всех последующих археологических исследований на Гераклеюском полуострове.

В 1932 г. Н. М. Янышев составил описание 66 памятников — усадеб клеров Гераклеюского полуострова⁶. Этой работой подводился итог всех предшествующих разведок Государственного Херсонесского музея по учету древних памятников, в которых Н. М. Янышев принимал активнейшее участие. В настоящее время это описание сильно устарело и неполно; чертежи требуют значительной правки⁷.

---

¹ К. Э. Гриневич. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района. «Крым», № 2(10), 1929, стр. 46.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 45.

⁵ Там же, стр. 43.

⁶ Н. М. Янышев. Краткое описание древних сооружений, находящихся на Гераклеюском полуострове, 1932, Архив ГХМ, д. № 476.

⁷ В настоящее время зарегистрировано 149 усадеб, в 2,5 раза больше, чем это было известно Н. М. Янышеву.

В 1937 г., в связи с новостройками на Гераклеяском полуострове, Государственным Херсонесским музеем раскопаны две усадьбы: у Камышевой и у Стрелецкой бухт¹. Раскопками усадьбы у Камышевой бухты руководил В. П. Лисин². Прежде всего необходимо отметить, что в итоге работ была впервые полностью раскопана одна из усадеб полуострова. Вероятнее всего, значительная часть усадьбы была уничтожена уже в новое время. По мнению автора, основание усадьбы относится к III в. до н. э. и, судя по материалу, с этим датированием можно согласиться. В конце II в. до н. э. усадьба была разрушена и от нее сохранился только фундамент стены одного из помещений³. Усадьба была вновь сооружена лишь в I в. н. э., несколько раз перестраивалась и перестала существовать не позже, чем в IV в. н. э.⁴. Значение этой раскопанной позднеантичной усадьбы, пока единственной на Гераклеяском полуострове, не может быть преувеличено. Памятник раскрыт с соблюдением всех правил археологической методики.

Раскопками у Стрелецкой бухты была открыта вторая усадьба, существовавшая с середины III в. до н. э. по I в. н. э.⁵. По мнению А. К. Тахтая, сооружению усадьбы предшествовал «рыбный завод», существовавший с конца IV в. до середины III в. до н. э. Для доказательства приводятся фотографии и чертежи «рыбозасолочных ванн» в виде крупных, неправильной формы, лунок в скале без всяких следов вырубки и скорее всего напоминающих естественные углубления.

Усадьба, относящаяся к первому строительному периоду, по мнению А. К. Тахтая, была разрушена в конце II — начале I в. до н. э. Стены второго строительного периода почти не сохранились. Остатки их носят явно выраженный оборонительный характер. Исследователь считал, что этот строительный период «отличается новостройками, большей частью, монументального стиля и особой техники»⁶.

Дата начала существования усадьбы — конец IV в. до н. э. (включая и «рыбный завод») и ее окончательное разрушение в I в. н. э. подтверждается материалами раскопок. Правильно дана интерпретация сооружения, как сельскохозяйственной усадьбы и связь ее с окружающими межевыми стенами отдельных полевых участков.

Во второй половине 30-х годов в ИИМК АН СССР была сделана попытка подытожить все предшествующие исследования на Гераклеяском полуострове выпуском специального «Гераклеяского сборника». К началу войны сборник был подготовлен⁷.

Первая глава (автор — В. П. Бабенчиков) дает сжатое описание Гераклеяского полуострова. Вторая (автор Н. И. Репников) представляет исчерпывающий обзор исследований, посвященных памятникам

¹ В. П. Лисин. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. ВДИ, № 2, 1939, стр. 137—140. Автор неправильно именует раскопанные и разведанные в этом районе усадьбы — поселениями.

² В. П. Лисин, ук. раб.; он же. Отчет об археологическом исследовании древних памятников на Гераклеяском полуострове в районе Камышевой бухты в 1937 г. Арх. ГХМ, д. № 530, 536 и 537.

³ Там же, стр. 133—139.

⁴ Там же, стр. 139—140. См. подробное описание усадьбы ниже, гл. VIII, стр. 142 и сл.

⁵ В. П. Лисин, ук. раб., стр. 137—138. Обзор составлен по полевому дневнику А. К. Тахтая, Арх. ГХМ, д. № 437.

⁶ Там же, стр. 138.

⁷ «Гераклеяский сборник». Арх. ЛОИИМК, ф. 35, оп. 2, арх. № 452. Сборник состоит из нескольких глав и приложений, написанных тремя авторами: В. П. Бабенчиковым, П. П. Бабенчиковым и Н. И. Репниковым.

полуострова, но перегружена подробностями и по объему представляет половину всего сборника (около 7 печ. листов). Третья глава (авторы: В. П. и П. П. Бабенчиковы и Н. И. Репников) дает описание восьмидесяти шести усадеб клеров и около 20 пещер. Описание составлено по материалам Севастопольского музея краеведения и в настоящее время требует существенных дополнений.

Среди приложений особенно интересна для археологов работа П. П. Бабенчикова — «Мнимые археологические памятники Гераклейского полуострова», в которой перечислены различные остатки строительства нового времени, начиная с 1783 г. Дополнением к ней является статья В. П. Бабенчикова — «Загадочные «каменные круги» Гераклейского полуострова», в которой освещается геологическое происхождение нубекуляриевых желваков среднего сармата, принятых некоторыми путешественниками XIX в. за искусственные сооружения.

Сравнительно небольшая статья Н. И. Репникова — «Легенда о «подводном городе» посвящена подводным работам К. Э. Гриневича близ Херсонесского маяка. Автор категорически возражает против существования такого города.

Следующее приложение — «Извлечение из предварительного отчета Н. М. Печенкина: «Археологические разведки в местности страбоновского древнего Херсонеса в 1911 году» — принадлежит также Н. И. Репникову. Учитывая немалое научное значение раскопок Н. М. Печенкина, открывшего херсонесские клеры и их усадьбы на Маячном полуострове, следовало бы полностью дать его отчет с приложением дневника, описи материала и т. д. Представленное «Извлечение», несмотря на его значительный объем, не может заменить документов Н. М. Печенкина.

Памятникам доантичной поры посвящена только одна статья: «Уч-Баш» — городище родового общества «таврской» поры на Гераклейском полуострове», в которой П. П. Бабенчиков дает краткое описание самого городища, его оборонительной стены и описание находок с этого поселения.

Кроме перечисленных материалов, «Гераклейский сборник» включает одно исследование: «Памятники аграрного устройства автономного Херсонеса». Не вдаваясь в подробный разбор ряда интересных выводов автора статьи Н. И. Репникова, заметим, что в свете последних раскопок она устарела. Интерпретация автором аграрных памятников Гераклейского полуострова основана на видимых на поверхности земли остатках усадеб его клеров и недокопанной усадьбы в Бермановской балке. Как показали раскопки, эти поверхностные остатки совершенно не раскрывают ни плана, ни характера памятников. Статья посвящена автономному периоду Херсонеса (IV—II вв. до н. э.), видимые же остатки усадеб, на которых основывает свои выводы Н. И. Репников, в большей части относятся уже к позднеантичному времени. Кроме того, эти усадьбы (фактически даже не усадьбы, а только их башни) не связаны с клерами, которые и составляют основную, самую существенную группу аграрных памятников Гераклейского полуострова. Все это, однако, не снижает ценность многих правильных замечаний и выводов Н. И. Репникова относительно виноградарства, террасирования полевых участков, мероприятий по охране почвенного слоя и датирования усадеб.

Перед самой войной, независимо от «Гераклейского сборника», написаны еще две работы по истории земледелия античного Херсонеса:

«К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом»¹ и «Античные хозяйства в районе Камышевой бухты (I—IV вв.)»². В первой работе ее автор — Е. Г. Суrow, на основании надписи на постаменте статуи Агасикла и археологического материала, приходит к выводу, что виноградарство и виноделие играли ведущую роль в экономике Херсонеса. Он считал, что виноградарство постепенно распространяется на всю территорию Гераклейского полуострова, начиная со времени основания Херсонеса (что в известной степени подтвердилось последующими исследованиями). Кстати, отметим, что Е. Г. Суrow подразумевает под «равнинной», упомянутой в надписи Агасикла, — Гераклейский полуостров.

Большое внимание в работе уделено межам и валам на полуострове (стр. 114 и сл.). В настоящее время описание их конструкции и, в значительной степени, попытка объяснения причин возникновения — устарели. Интересно, что автор так и не пришел к определенному выводу, возникали ли эти межевые стены одновременно или постепенно.

Ни в коем случае нельзя согласиться с предлагаемой автором методикой определения сорта винограда, выращиваемого в древности на полуострове. Этот метод категорически отрицают специалисты-виноградари. Кроме того, Е. Г. Суrow сравнивает изображение современного винограда с изображениями на мраморных барельефах, изготовление которых в Херсонесе не доказано и мало вероятно.

Большой удачей автора является обнаружение чертежей М. И. Скубетова в архиве Херсонесского музея, которые позволили ему восстановить облик винодельческих прессов и процесс виноделия на херсонесском конкретном материале. Правда, новые открытия на Боспоре и в Херсонесе после написания работы внесли существенные коррективы как в представление прессов, так и их характеристику и датирование.

Очень существенна в работе правильная интерпретация так называемых башен Гераклейского полуострова как хозяйственных, так и жилых зданий, принадлежащих частным владельцам.

Работа заканчивается освещением сбыта вина на основании распространения клейменных херсонесских амфор по материалам Б. Н. Гракова, чем бесспорно устанавливается товарный характер херсонесского виноделия.

В. П. Лисин сделал попытку осветить историю земледелия в первые века нашей эры одного из районов Гераклейского полуострова. В основу работы легла крупно увеличенная карта полуострова, выполненная в 1886 году, на которой тщательно нанесены древние межевые стены и дороги (см. выше, стр. 15). Автор использует археологический материал, добытый исследователями предшествующего времени, материалы своих раскопок одной из усадеб близ Камышевой бухты и эпиграфические известия. К сожалению, материалы увеличенной карты не были сверены с памятниками на месте, что и привело к непоправимой ошибке во всех основных выводах работы. Непроверенная на месте и неправильно понятая карта, привела к тому, что В. П. Лисин неправильно указал расстояния между дорогами, а, следовательно, и размеры земельных владений, ограниченных ими (стр.

¹ Е. Г. Суrow. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина, т. XXVIII, вып. 1, М., 1942, стр. 93 и сл.

² В. П. Лисин. Античные хозяйства в районе Камышевой бухты (I—IV вв.). Не опубликована. Арх. ГХМ, дело № 561, см. выше, стр. 15, прим. 5.

65). Вторая крупная ошибка заключалась в том, что распределение полевых участков этих владений по выращиваемым на них культурам (большие участки — посевы, малые — виноградники, сады и огороды, стр. 96 и другие) не соответствуют действительности, как это показали послевоенные исследования клеров на полуострове. Таким образом, все таблицы, приведенные автором в работе, и вытекающие из них выводы потеряли свое значение.

К чести автора, нужно сказать, что он прекрасно понимал необходимость и значение археолого-топографической съемки Гераклеяского полуострова и дальнейшего археологического изучения его дорог, межевых стен, размеров полей, состава почвы и т. д. (стр. 156—157 ук. раб.).

Несмотря на указанные ошибки, в работе имеется много интересных и правильных выводов и предположений. Прежде всего следует указать, что В. П. Лисин первым сделал попытку определения меры длины, лежащей в единице измерения площадей — «гекаторюга» (стр. 65—66 и 104). За такую меру им принят «шаг» длиной 0,666 м, а площадь гекаторюга — за 40 000 кв. м. Не может вызвать принципиальных возражений и расчет нормы рабочей силы, необходимой для обработки полей и виноградников, нормы урожайности зерновых культур и винограда. Очень важна мысль о концентрации земельной собственности и товарном характере земледелия (виноградарства) в Херсонесе.

«Гераклеяский сборник», а также работы Е. Г. Сурова и В. П. Лисина завершают первый период советского этапа изучения памятников Гераклеяского полуострова. Исследования этого периода имеют определенный акцент на изучении основы экономики Херсонеса античной эпохи, и в этом четко проявляется научный подход к изучению памятников полуострова у советских ученых.

После окончания войны эти исследования развернулись еще шире. Начиная с 1945 г., Государственный Херсонесский музей проводит большую работу по учету и охране памятников полуострова. Главной задачей исследований было изучение больших комплексов памятников, а не изолированных усадеб, а ближайшей целью обнаружение земельных наделов — клеров античного Херсонеса. В 1950 году эта цель была достигнута. Удалось найти первый такой клер в районе Круглой бухты¹. Дальнейшие полевые работы выявили еще 34 клера. Все клеры обмерены по их наружным границам и обследованы. На пяти клерах (№ 10, 11, 20, 25 и 26) зафиксирована их внутренняя размежевка и произведена группировка полевых участков в соответствии с выращиваемыми на них культурами. Все 35 клеров составляют единый комплекс, расположенный в районе Круглой и Камышевой бухт. На клере № 25 полностью завершены раскопки усадьбы двух строительных периодов. На клере № 26 закончены раскопки усадьбы

¹ С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, № 3, 1951, стр. 85 и сл. Первая публикация схематического плана клера помещена автором в Путеводителе по раскопкам: Херсонес-Корсунь, Симферополь, 1950, таб. III. См. также С. Ф. Стржелецкий. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею. Симферополь, 1956, стр. 21—23, 26, 54. Его же. Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э., СА, № 3, 1957, стр. 31 и сл. Его же. Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э., СА, № 4, 1958, стр. 154 и сл. Кроме того, в 1948 г. автором опубликовано еще три статьи, посвященные памятникам Гераклеяского полуострова: «Раскопки 1939 года у Карантина, близ Херсонеса Таврического»; «Жертвенник Гераклу из т. н. страбонского Херсонеса» и «Камышевский клад античных монет». Все три статьи помещены в Херсонесском сборнике, т. IV, Крымиздат, 1948.

второго строительного периода (II в. до н. э.) и начаты раскопки ее же первого строительного периода. Этот накопленный материал позволяет значительно полнее осветить историю земледелия античного Херсонеса и его экономику¹.

История исследования памятников Гераклеийского полуострова убедительно вскрывает неразрывную связь его отдельных периодов, последовательно подводивших к открытию уникальных памятников античного земледелия в последние годы. Так, работы первого периода обнаружили громадное количество древних памятников на полуострове, дали их общее описание и наметили ряд проблем, требующих дальнейших углубленных изысканий. Были поставлены вопросы о времени и характере размежевки полуострова, назначении земельных участков, роли виноградарства в земледелии и экономике Херсонеса, водоснабжении его и т. д.

Второй период не случайно характеризуется археологическими раскопками, предпринятыми на Маячном полуострове, хотя и вызванными косвенными причинами. В это же время делается попытка точной инструментальной съемки древней размежевки на Гераклеийском полуострове (работа Тяпина по указанию А. Л. Бертье-Делагарда). Раскопки Н. М. Печеникина обнаружили клеры и усадьбы древнего Херсонеса (М. И. Ростовцев) и привели их руководителя к выводу, что эти памятники занимают всю территорию Гераклеийского полуострова.

Третий период начинается с систематического и планомерного учета памятников полуострова (Государственный Херсонесский и Севастопольский краеведческий музей). Раскопки этих памятников имеют цель осветить историю сельского хозяйства и экономики Херсонеса. Главное внимание сосредоточивается в это время на так называемых Гераклеийских башнях. В итоге полевых работ была установлена дата постройки и продолжительность существования этих памятников. К концу третьего периода изучения памятников полуострова отчетливо проявляется необходимость связывать раскапываемые сельские усадьбы с прилегающими к ним земельными участками. В это же время предпринимается первые попытки обобщения добытых материалов и освещения истории земледелия античного Херсонеса (Н. И. Репников, Е. Г. Суворов, В. П. Лисин).

Полевые работы и исследования истории земледелия античного Херсонеса последнего периода являются закономерным продолжением работ довоенного времени. Они же являются частью той большой работы, которая проводится на обширной территории всего Северного Причерноморья и отражает дальнейшее развитие советской археологии. Новая методика археологических разведок и раскопок, комплексное исследование памятников Гераклеийского полуострова позволили открыть клеры и на их базе осветить еще ярче и полнее историю земледелия Херсонеса.

¹ Мы не останавливаемся специально на разборе работы В. Д. Блаватского по истории античного земледелия Северного Причерноморья (Ук. автор, *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. Серия монографий: «Причерноморье в античную эпоху»,* вып. 5, под редакцией проф. В. Н. Дьякова, Изд. АН СССР, М., 1953). Освещенные в работе вопросы земледелия античного Херсонеса и всего Северного Причерноморья столь разнообразны, что нам приходится многократно возвращаться к ним на всем протяжении настоящего исследования.

ИСТОРИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В IV В. ДО Н. Э.

В результате многолетних систематических раскопок и разведок на Гераклейском полуострове античные памятники, бесспорно датруемые IV в. до н. э., выявлены только на его северо-западной оконечности — Маячном полуострове (рис. 2)¹.

С юга на север, вдоль западного берега, длина Маячного полуострова почти 4 км. Ширина его сильно суженного перешейка около 700 м. На нем находился город — страбовский, или «древний», Херсонес. Город имел две линии оборонительных стен, пересекавших весь перешеек. Главная линия ограждала город со стороны суши, а второстепенная защищала его с тыла, со стороны Маячного полуострова². Главные ворота, со стороны суши, могли находиться только на берегу Казачьей бухты под прикрытием правофланговой башни³. С тыла город соединялся с Маячным полуостровом вероятнее всего четырьмя воротами, о чем позволяют говорить четыре продольные дороги полуострова, начинающиеся от задней оборонительной стены. Один из этих ворот были раскопаны Н. М. Печенкиным в 1911 г. (рис. 3)⁴. Территория Маячного полуострова была хорошо защищена городскими стенами и полностью использована для земледелия.

Вся площадь полуострова (около 360 га) тщательно размежевана. В соответствии с конфигурацией полуострова, в целях наилучшего использования площади, размежевка его в северной и южной половинах произведена по двум осям, расположенным под небольшим углом одна к другой. В нашем распоряжении имеется три плана: изданный Н. М. Печенкиным (рис. 2-а)⁵, калька плана из архивных документов Н. М. Печенкина (масштаб 100 саж. в дюйме) рис. 2-б)⁶ и увеличенная в том же масштабе полуверстка, выполненная Тяпиным в 1886 г. по указанию А. Л. Бертье—Делагарда (рис. 2-в)⁷.

Сличение планов позволяет установить общую картину размежевки. Из переписки Н. М. Печенкина с А. Л. Бертье—Делагардом видно, что первый располагал планом полуострова работы Тяпина. В этом

¹ Не исключена возможность датирования некоторых из этих памятников концом V в. до н. э. Несомненно, что если не все, то во всяком случае большинство из них существовало до конца эллинистического времени.

² Как мы уже отметили, в настоящей работе мы не рассматриваем вопрос о «древнем» и «новом» Херсонесе, так как это увело бы нас от поставленной нами задачи. См. выше, стр. 14.

³ С. Ф. Стржелецкий. Жертвенник Геракла из так называемого страбовского Херсонеса. Х сб., в. IV, стр. 105.

⁴ Н. М. Печенкин. Дневник раскопок 1910 и 1911 гг. на месте старого Херсонеса. Архив ЛОИИМК, ф. № 27, дело № 5, лист 48; он же с. Археологические разведки в местности страбовского старого Херсонеса в 1911 г. Арх. ЛОИИМК, ф. № 27, д. № 14, лист 12 (то же, в деле № 10).

⁵ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности страбовского старого Херсонеса. ИАК, в. 42, стр. 108, сл. таб. III.

⁶ Архив ЛОИИМК, ф. № 27, д. № 8, листы 2 и 3.

⁷ Четвертый план, снятый архитектором С. С. Некрасовым совместно с Н. М. Печенкиным в 1911 г. с помощью артиллерийского угломера, нами пока не разыскан. Судя по записям дневника к отчету Н. М. Печенкина за 1911 г. (фонд № 27, д. № 14, лист 18), он представляет в научном отношении ценнейший документ для изучения истории античного земледелия. План, изданный Г. Д. Беловым в работе — Херсонес Таврический (Ленинград, 1948, рис. 5), является упрощенной схемой плана, изданного в ИАК, в. 42, таб. III. По не зависящим от нас причинам сверху этих планов местностью произвести не удалось.

же убеждает и сличение расположения дорог и осей размежевки на первом и третьем планах. При сопоставлении первого и второго планов Н. М. Печенкина обнаруживается расхождение в размежевке дорог в направлении с запада на восток, что обусловливает различие размеров площадей основных участков, ограниченных со всех сторон этими дорогами. Таким образом, изменяется и количество жилых усадеб на этих участках.

Для определения площади клеров на Маячном полуострове в IV в. до н. э. очень важно знать количество усадеб на участках. Имеющиеся планы могут быть использованы для этого только с оговорками¹. Точность внесут план 1911 года и обследование местности.

Исследование плана Маячного полуострова позволяет говорить об единовременном характере его размежевки. Она несколько сложнее размежевки всего Гераклеийского полуострова; здесь на участках, ограниченных дорогами, имеется по несколько усадеб, а не по одной, как на Гераклеийском. Единовременный характер этой размежевки подтверждают наличие основных дорог, соединяющих клеры и их усадьбы с городскими воротами на перешейке, внутренняя размежевка основных участков, ограниченных дорогами, единство строительной техники, одновременное возникновение и существование усадеб различных клеров.

Продольные дороги, ведущие к оборонительным стенам, являются главными. Длина их от одного до трех километров. Второстепенные дороги — поперечные. Общая длина всех дорог — не менее 15 км, ширина — около 5 м. На двух участках раскопками выявлен характер дорог. Ширина продольной дороги, к которой примыкает усадьба клера № 1, достигает 5,1 м. С обеих сторон она ограничена толстыми заборами прилегающих клеров (рис. 4/1)². Заборы сложены из бутового камня разной величины. Сохранившаяся высота — 0,6 и 0,7 м, первоначальная высота их над уровнем древней поверхности была не меньше 1,50 м. Дорога грунтовая, без искусственного настила. Аналогичный характер имела вторая продольная дорога у колодцев близ северной оконечности мыса (рис. 4/2). Ее ширина — 4,8 м, толщина заборов — 1,8 и 1,95 м, сохранившаяся высота — 0,82 и 1,30 м³.

На территории Маячного полуострова Н. М. Печенкиным зарегистрировано около 100 разрушенных зданий⁴. На опубликованном в архивном плане их обозначено около 70. Раскопки четырех из них выявили усадьбы клеров. Вероятнее всего и остальные здания являлись такими усадьбами. М. И. Ростовцев придавал исключительное значение научному открытию Н. М. Печенкина — «древнегреческой клерухии Херсонеса». В 1911 г. он специально приезжал в Севастополь, осматривал памятники и дал указание «сделать обмеры участков, на которых здания раскопаны»⁵.

Следуя этому указанию, Н. М. Печенкин обмерил с угломером три клера, примыкающие к западному берегу полуострова; один с раскопанной усадьбой (№ 4) и два соседних с ним. Обмеры сопровождалась

¹ Н. М. Печенкин, в отчете за 1911 г., сам отмечает, что карта, «изданная в ИАК, в. 42, достаточна... для общих соображений». Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 14, л. 13.

² Н. М. Печенкин, ук. раб., ИАК, в. 42, стр. 115, рис. 11 и 12. Архив ЛОИИМК, ф. № 27, д. № 8, лист. 11. Чертеж по материалам архива.

³ Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 8, л. 10.

⁴ Н. М. Печенкин, ук. раб., ИАК, в. 42, стр. 125.

Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 5. Дневник от 24/VIII-1911 г.

разведочными раскопками¹. Каждый клер имел усадьбу. Судя по описанию, клеры были разделены фундаментальными стенами в отличие от более тонких — внутренних. С востока клеры ограничены первой продольной дорогой. Ширина их вдоль ее — 72—76 саж. («в среднем 73 саж.»). Длина от дороги до берега — 118 саж. Сохранившаяся площадь клера около 8600 кв. саж., т. е. почти 4 га (3,9 га)². Клеры, расположенные рядом, имеют такую же площадь.

Интересно еще одно наблюдение Н. М. Печенкина. Площадь основного участка («площадки»), заключенного между четырьмя дорогами («взято на карте»), около 40 000 кв. саж., т. е. около 18,5 га. Учитывая площадь обмеренных клеров и равновеликих соседних с ними, Н. М. Печенкин пришел к выводу, что на таком основном участке размещалось 4 клера, каждый примерно около 4,5 га³. Этот вывод, по-видимому, подтверждается упомянутым выше планом, изданным К. Э. Гриневичем, на котором основной участок между первой и второй продольной, первой поперечной улицами и берегом моря действительно равен 18,9 га. В свою очередь он переделен двумя пересекающимися стенами на четыре части, приблизительно по 4,8 и 4,5 га каждая. Убедительность этого вывода ослабляется, однако, тем обстоятельством, что у Н. М. Печенкина на этой площади указано две усадьбы (конечно, две других он мог не заметить), а у К. Э. Гриневича их уже восемь (если все его обозначения на плане действительно соответствуют только усадьбам). Расположение стен на этом же основном участке (план К. Э. Гриневича) позволяет расчленил его также на 5 клеров: два в северной половине по 4,8 и 4,5 га каждый и три в южной, из которых площадь одного равна 4,2 га и площади двух других по 2,6 га. Интересно, что и во втором варианте клеры с площадью около 4,5 га преобладают над клерами, так сказать, половинной нормы.

Независимо от наблюдений Н. М. Печенкина, к аналогичному заключению пришел В. Д. Блаватский, по подсчету которого, на одну усадьбу Маячного полуострова приходится в среднем 3,8 га земли⁴. Конечно, последний прав, предполагая, что клеры Маячного полуострова несколько отличались размерами один от другого⁵, однако в основной своей массе они были равновелики, что соответствует экономической и политической практике античных государств Средиземноморья. Это подтверждают клеры, обмеренные Н. М. Печенкиным, и клеры III в. до н. э. на Гераклеийском полуострове.

На планах полуострова зафиксировано около 70 усадеб. Площадь полуострова около 360 га⁶. Если мы примем размеры клера, предполагаемые Н. М. Печенкиным (4,5 га), то общая площадь клеров зареги-

¹ Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 14, л. 6. Ниже дается описание клеров и их размеров на основании этого же дела, листы 6 и 7. Чертежи, на которые ссылается Н. М. Печенкин, пока не найдены.

² Н. М. Печенкин отмечает разрушение клеров морским прибоем.

³ Там же, лист 7. Между прочим, эти данные о размерах основного участка, ограниченного дорогами, очень близко соответствуют данным архивного плана на кальке (рис. 2-б), который, возможно, и является копией затерянного полевого плана, составленного Н. М. Печенкиным в 1911 году. Это подтверждается небольшим схематическим планом территории, прилегающей к маяку, приложенным к работе К. Э. Гриневича «Исследование подводного города в 1930—31 году». М., 1931 г., таб. 2. На обоих планах совпадают направления основных дорог, смещение поперечных и даже стен внутренней размежевки.

⁴ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 41.

⁵ Там же, стр. 40—41. Это, возможно, подтверждается вторым вариантом расчета, приведенным выше.

⁶ А. Л. Бертъе-Деларгар в своей работе — О Херсонесе (ИАК, в. 21, стр. 198) дает несколько большую цифру — около 380 га.

стрированных усадеб составит 315 га, что очень близко к фактической площади полуострова. Некоторое расхождение вполне понятно и неизбежно, так как даже при самой тщательной разведке некоторая часть разрушенных усадеб могла остаться незамеченной.

Учитывая изложенное, можно предположить, что площадь обычного рядового клера херсонесца IV в. до н. э. действительно имела около 4,5 га, а общее количество клеров на Маячном полуострове, за вычетом площади, занимаемой дорогами (около 8 га), равнялось приблизительно восьмидесяти.

Поскольку чертежи утеряны, без специального обследования клеров на месте в настоящее время нельзя дать хотя бы приблизительную характеристику этих индивидуальных хозяйств. Приходится ограничиться общими замечаниями, основанными главным образом на отрывочных данных дневников и отчетов Н. М. Печенкина и частично на личных наблюдениях во время случайных рекогносцировок. Мелкие участки внутри клеров, расположенных на склонах балок, террасированы¹. В широких масштабах осуществлены различные агротехнические мероприятия с целью создания почвенного слоя, удержания его от смыва, а также задержки в почве осадков².

На участках, занятых садовыми культурами и виноградом, во время работ по созданию искусственного почвенного слоя удален подпочвенный слой скалы до подстилающего ее слоя глины. Из добытого при этом камня складывали стенки, заложенные вглубь плантажа. Это же мы обнаружили во многих местах на Гераклеюском полуострове³. Один из таких участков был исследован Н. М. Печенкиным⁴. Внешний облик клеров Маячного полуострова ничем не отличается от облика клеров на остальной части Гераклеюского полуострова.

Исходя из сказанного, можно согласиться с мнением Н. М. Печенкина, что на клерах Маячного полуострова велось интенсивное хозяйство, основой которого было виноградарство⁵. Этот вывод подтверждается находкой многочисленных тарапанов различных размеров и форм⁶. Изображение одного из них, крупных размеров (1,15 м×0,70 м×0,30 м) овальной формы, опубликовано Н. М. Печенкиным⁷, чертеж второго воспроизводится нами из его дневника (рис. 5)⁸. Наконец, это же подтверждается винодельнями, раскопанными на усадьбах, клеров № 3 и № 4, которые М. И. Ростовцевым, и вслед за ним Н. М. Печенкиным, приняты за бани⁹.

В итоге двух лет работ на Маячном полуострове Н. М. Печенкиным раскопаны усадьбы четырех клеров. Наличие дневника со схематическими планами домов, опись найденных вещей и сами вещи, часть которых сохранилась в фондах ГХМ, позволяют составить представление об облике этих сельскохозяйственных усадеб, восходящих к IV в. и продолжавших существовать до конца II в. до н. э.

¹ Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 5, дневник, 24/VIII, 1911 г., дело № 14, л. 6.

² Там же, ф. 27, д. № 5, записи от того же числа.

³ См. ниже, стр. 70 и сл.

⁴ Н. М. Печенкин, ИАК, в. 42, стр. 110; он же. Дневник от 8/IX-1910 г. Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 5, с приложением упрощенного схематического чертежа.

⁵ Н. М. Печенкин. Отчет за 1911 г. Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 14, л. 7.

⁶ Там же.

⁷ Н. М. Печенкин, ук. раб., ИАК, в. 42, стр. 111, рис. 1. Аналогичные тарапаны известны на Боспоре, см. В. Д. Блаватский. Земледельц... стр. 154, рис. 77.

⁸ Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 5, записи от 21/IX-1910 г.

⁹ Н. М. Печенкин. Отчет за 1911 г. Арх. ЛОИИМК, № 27, д. № 14, л. 5 и 8. См. ниже, стр. 37 и 39, описание усадеб № 3 и 4.

Клер занимает восточный угол одного из основных участков северной половины Маячного полуострова, расположенного между второй и третьей продольными дорогами (счет с запада) и второй и третьей поперечными (счет с севера). Клер не обмерен. Предполагаемая площадь его — около 4,5 га. Усадьба клера расположена в его восточном углу и примыкает к третьей продольной и третьей поперечной дорогам (рис. 2-а). Ширина третьей продольной дороги — 5,1 м, третьей поперечной — 2,3 м. Толщина забора вдоль продольной улицы — 2,2 м, вдоль поперечной — 1,5 м. Ворота на усадьбу не выявлены.

Усадьба представляет крупное прямоугольное сооружение площадью около 500 кв. м, вытянутое в плане с северо-востока на юго-запад. Длина — 26 м, ширина 20,4 м по наружному обмеру (рис. 6). Усадьба разделена поперечной стеной на две неравные половины — два двора и имела два здания. Поскольку граница раскопа на чертеже Н. М. Печенкина не указана, трудно сказать, были ли еще помещения в южном углу усадьбы.

Большой двор расположен с северо-восточной стороны и в плане немного вытянут поперек усадьбы. Размер двора 18×15 м. Восточный его угол занят сравнительно небольшим жилым зданием (10,0×8,7 м) с простенками вдоль заборов клера: у продольной дороги — 0,80 м шириной и поперечной — 3,20 м. Жилой характер здания определяется наличием лестничной площадки в помещении № 4, ведущей на второй этаж, и расположением здания с северной стороны усадьбы. Такое расположение является основным и почти никогда не нарушаемым правилом размещения жилых помещений на усадьбах клеров и в городских домах Херсонеса эллинистического времени. Вход в здание обращен в юго-западную сторону. Первый этаж дома имеет четыре комнаты, соединяющиеся дверьми. Вероятнее всего, планировка второго этажа соответствовала первому. В полу помещения № 3 сделаны углубления для установки амфоры и пифоса. Здесь же найдены обломки терракоты и сосудов, покрытых прекрасным черным лаком, монеты.

В западный угол двора встроено второе здание усадьбы, вероятнее всего, служебного, хозяйственного назначения. Между восточным углом этого здания и западным углом жилого дома оставлен проход 1,30 м шириной. Вследствие такой планировки большой двор в свою очередь разделен на две части. С северо-восточной стороны служебного здания находится большая, вырубленная в скале цистерна грушевидной формы глубиной не меньше 6 м. Сверху цистерна перекрыта двумя крупными плитами с круглым отверстием. Диаметр отверстия 0,7 м. Назначение этой цистерны, как и на других усадьбах, пока еще не поддается объяснению.

Малый двор расположен вдоль юго-западной стороны усадьбы. Размеры двора — 11,0×7,5 м. С северо-западной стороны его находится служебное здание. Почти несомненно, что помещения № 7 и 8, а также поперечная стена, отделяющая один двор усадьбы от другого, возникли в результате перестройки и расширения самой усадьбы. Малый двор, как и расположенное на нем здание, по-видимому, имели хозяйственное назначение. Не исключено, что в этой части усадьбы содержался рабочий скот.

Служебное здание имело четыре помещения (№ 5—8). Судя по пла-

¹ Н. М. Печенкин, ук. раб. ИАК, в 42, стр. 112 и сл., рис. 2—12. Арх. ЛОИИМК, ф. 27, дела № 5, 6, 7, 8, 14 — приложение.

ну, к моменту разрушения усадьбы стена, разделяющая помещения № 5 и 6, уже не существовала и два помещения были соединены в одно. По-видимому, к этому же времени относится пристройка помещения № 7 и 8.

Во время раскопок усадьбы найдены многочисленные обломки различных предметов, главным образом обломки сосудов. Вещественный материал был просмотрен Б. В. Фармаковским, Е. Придиком, М. И. Ростовцевым, Н. И. Репниковым и др. и датирован ими IV—II вв. до н. э.¹ Аналогичную дату указывает В. Д. Блаватский². К сожалению, из коллекции в количестве 91 инвентарного номера по полевой описи поступило в музей только 15, а сохранилось 8. Судя по описи, основную массу находок составляли обломки сосудов хозяйственного назначения: амфор, кувшинов, чаш, пифосов. В значительном количестве представлены обломки чернолаковых сосудов, что характерно для усадеб Маячного полуострова (рис. 7/1). Сохранившиеся обломки не могут быть датированы ранее III в. до н. э.

Из остальных вещей отметим оселки, рыболовные грузила, медные гвозди (рис. 8), обломок чернолакового светильника, обломки терракотового миниатюрного жертвенника³, обломки кремневых орудий и каменного молотка, венчик пифоса с врезанной меткой Δ , указывающей объем сосуда.

Особого внимания заслуживают обломки клейменых амфорных ручек и керамида⁴. Среди ручек: три—синопские, две—херсонесские, одна — фасосская⁵, остальные — неопределенные. Керамиды — все синопские, клейма — первой группы, подгруппы А. Кроме перечисленных вещей, на усадьбе найдены три медные монеты: одна IV в. до н. э., вторая — плохой сохранности, не определена⁶.

УСАДЬБА КЛЕРА № 2⁷

Клер расположен на самой северной оконечности Маячного полуострова, на западном берегу Казачьей бухты. Клер не обмерен. Предполагаемая площадь около 4,5 га. Усадьба клеера размещена на самом берегу бухты (рис. 2-а) и несомненно была крупным сооружением. Один из углов усадьбы (план не ориентирован по сторонам света) разрушен прибоем. К сожалению, этот интересный памятник с многослойной стратиграфией остался нераскопанным⁸. По всем признакам раскопанное Н. М. Печенкиным помещение являлось винодельней⁹. Большую часть помещения занимает давяльная площадка, конструктивно со-

¹ Н. М. Печенкин, ук. соч., ИАК, 42, стр. 126; Арх. ЛОИИМК, ф. 27.

² В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 118 и 119. На стр. 26—27 В. Д. Блаватский указывает на наличие в материалах Н. М. Печенкина с Маячного полуострова обломков аттических чернолаковых блюд конца V — начала IV в. до н. э.

³ Н. М. Печенкин, ук. раб., ИАК, 42, стр. 115, рис. 9 и 10.

⁴ Клейма списаны Е. Придиком. Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. 7. Классификация клейм по центрам производства выполнена автором настоящей работы.

⁵ По мнению Н. И. Репникова, см. там же.

⁶ Монеты определены А. В. Орешниковым. Монеты без указания места чеканки, по-видимому, являются херсонесскими. Третья монета, I в. н. э., найдена в насыпи у поверхности земли.

⁷ Н. М. Печенкин, ук. раб., ИАК, 42, стр. 116—118, рис. 13—16. Арх. ЛОИИМК, ф. 27, дело № 5, 6, 7, 8, 14 — приложения.

⁸ За четыре дня полностью разрыто одно крупное помещение и частично, трапезьями вдоль стен, прилегающее к нему. Между прочим, под этой античной усадьбой залегает слой раннетаврского поселения с материалом X—VIII вв. и дальше вплоть до V в. до н. э. Таким образом, фактическое обнаружение так называемой кизилкобнянской культуры Крыма принадлежит Н. М. Печенкину. Он этого не знал.

⁹ Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. 5, запись от 21/IX-1910 г.

стоящая из бутовой каменной вымостки с известковым перекрытием. С северной стороны площадка была ограничена стеной толщиной менее 0,5 м. Перед давилной площадкой находился оштукатуренный резервуар. Возможно, что таких резервуаров было два, как обычно наблюдается в винодельнях. Последнее подтверждается отмеченным на плане под буквой «Г» пифосом, установленным «во впадине подобной первой». К сожалению, остается неясным, была ли и эта «впадина» оштукатурена. Необходимо отметить, что в винодельне усадьбы клера № 26¹ резервуарами для сбора выдавливаемого сока служили крупные сосуды — чановидные пифосы с широким горлом. В этом же помещении найден небольшой каменный тарапан (рис. 5), а вне помещения, во дворе — железное орудие (рис. 9). Последнее Н. М. Печенкин предположительно считает земледельческим. Предположение весьма вероятное, но, к сожалению, чертеж орудия дан в дневнике без объяснения.

Каменная лестница в помещении и большая толщина стен усадьбы (от 1,00 до 1,15 м) указывают на паличие второго этажа на раскопанной части усадьбы.

Раскопки усадьбы дали значительный вещественный материал, главным образом, обломки различных сосудов². Судя по описи, подавляющее число их — обломки простых красноглиняных сосудов, большей частью амфор. Отмечены обломки «грубых сосудов»³. Обломки чернолаковых сосудов немногочисленны; последнее, вероятно, объясняется хозяйственным назначением раскопанных помещений. Среди обломков, сохранившихся в фондах музея, отметим ручки киликов IV — III вв. до н. э., аск конца IV—начала III в. до н. э. с каннелированным туловом (рис. 7/2), обломки так называемых мегарских чаш.

Из остального материала интересны оселок, рыболовные пирамидальные грузила, пряслице, обломки железных и медных гвоздей (рис. 8), «камень с изображением человеческой фигуры», обломки кремневых орудий и каменного молотка⁴.

Клейма на гончарной продукции представлены только именами и монограммами мастеров: херсонесских — на ручках амфор и на керамиде, фасосского — на ручке амфоры и двух неопределенных центров, тоже на ручках.

Помимо вещей эллинистического времени, раскопками обнаружены немногочисленные предметы первых веков н. э. и средневековые. К первым относятся обломки краснолаковых сосудов⁵, обломки стеклянных сосудов, три светильника⁶. Из средневековых вещей имеется только обломок черепицы с клеймом. К сожалению, все эти находки не связаны с соответствующими слоями, которые и не зафиксированы при раскопках, хотя в дневнике Н. М. Печенкина от 21/IX-1910 г. мы имеем

¹ См. ниже, стр. 124.

² По полевой описи числятся 119 инв. номеров. В музей поступило 18, сохранилось 13. Относительно датирования находок см. выше, стр. 34 и ниже, стр. 38 и 40.

³ Судя по сохранившимся обломкам других комплексов, этот термин охватывает кухонные сосуды, выполненные на гончарном круге и вылепленные от руки.

⁴ Последние, несомненно, из подстилающего усадьбу зольного слоя раннетаврско-го поселения.

⁵ Не исключено, что часть их относится еще к продукции позднээллинистического времени.

⁶ Из них только один, судя по описанию в инвентарной книге ГХМ за № 15189, несомненно, первых веков н. э.: «Краснолаковый светильник с рубчиками. На дне розетка» (рис. 11/1). Остальные светильники затеряны.

следующее замечание: «Само здание, кажется мне, было обитаемо и в греч., и римск., и даже византийское время»¹.

Таким образом, усадьба клера № 2 может быть датирована в основном IV—II вв. до н. э. Несомненно, что жизнь на ней продолжалась и в первых вв. н. э. Возможно, на ее месте или в близком ее соседстве существовало какое-то сооружение и в средние века.

УСАДЬБА КЛера № 2

Клер расположен в средней части Маячного полуострова, на его западном берегу (рис. 2-а). С востока он ограничен 1-й продольной дорогой. Клер не обмерен. Предполагаемая площадь около 4,5 га. Усадьба клера находилась вблизи 1-й продольной дороги и представляла прямоугольное в плане сооружение, немного вытянутое в направлении с северо-запада на юго-восток (рис. 10). Длина по наружному обмеру — 20,5 м, ширина — 17,6 м. Общая площадь — около 360 кв. м. Восточный угол сильно разрушен позднейшей разбойной стеной на камень. Остатки наружных стен (ЮВ и СВ) были открыты только в 1911 году². Усадьба состоит из центрального двора и двух зданий по сторонам первого. Н. М. Печенкин в рукописном отчете за 1911 г. отмечает два выхода⁴. Один из них, «малый», находится с северо-западной стороны усадьбы и узким коридором между двумя зданиями приводит в западный угол двора. Перед входом с наружной стороны находилась небольшая стена, перекрывающая вход. Из описаний неизвестно, возвышалась ли эта стена над поверхностью современной усадьбы или нет. В первом случае перед входом тогда был наружный тамбур с перекрытием или без него, во втором — обнаруженная стена могла быть фундаментом колонн или, проще, столбов от навеса перед входом.

Двор вытянут по основной оси усадьбы и, как обычно, в направлении с севера на юг. Ширина двора — 9,8, длина предположительно, поскольку неизвестно, были ли помещения вдоль юго-восточной стены, около 16,8 м; площадь — 155 кв. м.

Вдоль юго-западной стороны усадьбы и ее двора расположено большое здание хозяйственного назначения. Здание сильно вытянуто в плане, размером 20,5×5,8 м. К моменту гибели усадьбы здание имело два

¹ Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 5; ср. ИАК, 42, стр. 116. Необходимо отметить, что датирование давяльной площадки Н. М. Печенкиным «римским временем» (ИАК, 42, стр. 116) ничем не обосновано, хотя, конечно, возможно. Обращаем внимание на то обстоятельство, что резервуар для сбора сока и пифос, которые, естественно, находились ниже уровня площадки, он сам же относил к эллинистическому времени. Против этого датирования Н. М. Печенкина свидетельствует также залегание фундаментов восточной и северной стен винодельни на уровне давяльной площадки (ИАК, 42, стр. 117, рис. 14 и стр. 119, рис. 15). Кроме того, применение известкового раствора известно в винодельне III—II вв. до н. э. в Тиритаке (В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 103, сл. рис. 11). В насыпи винодельни усадьбы клера № 26 на Гераклейском полуострове (II в. до н. э.) и на стенах ее имеются остатки известковой штукатурки с толким цемячковым покрытием. Эти факты и несомненная связь винодельни с соседними помещениями всей усадьбы IV—II вв. до н. э. позволяют датировать открытую винодельню этим же временем.

² Н. М. Печенкин, ук. раб., ИАК, 42, стр. 118—124, рис. 17—25. Арх. ЛОИИМК, ф. 27, дело № 5, 6, 7, 8, 14. Усадьба в основном раскопана в 1910 г. В 1911 г. она была исследована полностью. Раскопки этого довольно крупного сооружения, в общей сложности за два года, проведены за четырнадцать дней при частых дождях в 1910 г.

³ Н. М. Печенкин, ук. раб., ИАК, 42, стр. 119—120; Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. 5, запись от 30—31/VIII и 1/IX-1910 г., д. № 14, стр. 7—8.

⁴ Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. № 14, л. 8. Второй вход — большой, открыт в 1911 г., по-видимому, с юго-восточной стороны усадьбы, однако никакого описания его ни в дневнике, ни в отчете не имеется.

внутренних помещения (№ 1 и 2) и одно выступающее во двор (№ 3). Судя по плану и выступу на северо-восточной стене помещения № 1, оно первоначально разделялось на две части. Общая длина помещения 17,5 м, что и подчеркивает его хозяйственное назначение. Помещение № 2 очень невелико (шириной 1,4 м), расположено у самого выхода с усадьбы, изолировано от прилегающего помещения № 1 и имеет выход в коридор перед наружной дверью усадьбы. Возможно, что эта комната являлась помещением привратника, наблюдавшего за всеми входящими и выходящими; аналогичное явление может быть прослежено и на других усадьбах клеров Гераклейского полуострова. Помещение № 3 — несомненно какого-то хозяйственного назначения, судя по его размерам. Интересно, что подобные же небольшие помещения невыясненного назначения имеются почти без исключения на всех дворах городских домов Херсонеса эллинистического времени¹.

Второе здание, Г-образное в плане, построено вдоль северо-западной и северо-восточной сторон усадьбы и ее двора и имело не менее пяти помещений. Северо-западная часть его несомненно имела жилое назначение, о чем свидетельствуют наличие очага и жаровни в помещении № 5 и расположение ее вдоль северной стороны усадьбы, что всегда наблюдается в городских домах Херсонеса и на усадьбах клеров его граждан. Помещения № 4—6 были жилыми. Выход во двор вел через помещение № 6. Особенно интересно помещение № 5. В северном его углу находился очаг², почти в центре, по-видимому, жаровня для обогрева³. На расстоянии полутора метров от северо-западной стены сохранились остатки перегородки из поставленных на ребро плит, которые напоминают аналогичные лари в башнях усадеб клеров № 25 и № 26 на Гераклейском полуострове⁴. Наконец, остатки какого-то каменного сооружения у юго-восточной стены помещения весьма напоминают алтарь в храме Диониса на городище Маячного полуострова⁵. Перечисленные признаки подчеркивают жилой характер помещения № 5 и сообщающихся с ним помещений № 4 и 6.

Интересно и помещение № 7, которое, по определению М. И. Ростовцева, являлось баней. Полагаем, что подобно распорванным помещениям на усадьбе № 2 и на усадьбе № 4 вероятнее всего усматривать в нем винодельню. Помещение № 8 сильно разрушено и назначение его не поддается определению.

Раскопки в этой усадьбе дали большое количество вещественного материала, главным образом обломков различных сосудов⁶. Большое количество их — остатки простых красноглиняных сосудов, в основном амфор. Имеются обломки кухонных сосудов, как лепных, так и выполненных на круге. Еще большее количество обломков чернолаковых сосудов различных форм, начиная с конца V по конец II в. до н. э. К концу V, началу IV в. до н. э. могут быть отнесены 6 обломков, среди них край крупного канфара с графитом: ...ΙΡΑΚΛΕΟΣ и ниже, очень крупно—... ΤΕΙΔΑΝΙ. Такое же количество обломков IV в. до н. э.: кили-

¹ С. Ф. Стржелецкий. МИА, № 34, стр. 68.

² См. ниже (стр. 91, 95, 103, 105) описание жилых помещений на усадьбах клеров № 25 и 26.

³ Те же стр.

⁴ См. ниже, стр. 90 и 105. Ср. В. Ф. Гайдукевич. Очерк истории. Античные города Северного Причерноморья. 1955, стр. 138, рис. 48 и 49. Необходимо отметить использованные указанных выше башен для жилья.

⁵ С. Ф. Стржелецкий. Жертвенник Гераклу из т. н. страбововского Херсонеса. Х сб., в. IV, стр. 103, рис. 3.

⁶ По полевой описи числится 240 инв. номеров. В музей поступило 79, сохранилось 67. Относительно датирования находок см. ниже, стр. 38.

ков, арибалов, край краснофигурного килика. Основная масса обломков относится к III и II вв. до н. э. (рис. 7/3 и 4).

Из остальных находок отметим: оселок, рыболовные пирамидальные грузила, железный нож, гвозди (рис. 8), кости и рога животных, светильники (рис. 11/3) и свинцовые скрепки от реставрированных судов.

На усадьбе найдено поразительно большое количество обломков (89) различных терракотовых статуй и статуэток местного херсонесского производства. Этот факт заслуживает большого внимания, ибо ни на одной из остальных раскопанных 4 усадеб Маячного полуострова или 7 усадеб Гераклеяского полуострова ничего подобного не было. К сожалению, из этой богатой коллекции уцелело только 28 фрагментов. Среди последних заслуживают внимания несколько обломков от одной статуи, торс которой, изданный Н. М. Печенкиным¹, ныне затерян. От статуи сохранились: фрагментированное правое бедро с крупными складками короткой одежды от колена до пояса, левая голень от колена до ступни, в коротком чулке и сапожке и обломки складок хитона. Статуя, по мнению Н. М. Печенкина, — Артемиды, по нашему — Девы, изображала богиню в рост, судя по ногам, в спокойной позе. Богиня одета в короткий хитон, оставляющий обнаженными плечи, грудь и ноги. Вокруг шеи плащ, с переброшенным через плечо концом. На ногах короткие сапожки. Правая рука богини поднята. Восстановленная высота терракотовой статуи не менее 1,0—1,1 м. Глина красная, безусловно, местная. Статуя сверху покрыта светлым ангобом.

Среди остальных сохранившихся фрагментов обнаружены часть крупной протомы с левой половиной лица Зевса (?), (рис. 12)², фрагменты головы большой статуи (рис. 13/1), ноги еще одной, небрежного выполения (рис. 13/2) часть ноги в сандали (рис. 13/3) и другие мелкие обломки неопределенного характера. Вся коллекция датируется эллинистическим временем. Этот особый интерес или любовь владельца усадьбы к терракотовым произведениям искусства трудно объяснить. Фрагменты разбросаны в различных помещениях, главным образом в жилых. Вряд ли можно усматривать в нем владельца или мастера терракотовой мастерской, ибо при таком обилии готовых изделий не найдено ни одного обломка формы для их изготовления.

Клейменная тара представлена несколькими центрами производства: Херсонесом (4 амфорные ручки), Синопой (3), Фасосом (2) и неопределенными (2). Здесь же был найден венчик гераклеяского пифоса, на котором сбоку дважды отштамповано одно и то же английское клеймо и сверху вырезана метка $\Delta\Delta\Delta\Delta$ II, указывающая объем сосуда³. Клейма датируются III—II вв. до н. э.

На усадьбе найдены шесть медных монет, по-видимому, херсонесские, кроме средневековой — XIV в., обнаруженной на поверхности земли. Хронологически монеты распределяются на три группы: IV в. до н. э. — две; III в. до н. э. — две; II в. до н. э. — одна.

Таким образом, время существования усадьбы охватывает три века: с IV по конец II в. до н. э. Как и на остальных усадьбах, особенно интенсивно жизнь здесь протекала в III и II вв. до н. э.

¹ Н. М. Печенкин, ук. раб., ИАК, 42, стр. 123, рис. 23.

² Н. М. Печенкин, ук. раб., ИАК, 42, стр. 124, рис. 24-а и 24-б.

³ Там же, стр. 123, цифра указана Н. М. Печенкиным неправильно.

Клер расположен на северо-западной оконечности Маячного полуострова, близ херсонесского маяка и примыкает к западному берегу. Клер обмерен². Площадь клера около 3,9 га. Усадьба клера находилась в восточном углу клера, однако, как это видно из схемы в дневнике, не примыкала к заборам, ограничивающим клер вдоль первой продольной и первой поперечной улиц. Усадьба представляла довольно крупное сооружение, прямоугольное в плане, ориентировочно, площадью около 300 кв. м. (рис. 14). Вход в усадьбу — один, с северо-восточной (?) стороны, в северном (?) углу двора. Усадьба состоит из центрального двора и двух зданий по его продольным сторонам. Двор сильно вытянут с северо-востока (?) на юго-запад (?), площадь его не менее 80 кв. м.

Жилое здание расположено с северо-западной стороны двора и состоит из четырех сообщающихся между собою помещений. Вход со двора — один, с хорошо сохранившимся каменным порогом с гнездами для крепления рамы одностворчатой двери. Первое помещение имеет вдоль стен выборки — род сидений³. Особая вымостка, быть может для возлежания, сохранилась и во втором помещении. Пол третьего помещения имеет вымостку из белой морской гальки. Следующее помещение, по Ростовцеву, — домашняя баня. Большое углубление заключало в себе род ванны, а малое служило для установки пифоса с водой. Полагаем, что последнее помещение вероятнее всего является винодельней.

Второе здание расположено с юго-восточной стороны двора и состоит из двух помещений. Помещения соединяются широким проходом. В полу восточного помещения много ям для установки пифосов. Во дворе, у южного угла, остатки какого-то сооружения. У северного угла усадьбы снаружи небольшая пристройка неизвестного назначения (помещение № 7).

Находки на усадьбе представлены главным образом обломками сосудов⁴, преимущественно простых, красноглиняных: амфор, кувшинов и чаш (рис. 15/1) и кухонной посуды. Много обломков чернолаковых сосудов IV—II вв. до н. э.: простых и рыбных блюд, чашек, канфаров (рис. 7/5), солонок, арибалов. Несколько обломков сосудов с краснофигурной росписью, в том числе от кратера V—IV вв. до н. э. Из остальных находок отметим: рыболовное пирамидальное грузило, кусок пемзы, гвозди и наконечник стрелы (рис. 8), обломок светильника V—IV вв. до н. э., каменный небольшой жертвенник (рис. 16). Клейменные амфорные ручки представлены двумя группами — херсонесской и синопской, по первой — 7 клейм (два не читаются) и по второй — 4.

Найдены две медные монеты: по-видимому, херсонесская IV в. до н. э. и Колхедоно-Вифинии — III в. до н. э.

¹ Архив ЛОИИМК, ф. 27, дела № 5, 6, 7, 8, 14. Местоположение клера и усадьбы указано ориентировочно, на основании данных дневника и отчета о раскопках в 1911 г. Клер и усадьба исследованы и обмерены в 1911 г. Усадьба раскопана за 8 дней. Начиная работы, Н. М. Печенкин предполагал открыть храм. В дневнике дана схема усадьбы без масштаба и указания стран света.

² См. выше, стр. 30—31.

³ Описание из отчета за 1911 г. Арх. ЛОИИМК, ф. 27, д. 14, л. 5. Описание сопровождается ссылками на затерянные рисунки. Изложенными словами ограничивается все описание жилого здания. В дневнике это описание еще короче. Наша нумерация помещений на чертеже произвольна и не соответствует перечню в описании.

⁴ По полевой описи числится 62 инв. номера. В музей поступило 79 предметов под этими номерами. Сохранилось 67. Относительно датирования находок см. ниже, стр. 40.

Таким образом, комплекс археологических материалов позволяет датировать усадьбу IV—II вв. до н. э., при этом наиболее интенсивная жизнь на ней относится к III и II вв. до н. э.¹

УСАДЬБА КЛЕРА № 5²

Клер расположен на северном конце Маячного полуострова, в 300 метрах от маяка (рис. 2-а)³. Площадь клера не выяснена. На усадьбе исследовано только жилое здание и установлена ширина или длина двора (пом. Б). Общая планировка усадьбы не выявлена (рис. 17)⁴. Здание восходит к IV в. до н. э. и существовало приблизительно до конца II в. до н. э.⁵ Состоит оно из шести комнат. Помещение № 1 имеет выход наружу и изолировано от соседних. По четырем круглым ямам для пифосов оно определено как хозяйственное⁶. Помещение № 2, такого же назначения, соединено с помещением № 3 дверным проемом. В центре помещения круглая яма для установки пифоса⁷. В помещении найдены железный виноградный нож и давилка — «красноречивые свидетели занятий жителей этого дома».

Помещение № 3 несомненно жилое. Одна дверь вела в помещение № 2, вторая во двор Б. В углу двора, рядом с помещением, находится колодец-цистерна, с диаметром сверху 1,5 м⁸. В северном углу помещения № 3 возможно была третья дверь в помещение № 5. В центре помещения — разрушенная жаровня, может быть, очаг, размером 1,0 × 1,0 м, обрамленная по краю небольшими камнями. Внутри обрамления — зола, кости мелких животных, обломок большого каменного круга⁹. У западного угла, в полу, вырезка в скале¹⁰.

¹ Обнаружение архивных материалов Н. М. Печенкина в ЛОИИМК и, в частности, опис находок позволило расчлнить археологический материал по строительно-архитектурным комплексам — усадьбам. Однако часть материала к моменту инвентаризации его в музее в 1925 г. потеряла старые номера и не может быть распределена по комплексам, но среди находок ряд вещей заслуживает быть отмеченным: чаша синопского производства (рис. 15/2), краснолаковый канфар II в. до н. э., солонки, светильник (рис. 11/2), часть кувшина.

Кроме того, на основании опис и дневника выделен материал из дома № 5, раскопанного Н. М. Печенкиным между оборонительными стенами на перешейке полуострова. В соответствии с задачей нашей работы мы не можем останавливаться на сложном и запутанном вопросе о страбоновском Херсонесе, к которому и относится пятый дом между стенами города. Однако до настоящего времени археологический материал, найденный в нем, учитывался с материалом из раскопок на сельских усадьбах Маячного полуострова. Материалы всех почти комплексов идентичны, однако в доме № 5 количество обломков чернолаковых сосудов IV, первой половины IV в. до н. э. значительно большее, чем на сельских усадьбах, что, по-видимому, не случайно. Клейма на гончарной продукции трех групп: херсонесские, синопские и фасосские. Три медные херсонесские монеты: две — IV в. до н. э. и одна — II в. до н. э.

² К. Э. Гриневич. Исследование подводного города близ херсонесского маяка. М., 1931 г., стр. 17—22, табл. 2 и 3. Документация раскопок и археологический материал не поступили в архив и фонды музея. Чертежи архитектора П. С. Касаткина. К сожалению археологический план района херсонесского маяка издан без масштаба. Усадьба не докопана. Памятник, по мнению К. Э. Гриневича, однослойный.

³ По плану — более 600 м, ук. раб., табл. 2.

⁴ Там же, табл. 3.

⁵ Там же, стр. 19.

⁶ Там же, стр. 19. На плане указано только две ямы.

⁷ Там же, стр. 20. Два другие предположения К. Э. Гриневича, будто в яме мог помещаться виноградный давилочный пресс или в ней мог быть очаг, ничем не подкрепляются и не имеют аналогий на других усадьбах Гераклеяского полуострова.

⁸ Цистерна не раскопана, см. разрез на табл. 2.

⁹ Там же, стр. 20. Жаровня принята за жертвенник, кусок круга — за жертвенную доску. Как показали наши раскопки на Гераклеяском полуострове, жилые помещения почти всегда имеют очаг у одной из стен или жаровню в центре, в частности, такие же, как в помещении № 3.

¹⁰ Такие же «погребки» зафиксированы на усадьбе клера № 25, см. ниже стр. 94 и 95.

Помещение № 4, судя по описанию, очень интересное. К сожалению, детали помещения, отмеченные в описании: дверь в помещение № 5, разделение (?) самого помещения стенками на шесть комнат, ямы для лифосов — не зафиксированы на плане, прилагаемом к отчету. Помещения № 5 и 6 определены как жилые.

Приведенные выше материалы раскопок усадеб клеров Маячного полуострова и обследования других археологических памятников этого полуострова позволяют сделать ряд общих выводов, полнота которых зависит, конечно, от степени фиксации памятников в процессе их полевых исследований.

1. Вся обширная площадь Маячного полуострова уже в IV в. до н. э. была интенсивно использована для земледелия¹.

2. Со стороны суши полуостров был хорошо защищен городом, площадью около 12 га, с двойной линией оборонительных стен, существовавших с конца V — начала IV в. до н. э.²

3. Вся площадь полуострова размежевана на крупные участки, ограниченные дорогами и береговой линией. Эти крупные участки, в свою очередь, разделены на более мелкие — клеры, на которых размещены их усадьбы.

4. Единственность размежевки устанавливается одновременной прокладкой дорог, связью их с воротами тыловой оборонительной стены города на перешейке, одновременным возникновением и существованием усадеб на клерах, по-видимому, одинаковыми размерами последних, единством техники, характером внутренней размежевки основных участков. Косвенным подтверждением этого является размежевка Гераклийского полуострова, выполненная на рубеже IV—III, в начале III в. до н. э.

5. Судя по материалу раскопок оборонительных стен на перешейке и усадеб клеров на полуострове, эта размежевка может быть смело отнесена к первой половине IV в. до н. э. Однако не исключено, что она была осуществлена еще на рубеже V—IV вв. до н. э., поскольку материал этого времени, хотя и в виде единичных находок, постоянно встречался при всех раскопках.

6. Основной смысл размежевки правильно был понят М. И. Ростовцевым, усмотревшим в отдельных участках древние клеры граждан Херсонеса. Это подтверждено специальными обмерами Н. М. Печенкина, установившего, что каждому такому клеру соответствует одна усадьба. Это же подтверждается размежевкой клеров в начале III в. до н. э. на Гераклийском полуострове и, по-видимому, тем, что количество усадеб на Маячном полуострове соответствует его территории.

7. Клеры Маячного полуострова были небольшими по площади³, но до массового обмера это нельзя считать твердо установленным. Однако обмеры трех клеров и натурные наблюдения над соседними, произведенные в 1911 г. Н. М. Печенкиным, позволяют думать, что основной нормой надела граждан Херсонеса IV в. до н. э. были клеры площадью около 4—4,5 га. При этом, конечно, не исключены клеры большей или меньшей площади⁴.

¹ В противоположность этому, вся остальная территория Гераклийского полуострова, даже в ближайших окрестностях Херсонеса, судя по отсутствию памятников IV в. до н. э., была еще слабо использована для сельскохозяйственных целей.

² К. К. Косяков и В. А. Южинич. Важное археологическое открытие. ИТУАК, № 13.

³ К этому выводу независимо от неопубликованных обмеров Н. М. Печенкина пришел В. Д. Блаватский в своей работе «Земледелие...» (стр. 40—41).

⁴ В. Д. Блаватский, ук. соч., там же. Как мы увидим ниже, такие же отклонения от нормы наблюдаются и на клерах Гераклийского полуострова нач. III в. до н. э.

8. Следы различных агротехнических мероприятий: террасирование участков, ограждение каменными стенами, создание искусственного почвенного слоя, предохранение его от смыва, задержание осадков и т. д. — несомненно свидетельствуют об интенсивном характере земледелия того времени. На это уже давно обращали внимание различные исследователи, начиная с первых путешественников в Крым в конце XVIII, начале XIX века. Общеизвестно, что основной культурой, возделывавшейся на Гераклеяском полуострове, был виноград.

9. Идентичность агротехнических мероприятий на клерах Гераклеяского и Маячного полуостровов, многочисленные остатки винодельческого производства на усадьбах и клерах последнего: винодельня на усадьбе клера № 2, такие же, по-видимому, винодельни на усадьбах клеров № 3 и 4, многочисленные тарапаны во всех усадьбах, железный виноградный нож, найденный на усадьбе клера № 5, кладовые с пифосами и т. д. — позволяющий считать, что экономическая основа клеров Маячного полуострова являлось виноградарство и связанное с ним виноделие.

Роль других садовых и зерновых культур в экономике клеров до специального исследования этих клеров трудно определить. Но, конечно, возможность их выращивания здесь нельзя отрицать, хотя бы исходя из общераспространенной практики древнегреческих земледельцев. Это же следует сказать и о животноводстве.

10. Исключительно благоприятные условия для рыболовства в теперешней Казачьей и соседних с нею бухтах, а также постоянные находки рыболовных грузил на всех раскопанных усадьбах позволяют считать, что рыболовство играло значительную роль в хозяйстве населения Маячного полуострова.

11. Сопоставление раскопанных усадеб вскрывает ряд одинаковых их черт. Площадь усадеб колеблется в пределах от 300 до 500 кв. м. Внутренняя планировка повторяет общую схему: усадьба состоит из центрального двора, окруженного жилыми и хозяйственными помещениями. Те и другие, по-видимому, как правило, объединяются в два отдельных здания. Жилые здания примыкают к северной стороне усадьбы. Дверьми и окнами они обращены во двор и к югу. Хозяйственные помещения занимают противоположную, южную, сторону усадеб. Во всех усадьбах находим следы винодельческого производства и рыболовства. Техника сооружения усадеб однородна: стены сложены из рваного, иногда подтесанного камня разного размера на глине. Нигде не обнаружено стен из тесаного камня или из крупных блоков, тем более сложенных «пасухо», как и следов известковой штукатурки, хотя некоторые стены сохранились высотой до двух метров. Постройки усадеб, как правило, одноэтажные, значительно реже — двухэтажные.

Характерно, что все усадьбы не имеют колодцев. Принцип домостроительства, весь облик усадеб и всех остатков материнской культуры — древнегреческий, средиземноморский.

12. Незначительные размеры клеров бесспорно свидетельствуют о той части Гераклеяского полуострова тем, что они не укреплены. Нет здесь мощных башен, стен из огромных блоков. Факт этот уже объяснен¹. Усадьбы Маячного полуострова были достаточно защищены оборонительными стенами города на перешейке.

13. Незначительные размеры клеров бесспорно свидетельствуют о мелком хозяйстве их владельцев. Для обработки такого клера было достаточно одного², двух³, максимум трех рабочих, которых могла

¹ К. Э. Гриневич, Ук. раб., стр. 14. В. Д. Бляватский, ук. раб., стр. 116.

² Colum., De re rust., II, 12, 7.

³ Var., De re rust., I, 18.

обеспечить семья самого его владельца. По всей вероятности, так оно и происходило на многих клерах Маячного полуострова. Можно думать, что эти землевладельцы, вместе со своими семьями, постоянно жили на усадьбах клеров, чему способствовала надежная защита их со стороны суши. Доказательством этого может служить большое количество обломков чернолаковых столовых сосудов на всех усадьбах, в отличие от усадеб на Гераклеюском полуострове. Напомним многочисленные находки терракотовых изделий на усадьбе клера № 3. Судя по городским домам, общая площадь жилых помещений на усадьбах была вполне достаточной для проживания семьи. Кроме того, мы уже обращали внимание на сравнительную бедность этих усадеб, которая сказывается и в технике кладки, и в отсутствии штукатурки, и в малых размерах усадеб (по сравнению с усадьбами Гераклеюского полуострова). Не исключено, что владелец клера на Маячном полуострове просто не был в состоянии иметь два дома: в городе и на наделе. Да и надобности в этом не было, учитывая близость города на перешейке и безопасность обитания на клере.

14. Открытые Н. М. Печенкиным клеры IV в. до н. э. вскрывают ведущее значение земледелия в экономике Херсонеса с момента его основания и земледельческий характер колонизации Гераклен Понтийской.

15. Раскопки усадеб установили длительное их существование, по крайней мере, с первой половины IV в. по конец II в. до н. э. Можно думать, что и клеры, как определенный экономический и политический институт античного полиса, продолжали сохраняться в течение всего этого времени и подлежат учету при изучении следующего этапа развития экономики Херсонеса в III—II вв. до н. э.

Глава III

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В III—II ВВ. ДО Н. Э., ЕЕ ОРГАНИЗАЦИЯ И ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Начиная с рубежа IV—III вв., вероятнее даже с начала III в. до н. э. и по конец II в. до н. э., вопросы, связанные с изучением земледелия Херсонеса Таврического, могут быть освещены лучше, чем для любого другого периода его истории, как античной, так и средневековой эпохи. Больше того, изучение этих вопросов на материалах Херсонеса имеет лучшую и наиболее полную базу, чем в любом античном государстве Средиземноморья¹. Этой базой являются, прежде всего, многочисленные и продолжительное время исследуемые сельскохозяйственные памятники Гераклеюского полуострова III—II вв. до н. э., существенно дополняемые эпиграфическими документами² и известиями античных писателей по вопросам земледелия: Феофраста, Демосфена, Ксенофонта, Страбона, Катона, Коллумелы, Варрона и др.

Однако, прежде чем приступить к освещению различных сторон

¹ Ср. В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 25.

² Херсонесскими: IOSPE, I, № 401, 403, 418; Общегреческие: IG, т. I, приб., № 27 в, 53 а; т. II, № 194, 600, 631, 1055, 1059, приб. № 179 в, 834 в; т. III, № 61; т. XI, № 142, 144, 158, 159, 161, 287; т. XII, 5, № 872; т. XII, 7, № 62; т. XIV, № 645. Отмечаем лишь наиболее важные надписи для истории античного земледелия, только по основному их изданию.

земледелия Херсонеса, необходимо выяснить размеры сельскохозяйственной территории, которая в это время была в распоряжении его граждан. Установить размеры этих земельных владений на основании археологических и эпиграфических данных, возможно только приблизительно, что исключает какие-либо категорические утверждения.

Основным документом для решения этого вопроса является присяга граждан Херсонеса (рис. 18), составление которой относится к самому началу интересующего нас периода — к началу III в. до н. э.¹ Текст присяги позволяет, примерно, установить границы или, точнее говоря, распространение хоры херсонесского государства (стк. 3—13; стк. 18—23). Суммарно эта хора может быть распространена на все западное побережье Крыма, что вытекает из перечня опорных пунктов Херсонеса на этом побережье: Прекрасной гавани, Керкинитиды и «прочих укреплений»². Насколько далеко от берега в глубь Крыма простирались эти владения Херсонеса, при современном слабом археологическом изучении этого побережья, трудно сказать. Судя по Гераклеюскому полуострову, они занимали только узкую прибрежную полосу. Однако вся эта территория была использована для земледелия жителями Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной гавани и «прочих укреплений»³. Однако нас прежде всего интересует основная земледельческая территория граждан Херсонеса, которую они могли использовать непосредственно, учитывая, что Херсонес, как город классической древности, был основан на земельной собственности и на землевладении⁴. Полагаем наиболее вероятным усматривать эту территорию Херсонеса на Гераклеюском полуострове, что подтверждается археологическими раскопками и, по-видимому, подтверждается эпиграфическим известием⁵.

Так, в указанной надписи III в. до н. э. на постаменте статуй Ага-

¹ IOSPE, I², № 401. В. В. Латышев датировал ее первыми десятилетиями III в. до н. э. Ср. его же, МАР, № 9, стр. 4, 6 и 11. Эту же дату принимает А. И. Тюменев—Херсонесские этюды. ВДИ, 3, 1955, стр. 45. В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, стр. 18. Hiller — SIG, № 360, Lips., 1915, — датирует ее 300—280 гг. до н. э. Отметим интересные соображения Е. И. Левин относительно составления присяги в 281—280 гг. до н. э. в связи с демократическим переворотом в Гераклею Понтийской. Оговариваемся, однако: выдвигаемое Е. И. Левин предположение о попытке изгнанного из Гераклеи князя Гераклида совершить переворот в Херсонесе ничем не обосновано. (Ср. А. И. Тюменев, ук. раб., стр. 44). В. Ф. Гайдукевич. Рецензия. Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, ВДИ, 3, 1949, стр. 144. С. А. Жебелев. Херсонесская присяга, ИОН, 1935, № 10, стр. 914, с ссылкой на В. В. Латышева, датирует ее концом IV — нач. III в. до н. э.

² В. В. Л а т ы ш е в. МАР, № 9, стр. 11. Этот же вывод повторен в отдельном издании памятник — Присяга граждан города Херсонеса Таврического. Севастополь, 1902, стр. 14. С. А. Жебелев, ук. раб., стр. 924—925. Необходимо оговориться, что в этой же работе (стр. 916) С. А. Жебелев, по совершенно непонятным нам соображениям, считает хорошей Гераклеюский полуостров, составляющий только ее южную часть. А. И. Тюменев, ук. раб., стр. 46, пр. 1. Здесь мы отмечается указанное нами выше противоречие в работе С. А. Жебелева. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 27—29. Ср. А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, 21, стр. 193; ошибочность скептических выводов автора о роли и значении античного Херсонеса в истории Крыма общезвестна. Г. Д. Велов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 55—56.

³ Об этом можно судить по эпиграфике Херсонеса: IOSPE, I², № 401, 403, 418. В отношении так называемого акта о продаже земли (ук. докум. № 403), нам кажется, прав С. А. Жебелев, считавший перечисленные в акте участки земли лежащими в пределах всей херсонесской хоры.

⁴ К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 15.

⁵ IOSPE, I², № 418. Как мы увидим ниже, это отнюдь не отрицает исключительно важных экономических, сельскохозяйственных интересов Херсонеса за пределами полуострова, в частности на западном побережье Крыма. Ср. А. И. Тюменев, ук. раб., стр. 46, прим. 1 и 2; С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 3, 1951, стр. 85.

сикла засвидетельствовано, что он «размежевал виноградники на равнине». находка присяги херсонесцев с упоминанием тоже равнины, с которой они могли вывозить и продавать хлеб только в Херсонесе (стк. 47—50)¹, привела первого же ее издателя В. В. Латышева к мысли, что эти обе равнины, упоминаемые в двух надписях III в. до н. э., представляют одну и ту же территорию, на которой располагались хлебные поля и виноградники херсонесцев². Учитывая описание степного Крыма у Страбона (VII, 6, 4), издатель локализовал «равнину», упомянутую в присяге, и надписи в честь Агасикла в Северном Крыму, на его западном побережье³.

В. Д. Блаватский более осторожно подходит к решению этого вопроса. Он расчленяет его на две части и предлагает отдельно локализовать «равнину» в присяге и равнину в надписи на постаменте статуи Агасикла⁴. Однако он считает, что и это решение не может быть окончательным и в конечном итоге склоняется к локализации обеих равнин в западном Крыму⁵.

Третье мнение, к которому присоединяется и автор настоящей работы, заключается в различной локализации обеих равнин⁶. На современном уровне археологического изучения Гераклейского полуострова и западного побережья Крыма следует считать наиболее вероятным отождествление равнины присяги с западной частью степного Крыма в районе Керкинитиды и Прекрасной гавани, т. е. западной части равнины, описанной у Страбона (VII, 6, 4).

Что касается равнины, на которой Агасикл размежевал виноградники, то никакого другого места, кроме Гераклейского полуострова, мы не можем указать⁷. В защиту этого вывода можно привести ряд суще-

¹ IOSPE, I², № 401.

² В. В. Л а т ы ш е в. МАР, 9, стр. 11.

³ Там же. Это предположение В. В. Латышева принято, как наиболее вероятное, многими исследователями истории Херсонеса и древнего Крыма. С. А. Жебелев, ук. раб., стр. 92б. (При этом исследователь попытался развернуть и обосновать один из выводов В. В. Латышева о монополии в Херсонесе на экспортную торговлю хлебом, вывозенным с равнины). На этой же точке зрения стоят западноевропейские исследователи: ср. SIG³. № 360, прим. 11; Busolt, Griech. Staatskunde, стр. 224³. А. И. Тюменев, определяя местонахождение равнины присяги в западном Крыму, возражает против предположения С. А. Жебелева о монополии на вывоз хлеба из Херсонеса, который никогда не был экспортером его. По мнению А. И. Тюменева, обязательство в присяге вывозить хлеб только в Херсонес отражает недостаток хлеба в последнем. См. там же, стр. 4б, пр. 2 и 3. Это же мнение высказал В. Ф. Гайдукевич в Истории античных городов Северного Причерноморья М.—Л., 1955, стр. 79.

⁴ В. Д. Б л а в а т с к и й. Земледелие., стр. 27—29.

⁵ Там же. Думаем, что в отношении локализации равнины, о которой сказано в присяге, в западном Крыму. В. Д. Блаватский прав так же, как и в отношении различной локализации вышеуказанных равнин.

⁶ А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д. О. Херсонесе. Стр. 193—194. прим. Исследователь категорически возражает против отождествления двух равнин: равнина присяги — степи западной Тавриды, равнина надписи Агасикла — Гераклейский полуостров, при этом с исключением восточной его части, расположенной к востоку от Сарандинакиной балки. С большинством выдвинутых им наблюдений в обоснование своей точки зрения можно согласиться и в настоящее время. Судя по контексту, этого же мнения придерживается Г. Д. Белов — Херсонес Таврический, стр. 56—57.

⁷ Предположение В. Д. Блаватского (ук. раб., стр. 28—29) о наличии в районе Прекрасной гавани виноградников, подобных виноградникам Гераклейского полуострова, выдвинутое на основании сообщения А. И. Шмакова (ЗООИД, I, 1844, стр. 630 и сл.), не может относиться к виноградникам херсонесцев. Независимо от дальнейших археологических разведок в районе Керкинитиды и Прекрасной гавани; учитывая демократический строй Херсонеса и этих двух полисов, теоретически можно даже утверждать, а не только предполагать, что и к последним примыкали клеры их граждан, аналогичные клерам Маячного и Гераклейского полуостровов. Больше или меньше затруднение в их обнаружении будет зависеть от степени сохранности размежевки этих клеров, одна из усадеб которых, по-видимому, раскопана Л. А. Моисеевым. Ср. В. Д. Блаватский, ук. раб., стр. 61—62, где автор приходит к такому же заключению.

ственных фактов: 1—равнинный характер Гераклеийского полуострова (см. план, рис. 19)¹. 2—прекрасные экологические условия для развития виноградарства на полуострове в настоящее время, 3—сохранившаяся на полуострове размежевка его на клеры (см. рис. 1 и 19). 4—синхронность этой размежевки и надписи на постаменте статуи Агасикла². 5 — превалирующее значение виноградарства и виноделия в экономике клеров полуострова³. 6—второстепенное значение в экономике этих хозяйств зерновых культур и недостаточное количество получаемого хлеба даже для обеспечения рабочей силы клеров, что исключало какой бы то ни было вывоз его в Херсонес для продажи⁴.

Таким образом, не отрицая серьезного значения земледельческого района на западном побережье Крыма в снабжении Херсонеса хлебом, можно полагать, что основным его сельскохозяйственным районом, судя по материалам, которыми мы располагаем в настоящее время, был Гераклеийский полуостров. Весьма важным подтверждением этого вывода является интенсивное использование каждого гектара его площади.

Площадь всего Гераклеийского полуострова немногим больше 12 000 га. Обширное плато, с четко выраженным равнинным характером степи, с соответствующим растительным покровом, постепенно повышается с северо-запада на юго-восток. С востока полуостров столь же четко ограничен крутыми склонами Сапун-горы и высот у селения Флотское (бывш. Карань). Сейчас же за пределами границ полуострова географический ландшафт резко изменяется: степь сменяется горной областью⁵.

Многолетние археологические исследования полуострова, начавшиеся еще в конце XVIII века⁶, позволяют с достаточной полнотой охарактеризовать картину использования Гераклеийского полуострова, в III — II вв. до н. э. для сельскохозяйственных целей (рис. 1 и 19). Количество археологических памятников на полуострове неисчислимо. Большинство их еще не обнаружено и не зарегистрировано на карте⁷. К числу только основных памятников его относится несколько сот клеров и такое же количество их усадеб, около пятидесяти продольных и поперечных дорог, из которых многие имеют протяжение около 10 км. Общее протяжение этих дорог достигает, минимально, 250 км. Сохранились остатки стен внутренней размежевки клеров, различных террас и других агротехнических сооружений, колодцев, виноделен, курганов и т. д. Прилагаемые карты и вышеприведенный перечень памятников являются неоспоримым доказательством исключительного значения всего полуострова в целом для изучения культуры античного общества, его экономики и земледелия⁸.

Фиксация этих памятников устанавливает определенное их распределение на территории полуострова (см. рис. 1 и 19). Ограды клеров

¹ Ср. А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, 21, стр. 193, прим. Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, стр. 28—39. В. Д. Блаватский, ук. раб., стр. 27; Strab., VII. 4. 4 — описание равнины у Феодосии.

² См. ниже, стр. 52, сравн. — С. Ф. Стржелецкий. Клэр Херсонеса Таврического. ВДН, 3, 1951, стр. 90. В. Д. Блаватский, ук. раб., стр. 28. Г. Д. Белов, ук. раб., стр. 58.

³ См. выше, стр. 18, ниже, стр. 66 и сл. С. Ф. Стржелецкий, ук. раб., стр. 86—87. В. Д. Блаватский, ук. раб., стр. 60.

⁴ См. ниже, стр. 66, 152, 154.

⁵ Подробное описание полуострова см. в Приложении № 2.

⁶ См. выше, гл. 1.

⁷ Методика археологической разведки на полуострове настолько разработана, что позволяет заранее определить место нахождения многих типов основных памятников.

⁸ Ср. В. С. Паллас. Путешествие в Крым в 1793—1794 гг. ЗООИД, т. XII, стр. 93.

и разделяющие их дороги поражали своей сохранностью путешественников конца XVIII, первой половины XIX века и вызывали предположения о распространении городской территории Херсонеса Таврического чуть ли не на всю площадь Гераклейского полуострова¹. В 1786 г., для Габлица², подпоручиком А. Строковым был снят «План развалин древнего Херсонеса с показанием бывших прямых улиц, красной краской означенных» (рис. 1), на который и нанесены эти сооружения³. Начиная с 20-х гг. Севастопольский музей краеведения и Государственный херсонесский музей под руководством П. П. Бабенчикова и К. Э. Гриневича зафиксировали около 90 усадеб клеров Гераклейского полуострова. За послевоенные годы количество их увеличилось до 149 (см. рис. 19)⁴. В эти же годы обмерено 35 клеров в районе Круглой и Камышевой бухт (рис. 20)⁵.

Сопоставление плана А. Строкова и издаваемого нами (рис. 1 и 19) показывает, что распространение клеров и их усадеб с востока четко ограничивается Сарандинакиной балкой⁶. При обследовании территории к востоку от этой балки не обнаружено никаких остатков размежевки клеров и их усадеб. Вместе с этим, следует отметить остатки значительного сооружения на мысе Сапун-горы к югу от шоссе Севастополь—Ялта, южнее музея штурма Сапун-горы в 1944 году. Судя по подъемному материалу, сооружение уже существовало в III—II вв. до н. э. Таким образом, восточный участок Гераклейского полуострова (высота Сапун-горы) не был размежеван на клеры или какие-либо земельные участки ни до, ни после III—II вв. до н. э. Примерная площадь этого района — от 1500 до 1600 га.

А. Л. Бертъе-Делегард утверждал, что этот район полуострова до Митридата не принадлежал Херсонесу⁷. Считаю, что это не соответствует действительности, хотя бы потому, что имеется сооружение эллинистического времени на самом краю Сапун-горы. Однако резкий контраст в использовании ограниченной площади Гераклейского полуострова для сельскохозяйственных целей требует разъяснения. Полагаю, что этот контраст может быть объяснен двумя или, даже тремя причинами:

1. Рассматриваемый район находится на высоте 200—250 м над уровнем моря. Несмотря на соседство с западной частью полуострова, вследствие разницы высот, среднегодовая температура этих двух районов весьма неодинакова⁸. Наряду с этим, район Сапун-горы отличается исключительной интенсивностью движения воздушных масс как по постоянству, так и быстроте, что при преобладании в зимние месяцы ветров северо-восточного направления, значительно ухудшало условия земледелия в этом районе. Уже этих двух причин вполне достаточно для объяснения того, почему основная культура клеров эллинистического

¹ Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб. 1823, Е. О следах древнегреческого города Херсонеса, ныне видимых в Крыму. «Отечественные записки». СПб., 1822, № 22.

² А. Л. Бертъе-Делегард. Раскопки Херсонеса. МАР, № 12, СПб., 1893, стр. 5—6.

³ Первое издание в «Отечественных записках», 1822, № 22, стр. 234. Перепечатан В. Д. Блаватским — Земледелие..., стр. 38, рис. 13. Необходимо еще раз отметить большую точность плана 1786 г., проверенную обмерами и систематическими обследованиями полуострова. До окончательной съемки местности и нанесения на план клеров полуострова план 1786 г. вполне достаточен для ряда общих выводов.

⁴ Работа выполнена Гераклейской экспедицией ГХМ.

⁵ Работа этой же экспедиции.

⁶ Это уже отмечено А. Л. Бертъе-Делегардом — О Херсонесе, ИАК, 21, стр. 192, прим.

⁷ Там же. Несмотря на «уверенность» его в правоте, это предположение столь же «точное», как и многие другие, высказанные им по истории античного Херсонеса.

⁸ См. Приложение 2, стр. 173.

Херсонеса—виноград—не выращивалась в этом районе¹. Таким образом, конкретная совокупность экологических факторов не благоприятствует и не благоприятствовала разведению винограда на этой площади.

2. Сплошное размежевание всего Гераклейского полуострова на клеры лишило бы всю городскую общину выгона и выпаса ее молочного и рабочего скота. Наличие этих общегородских земель и угодий является обычным, собственно говоря, обязательным явлением в земледельческой практике античных поселений². Вероятнее всего, восточный район полуострова и являлся таким общественным выгоном Херсонеса.

3. Кроме того, часть этих высот могла быть занята лесом. Еще в начале XX века район балки Делегарда, с восточной стороны Сарандинакиной балки, был покрыт хорошим лесом, уничтоженным в период врангелевщины на топливо. Таким образом, и на этом примере мы видим, как бережно и экономически рационально использовали херсонесцы свою ограниченную по площади территорию для нужд сельского хозяйства.

В противоположность району Сапун-горы, вся остальная часть Гераклейского полуострова, площадью свыше 10 000 га, была тщательно размежевана на индивидуальные хозяйства — клеры, на которых каждый клочок земли был использован для выращивания различных сельскохозяйственных культур.

План 1786 г. показывает, что весь полуостров, за исключением его южной и юго-западной части, разделен на прямоугольные участки — клеры, которые почти все имеют одинаковые размеры. Соседние клеры разделены дорогами. Проверкой на месте и по карте инструментальной съемки установлено, что направление дорог и размеры клеров указаны правильно, соответствуют действительности. Особенно тщательно это сверено на месте в районе Круглой и Камышевой бухт (рис. 20)³. Составление этих двух планов и обмеры клеров указанного района свидетельствуют, что план 1786 г. вполне пригоден для ряда выводов весьма существенного значения, пока не будет окончена дорогостоящая инструментальная съемка клеров на полуострове.

Прежде всего попытаемся определить количество клеров на Гераклейском полуострове. Исследования местности в южной и юго-западной части полуострова выявили ту же размежевку и наличие усадеб, что и на остальной части его. По-видимому, уже к моменту съемки плана 1786 г. А. Строковым ограды клеров в этом районе были сильно разрушены и остались незамеченными последним⁴. Остатки усадеб в этом районе (см. план, рис. 19) указаны и на плане 1786 г., хотя и в меньшем числе. В этом же районе в 20-х годах Л. А. Монсеевым были проведены большие работы по исследованию так называемых памятников древнего водоснабжения⁵. В итоге работ было, в частности, установлено, что размежевка Гераклейского полуострова начинается у самого водораздела его в сторону Каранских высот, т. е. у южной границы полуострова⁶. Указывая отклонение «водокатных сооружений» (так Л. А. Монсеев

¹ По-видимому, этим же объясняется отсутствие виноградников в этом районе в XIX—XX вв. и до настоящих дней.

² A. Jarde. Les céréales dans l'antiquité grecque, стр. 93.

³ См. приложение № 1.

⁴ Это разрушение, вероятно, связано с разборкой заборов и меж на строительный камень населением средневековой Балаклавы. Аналогичное явление мы наблюдаем в ближайших окрестностях Севастополя.

⁵ Л. А. Монсеев. Следы ирригации, мелiorации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове. Зап. Крым. об-ва естествоиспыт. и любит. природы, т. IX, 1926; он же. Отчет о работах в 1927 г. Арх. ЛОИИМК, д. № 162 за 1927 г. Оценка работ дана выше, гл. 1, стр. 19 и сл.

⁶ Там же, стр. 5.

называл дороги между линиями) на 33° от севера к западу он отмечает, что они соответствуют линиям 8, 9, 10, 11 плана Струкова (Строкова, С. С.), считая с восточа¹. Фиксируя инструментально эти «водокатные сооружения», топограф, по указанию Л. А. Моисеева, тем самым обмерил клеры южного района Гераклеяского полуострова, не представленные на плане 1786 г. Все участки, на площади около 4 кв. км, оказались равными и имели «ок. 430 м поперек и ок. 640 м вдоль»². Отклонение от обычного размера клера — 420×630 м — объясняется тем, что Л. А. Моисеев мерил от середины дороги до середины другой между клерами, или, по его терминологии, от середины одного водокатного лотка до середины другого.

Изложенное позволяет считать, что вся южная и юго-западная часть Гераклеяского полуострова была размежевана на точно такие же клеры, как и остальная его площадь. В свою очередь это позволяет восстановить недостающую часть размежевки на плане 1786 г. простым продолжением его дорог и нанесением отсутствующих поперечных на тех же расстояниях одна от другой, как и на плане, которые соответствуют промерам Л. А. Моисеева и нашим в северной части полуострова. Реконструированный план показывает, что на всей площади Гераклеяского полуострова, без площади Маячного, находилось около 370 клеров³.

Количество клеров устанавливается и другим путем. Вся площадь полуострова насчитывает около 12 000 га. За вычетом общегородского выгона (1500—1600 га) и площади Маячного полуострова (около 360 га) остается около 10 000 га, которые были размежеваны на клеры. Площадь каждого клера равна 25,6 га⁴. Частное от деления общей площади на площадь одного надела составляет 377. Совпадение двух этих цифр, по-видимому, не случайно. Это и позволяет считать, что на Гераклеяском полуострове (без Маячного) находилось около 380 клеров, размежеванных в начале III в. до н. э. и распределенных между гражданами Херсонеса.

Остановимся на размерах этих клеров. Полевые исследования Гераклеяской археологической экспедиции ГХМ установили общую планировку и размеры 35 клеров между Круглой и Камышевой бухтами (рис. 20)⁵. По размерам клеры разделяются на три группы: 1 — основная группа клеров (18 наделов). Размер клера 420×630 м, площадь около 26,5 га⁶. 2 — клеры размером 420×420, площадью около 17,5 га (5 наделов)⁷. Нарочитый характер вымежевки клеров этого размера и вызывает сомнения. Об этом свидетельствует строго квадратная планировка их со стороны, равной ширине клеров основной группы. В целом эта группа второстепенна среди обмеренных клеров и случайна в общей размежевке всего полуострова, как это и видно на

¹ Л. А. Моисеев. Следы ирригации, мелпояции и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеяском полуострове. Зап. Крым. о-ва естествоиспыт. и любит. природы, т. IX, 1926; Он же. Отчет о работах в 1927 г.

² Там же.

³ В. Д. Блаватский (Земледелие..., стр. 37) насчитывает их по плану А. Строкова свыше 220, в соответствии с количеством клеров, нанесенных на плане. Указанное нами количество клеров должно быть увеличено за счет наделов на водоразделе Хомутовой и Сарандинакиной балок, которые не можем реконструировать вследствие отсутствия рельефа этого участка на плане 1786 г.

⁴ См. ниже, стр. 50.

⁵ Арх. ГХМ. См. ниже описание пяти клеров, на которых замерена их внутренняя размежевка, стр. 58 и сл., см. Приложение № 1.

⁶ Клеры № 4—12, 15—19, 28—31. У клеров № 4 и 8 площадь меньше указанной только вследствие неправильных очертаний береговой линии, к которой они примыкают.

⁷ Клеры № 22—24 и 34—35.

плане 1786 г., на котором они нигде больше не повторяются. 3 — оставшиеся 12 клеров имеют разную площадь: от 33 га (№ 32) до 11 га (№ 3), не считая небольших земельных отрезков под № 13 и 14 вдоль восточного берега Камышевой бухты, которые мы, вероятнее всего, напрасно выделили как отдельные клеры¹. И эта группа, как и предшествующая, случайна в общей распланировке всего полуострова. Отступления от нормы вызваны тем же неправильным очертанием береговой линии. Отклонение клеров № 20—21 и 25—27 от нормы и еще четырех к востоку от них до берега Стрелецкой бухты (см. план 1786 г., рис. 1) обусловлено направлением дороги между ними и топографией. Как видно на плане, эта кратчайшая дорога от Херсонеса к Маячному полуострову была магистральной. Для удобства транспорта ее прокладывали, стараясь избежать подъемов, и вывели к южному концу Стрелецкой бухты и дальше к Херсонесу².

Таким образом, уже эти материалы позволяют предполагать, что обычный, рядовой клер Херсонеса III—II вв. до н. э. был прямоугольной формы, площадью 26,4 га. Это же подтверждает строгая продуманность античных пропорций клера, выраженная в цифровом отношении 3:2, при которой длина его строго соответствовала полуторной ширине (630×420 м). Правильность этого вывода подтверждают инструментальные обмеры клеров в южной части полуострова³. В другом своем отчете Л. А. Моисеев указывает, что на измеренных им участках находились виллы⁴. Точно те же данные мы получаем при измерении подавляющей массы клеров на плане 1786 г. Как это уже отметил в своем исследовании В. Д. Блаватский⁵, размеры 420×630 м, площадь около 26,5 га⁶. Следует, по-видимому, думать, что и площадь рядового клера — норма земельного надела херсонесского гражданина на III—II вв. до н. э. на Гераклеюском полуострове — равнялась 26,4 га в современных единицах измерения⁷.

Как мы отмечали, на Гераклеюском полуострове открыто около 150 руин древних усадеб, именуемых у различных авторов домами, виллами, башнями⁸. Связь между этими сооружениями и прилегающими полями замечена еще первыми исследователями полуострова⁹. Послевоенные полевые исследования Гераклеюской археологической экспедиции ГХМ по существу одной из основных своих задач имели проверку этого предположения¹⁰. В результате обследования клеров в

¹ Клеры № 1—3, 13, 14, 20, 21, 25—27, 32 и 33.

² Этим же рельефом обусловлено направление новой дороги, которая местами перекрывает древнюю.

³ Л. А. Моисеев. Отчет о работах на Гераклеюском полуострове в 1927 г. Арх. ЛОИИМК, д. № 162 за 1927 г., стр. 5—6. Точнее, в отчете 430×640 м. Как мы уже показали (стр. 49), ошибка за счет промера от середины одной дороги до середины другой.

⁴ Арх. ЛОИИМК, 1928, д. № 162, стр. 11.

⁵ В. Д. Блаватский, ук. раб., стр. 37.

⁶ Конечно, почти никогда в практике мы не сталкивались с чистыми размерами 420×630 м. Постоянны, наоборот, отклонения от этих цифр от 1 до 5 м в обе стороны. Такая ошибка неизбежна при размежевке клеров и при их обмерах. При столь крупных промерах отклонение совершенно несущественное.

⁷ К вопросу о греческих единицах мер длины и площадей, которые легли в основу размежевания полуострова, мы вернемся ниже (см. стр. 55 и сл.).

⁸ Последнее название, получившее распространение в работах XX в., неправильно. Оно вуалирует смысл и назначение этих сооружений, подчеркивая только одну деталь их, хотя и распространяемую, но не всегда обязательную. См. ниже описание этих усадеб, стр. 87 и сл.

⁹ В. С. Паллас. Путешествие в Крым в 1793—1794 гг. ЗООИД, т. XII, стр. 108; F. Dubois de Montrépeux, ук. раб., стр. 280.

¹⁰ Ср. С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического, ВДИ, № 3, 1951, стр. 85 и сл.

районе Круглой бухты это предположение подтвердилось (рис. 20)¹. На 35 клерах обнаружено 26 усадеб, соответственно по одной на каждом клере. На основании многочисленного подъемного материала, собранного на усадьбах, несомненно, что все они возникают в эллинистическое время и существуют в течение III—II века до н. э. Однако не все усадьбы продолжали существовать после этого времени. Так, из 26 открытых усадеб только 15 дают подъемный материал первых веков нашей эры. Тщательное исследование клеров с целью обнаружения их усадеб показало, что многие из них разрушены не только в новое время при сооружении хуторов, но и в древности. Остатки некоторых усадеб эллинистического времени оказались перекрытыми толстым слоем намытой почвы². Аналогичные результаты дала нам разведка клеров в центральной и южной части полуострова. Ни в одном случае мы не могли зафиксировать наличие нескольких или даже двух усадеб на одном клере. Это же наблюдение в южной части полуострова сделано Л. А. Моисеевым³. Следует также отметить, что при реконструкции размежевки клеров в южной и юго-западной части Гераклейского полуострова на плане 1786 г. остатки древних сооружений (усадеб—С. С.), отмеченных на нем А. Строковым, размещаются раздельно, по одному такому сооружению в каждом реконструированном клере⁴.

Особенно существенны для определения времени возникновения этих усадеб материалы раскопок. На основании их возникновения усадьбы в юго-западном районе полуострова (Александриада) и усадьбы в центральной его части (Верхне-Юхарина балка) Н. И. Бороздин относит к III в. до н. э.⁵ Возникновение усадьбы в южной части полуострова (Балка Бермана, раскопки 1928—1929 гг.) датируется рубежом IV—III вв. до н. э.⁶ К этому же времени относится возникновение усадеб у Камышевой и Стрелецкой бухт (раскопки 1937 г.)⁷. К этим же выводам приводят материалы наших раскопок 1952—1956 гг. на усадьбах клеров № 25 и 26 в районе Круглой бухты⁸.

Таким образом, можно считать, что каждый клер Гераклейского полуострова (так же как и Маячного) имел свою усадьбу. Возникновение этих усадеб, судя по материалам раскопок и разведок, едино-

¹ См. приложение № 1.

² Ср. ниже, стр. 102, усадьба клера № 26; Приложение № 1, усадьбы клеров № 10, 11, 27 и др. Обнаружение усадеб на тех клерах, где они еще не зафиксированы, требует очень тщательной разведки их, которую за недостатком времени мы не успели провести.

³ Арх. ЛОИИМК, д. № 162, 1928 г., стр. 11.

⁴ Не лишним будет отметить, что приведенный факт является еще одним доказательством точности работы А. Строкова.

⁵ Н. И. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму. М., 1925 г., стр. 29.

⁶ Как мы уже отмечали выше (гл. I, стр. 22), с датированием К. Э. Гриневичем возникновения усадьбы V в. до н. э. мы не согласны. Археологический материал двухлетних раскопок нами просмотрен тщательно. Никаких данных раньше рубежа IV—III вв. до н. э. в этом материале мы не обнаружили. Теоретически мы не исключаем, что некоторые из усадеб могли существовать до начала III в. до н. э., однако раскопками это пока не доказано. См. К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г. Севастополь, 1928. Его же. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейской экспедиции. Севастополь, 1929.

⁷ В. П. Лисин. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г., ВДИ, 2, 1939 г.

⁸ См. ниже, стр. 99—109; ср. С. Ф. Стрелецкий, ук. раб., ВДИ, 3, 1951 г., стр. 30.

временно и может быть датировано рубежом IV—III, началом III в. до н. э.¹

Основным историческим и археологическим памятником III и II вв. до н. э. на Гераклеийском полуострове является клер, имеющий четкие границы в виде дорог, окружающих его со всех четырех сторон. Однако клер — это комплексный памятник, состоящий из многочисленных археологических объектов, замкнутых в пределах его не менее четко выраженного каменного забора. Усадьба клера—это только один из существенных элементов этого комплекса. Тесная связь клеров с его усадьбами проявляется не только в наличии на каждом клере по одной усадьбе, но и в зависимости размещения последней от первого. Большинство усадеб клеров непосредственно примыкает к дорогам, которые их разделяют (рис. 20).. В тех случаях, когда усадьба отнесена по хозяйственным соображениям в глубь клера или на берег моря, размещение ее подчинено внешней и внутренней планировке клера. Ее внешний двор, подъезд к ней со стороны дороги, ворота во внешней ограде клера подчинены общей планировке клеров Гераклеийского полуострова. Основные оси внутренней планировки усадеб те же, что и у клеров.

Эта тесная взаимосвязь клеров и их усадеб, установленная выше, время возникновения последних, отсутствие усадеб предшествующего времени определяют время размежевки Гераклеийского полуострова на клеры, которое и не может быть вследствие этого отнесено ранее рубежа IV—III вв. до н. э. Косвенным подтверждением этого вывода является дата надписи на постаменте статуи Агасикла².

В итоге мы пришли к выводу о единовременном характере размежевки Гераклеийского полуострова. Этот вывод подкрепляется фактами: 1 — расчленение всей площади полуострова на общественный выгон и индивидуальные хозяйства — клеры. 2 — исключительная четкость и единство размежевки клеров, ярко проявившаяся в сплошной сетке дорог, покрывающей полуостров, в идеальной правильности этих дорог, проложенных по прямой линии на протяжении до 10—12 км каждая, на строго повторяющихся одинаковых расстояниях одна от другой. 3 — одинаковые размеры клеров, площадью около 26,5 га; единство меры, которая легла в основу измерения их площади; единство пропорциональных соотношений длины и ширины всех этих клеров. Этот вывод, сделанный на основании археологических данных, подкрепляется надписью на постаменте статуи Агасикла, который «размежевал виноградники на равнине»³.

Вернемся теперь к памятникам Маячного полуострова. Как мы уже знаем, этот полуостров был размежеван на клеры в первой половине IV в. до н. э. Однако усадьбы его клеров продолжали существовать в III и II веках до н. э., что позволяет предположить существование в это время старых клеров Маячного полуострова одновременно с новыми клерами на остальной площади Гераклеийского полуострова, от которых они отличались величиной, размежевкой, величиной и устройством усадеб и т. д. Учитывая изложенное, мы, по-видимому, можем констатировать на всем Гераклеийском полуострове два основных типа земельных владений площадью в 26,5 га и 4,5 га. Первый тип пред-

¹ Конечно, это не означает, что строительство их проведено по единому плану, субсидируемому из одного источника, по замыслу одного архитектора и решением государства одновременно на всем пространстве полуострова. См. гл. I, стр. 23, где дана наша оценка подобным предположениям.

² IOSPE, I², № 418.

³ Там же. Этот же вывод был сделан еще Dubois de Montpéroux, ук. раб., т. III, ч. 3, стр. 290.

ставляет рабовладельческие хозяйства значительного размера, требующие привлечения рабочей силы, и второй — при котором индивидуальное хозяйство могло обходиться и, вероятнее всего, обходилось без этой силы, за счет труда самого земледельца и членов его семьи. Конечно, такое схематическое расчленение индивидуальных земледельческих хозяйств в действительности существовало непродолжительное время. При наличии частной собственности на землю последняя неизбежно должна была концентрироваться в руках крупных землевладельцев. Тем не менее мы можем считать, что размежевание Гераклейского полуострова предусматривало создание около 450—470 средних и мелких индивидуальных хозяйств херсонесской рабовладельческой общины, из них первых около 370—380 и вторых — 80—90.

В заключение попытаемся вскрыть основные формы земельной собственности в Херсонесе III—II вв. до н. э.¹ Для решения этого вопроса исключительное значение имеет одна херсонесская надпись конца III, начала II в. до н. э.² Надпись сильно фрагментирована, с большими лакунами (рис. 21). Сохранилось два обломка с перечнем продаваемых земельных участков и их цен. Надпись представляет государственный акт, скрепляющий продажу земли в частную собственность значительному числу граждан. Официальный характер документа подчеркивается записью акта на мраморной плите, несомненно, выставленного для общего сведения на акрополе или в одном из храмов Херсонеса и удостоверенного подписями особых попечителей — *ἐπιτελεῖται*, с обозначением эпонима города — «царя»³. Цены участков различны. Если В. В. Латышев правильно расшифровал цифровые обозначения в надписи, цены некоторых участков достигали нескольких десятков тысяч драхм. Еще дороже стоили какие-то определенные участки. Присоединяемся к мнению В. Д. Блаватского, что, судя по большому количеству покупателей, продажа земли носила массовый характер и, по-видимому, была связана с концентрацией земли в руках городской землевладельческой знати. О наличии частной собственности на землю и ее концентрации свидетельствуют материалы разведок клеров в районе Круглой и Камышевой бухт⁴. Так, в III и II вв. до н. э. на обследованной площади находилось 35 клеров с усадьбами на каждом из них. В первых веках нашей эры на этих же клерах существует только 15 усадеб. Несомненно, что 20 усадеб прекратили свое существование в конце эллинистического времени, хотя использование земельной площади всех клеров для сельскохозяйственных целей продолжалось.

Таким образом, акт о продаже земли и материалы разведок позволяют установить, что частная собственность на землю являлась основной формой землевладения в Херсонесе эллинистического времени⁵. Вместе с этим необходимо отметить, хотя и с оговоркой, нерав-

---

¹ Вопрос этот уже рассматривался В. Д. Блаватским (Земледелие..., стр. 29 и сл.). Полагаем, он вполне убедительно решен в отношении наличия частной собственности на землю в Херсонесе III—II вв. до н. э.

² IOSPE, I², № 403.

³ Там же.

⁴ Приложение № 1.

⁵ Материалы разведки клеров подтверждают мнение В. Д. Блаватского, что частнособственнический характер землевладения, отраженный в акте о продаже земли, вполне допустимо распространить и на сельскохозяйственный район Гераклейского полуострова (ук. раб., стр. 35). С. А. Жебелев не уточнял отдельных районов херсонесских владений, на которых могли находиться земельные участки, упоминаемые в акте, однако он совершенно определенно высказался за принадлежность этих участков херсонесской хоре (ук. раб., ИОН, № 10, 1935, стр. 924—925).

номерное распределение земельной собственности в руках херсонесских граждан. Это мы можем предположить на основании различия в размерах клеров Маячного полуострова и клеров остальной части Гераклейского полуострова, по-видимому, отражающих наличие двух основных групп земельной собственности: мелкой и средней (4,5 га и 26,5 га) — с самого начала размежевания основной сельскохозяйственной территории граждан полиса.

Наряду с частной собственностью на землю, в это же время существовала государственная, распространившаяся на земли всей городской общины, выделенные для общего пользования. В. В. Латышев полагал, что все участки, упоминаемые в акте о продаже земли, принадлежали государству и продавались гражданам в частную собственность¹. В. Д. Блаватский понимает этот акт шире, предполагая, что участки продавали и государство и частные лица². Нам кажется, это больше соответствует херсонесской и вообще античной действительности. В Херсонесе факт перепродажи клеров четко проявляется в середине и в конце II в. до н. э.³ Античная практика предусматривает официальное засвидетельствование актов продажи и купли, а недвижимого имущества в особенности.

Что касается общественной, государственной земли, то наличие ее подтверждается продажей крупных земельных участков, в особенности участков, на которых производилась рубка дров⁴, о чем говорится в указанном уже акте. Обычно такие участки, не пригодные для обработки, заросшие лесом, входили в общественный земельный фонд античных полисов⁵. О государственной форме собственности на землю, составляющую определенный фонд полиса, может свидетельствовать наличие общественного выгона для скота граждан Херсонеса на Сапун-горе, конечно, если наше предположение соответствует действительности. Как бы там ни было, наличие в Херсонесе III—II вв. до н. э. античной государственной и частной собственности на землю вряд ли может вызвать какие-либо существенные возражения.

Глава IV

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА КЛЕРАХ III—II ВВ. ДО Н. Э.

В предшествующей главе мы попытались осветить организацию основной сельскохозяйственной территории, которой владела херсонесская община в III—II вв. до н. э. Анализ археологических материалов, подкрепленный эпиграфическими известиями, позволяет констатировать высокий уровень этой организации, осуществленной одновременно на всей территории Гераклейского полуострова.

Организация индивидуального рабовладельческого хозяйства III—II вв. до н. э. может быть раскрыта только на материалах клеров среднего достатка, представляющих основную норму земельной собственности для граждан херсонесского полиса⁶. Как мы уже видели, такой нормой являлся клер, площадью около 26,5 га⁷. Попутно отметим, что

¹ В. В. Латышев, МАР, № 9, стр. 22.

² В. Д. Блаватский, ук. раб., стр. 34.

³ Приложение № 1 и ниже, стр. 134.

⁴ IOSPE, I², № 403, стк. 7.

⁵ A. Jarde, ук. раб., стр. 93.

⁶ Организация малых клеров на Маячном полуострове до соответствующих обменов и раскопок не может быть освещена.

⁷ См. выше, стр. 50.

Катон считал такую площадь наилучшей для имения: «Если ты меня спросишь, какое имение самое лучшее, то я скажу так: сто югеров (25,18 га) с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте...»¹.

Помимо составления общего плана размежевания 35 клеров в районе Круглой и Камышевой бухт (рис. 20), нами произведены детальные обмеры внутренней размежевки на 5 из них. Выбор этих клеров определялся несколькими обстоятельствами: первое (и главное) — хорошая сохранность их; второе — возможность хотя бы приближенно, без дорогостоящих раскопок, распределить отдельные участки этих клеров соответственно основным сельскохозяйственным культурам; третье — стремление изучить клеры не только обычных размеров, но и такие, которые в этом отношении являются исключением; четвертое — необходимость показа клеров на разных участках обследованной площади (рис. 20). В результате были замерены следующие клеры: № 10 (рис. 22) и № 11 (рис. 23) с площадью 26,46 га и 26,60 га; № 20 (рис. 24) с площадью 12,66 га; № 25 (рис. 25) и № 26 (рис. 26) с площадью 30,50 га и 29 га².

Достаточно внимательно поглядеть на пять этих планов, чтобы констатировать единство внутренней размежевки на всех пяти клерах. Это единство обусловлено применением одной и той же меры длины при их размежевке и строгой зависимостью погонных размеров различных участков и всей системы разбивки наделов на их составные части³. Остановимся на этом вопросе.

Как мы уже знаем, основные размеры обычных клеров полуострова находятся в строгой зависимости между собою: длина клеров равна их же полуторной ширине, или в абсолютных цифрах — 630 и 420 м. Основной единицей этого соотношения является число 210, которое в длину взято 3 раза и ширине — 2. На практике эти числа зафиксированы неоднократно (клеры № 8, 10, 16 и др.). Имеющиеся отклонения на 3—5 метров от этих чисел (вполне допустимые и при размежевке, и во время обмеров, в особенности, когда стены находятся под завалом), допускают какое-то незначительное колебание в выборе истинного соотношения чисел, выражающих длину и ширину клеров. Это колебание может быть выражено в пределах 2—3 метров, не больше, и по существу не нарушает основного наблюдения, констатирующего числовую зависимость между длиной и шириной клера, принятого за норму земельного надела.

Эта зависимость выражена в единицах измерения современной нам метрической системы. Несомненно, что эта же зависимость выражалась в единицах измерения, которыми пользовались херсонесцы при размежевке клеров на Гераклеийском полуострове и внутренней размежевке самих клеров. Следовательно, имея определенный цифровой материал, мы можем попытаться установить эту единицу измерения длины, а также площади. Задача облегчается строгой зависимостью числовых показателей длины и ширины различных земельных участков внутри клеров

¹ Cato, I, 7; II, 1. Перевод М. Е. Сергеевко Марк Порций Катон. Земледелие. М.—Л., 1950.

² См. С. Ф. Стр. Желецкий. Клер Херсонеса Таврического, ВДИ, № 3, 1951, стр. 85 и сл.; он же. Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э., СА, № 3, 1957, стр. 31 и сл.; В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 39, 56—61 и др. См. также Путеводитель по Херсонесу: Херсонес-Корсунь, Симферополь, 1950, таб. III; Херсонес Таврический, Симферополь, 1956, стр. 21—23, 54.

³ Ср. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 57—58, где исследователь убедительно вскрыл строгую систему размежевания клера № 25. Однако, имея в своем распоряжении план только одного клера, он же отрицал применение в этой размежевке какой-либо меры длины.

и указанием единицы измерения площадей в древнем херсонесском акте о продаже земли¹.

В указанной надписи, на обратной стороне основного ее обломка с более поздней частью текста, несомненно, уже II в. до н. э., дважды повторяется один и тот же термин — *ἐκατόριος* (стк. 6 и 15). Связь этого термина с продаваемыми земельными участками несомненна. В первом издании этой надписи В. В. Латышев предположительно расшифровал термин как овраг или лощина, в которых производилась рубка дров, упоминаемая в этой же надписи². Наряду с другими, надпись и, главным образом, интересующий нас термин привлекли внимание рецензента IV т. IOSPE — Ф. Ф. Соколова³. На основании весьма убедительных сопоставлений рецензент считал, что «*ἐκατόριος*» херсонесской надписи — нечто вроде *hectare*, было ли в них 10 000 кв. локтей или иначе⁴. Вранго Keil в специальной статье столь же убедительно доказал, что *ἐκατόριος*, как субстантивированное прилагательное, произошло из *ἐκατον* — *τόριος*, где *τόριος* восходит к *ὄροια*—*ὄρτια* и означает сто квадратных оргий или гекаторию⁵. Это понимание термина было принято В. В. Латышевым⁶. С. А. Жебелев высказал предположение, что термин *ἐκατόριος* «сохранился как пережиток от времени основания Херсонеса, когда территория, им занятая, была поделена между колонистами на равные по величине участки». Здесь же он предположил, что *ἐκατόριος* соответствует термину *κῆρος*⁷. В. Д. Блаватский⁸, учитывая работу Ф. Ф. Соколова и В. В. Латышева, попытался высчитать площадь одного гекаторюга и пришел к выводу, исходя из длины оргий, равной 1,85 м, что «гекаторюг равен сотне квадратных оргий (3,4225 м²×100), т. е. 342,25 м². Именно этот расчет В. Д. Блаватского толкнул нас на попытку определения единицы меры длины, которая легла в основу размежевки клеров⁹.

Соотношение длины и ширины нормального клера, выраженный в отношении 3×2, вскрыло единицу этого измерения длиной 210—212 м. Большая величина этого измерения показывает, что в ее основе должна лежать какая-то более практичная мера длины, пригодная для измерения небольших расстояний. Постараемся проследить это на размежевке вымеренных нами клеров.

210—212 м составляют половину ширины клеров, длина которых может быть больше или меньше нормальной — равной 630—635 м. Для внутренней размежевки клеров эта мера далеко не всегда используется именно из-за ее большой длины. Вследствие этого употребляются более удобные меры, равные половине и четверти этой крупной единицы из-

¹ IOSPE, I², № 403.

² В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889—1891 годах. МАР, в. 9. № 5, стр. 21—22. СПб, 1892, см. также IOSPE, т. IV, № 80, стр. 55, P., 1901.

³ Ф. Ф. Соколов. Труды. СПб, 1910, стр. 641. Первое издание — ЖМНП, 1902, ноябрь, стр. 225—231, крит. и библиография.

⁴ Там же.

⁵ Hermes, т. 38, 1903, стр. 140—144.

⁶ В. В. Латышев. ИАК, в. 10, стр. 96—97, СПб, 1910. Он же, IOSPE, I², № 403, стр. 363.

⁷ С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. ИОН, № 10, 1935, стр. 935. отождествление этих двух терминов не может быть принято нами, ибо первый является определенной мерой площади, второй представлял земельный надел, площадь которого могла быть разной величины, с зным количеством гекаторюгов.

⁸ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 44.

⁹ О первой попытке определения этой меры и площади гекаторюга, сделанной В. П. Лисным, см. выше, стр. 27. В этой попытке не учтено, что основой этих измерений являлся не «шаг», принятый В. П. Лисным, а оргия. Кроме того, не принята во внимание работа Б. Кейля.

мерения. Последнюю, равную 52,5—53,0 м, можно проследить на всех клерах. В эту меру, наименьшую по величине, вкрались наименьшие ошибки как при размежевке, так и наших обмерах, поэтому она взята в основу дальнейших расчетов. Учитывая, что основная мера площади у херсонесцев — гекаторюг базируется на оргии, мы предположили ее же в основе размежевки клеров Гераклейского полуострова. Расчет сделан в двух вариантах: в одном оргия равна 1,85 м, в другом — оргия аттическая — 1,77 м¹.

52,50:1,85 — 28,4 оргии	52,50 : 1,77 — 29,6 оргии
53,00 : 1,85 — 28,65 »	53,00 : 1,77 — 30,0 »

Исходя из этого расчета, размеры основных участков клеров и размеры самих клеров получают следующее выражение в оргиях:

Размеры участков и клеров в метрах	Оргия—1,85 м	Оргия—1,77 м
52,5 — 53,0	28,6	30
105 — 106	57	60
210 — 212	115	120
420 — 424	230	240
630 — 635	345	360

Полученный результат заставляет предположить, что длина херсонесской оргии была очень близка, если не равна, длине аттической. Правильность предположенного расчета подтверждается не только целыми числами частного, без остатка, но и соотношением частных от деления разных размеров участков и размеров самих клеров, характерным для соотношения греческих, в частности аттических, мер длины. Но настаивать на полученном результате пока еще преждевременно.

Учитывая полученный результат, предположительно может быть высчитана площадь херсонесского обычного клера. Она, с учетом зафиксированных колебаний размеров, равна 420×630—264,600 м²; 424×634—269,240 м².

Площадь клера в квадратных оргиях площадью 3,42 и 3,13 м²,— 230×345—79 350 орг.²—793,5 гекаторюга; 240×360—86400 орг.²—864,0 гекаторюга.

Аналогичные результаты можно получить при делении площади клера в квадратных метрах на площадь гекаторюга в том же измерении. Сопоставление полученных цифр позволяет предположить, что площадь нормального клера Херсонеса III в. до н. э. равнялась 860 гекаторюгам².

Обмеры пяти клеров и наблюдения на прилегающих к ним выявляют не только единство меры, лежащей в основе их размежевки, но и большое сходство, если не единство, в организации территории каждого надела. Как уже отмечалось, все клеры снаружи, вдоль дорог, были ограждены стенами, сложенными без фундамента, из крупного рваного камня (рис. 27). Иногда эти камни, поставленные на ребро, достигают почти двух метров длины. Толщина этих внешних стен всегда больше метра, колеблется около 1,5 м и иногда достигает 2 м. Внутри эти стены забутованы камнем и щебнем вместе с землей (рис. 28 и 29). Судя по толщине таких же заборов хуторов XIX — начала XX века, высота этих стен достигала 1,5 м.³

¹ Не исключено, что оргия херсонесская может отклоняться от принятых нами размеров, однако это отклонение будет незначительным вследствие незначительной величины самой меры длины.

² На планах клеров даны два масштаба: в метрах и оргиях.

³ Правильность этой реконструкции подтверждается наблюдениями и замерами Палласа: см. ЗООИД, т. XI, стр. 100.

Внутри каждый клер был разделен каменными стенами на отдельные участки различной величины и назначения. Величина участков, как мы увидим ниже, определялась их рельефом и выращиваемой культурой. Техника кладки внутренних стен такая же, как и у наружного ограждения; толщина их от одного до двух метров (рис. 30). Каждый клер имел свою усадьбу. На клерах № 10, 11 и, по-видимому, 20 усадьбы непосредственно примыкали к внешнему их ограждению, к дорогам. На клере № 26 усадьба расположена близ дороги. На клере № 25 — в середине его и соединена с внешней дорогой широким проездом. Внутренняя организация территории каждого клера представляется так.

Клер № 10 (рис. 22). Длина клера (по сторонам) 629 и 631 м — 360 оргий. Ширина — 420 м — 240 оргий. Общая площадь по наружному обмеру — 26,46 га — 860 гектарюгов. По площади и размерам клер относится к обычным земельным наделам херсонесских граждан III—II вв. до н. э. В соответствии с общей размежевкой полуострова клер вытянут с юга-востока на северо-запад. Расположен он поперек водораздела на склонах двух балочек, начинающихся у берега Круглой бухты. Восточный угол клера находится на западном склоне одной балки, а северо-западная его половина на восточном склоне другой. Расстояние от клера до южного берега Круглой бухты около 700 м.

Стены основной размежевки клера сохранились очень хорошо. Он разделен ими на три равных по размерам и площади участка: 210×420—8,82 га, соответственно — 120×240 оргий — 288 гектарюгов. Два участка вдоль клера — в его юго-восточной части, третий — поперек первых двух, вдоль северо-западной стороны надела. В соответствии с рельефом каждый большой участок разделен на узкие участки, шириной от 50 до 55 м, в среднем около 53 м, или 30 оргий. Почти все эти узкие участки разделены дополнительными поперечными стенами. Такое расчленение клера на полосы вызвано необходимостью террасировать его, чтобы предохранить почвенный слой от смыва в балки, и для удобства обработки этих участков. Общее протяжение террасирующих подпорных стен — около 3,5 тыс. м. Общий объем кладки всех межевых стен клера, включая и внешнее ограждение, — не менее 9000 м³.

Весь клер разделен этими межевыми стенами на 42 участка, которые могут быть сведены к следующим основным группам¹.

1. Поля	13,78 га, или 51,8%,	всей площади клера.
2. Виноградники	5,09 га, или 19,2%,	» » »
3. Сады	4,57 га, или 17,2%,	» » »
4. Разрушенные сады или иноградники	1,82 га, или 6,8%,	» » »
5. Не пригодные к об- работке участки	0,48 га, или 1,8%,	» » »
6. Усадьба клера (ориентировочно)	0,008 га, или 0,3%,	» » »

Основная площадь пахотной земли группируется в северной части клера. Виноградные участки расположены одним массивом в юго-восточной половине клера на склоне балки, обращенной к югу-востоку и востоку. Садам было занято пять участков. Из них четыре обычно распо-

¹ Как на этом, так и на остальных клерах распределение участков по группам сделано на основании внешних наблюдений, без раскопок. Вследствие этого общая площадь и количество полевых участков, наверное, завышены, ибо на участках с хорошим почвенным слоем, занятых виноградниками или садами, не создавалась система плантажных стен, которые позволяют провести это распределение.

жены с северной стороны виноградника и прикрывают его от северных ветров, а также отделяют от полевых участков.

Участки № 25, 29, 33, 38 вначале были, несомненно, заняты либо виноградниками, либо садами и только уже в конце античной эпохи, видимо, засевались зерновыми культурами. Плантажные стены разрушены запашкой настолько сильно, что без раскопок нельзя точно установить, какая из указанных культур занимала эти участки. Судя по расположению участков в общем массиве виноградника клера, вероятнее всего, они тоже были заняты виноградом. Если это предположение правильно, то тогда общая площадь виноградника на клере увеличивается до 6,91 га, что составляет 26% всей площади надела.

Узкий участок № 27 представляет полосу материковой скалы на довольно крутом склоне балки. Почвенный слой крайне незначителен. Во многих местах скала выходит на дневную поверхность. Однако не исключено, что и данный участок был использован для земледелия. Окончательное решение этого вопроса зависит от контрольных раскопок на этом участке.

Усадьба клера № 10 находится в его восточном углу. Ворота выходят на северо-восточную дорогу и непосредственно примыкают к северному углу усадьбы, которая расположена в самой низкой точке клера. Вследствие этого разрушенные остатки ее перекрыты намытым сверху почвенным слоем, толщиной 0,5—1,0 м. Руины усадьбы обнаружены при рытье окопа в дни Отечественной войны 1941—1945 гг. Стены сложены «насухо». Длина усадьбы — 31 м, ширина 27 м (?), площадь по наружному обмеру около 800 м². Сооружение вытянуто с юго-востока на северо-запад. Северо-восточные и юго-восточные стены усадьбы поставлены по линии внешней ограды клера. Подъемный материал, собранный в отвалах и обрезах окопа, датируется III—II вв. до н. э. В отвалах найден большой каменный слив от винодельческого тарапана или площадки виноградной давилки. Судя по подъемному материалу, усадьба прекратила свое существование в конце эллинистического времени.

Клер № 11 (рис. 23). Длина клера (по сторонам) 632 и 633 м — 360 оргий. Ширина — 420 и 421 м, или 240 оргий. Общая площадь по наружному обмеру — 26,61 га, или 860 гектарюгов. По размерам и площади этот клер относится к обычным земельным наделам херсонесских граждан III—II вв. до н. э. В соответствии с общей размежевкой полуострова клер вытянут с юго-востока на северо-запад. Расположен он на западном склоне балки, начинающейся у соленого озера близ Круглой бухты. Южный угол клера занимает часть тальвега этой балки. Западный угол, через водораздел, заходит на восточный склон соседней балки. От северного угла клера до южного берега Круглой бухты 300 м. Клер расположен рядом с предыдущим, № 10.

Стены внутренней размежевки сохранились очень хорошо. Двумя основными стенами этой размежевки клер разделен на три равных по размерам и площади участка: 212×421 м; 209×424 м и 209—211×420 м в среднем, площадью 8,82 га, соответственно 120×240 оргий — 288 гектарюгов. Два участка расположены параллельно и вдоль клера в его северо-западной части, третий — перпендикулярно первым двум, вдоль юго-восточной стороны надела. Третий участок расчленен на два квадрата. В соответствии с рельефом и характером почвенного слоя, восточный квадрат перерезан межевой стеной. Большая часть его имеет выход скалы на поверхность, а меньшая является тальвегом балки с хорошим почвенным слоем. Западный квадрат размежеван на несколько участков и террасирован.

Северо-восточный большой продольный участок тоже разделен по-

полам на два квадрата. Восточная часть южного квадрата включает тальеве балки с обрывистым западным склоном. Северный квадрат и весь юго-восточный большой участок размежеваны на узкие участки шириной в среднем 52—53 м. Эти участки террасированы в целях предотвращения смыва почвы и удобства их обработки. Часть этих узких участков имеет дополнительные поперечные межевые стены. Общее протяжение террасирующих подпорных стен около 3 тыс. м. Общий объем кладки внешней ограды клера и внутренних межевых стен около 9,3 тыс. м³.

Клер размежеван на 30 участков разной величины и назначения. По своему назначению они могут быть сведены к следующим основным группам:

1. Поля	5,26 га, или 19,7%,	всей площади клера
2. Виноградники	7,14 га, или 26,4%,	» » »
3. Сады	5,68 га, или 21,3%,	» » »
4. Разрушенные сады или виноградники	1,08 га, или 4%,	» » »
5. Не пригодные к об- работке участки	4,56 га, или 17%,	» » »
6. Не установленного назначения участки	2,18 га, или 8%,	» » »
7. Усадьба	1,00 га, или 3,5%,	» » »

Основная площадь пахотной земли находилась в северной части клера с северной стороны садов и виноградников. Участки № 28—30, расположенные по тальеву балки с плодородной почвой, хотя и причислены к полевым, навряд ли запахивались под зерновые культуры.

Виноградные участки расположены сплошным массивом на склоне балки, обращенном к югу-востоку и востоку. Судя по расположению участков № 9 и 10 с разрушенными плантажными стенами, они были заняты первоначально под виноградники. Это же можно сказать и об участках № 12 и 13, хотя с меньшей вероятностью. Если эти предположения подтвердятся раскопками, можно будет тогда утверждать, что общая площадь виноградников достигала 10,40 га, или 39,1% всей площади клера.

Восемь участков сада были размещены в общем массиве с виноградниками. Иногда сад вклинивался в виноградные участки (№ 18, 19, 21). Один участок (№ 7), расположенный с северной стороны виноградников, отделял их от пашни и прикрывал от северных ветров.

Очень интересен участок № 27, занимающий значительную площадь (3,56 га) в восточном углу клера, который выделен нами в группу не пригодных для земледелия. При обследовании этого участка, где скала выходит на поверхность или ее перекрывает очень тонкий почвенный слой, обнаружено несколько ям в скале. Скала прорублена до подстилающего ее слоя глины. Ямы расположены на расстоянии 5 м одна от другой. На соседнем виноградном участке раскопками обнаружены лунки, вырубленные в скале для посадки виноградных кустов, на расстоянии 1,20—1,30 м одна от другой. Не исключено, что крупные ямы на участке № 27 служили для посадки фруктовых деревьев. Тогда общая площадь сада на клере составит 9,24 га, или 34,7% всей его земли. Не останавливаясь на 4, 5 и 6 группе выделенных нами участков, поскольку основное уже сказано при рассмотрении виноградных и садовых участков.

Усадьба клера находится у середины его северо-западной наружной стены и непосредственно примыкает к дороге. Ориентировочно площадь усадьбы равна 680 кв. м. Остатки стен ее полностью перекрыты

почвенным слоем и на поверхности почти не прослеживаются. Обнаружена усадьба благодаря глубокому окопу, вырытому в дни Великой Отечественной войны. В отвалах найдены многочисленные обломки сосудов и тесаных камней. Все находки (обломки черепицы, пифосов, амфор, кувшинов, чаш и чернолаковых сосудов) датируются III—II вв. до н. э. Находок первых веков н. э. не обнаружено. Кроме основной усадьбы, в северном углу клера благодаря аналогичному окопу обнаружены остатки еще какой-то постройки под глубоким почвенным слоем. Сооружение, по-видимому, было меньших размеров, ориентировочно около 300 кв. м. Находки в отвале подобны тем, что обнаружены на усадьбе. Судя по материалу, усадьба и сооружение в северном углу клера прекратили свое существование в конце эллинистического времени.

Клер № 20 (рис. 24). Длина клера 420 м, или 240 оргий, соответствует ширине клеров Гераклеяского полуострова. Ширина клера вдоль северо-восточной стороны 318 м — 180 оргий; вдоль юго-западной — 284 м — 161 оргия. Клер в плане представляет четырехугольник: углы с юго-западной стороны прямые, углы с юго-восточной стороны — неправильные. Общая площадь по наружному обмеру равна 12,66 га, или около 400 гекаторюгов. По размерам и площади клер относится к незначительной, представленной единицами, группе наделов полуострова. Неправильное в плане четырехугольное очертание клера вызвано искривлением магистральной дороги в Херсонес, в объезд верховья Стрелецкой бухты и своих обрывов Стрелецкой балки¹. Клер вытянут с юго-запада на северо-восток по очень пологому западному склону восточного отрога балки, впадающей в Круглую бухту. Общий уклон местности с юго-востока на северо-запад — к берегу моря.

Стены внутренней размежевки сохранились очень хорошо. Основной стеной этой размежевки клер разделен по продольной оси на две почти равные части. Межевая стена заложена ровно по середине северо-восточной стены клера (150 м — 90 оргий от его углов) и протянута на этом расстоянии параллельно его северо-западной стене. Северо-западная половина, в свою очередь, разделена на три части, по краям квадраты. Длина их сторон около 150 м, или 90 оргий. Между квадратами, по тальвегу балки, расположен участок прямоугольной формы, вытянутый в соответствии с уклоном тальвега. Юго-восточная половина клера делится пополам по поперечной оси. В свою очередь, пять этих больших участков разделены на более мелкие. На более крутых склонах балки участки террасированы в целях предотвращения смыва почвы и удобства обработки. Общее протяжение террасирующих подпорных стен около 1170 м. Общий объем кладки внешней ограды и внутренних межевых стен около 5 тыс. м³.

Весь клер размежеван на 18 участков разной величины и назначения². Эти участки по назначению могут быть сведены к следующим основным группам:

1. Поля	2,8 га, или 22,2%	всей площади клера
2. Виноградники.	7,03 га, или 55,4%	» » »
3. Сады	2,00 га, или 15,8%	» » »
4. Подсобные участки	0,04 га, или 0,3%	» » »

¹ См. выше, стр. 50.

² Первоначально, в III—II вв. до н. э., количество участков было, несомненно, меньше. Так, например, участки № 16, 16-а, 17 и 18 первоначально составляли один массив виноградника. Количество участков увеличилось в позднелатинское время, когда часть виноградников и садов была превращена в поля.

Фактические участки с пахотной землей выделены нами на клере весьма ориентировочно. Большинство их (№ 3, 4 и 14), если не все пять (№ 8 и 12), вероятнее всего, были заняты виноградниками или садами. Но несмотря на ряд признаков, подтверждающих этот вывод, без контрольных раскопок мы вынуждены причислить эти участки к полевым, на которых выращивались зерновые культуры. Основная часть этой земли расположена в северной части клера.

Виноградные участки занимают больше чем половину всей площади клера. Расположены они сплошным массивом, вытянутым с востока на запад и юго-запад, по обоим склонам балки. Несомненно, что стены, отделяющие участок № 16 и 16-а от участков № 17 и 18, возведены позже, когда возникли последние участки на месте разрушенного виноградника. В это время участки № 17 и 18 уже запахивались. Этой же участи подверглись участки № 10 и 14, на которых не случайно, конечно, находятся вырубленные в скале грубые тарапаны для давки винограда (рис. 31).

Характерно размещение садовых участков. Крупный участок сада (№ 5, 5-а, 5-б) расположен в северном углу клера. Второй участок сада (№ 2) вытянут вдоль северо-восточной стороны виноградника на участке № 1. Не исключено, что эту же ветрозащитную роль играл третий участок (№ 15) со стороны открытого тальвега балки. Назначение двух, совсем маленьких, подсобных участков № 6-а и 14-а до раскопок остается пока невыясненным.

Усадьба клера не обнаружена. Отсутствие остатков ее на современной поверхности является одним из лучших, почти безошибочным признаком ее раннего существования. Вероятное местоположение ее определяется находкой обломков черепицы и сосудов эллинистического времени в восточном углу клера.

Клер 25 (рис. 25). Длина клера (по сторонам) 731 и 733 м — около 420 оргий. Ширина — 415 и 418 м — около 240 оргий. Общая площадь по наружному обмеру равна 30,50 га, или 1000 гекаторюгов. По длине и площади клер несколько больше обычных херсонесских наделов III—II вв. до н. э. (длиннее на 100 м, или 60 оргий, больше на 4,00 га, или 140 гекаторюгов). Относится он к очень небольшой группе клеров, составляющих исключение среди остальных наделов Гераклейского полуострова. Надел длиннее обычных клеров как раз на те 100 м, которые недостают предшествующему, примыкающему к нему клеру № 20. Отклонение от нормы у обоих клеров вызвано направлением магистральной дороги в Херсонес между этими наделами для объезда верховья Стрелецкой бухты и крутых обрывов Стрелецкой балки. В соответствии с общей размежкой полуострова клер вытянут с юго-востока на северо-запад. Он занимает верховье восточного отрога балки, впадающей в Круглую бухту. Восточный угол клера через водораздел расположен на западном склоне соседней балки.

Стены внутренней размежки сохранились очень хорошо. Основа внутренней размежки клера убедительно определена В. Д. Блаватским¹. Основные стены размежки делят клер на четыре части. Две из них расположены рядом, вдоль клера и занимают его среднюю часть. Третья и четвертая часть примыкают к первым двум: одна с юго-восточной стороны, другая с противоположной, северо-западной. Каждая часть дополнительно разделена на большее или меньшее количество участков. Ширина почти всех малых участков отложена в одном и том же измерении, равном в среднем восьмой части узкой стороны клера —

¹ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 56 и сл., рис. 19—22.

52,5 м, или 30 оргням. Большинство участков террасировано, особенно в поперечном направлении, соответственно уклону балки. Общее протяжение террасирующих подпорных стен — около 2000 м. Общий объем кладки внешней ограды клера и внутренних межевых стен — около 9 тыс. м³.

Клер размежеван на 39 участков разной величины. По назначению эти участки могут быть сведены к следующим основным группам:

1. Поля	11,13' га, или 36,5%	всей площади клера		
2. Виноградники	13,42 га, или 44,0%	»	»	»
3. Сады	4,19 га, или 13,7%	»	»	»
4. Подсобные участки	0,96 га, или 3,0%	»	»	»
5. Усадьба	0,20 га, или 0,7%	»	»	»

Основная площадь пахотной земли находилась в северной части клера, с северной стороны садов и виноградников. Исключение составляют участки № 36 и 37, которые были в восточном углу клера. Виноградники занимали почти половину площади клера (44%) и представляли один большой массив в юго-восточной его половине на склонах балки. Исключение составляют только небольшой участок № 21 (повидимому, питомник) и № 9. Садовые участки были распланированы почти непрерывной полосой, обрамляющей виноградники с северной стороны. Они защищали виноградники от северных ветров и отделяли от полевых участков. Назначение подсобных участков может быть выяснено только путем дальнейших раскопок. Усадьба клера находится почти в его центре, немного сдвинута в юго-восточную его половину. Усадьба полностью раскопана в 1952—1954 гг. Существовала она с начала III в. по третью четверть II в. до н. э. и является типичным примером сельскохозяйственной усадьбы-виллы античного мира².

Клер № 26 (рис. 26). Длина клера по продольным сторонам—686 м, или 393 оргни. Ширина — 420 м, или 240 оргий. Северо-западная сторона клера выступает тупым углом наружу. Общая площадь по наружному обмеру около 29 га, или около 950 гектарюгов. Этот клер больше обычных херсонесских наделов III—II вв. до н. э. по длине на 50 — 53 м, или 30 оргий, и по площади на 2,5 га, или на 90 гектарюгов. Отклонение от нормы объясняется той же причиной, что и в предыдущем случае — искривлением магистральной дороги. В соответствии с общей размежевкой полуострова, клер вытянут с юго-востока на северо-запад по восточному склону западного отрога балки, впадающей в Круглую бухту. Общий уклон местности с юго-востока на северо-запад — к берегу моря. Уклон склона балки — к западу.

Стены внутренней размежевки сохранились хорошо. Основная стена этой размежевки делит клер в поперечном направлении на две части. Юго-восточная часть представляет квадрат со стороной, равной ширине клера. Северо-западная часть — остальная территория клера. Первая часть клера занята почти целиком одним участком площадью около 17 га, или около 550 гектарюгов. Только в западном его

¹ В нашей статье «Клер Херсонеса Таврического» (ВДИ, 3, 1951 г.) общая площадь полей и виноградников указана для конца античной эпохи. Первоначально, в III—II вв. до н. э., площадь виноградников была больше (см. там же, стр. 90, «Раскопки кургана на участке № 9 и обнаружение «дренажных стен»). Эти плантажные стенки были разрушены в первых веках н. э., когда участок № 9 был отведен под пашню. Несомненно также, что дальнейшие раскопки т. н. полевых участков и на этом клере уменьшат общую их площадь для эллинистического времени.

² Описание усадеб см. ниже, стр. 88 и сл.

углу нарезаны три квадратных участка в среднем по 9 гектаров каждый¹. Северо-западная часть клера сохранилась хуже. Некоторые межевые стены разрушены, и участки запаханы. Однако и здесь мы видим тот же принцип размежевки, что и на остальных клерах: размеры участков, размещение их в соответствии с назначением, террасирование и т. д. Общее протяжение террасирующих подпорных стен около 1000 м. Общий объем кладки внешних и внутренних межевых стен не менее 5300 м³.

На клере фиксируется 18 отдельных участков, не считая разрушенного его западного угла. По назначению эти участки могут быть сведены к следующим основным группам:

1. Поля (данные условные)	5,78 га, или 19,9%	всей площади клера		
2. Виноградники	21,40 га, или 74,0%	»	»	»
3. Сады	1,10 га, или 3,8%	*	»	»
4. Усадьба с приусадебными участками	0,72 га, или 2,5%	»	»	»

Площадь полевых участков до специальных их раскопок взята максимальная — фактически весь остаток, за вычетом из площади клера площадей виноградника, сада и усадьбы. Однако, несмотря на такую условность, часть этой площади, несомненно, был занята зерновыми культурами. Характерной особенностью полевых участков является их размежевка в северной части клера.

Виноградные участки, наоборот, занимали большую часть клера с южной его стороны, прижимаясь к склону балки и оставляя свободной для полей наиболее низкую часть клера. Виноградник был заложен одним сплошным массивом. Несомненно, садовых участков на клере обнаружено всего два. Возможно, часть их скрыта в так называемых полевых участках. Во всяком случае и на этом клере мы видим размещение садовых участков с северной стороны виноградников, между плантациями и полевыми участками.

Усадьба клера находится неподалеку от северо-западной дороги. Внешний двор ее соединен с этой дорогой воротами, а затем широким проездом. Усадьба имеет два строительных периода. Оба — эллинистического времени. Усадьба второго периода раскопана полностью, первого — частично. В конце II в. до н. э., не позже середины I в. до н. э., жизнь на усадьбе прекращается².

Выше мы осветили два основных вопроса организации территории каждого клера: размежевание его и распределение площади между основными сельскохозяйственными культурами, выращиваемыми на нем. Тесная взаимосвязь первого со вторым не вызывает сомнения и является бесспорным доказательством наличия общего организационного плана, на основе которого межевался клер на участки, предназначенные для определенных культур. Уже на примере описанных пяти клеров видна разработка такого плана для каждого клера в отдельности, с учетом всех его конкретных особенностей, обусловленных расположением, рельефом, экспозицией отдельных участков, микроклиматическими и микропочвенными данными и т. д. На всех клерах хорошо прослеживается строгая система размежевания основных культур в зависимости от стран света: виноградники всегда располагались в южной части клеров, с северной стороны их ограничивала неширокая полоса

¹ Три участка (№ 18—20) в центре основного квадрата с виноградником возникли в поздантичное время и для III—II вв. до н. э. в учет не принимаются.

² Описание усадьбы см. ниже, стр. 102 и сл.

садов, а северная часть клеров отводилась под поля для выращивания зерновых культур.

Одновременно учтены экспозиционные условия и рельеф каждого клера в отдельности: виноградники занимали склоны балок и их водоразделы. Так, на клерах №10 и 11 общий массив виноградников на каждом из них был вытянут в диагональном направлении с юга на север. Особенно четко это видно на плане клера № 11, на котором отмечен тальвег балки. Такое расположение обусловлено направлением этой балки, на северо-западном и западном склоне которой и были размещены виноградники, подымаясь на водораздел. На клере № 20 виноградники размещались на склонах балки по обе стороны ее тальвега. На клере № 25 виноградники опять были вытянуты по диагонали соответственно направлению балки и ее восточного склона. Та же картина учета рельефа наблюдается и на клере № 26. Столь же отчетливо этот учет рельефа мы можем проследить и на расположении полей. На всех клерах без исключения поля занимали самую низкую их часть, как правило, северную или тальвеги балок. Иногда они находились в южной половине клеров, например в восточных углах клеров № 10 и 25. Однако и здесь они располагались в низине соседних балок, куда заходят эти клеры.

Такое размещение культур учитывает и микропочвенные условия клера. Виноградники занимали склоны и водоразделы балок, почвенный слой которых более каменист или вследствие своей незначительности требовал больших работ по его искусственному созданию. В то же время в низинах и по тальвегам балок почвенный слой очень плодороден и лежит мощным слоем, образовавшись в значительной степени за счет смытого почвенного слоя со склонов балок.

Наличие общего организационного плана для каждого клера в отдельности ярко выражено самой размежевкой их. Это проявляется не только в расположении различных участков, но и в их площадях. Так, площади виноградных участков достигают крупных размеров. Это прослеживается на всех клерах без исключения и в особенности на клерах № 26 и 25. Размежевание общего массива виноградника на клере № 10 вызвано необходимостью террасировать крутой склон балки, на котором он был расположен. Наоборот, полевые участки очень невелики, на клерах № 10 и 25 некоторые из них были несомненно спарены. Последнее обстоятельство, по-видимому, обусловлено двупольной системой античного земледелия¹.

Таким образом, нужно считать, что предусмотренное планом размещение участков и их величина осуществлялись геодезическим путем, на основе которого эти участки огораживались стенами, террасировались и т. д. Иными словами, как и при анализе размежевки всего Гераклейского полуострова, мы вынуждены сделать вывод, что внутренняя размежевка клеров тоже проводилась единовременно и отражает высокое развитие херсонесского земледелия эллинистического времени. На базе общего организационного плана создавалось стройное хозяйство клеров, отличающееся строгой продуманностью, экономической рациональностью при учете совокупности экологических условий развития земледелия в целом и отдельных его культур в частности.

---

¹ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 59, 71. С. Ф. Стржелецкий. Ук. раб., ВДИ, № 3, 1951, стр. 87.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КУЛЬТУРЫ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ АГРОТЕХНИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА КЛЕРАХ III—II ВВ. ДО Н. Э.

Внутренняя организация территории клеров, рассмотренная нами в предыдущей главе, выявила распределение земель между разными сельскохозяйственными культурами, выращиваемыми на них. Приведенная ниже таблица позволяет более четко представить себе это распределение по отдельным клерам, в сумме по пяти клерам и в сопоставлении между отдельными клерами¹.

№ клеров	Площадь клера		Виноград		Поля		Сады		Остальные земли	
	гектары	гектары	площадь в га	% ко всей площади	площадь в га	% ко всей площади	площадь в га	% ко всей площади	площадь в га	% ко всей площади
10	26,46	860	6,91	26	13,74	51,8	4,57	17,2	1,20	5,0
11	26,61	860	от 7,14 до 10,40	от 26,4 до 39,1	5,26	19,7	от 5,68 до 9,24	от 21,3 до 34,7	1,71	6,5
20	12,66	400	7,03	55,4	2,80	22,2	2,00	15,8	0,83	6,6
25	30,50	1000	13,42	44,0	11,13	36,5	4,19	13,7	1,76	5,8
26	29,00	950	21,40	74,0	5,78	19,9	1,10	3,8	0,72	2,3
Всего	125,23	4070	55,90	44,6	38,71	30,8	17,54	14,0	6,22	5,0

Из таблицы видно, что виноград являлся основной культурой всех пяти клеров как по занимаемой им площади, так и по экономическому значению². 44,6%, т. е. почти половина, всех земель пяти клеров были заняты виноградниками. Фактически, как показывает опыт исследования и раскопок так называемых полевых участков на клерах № 11, 25 и 26, площадь виноградников на клерах № 10 и 11 занижена вследствие запажки ряда их участков в послееллинистическое время. Кроме того, виноградники, расположенные на участках с мощным почвенным слоем, не требовали создания плантажных стенок, вследствие чего тоже не могут быть выявлены без раскопок. Таким образом, имеющиеся у нас цифровые данные площадей виноградников, безусловно, являются минимальными, что еще больше подчеркивает ведущее значение виноградарства в экономике каждого клера и всего Гераклеяского полуострова.

Учитывая это обстоятельство, характеристику различных культур, фиксируемых на клерах, мы начнем с виноградарства, которое вследствие специфически присущих ему черт легче всего может быть иссле-

¹ Площади виноградников, полей и садов даны в соответствии с цифрами, приведенными в IV главе. «Остальные земли» — за вычетом площади первых из всей площади клера. При суммировании площадей по культурам на всех клерах по клеру № 11 взяты минимальные площади виноградника и сада, вследствие чего эта сумма меньше общей площади всех клеров на 6,82 га, которые следует добавить к «остальным землям».

² На клере № 10 площадь виноградника меньше площади полей. Однако, учитывая двупольную систему античного земледелия и доходность виноградарства в сравнении с хлебопашеством, ведущее значение первого и на этом клере очевидно.

довано археологическим путем. Кроме того, при характеристике виноградарства, так же как и остальных культур, освещаются вопросы, связанные с агротехникой, техникой и орудиями труда. Экономическая и социальная характеристика хозяйств выносятся в специальный раздел.

а) ВИНОГРАДАРСТВО

История виноградарства насчитывает несколько тысячелетий. Виноградарство возникает в результате перенесения отборных форм диких виноградных лоз из леса в усадьбу¹. Древнейший вид дикой виноградной лозы рода *Vitis*, семейства Ampelideae обнаружен в палеонтологических остатках третичного периода, эпохи палеоцена (Франция). Эти палеонтологические находки увеличиваются в напластованиях миоцена и плиоцена, распространяясь на многие страны (Франция, Англия, Исландия, Аляска, Япония и др.). Найден виноград в миоценовых остатках близ Таганрога. В послеледниковый период, в результате вымерзания, остался один вид лозы — *Vitis vinifera* L., дифференцировавшийся затем на многочисленные формы². Древнейшие находки семян и древесины культурной формы виноградной лозы относятся к эпохе бронзы (свайные постройки, поселения в Испании, Франции, Италии, Греции, Малой Азии, Марокко и т. д.)³.

Происхождение и развитие виноградарства в Крыму связывается с появлением на полуострове древних греков. Таким образом, крымское виноградарство восходит к V, максимум VI в. до н. э.⁴ Однако последние раскопки на Гераклеяском полуострове как будто вносят в это общепризнанное положение существенный корректив⁵. В одной из очажных ям раннетаврского поселения X—VIII вв. до н. э. среди зерен и семян различных растений обнаружены семена винограда. Заключение о семенах специалистов Всесоюзного научно-исследовательского института виноделия и виноградарства «Магарач» приводим ниже⁶.

«Группа научных сотрудников ВНИИВ «Магарач» пришла к выводу, что оставленные Вами на заключение два семени, обнаруженные при расколках на Уч-Баше, являются семенами культурного сорта винограда. По своему строению они близки к семенам современных культурных сортов бассейнов Черного и Средиземного морей (*ProL. pontica* Negr.), нашедших свое распространение главным образом в Балканских странах, Западной Грузии и частично в Малой Азии.

Прародителем группы сортов, отнесенных проф. Негруль А. М., к *proL. pontica* Negr., считают дикий виноград *V. silvestris* Gmel., встречающийся и поныне в долинах рек Дунай, Днестр, Прут, в Крыму и на Кавказе».

Находка этих двух семян не изменяет основного положения, заключающегося в том, что широкое развитие виноградарства начинается с момента оседания в Крыму древнегреческих переселенцев, а на Гераклеяском полуострове — с момента основания Херсонеса, т. е. в конце V, в IV в. до н. э.

¹ Проф. А. С. Мержанин. Виноградарство, стр. 7, М., 1939.

² Там же, стр. 5—6.

³ Там же, стр. 6. А. Ховренко. Общее виноделие. М., 1909. М. С. Альтман. К технике виноделия в древней Греции, ИГАИМК, в. 108, стр. 115.

⁴ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 86—87. Ср. А. С. Мержанин, Ук. раб., стр. 8, где им утверждается, что «виноградная лоза в пределах СССР культивировалась в старых винодельческих районах — Закавказье, Средней Азии и на Крымском полуострове — еще в доисторическое время». Каким материалом располагал автор для такого утверждения, нам неизвестно.

⁵ С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках раннетаврского поселения Уч-Баш, X—VIII вв. до н. э. в 1952 г. Архив ГХМ.

⁶ Заключение подписано Благонаравовым, Рожанцом и Хилькевичем.

Как мы уже видели, виноградники клеров III—II вв. до н. э. вымежеваны со строгим учетом основных экологических факторов, содействующих или мешающих росту и плодоношению виноградной лозы. Однако подготовка участков для винограда херсонесскими землевладельцами на этом не ограничивалась. Ими осуществлялся ряд агромероприятий, которые должны были улучшить благоприятные для развития винограда условия среды или уменьшить или уничтожить отрицательные. Важнейшие из этих мероприятий хорошо прослеживаются археологически. К ним относятся:

1. Устройство дорог на виноградниках.
2. Создание искусственного почвенного слоя.
3. Плантажная обработка виноградников.
4. Терассирование крутых склонов и улучшение рельефа почвы.
5. Устройство сооружений для удержания осадков.
6. Создание ветроломных защитных полос.

Все эти подготовительные работы создавали наилучшую среду для роста и плодоношения лозы, облегчали уход за ней и обработку почвы.

1. **Устройство дорог на виноградниках.** На всех клерах, где только допускал рельеф, основные участки виноградников всегда вымежевывались крупными площадями. Проверено, что крупный размер участка на клере является лучшим признаком принадлежности его к винограднику (клеры: № 10, уч. 20, 23, 26; № 11, уч. 18; № 20, уч. 16, 16-а, 17 и 18; № 25, уч. 34 и 35; № 26, уч. 1). Дороги на таких участках обязательны, и прокладка их предусматривается во время их размежевки. Необходимость их диктуется условиями обработки виноградников, подвозкой подпор и других материалов, вывозкой зеленых отходов при обломке и пасынковании, вывозкой отходов обрезки, собираемых на топливо, они же служат для вывозки урожая. Так, например, вывозка с участка № 35 на клере № 25 составляла: сена — свыше 6 тонн (примерно 980 кг с га)¹, несколько тонн дров, минимально 60 тонн винограда. С первого участка клера № 26 соответственно: свыше 15 тонн сена, примерно такое же количество дров и минимально 150 тонн винограда. Обычно расстояние между дорогами, проложенными поперек рядов виноградных кустов, равно 50—52 м, или 30 оргиям. Ширина дорог — 3—4 м (клеры: № 11, уч. 18; № 25, уч. 34; особенно наглядно на клере № 26, уч. 1). На клере № 25 35-й участок разделен в продольном направлении на два больших квартала шириною каждый около 100—103 м. Соответственно величине кварталов дороги на этом участке шире (5—6 м). Одна дорога идет между кварталами, вторая вдоль северо-западной стены участка, одна обслуживала северо-западный квартал, вторая — центральная — оба квартала, в основном юго-восточный. В юго-западной половине центральной дороги наблюдается расширение, на котором имеется всхолмление. Первоначально мы предположили, что это всхолмление могло образоваться на месте разрушенной виноградной². Но, вероятно всего, это разезд для встречного транспорта, обычный на современных виноградниках.

На участках с пологими склонами дороги проложены поперек их (клеры № 25 и 26), на крутых склонах, в соответствии с террасированием их, вдоль подпорных стен (клеры № 10 и 11).

Дороги закладывались заблаговременно. Это подтверждают раскопки центральной дороги на клере № 25, участке 35. Так, при подготовке плантажа на всем участке был снят подпочвенный слой скалы. На дороге эта скала оставлена нетронутой. Этим сокращался объем

¹ А. С. Мерджанян. Ук. раб., стр. 5.

² С. Ф. Стржелецкий. Ук. раб., ВДН, № 3, 1951, стр. 87—88.

скальных работ приблизительно на 1000—1200 м³ только на протяжении этой дороги.

Интересно, что на современных виноградниках, в условиях более сухого климата, преобладают дороги, построенные выше уровня почвы¹. Учитывалось ли это обстоятельство херсонесскими виноградарями — трудно сказать. Возможно, что и учитывалось, судя по высокому уровню развития древнего виноградарства.

Внутренние дороги крупных виноградников сообщались воротами с дорогами между клерами. Это хорошо прослеживается на клере № 25, на 35 участке, в его западном углу, и на участке 34 в северном углу. Последние ворота раскопаны (рис. 32). Раскопки показали, что они были заложены каменной стеной в первых веках н. э.

2. **Создание искусственного почвенного слоя.** Ограниченность земельных владений Херсонеса в его ближайшей округе — на Гераклеяском полуострове и малая толщина почвенного слоя на виноградниках на склонах балок вызвали громадные по объему работы: создавался искусственный почвенный слой на виноградниках и в садах, главным образом на клерах в северной части полуострова. Характер этих работ свидетельствует, что херсонесские землевладельцы хорошо знали геологическое строение верхних напластований полуострова. Несомненно также, что эти работы имели в своей основе многовековую практику античных земледельцев, которая, по совершенно непонятным для нас причинам, не нашла своего отражения в трудах античных агрономов или других известиях этого времени.

Залегание материка под почвой в северной и северо-западной части Гераклеяского полуострова очень неглубокое. Толщина почвенного слоя 0,30—0,40 м, а на водоразделах и склонах балок еще тоньше. Местами скала выходит на поверхность. Такая же картина, по-видимому, была и в античную эпоху. Под почвенным слоем залегает верхний слой известняка сарматского яруса толщиной 0,30—0,50 м. Как правило, этот слой лежит плитняком (рис. 33) и его подстилает слой глины разной толщины, который, в свою очередь, опять лежит на скале.

Учитывая это геологическое строение, владельцы клеров, где естественный почвенный слой был недостаточен, удаляли этот промежуточный слой скалы на всей площади виноградников² и, смешивая верхний почвенный слой с глиной, добивались необходимой толщины плантажа для выращивания виноградной лозы. Сохранившаяся глубина древнего плантажа — 0,50—0,80 м.

При средней толщине верхнего слоя скалы 0,40 м подсчет показывает, что на виноградниках обследованных нами клеров было снято следующее количество скалы:

№ клеров	Площадь виноградников в га	Объем вынутой скалы в м ³
10	6,91	27 000 ³
11	7,14 ⁴	28 000
20	7,03	28 000
25	13,42	50 000
26	21,40	80 000
Итого	55,90	211 000

¹ А. С. Мерджанян. Ук. раб., стр. 253.

² Исключение, как мы показали выше, составляли только дороги.

³ Объем вынутой скалы всегда даем в минимальных цифрах, предпочитая даже заведомую ошибку, которая хорошо видна в итоговых цифрах по 5 клерам.

⁴ Не учитываются площади участков, почти несомненно, виноградников.

Подчеркиваем, эти трудоемкие работы по созданию искусственного почвенного слоя осуществлялись на значительной территории полуострова в тех его районах, где естественный почвенный слой был недостаточен для выращивания виноградной лозы. Наилучшим доказательством правильности нашего утверждения является огромная масса камня, вынутая в результате работы на виноградниках и использованная для сооружения плантажных стен, ограждения участков и самих клеров и сооружения усадеб¹. Такое решение, казалось бы, сложной задачи устраняло транспортные расходы по вывозке скалы, доставке на клеры строительного камня и расходы на его приобретение.

3. Плантажная обработка виноградников. Тысячелетним опытом установлена необходимость хорошей и глубокой обработки земли под виноградник. Такая обработка оберегает корневую систему от вымерзания, способствует росту куста, получению крупных и сочных ягод.

Существует три способа обработки почвы под виноградник: сплошной плантаж, канавы (ленточный способ) и ямки². На клерах Херсонеса Таврического обнаружены два из этих способов: сплошной плантаж и ямки. Как показывают исследования садов³, не исключен и третий способ, пока еще не прослеженный археологическим путем.

С п л о ш н о й п л а н т а ж. Этот способ прослежен только на участках с недостаточным почвенным слоем⁴. Закладка такого плантажа шла одновременно с созданием искусственного почвенного слоя. В зависимости от геологической подосновы, а может быть, и финансовых возможностей владельца клера, известны два варианта этого плантажа. Первый вариант прослежен на участках, где слой скалы под почвой более монолитный. Работа на этих участках велась следующим образом. На участке отмерялась полоса шириною 3 м. Длина полосы зависела от размеров участка или ширины намеченных кварталов виноградника, или ширины террас. Как правило, эта длина равна 50—53 м, или 30 оргиям. С этой трехметровой полосы снимался весь почвенный слой и откладывался в сторону. После этого взламывался слой скалы, лежащий плашмя, толщиной, в среднем, 0,40 м. Затем снимался слой глины, лежащий между верхним и нижним слоем скалы (рис. 34.). Получалась траншея глубиной 0,7—0,8 м, местами, вероятно, и глубже. Эти траншеи закладывались поперек склона (клеры № 26, 25, 20). На клерах № 10 и 11 они заложены вдоль основного уклона. Однако здесь этот уклон террасирован и учтен второстепенный уклон, поперек которого и заложены эти траншеи.

После этой предварительной работы весь полученный камень складывался «насухо» в виде стены вдоль передней стороны траншей, считая по фронту работы. Толщина стены около 1 метра. С обеих сторон стена облицовывалась крупными необработанными камнями или плитами, поставленными на ребро. Размеры облицовочных камней иногда достигают в длину одного метра и больше и по настоящее время видны на древних виноградниках (рис. 35). Внутри стены сбрасывался остальной камень и щебень, полученный в ходе работы по удалению верхнего слоя скалы. Таким образом, вся скала, которая вначале лежала плашмя на всей площади трехметровой траншеи, перекладывалась в виде стены к одной из ее сторон как бы на ребро и занимала уже только метровую полосу. Оставшиеся два метра траншеи заполнялись почвой и глиной, снятой со всей ее площади. В дальнейшем весь

¹ См. ниже, стр. 71 и сл.

² А. С. Мержанян и н. Ук. раб., стр. 224 и сл.

³ См. ниже, стр. 80.

⁴ Возможно, он существовал и на хороших почвах, что вероятнее всего. Однако это подлежит исследованию.

процесс повторялся (рис. 36). Несомненно, что в процессе работы нижний слой глины перекадывался наверх, а почвенный—вниз этой траншеи.

Фундаментальность этого плантажа является основной причиной хорошей сохранности клеров северного и северо-западного районов Гераклейского полуострова; большая часть площади их непригодна к распахке. Несмотря на систематическое многовековое растаскивание камня на строительные нужды, особенно в новое время, плантажные сооружения сохранились по настоящий день и хорошо видны на поверхности земли без всяких раскопок (рис. 37).

Второй вариант прослеживается на участках, где скала под почвой лежит многослойным плитняком. Весь процесс работы тот же, что и при закладке плантажа первого варианта. Отличие заключается в кладке плантажных стен и устройстве подошвы плантажной траншеи. Первое зависело от характера подпочвенного слоя скалы, распадающейся на небольшие камни, второе — от толщины материкового слоя глины.

На таких участках плантажные стены облицованы мелким камнем (рис. 38). Чистая сторона облицовки выведена не наружу, а внутрь стен; концы («хвосты») камней облицовки обращены наружу, в сторону плантажа. Таким образом, наружная сторона кладки оказывается неровной, и вся плантажная стена представляет как бы облицованную канаву, забутованную внутри мелким камнем. Камень покрыт обильными осадками углекислых солей.

Второе отличие заключается в том, что подошва плантажной траншеи между этими стенами имеет специальный желоб в материковой глине (рис. 38 и 39). Желоб расположен строго посередине траншеи. Ширина его 1 м, глубина 0,10—0,15 м. Таким образом, плантажная стена немного приподнята и стоит как бы на ступеньке шириною 0,50 м по обе ее стороны. В обоих вариантах плантажа вдоль их плантажных стен хорошо прослежены основания ямок — лунок для виноградных кустов.

Сооружение плантажных стен на виноградниках связано с созданием необходимого почвенного слоя для виноградной лозы и наличием огромного количества камня, полученного во время этой работы. Такой вывод подтверждается расчетом. Плантажные стены занимают одну третью часть площади виноградников. Толщина стен — около 1 м. Высота стен, судя по глубине плантажа и высоте торчащих из земли больших камней облицовки этих стен, не менее метра. Следовательно, общий объем кладки стен на гектар виноградника составляет около 3300 м³. На предлагаемой таблице сопоставлены объемы скальных работ и кладок плантажных стен на виноградниках.

№ клеров	Площадь виноградника в га	Объем вынутой скалы в м ³	Объем кладки плантажных стен в м ³
10	6,91	27 000	23 000
11	7,14	28 000	23 500
20	7,03	28 000	23 500
25	13,42	50 000	44 000
26	21,40	80 000	70 500
Итого	55,90	211 000	184 500

Как мы видим, расхождение очень незначительное. Кроме того, нужно учесть, что часть камня шла на сооружение внешней ограды и внутренних стен клеров. Напомним, что на строительство этих стен на клере № 10 необходимо было 9000 м³ и соответственно на остальные: № 11—9 тыс., № 20—5 тыс., № 25—9 тыс. и № 26 — 5 тыс. Наряду с основной задачей, плантажные стены имели и другие очень важные функции: они предохраняли почвенный слой от выдувания и смыва со склонов балок и их водоразделов и удерживали выпадающие осадки на виноградниках¹.

Обработка почвы ямками. Этот способ обработки удалось установить на клере № 44, примыкающем к юго-восточной наружной оборонительной стене страбоновского Херсонеса. Значительная часть виноградника клера № 44 занимает балку с плодородным и мощным почвенным слоем. На участке был заложен крестообразный в плане раскоп 11,50×8,00 м. Основой раскопа послужила современная траншея. В борту траншеи были обнаружены две лунки, которые позволили предположить, что это ямки древних виноградных кустов. Контрольный раскоп это предположение подтвердил.

На этом винограднике обработана только верхняя часть почвенного слоя толщиной 0,30—0,40 м, Нижняя часть его не тронута. В этом слое обнаружено больше двадцати ямок, расположенных правильными параллельными рядами. Расстояние между ямками 1,00—1,10 м. Все ямки круглые в плане, цилиндрической формы, с плоским дном. Диаметр их около 0,40 м. Глубина — от 0,15 до 0,30—0,35 м. Ряды ямок в поперечном направлении перпендикулярны, а по обоим направлениям параллельны стенам, ограждающим древний виноградник (рис. 40).

4. Террасирование крутых склонов и улучшение рельефа почвы. Как мы уже видели выше, на всех клерах проведено террасирование участков. В зависимости от крутизны склонов эти террасы делаются шире или уже. Наилучшей мерой для ширины террас на крутых склонах считались 50—53 м, или 30 оргий. Все террасы имеют наклонную поверхность. На более крутых этот наклон террас направлен поперек основного склона балок (клеры № 10 и 11). Подпорные стены террас сделаны из камня. Толщина этих стен обычно около 1,00 м, иногда она достигает 2,00 м (рис. 30). Благодаря террасированию предотвращался смыв плантажа со склонов и обнажение корней кустов. Одновременно облегчались уход за виноградником и обработка почвы.

На всех виноградниках рельеф почвы несомненно выровнен. Эту работу производили одновременно с террасированием и закладкой плантажа на тех участках, где они проводились. Однако и на остальных участках никогда не встречаются бугры или котлованы, которые приводят к неровному росту кустов и увеличивают процент их выпада².

5. Мелиоративные мероприятия. Среднегодовое количество выпадающих осадков в Севастополе (361 мм)³ обеспечивает рентабельность виноградарства в его районе. В древности, мы полагаем, это количество

¹ В опубликованном предварительном сообщении нами отмечено только это последнее назначение плантажных стен, к тому же неверно еще именуемых дренажными. Последующие исследования клеров, консультации со специалистами — садоводами и виноградарями различных научно-исследовательских учреждений — убедили нас, что удержание влаги этими стенами не являлось основной их задачей (см. С. Ф. Стрелецкий. Ук. раб., ВДИ, № 3, 1951, стр. 88).

² А. С. Мержаниан. Ук. раб., стр. 220.

³ См. приложение № 2, стр. 173.

выпадающих осадков было больше, хотя, по-видимому, и не на много¹. В общем же климат здесь сухой, с недостаточным количеством влаги. При этих условиях очевидна возможность обнаружения археологическим путем мелниоративных сооружений античного времени. Открытые уже гидротехнические сооружения (рис. 41) и незначительные водные ресурсы Гераклеийского плато исключают наличие какой-либо системы искусственного орошения на клерах Херсонеса Таврического².

Что касается клеров, то на них прослеживается комплекс мелниоративных мероприятий, улучшающих условия выращивания различных культур. На виноградниках к их числу, в значительной степени, относятся плантаж, террасирование и выравнивание рельефа почв, описание которых дано выше. Наиболее интересными в этом отношении являются плантажные стены, расположенные поперек склонов. Вследствие такого расположения все осадки задерживались на виноградниках и не могли скатываться вниз по склонам балок и дальше в море. Особенно ярко это прослеживается на плантажных стенах девятого участка клера № 25, забутовка которых покрыта толстым слоем известковых белых отложений: Эффективность этих сооружений состояла еще и в том, что выпавшие осадки перемещались из верхнего слоя почвы в нижний, где находится основная корневая система виноградной лозы. При концентрации влаги в нижних слоях во много раз задерживалось ее испарение. Наконец, по мнению специалистов, теоретически не исключено, что такие каменные стены могли в летнее время, по ночам, конденсировать влагу из атмосферы. Последнее предположение требует специальных экспериментальных работ для окончательного решения этого вопроса. Необходимо подчеркнуть, что эти интересные сооружения осуществлялись как мероприятие вторичного порядка, вытекающее из основного — создания искусственного почвенного слоя и выемки при этом громадного количества скалы. В свою очередь, отсутствие плантажных стен на участках виноградников с хорошим почвенным слоем свидетельствует, что водная проблема не была острой для виноградарства на клерах, т. е. количество естественно выпадавших осадков было вполне достаточно для его рентабельности³.

6. Создание ветроломных защитных полос. Этот вопрос достаточно освещен уже в описании клеров и организации их территории. Как мы видели, на всех клерах виноградники с северной стороны всегда были обсажены садами. Систематическая повторяемость такой организации территории клера исключает случайность и свидетельствует, что основная задача этих садов заключалась в защите виноградников от непосредственного влияния холодных северных ветров.

Таким образом, нам удастся археологически проследить ряд важнейших агротехнических мероприятий, осуществившихся еще в предпосадочный период на виноградниках. Они проводились не только с учетом естественных условий; наряду с этим херсонесские земледельцы активно воздействовали на эти условия. На основании археологических

---

¹ К этому же выводу склоняются специалисты-виноградари, например, директор совхоза им. С. Перовской А. И. Калужский.

² К этому же выводу, высказанному не в столь категорической форме, пришел В. Д. Блаватский в отношении античного земледелия Северного Причерноморья. См. «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья», стр. 65—66; оценку работы Л. А. Моисеева «Следы ирригации, мелниорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеийском полуострове»; «Зап. Крымск. об-ва естествоиспытателей и любит. природы», т. IX, 1926, см. выше, гл. 1, стр. 19 и сл.

³ Кроме того, наличие на виноградниках плантажных стен, по-видимому, значительно улучшало воздушный режим почвогрунтов, обеспечивая хорошую аэрацию почвы. Полагаем, что это обстоятельство не учитывалось античными виноградарями.

же данных хорошо прослеживается и следующий этап работы на виноградниках херсонесских клеров.

Раскопки виноградников вскрыли систему посадки виноградной лозы. Это обнаружено на виноградниках клеров № 25 (уч. 9 и 35), № 26 (уч. 4), № 11 (уч. 26) и № 44. Во всех случаях, независимо от почвенных условий, наблюдается одна и та же система размещения кустов, густоты посадки и направления рядов в зависимости от стран света и направления господствующих ветров на Гераклейском полуострове.

Как видно на планах клеров (рис. 22—26), ряды кустов направлены главным образом с северо-запада на юго-восток. На участках 21, 25, 32—34 клера № 25 направление рядов перпендикулярно указанному выше, ряды вытянуты с юго-запада на северо-восток. Квадратная система посадки кустов (см. ниже) свидетельствует о том, что оба направления рядов соответствуют наиболее выгодному расположению виноградных кустов по отношению к странам света и направлению преобладающих сильных ветров. При таком направлении ряды кустов на Гераклейском полуострове освещаются более равномерно, а господствующие ветры проходят между этими рядами, причиняя наименьшее количество повреждений кустам.

Порядок размещения кустов во всех исследованных нами случаях один и тот же. Учитывая уровень развития техники античного земледелия, необходимо признать, что применена наиболее выгодная в этих условиях квадратная посадка кустов¹. Особенно четко эта система видна на винограднике клера № 44, где нет плантажных стен (рис. 40) и где любое направление рядов может быть признано основным. Однако и на участках с плантажными стенами очевидна та же квадратная посадка. Обнаруженные лунки устанавливают общепринятую меру между кустами в рядах и между рядами на всех виноградниках, равную приблизительно 1,40 м. На основании этих данных возможен точный подсчет кустов на определенной площади виноградника. По нашим подсчетам, это количество кустов на площади 1 га около 5000². Эти данные совпадают с расчетами количества кустов на 1 га по современным таблицам (5102 куста)³. Археологические раскопки позволяют определить глубину посадки и вид посадочного материала. На всех виноградниках, где нами произведены раскопки, обнаружены лунки виноградных кустов одинакового размера и формы. Это правило нарушается только на тех участках, где близко к поверхности выходила материковая скала нижнего слоя, в которой трудно было (да и не было необходимости) вырубить лунки правильной формы (рис. 42). Совершенно очевидно, что эти лунки могли быть сделаны только до посадки винограда.

Преимущество посадки винограда саженцами перед черенками было уже ясно античным земледельцам. На это определенно указывают Феофраст⁴, Катон⁵, Колумелла⁶, Плиний⁷. Очевидно, что посадка саженцев с окрепшей уже корневой системой была невозможна без подготовленных для этого заранее на виноградниках ямок. Это, опять же, отмечают Феофраст и Плиний⁸. Необходимость таких ямок указывается и в современных курсах виноградарства: «Ямки делают разного

¹ Ср. А. С. Мержанин: Ук. раб., стр. 247.

² С. Ф. Стрелецкий: Ук. раб., стр. 88.

³ А. С. Мержанин: Ук. раб., стр. 248—249.

⁴ Theophr., II, 5, 5 и выше.

⁵ Cato., 47 и выше 46.

⁶ Colum., «О деревьях», 16, 4.

⁷ Plin., 17, 202—203.

⁸ Там же.

размера в зависимости от почвенных условий и от свежести плантажа. В случае, если почва слежавшаяся, ямки роют большие. Обычно ширина ямок в среднем равна 30—40 см. Глубина ямки должна быть примерно на 8—12 см глубже длины саженца». Несомненно, что обнаруженные нами лунки или их донные части на подошве древних плантажей являются ямками, вырытыми при посадке винограда саженцами. Судя по глубине ямок на древних виноградниках Гераклейского полуострова от 0,50 до 0,70 м, глубина посадки саженцев колебалась в пределах 0,40—0,60 м.

Наряду с посадкой саженцев, так же как и сейчас, существовала посадка простыми черенками: так называемая шомпольная посадка. Для доказательства этого положения могут быть приведены два факта. Так, на клере № 26 на участке 21 при рытье строительной траншеи и затем нашим раскопом были обнаружены плантажные стены, сохранившиеся только в нижней своей части. Виноградник был запахан еще в позднеантичное время. Для этого верхние части плантажных стен были разобраны на глубину вспашки (рис. 43). Плантажные стены, как обычно, расположены через 2 м одна от другой, толщина их около 1 м. Однако никаких следов лунок для виноградных кустов вдоль этих стен нами не обнаружено. Этот факт может быть объяснен как раз посадкой на этом участке виноградных черенков под лом или под специальный посадочный кол. Счастливая находка железного орудия В. П. Лисиним в 1937 г. во время раскопок позднеантичной усадьбы близ Камышевой бухты подтверждает это наблюдение². Орудие представляет четырехгранный заостренный наконечник посадочного кола. Наконечник кованой работы. Стержень, которым наконечник закреплялся в деревянном коле, отломан (рис. 44).³

При современном археологическом изучении виноградников на клерах мы можем, по-видимому, считать, что основная посадка винограда производилась саженцами. Больше того, независимо от удельного веса этого способа в общей посадке винограда, несомненно, что для выращивания этих саженцев необходимы были питомники. Античные авторы уделяли этому вопросу серьезное внимание. Катон в своем труде о земледелии посвящает ему три главы⁴. Он советует: «Место выбери, по возможности, самое хорошее, совсем открытое и очень унавоженное, сорт земли — во всем подобный той земле, куда ты собираешься пересадить саженцы, и чтобы не надо было слишком далеко носить саженцы из питомника. Это место перекопай на глубину в два заступа, выбери камни, хорошо кругом обгороди и засаживай рядами⁵. В следующей главе он пишет: «Виноградный питомник таким же образом устраивай и засаживай. Когда лозе будет два года, срежь ее, когда будет три, — пересаживай»⁶. Аналогичные, если не идентичные советы дает Плиний⁷.

Как мы уже отметили, такие же питомники должны были быть и на херсонесских клерах. В этом отношении интересен двадцать первый виноградный участок, расположенный на ровном месте, почти внизу балки, отделенный от общего массива виноградников клера № 25. Площадь питомника около 1400 м². На такой площади, по современным

¹ А. С. Мерджаннан. Ук. раб., стр. 255, стр. 254, рис. 128.

² В. П. Лисини. Отчет о раскопках античной усадьбы близ Камышевой бухты в 1937 г. Арх. ГХМ, д. № 536, л. 21. Назначение орудия правильно осмыслено автором отчета. См. ниже, стр. 137.

³ С. р. А. С. Мерджаннан. Ук. раб., стр. 255, рис. 129.

⁴ Cato., 46—48.

⁵ Cato., 46, 1. Описание устройства питомника для маслины.

⁶ Там же, 47.

⁷ Plin., 17, 69.

данным, могло выращиваться около 18 тыс. саженцев. При общей площади виноградников на клере около 13 га, такой питомник вполне обеспечивал хозяйство своими саженцами. Даже при сильном вымерзании кустов, которому, несомненно, периодически подвергались виноградники Гераклейского полуострова, питомник мог восполнять утрату, давая саженцы почти на четыре гектара.

По мере использования посадочного материала свободные места в питомнике вновь засаживались¹. Эту работу Катон рекомендует делать весной до перекопки виноградников. В это же время следует закладывать новые питомники². Посадка саженцев на шпалерном винограднике, по-видимому, как и в настоящее время, могла производиться однолетними и двухгодичными растениями. Arbustum требовал трехгодичных саженцев, когда лоза имела не менее трех метров высоты и ее молодым побегам уже не опасен был пасшийся в саду скот³.

Таким образом, на основании археологических раскопок и обмеров, подкрепленных известиями античных агрономов, нам удастся проследить весьма подробно технику виноградарства в Херсонесе Таврическом III—II вв. до н. э., начиная с организации его территории и до посадки лозы. Это исследование свидетельствует еще раз о весьма высоком уровне развития виноградарства на херсонесских клерах. Полагаем, можно смело считать, что оно находилось на том же уровне, который мы прослеживаем в Греции и Италии на основании письменных источников. Учитывая это, вероятно все же и остальные работы на виноградниках осуществлялись на таком же уровне и поэтому могут быть перечислены на основании этих же письменных источников. В итоге мы имеем возможность представить себе общий, но достаточно конкретный вид виноградников на клерах Гераклейского полуострова.

Ранней весной производилась посадка черенков в питомниках⁴. Несколькими позже происходит посадка саженцев на виноградниках⁵. Посадка саженцев несомненно производилась только весной⁶. Перед этим виноград обрезался⁷. Весной производилась специальная обрезка

¹ Cato., 30, 2.

² Там же, 40, 1.

³ Cato., 47; Colum., 16, 4.

⁴ Cato., 50, 2.

⁵ Cato, 32, 1; 33, 3. Учитывая климат Гераклейского полуострова, вряд ли допустима была осенняя посадка, вследствие угрозы вымерзания (Ср. А. С. Мержанпан, ук. раб., 252). Правда, в последние годы в Балаклавской долине осуществлен опыт осенней посадки на большой площади и с весьма положительным результатом. Однако условия долины значительно отличаются от гераклейских и сам опыт требует дальнейших экспериментов.

⁶ Cato, 47; Colum., 16, 4.

⁷ Варрон определяет время обрезки виноградников с поздней осени по конец зимы (1, 9, 4; 35 и 36). Судя по текстам, Катон, по-видимому, предпочитал обрезку в самом начале весенних работ (32, 33) — «Плодоносные ветви и «сторожеи», как полагается, оставь» — фраза, под которой может подразумеваться только обрезка. Об этом же свидетельствует перечень работ в гл. 50, 2: обрезка виноградника, подчистка смоквиц, закладка питомников — все эти работы производились до вскапывания виноградника. После всего того «начинная весеннюю пахоту». В частности, после обрезки виноградника он рекомендует сложить дрова и хворост в кучу. Аналогичный совет он дает в гл. 37, 5 уже в перечне зимних работ: «Из обрезанного виноградника и виноградного сада убери хворост, наделай вязанок и сложи в кучу виноградные ветки и смоквицные дрова для очага и чурки для хозяина». Вряд ли можно думать, что кучи дров и хвороста с весны до зимы лежали без сортировки. На основании этих двух данных вероятнее всего предположить, что обрезка виноградников производилась осенью и ранней весной. Ср. комментарии М. Е. Сергиенко — М. П. Катон. Земледелие, М.—Л., 1950, стр. 177, прим. 4 к гл. 50, 2. Значение подрезки ясно уже Феофрасту (Th., Н. р., II, 7, 2): «О виноградной лозе нечего, конечно, и говорить: подрезка ей еще нужнее — и для роста, и для обильного плодоношения». Он же в зависимости от климатических условий рекомендует осеннюю либо весеннюю обрезку.

лозы, поврежденной зимними морозами и весенними заморозками. Для обрезки лозы применялись специальные ножи (серпетки), для обрезки штамба и постоянных ветвей, по-видимому, виноградные пилки (ножовки). Один такой виноградный нож найден при раскопках в Херсонесе (рис. 45). Нож сделан из железной пластины толщиной около 3 мм. К переднему серповидному концу он сильно расширяется. С тыльной части нож имеет небольшой топорovidный выступ для обрубки толстых ветвей и корней. На узкий заостренный черенок набивалась деревянная ручка. Второй нож изображен на херсонесском надгробии первых веков н. э.¹ Нож массивный, с короткой ручкой. Задний конец ручки имеет выступ. Широко, серповидное лезвие согнуто под прямым углом к рукоятке (рис. 46)². Весною же лоза подвязывалась³, в *arbustum*'е лоза окапывалась⁴, виноградники (*vineae*) вскапывались⁵. Вслед за этим начинались операции с зелеными частями куста, часть которых по своим задачам близко подходит к обрезке лоз и отчасти к подвязке побегов. К числу этих операций относится обломка побегов⁶, пасынкование⁷, обломка листьев в период вызревания плодов⁸, прореживание гроздей⁹.

У античных земледельцев и агрономов, по-видимому, не было единого мнения относительно летней обработки почвы на виноградниках. Так, Катон советует во время созревания плодов вокруг каждой лозы разрыхлять землю мотыгой¹⁰. Феофраст пишет о разных мнениях на этот счет: «некоторые говорят», что в это время вообще не следует трогать лозу, и если делать это, то только тогда, когда виноград почернеет. «Другие» советуют и тогда не мотыжить землю, а только выполоть траву. Заканчивает Феофраст этот параграф словами: «Об этом спорят»¹¹. Летние работы завершались сбором урожая и изготовлением вина.

В конце осени и начале зимы производились следующие основные работы: перекопка виноградника и обрезка лозы. Колумелла считал, что окапывать лозу нужно до наступления холодов. Окапывалась лоза глубоко: не меньше чем на полтора римских фута (около 0,45 м). Во время осенней перекопки производилась катаровка — обрезка корней у виноградных кустов. Обрезались поверхностные корни (на глубину 0,45 м). Катаровка оберегала лозу от повреждений и заболеваний

¹ См. ниже, стр. 137.

² Иной формы найдены ножи на Боспоре. Один — II в. н. э. в Пантикапее (В. Д. Блаватский, *Земледелие...*, стр. 112, рис. 41), второй — II—III вв. н. э. в Мирмекие (В. Ф. Гайдукевич, *Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг.*, МИА, № 25, 1952, стр. 184 и сл., рис. 21). Описание виноградного ножа дает Колумелла, 4, 25, 1—3.

³ *Cato.*, 32, 2; 33, 1; *Colum.*, 14, 13, 1.

⁴ *Cato.*, 33, 1—2. Ср. пр. 5 к этой главе в комментариях М. Е. Сергиенко. М. П. Катон. *Земледелие*, стр. 164.

⁵ *Cato.*, 50, 2.

⁶ *Cato.*, 33, 4.

⁷ *Varr.*, *De re rust.*, 1, 31, 2. «Пасынковать лозы надо человеку умелому (это важнее, чем обрезать) и только в винограднике, где лозы вытопы по колям и переплетам, а не по деревьям». Он же указывает начало этих работ — с начала мая и до летнего солнцестояния. Таким образом, пасынкование производилось только на шпалерных виноградниках или на виноградниках, где культивировались стелющиеся лозы — *ἄκτις*: (Георорг., 3, 1, 5). В *vineae* «arboresque» — «arbustum» эти операции не производились. Кроме того, советы Варрона позволяют считать, что у Катона (гл. 33, 4) речь идет не о пасынковании, а об обломке побегов в начальном периоде их роста: «Когда виноградник начнет зеленеть — пасынкуй».

⁸ *Cato.*, 33, 4; *Colum.*: в «местах влажных и холодных снять листья с веток около плода, чтобы он мог достичь зрелости и не сгнить на месте. В местах сухих и жарких выставленные на солнце грозди должны быть защищены ветвями и листьями».

⁹ *Cato.*, 33, 4.

¹⁰ *Cato.*, там же.

¹¹ *Theophr.*, Н. п., II, 7, 5.

при сильных морозах зимой и засухе летом¹. В районах с сильными морозами в зимнее время лозу закапывали в землю. На Боспоре этот метод, по-видимому, широко практиковался². Учитывая современную практику и наличие *arbustum*'а на всех клерах, можно думать, что на Гераклейском полуострове к этой мере защиты винограда от мороза не приходилось прибегать.

Отметим еще два археологических факта, существенных для характеристики виноградарства на херсонесских клерах.

Первое. Мы уже видели, что херсонесские виноградары строго учитывали экологические факторы в организации сельского хозяйства и размещении различных культур. Труды античных агрономов свидетельствуют, что эти же экологические условия соблюдались и при выборе сортов виноградной лозы в зависимости от экспозиции и почвенных условий того или иного участка виноградника³.

Не подлежит никакому сомнению, что это же правило соблюдалось и на клерах Гераклейского полуострова. Найденные при раскопках виноградников остатки виноградных корней (рис. 47)⁴, к сожалению, не могут подтвердить это положение, но мы имеем значительные количества виноградных семян, собранных из очажных отходов и на помойке усадьбы клера № 25 (рис. 48). Эту находку трудно переоценить.

В пределах сорта винограда форма семени является наиболее постоянным ампелографическим признаком⁵. Внимательный осмотр найденных семян, по-видимому, говорит о том, что на Гераклейском полуострове выращивались различные сорта винограда. Этот вывод подтверждается также наличием двух типов виноградников на клерах полуострова: *vinea*, на которых лоза укреплялась на кольях и шпалерах, и *arbustum*, где лоза пускалась на различные плодовые деревья⁶.

Второе. Виноградники херсонесских клеров, по-видимому, были двух типов. Основным типом являлся *vinea*; он прослеживается хорошо на всех обмеренных клерах. Однако на этих же клерах, по-видимому, имелся и второй тип — *arbustum*⁷ (рис. 37). Особенно хорошо выявляется он на клерах № 25 и 26. На первом — на участках 35 и 31. На втором — на участке 1. На участке 35 он расположен по водоразделу, в

¹ Colum., ук. раб., 4, 8, 1. Ср. Th., Н. р., II, 7, 6.

² Theophr., Н. р., IV, 14, 13; Strab., VII, 3, 18. Об этом же свидетельствует культивирование стелющейся лозы — *ἄκτις*, см. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 95, там же литература.

³ Theophr., Н. р., II, 5, 7; Cato., 6, 4.

⁴ Корни определены проф. П. Т. Болгаревым, проф. Н. А. Троицким и М. Н. Жилиной.

⁵ А. С. Мержанян. Ук. раб., стр. 115. К сожалению, у обуглившихся семян безвозвратно утерян хороший ампелографический признак — их окраска, окраска клювика и халазы.

⁶ Е. Г. Суворов (К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. Моск. Гос. педагог. ин-та им. В. И. Ленина, т. XXVIII, в. 1, М., 1942, стр. 108 и сл.) привел ряд соображений в пользу культивирования на гераклейских клерах виноградной лозы. Кабернэ фран, весьма вероятно известной Колумелле и Плинию под именем *biturica*. Необходимо отметить, что исследователь, выделяя только одну лозу для всего полуострова, расходится с общими теоретическими основаниями виноградарства и практикой. Это же расходится с основным положением античных агрономов относительно выбора лозы в соответствии с экологическими условиями того или иного участка виноградника. Кроме того, взятые исследователем изображения винограда на фрагментах мраморных саркофагов (Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса в 1935—36 гг., Крым. АССР, 1938), возможно, очень похожи на лозу Кабернэ фран, но сами изображения и мраморные саркофаги не имеют никакого отношения к херсонесским мастерским надгробий, они привезены в готовом виде с Проконеса. Тем не менее, учитывая качества лозы *biturica*, не исключено, что в числе других сортов она могла культивироваться на херсонесских клерах. Ср. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 88 и 160.

⁷ Подробную характеристику *arbustum*'а дают: Colum., 5, 6—7, и Plin., 17, 199—214.

северо-западной половине виноградника. Расстояние между деревьями около 6,00 м. На втором *arbustum* ограждает основной массив всего виноградника, расположенный на участке 1. Он окаймляет его узкими полосами с юго-западной и северо-восточной стороны, с востока, по водоразделу балки, в углу клера. Правильное определение *arbustum*'а на клерах Гераклейского полуострова имеет очень большое значение для всех экономических выводов. Это одна из первоочередных, еще не решенных задач ближайшего будущего, стоящих перед археологами.

Для характеристики этого типа виноградника приводим небольшой отрывок из работы Плиния: «Расстояние между рядами, если сад пашут, — пишет он, — полагается в 40 футов, а между деревьями в ряду — в 20; если не пашут, то это последнее расстояние соблюдается и между деревьями, и между рядами. У каждого дерева выращивается 10 лоз; если их меньше трех, то хозяина осуждают»¹.

В свете этого отрывка естественно встает вопрос о характере садов на херсонесских клерах, где плантажные стены расположены на расстоянии 5 м одна от другой². С учетом толщины плантажной стены (1,00 м) расстояние между деревьями и рядами деревьев как раз равняется 20 футам, указанным Плинием. Можно думать, что сады клеров Гераклейского полуострова являлись *arbustum*'ами, а вместе с этим и площадь виноградников на них значительно увеличивается. Повторяем, пока это еще предположение, требующее дальнейшего археологического изучения.

Заканчивая исследование организации территории виноградников и техники обработки их³, приведем таблицу, в которой показано количество виноградных кустов, выращиваемых на каждом клере, из расчета 5000 кустов на га⁴.

№ клеров	Площадь виноградников в га	Количество кустов
10	6,91	34 500
11	7,14	35 500
20	7,03	35 000
25	13,42	67 000
26	21,40	102 000
	55,90	274 000

6) САДОВОДСТВО

Садоводство является не менее древней, чем виноградарство, отраслью земледелия. На основании сообщения Геродота⁵, В. Д. Блаватский высказывается за происхождение хотя бы некоторых плодовых деревьев в Сев. Причерноморье еще в догреческий период⁶. Наличие

¹ Plin., 17, 202.

² См. ниже, стр. 80.

³ Мы остановились только на основных вопросах техники виноградарства. Из рассмотренных вопросов отметим наиболее важный: восстановление плодородия почвы, который в возможном для Сев. Причерноморья объеме освещен В. Д. Блаватским. См. ук. раб., стр. 70 и сл.

⁴ Как видно из таблицы, предпочтение дано минимальным цифрам.

⁵ Herod., IV, 109.

⁶ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 85.

садоводства у коренного населения Сев. Причерноморья подтверждается археологическими находками на Гераклейском полуострове. На том же раннетаврском поселении Уч-Баш, которое датируется в пределах X—VIII вв. до н. э., в очажных ямах и мусорном заполнении зерновых ям обнаружены косточки алычи и черешни или вишни¹. О характере и удельном весе садоводства в экономике того времени нельзя сказать ничего определенного. Остается констатировать только наличие упомянутых находок. О широком развитии садоводства на Гераклейском полуострове мы можем говорить только со времени переселения древних греков и основания Херсонеса².

Как видно из таблицы на стр. 66, садоводство, вероятнее всего, играло подчиненную роль в земледелии эллинистического Херсонеса. Этот вывод вытекает из количества земли на клерах, занятой садами (14,0%) и главным образом той роли, которая предназначалась садам как ветроломным или ветрозащитным полосам при виноградниках. Кроме того, не исключено использование плодовых деревьев как подпор для вьющихся виноградных лоз (клер № 25, уч. 35, клер № 26, уч. 1)³. На всех исследованных нами клерах садовые участки невелики по размерам и, как правило, расположены с северной стороны виноградников. Как и виноградники, сады террасировались, а на участках с недостаточным почвенным слоем делались глубокие траншеи, вырубленные в скале, и сооружались плантажные стены.

Эта система агротехнических мероприятий хорошо прослежена на клере № 24, в обресе водопроводной траншеи рыбацкого поселка (рис. 49). На садовых участках поперек склонов закладывались траншеи глубиной до 1,00 м и шириной до 1,50 м. Закладывались они попарно. Между траншеями оставляли промежутки шириной около 1,00 м. На этом промежутке выкладывалась плантажная стена из камня, добытого при вырубке траншей в скале, которая разделяла две соседние траншеи. Через два метра сооружалась следующая пара траншей и т. д. В результате весь садовый участок оказывался разделенным плантажными стенами на пятиметровые полосы. Иногда, но очень редко, ширина этих полос больше. Так, на десятом участке клера № 10 ширина их равна 8 метрам.

Как полагают специалисты-агрономы, ширина этих полосок не пригодна для пахоты и как раз соответствует расстоянию между плодовыми деревьями, необходимому для их нормального роста и плодоношения. Это же соответствует указаниям Плиния: в саду, который не распахиывался под посев, расстояние между деревьями и между рядами деревьев полагалось делать в 20 футов, или в метрических мерах — около 6 м⁴.

Описанный нами способ соответствует древней посадке деревьев канавами⁵. Учитывая очень небольшое расстояние между парными траншеями, посадка деревьев могла производиться только в шахматном порядке: 6 м между деревьями в ряду — в одной траншее и около 4 м

¹ Определение дано специалистами Гос. Никитского ботанического сада. См. С. Ф. Стрежелецкий. Отчет о раскопках раннетаврского поселения Уч-Баш X—VIII вв. до н. э., в 1952 г. Арх. ГХМ.

² См. В. Д. Б л а в а т с к и й. Земледелие..., стр. 85, О садоводстве в Сев. Причерноморье. Там же ссылка на античных авторов. Точнее говоря, о садоводстве на Гераклейском полуострове мы можем говорить только с рубежа IV—III вв., с начала III в. до н. э.

³ Напомним, не исключено, что все садовые участки могли быть *arbustum*'ами, см. стр. 78 и сл.

⁴ Plin. 17, 202.

⁵ Cato., 40, 1.

между рядами, разделенными плантажной стеной. Траншеи, изолированные скалой и плантажной стеной, наглухо размежевывали корневую систему плодовых деревьев в двух соседних рядах. Кроме того, при такой шахматной посадке деревьев соседняя траншея могла быть использована под посадку лоз, запускаемых на ближайшее дерево.

Сооружение плантажных стен на садовых участках, так же как и на виноградниках, решало несколько задач: ликвидировались значительные массы камня, полученного при закладке траншей, удерживался почвенный слой от смыва со склонов и возвышенных мест, задерживались на садовых участках выпавшие осадки, которые при этом направлялись в нижний слой к корневой системе плодовых деревьев.

Наряду с посадкой канавками существовал второй способ—посадка ямами¹. Этот способ, по-видимому, зафиксирован нами на клере № 11 уч. 27, где вследствие выхода скалы на поверхность и уничтожения маломощного почвенного слоя обнаружены большие ямы на расстоянии 5—6 м одна от другой². Ямы и канавы для посадок деревьев заготавливались заранее и всегда поглубже³. Катон прямо указывает, что это следует делать весной⁴.

Посадочный материал заготавливался заранее, либо в специальных питомниках⁵, либо отводками в садах⁶. Не исключено, что таким питомником плодовых деревьев мог быть участок 3 на клере № 25. Посадка производилась осенью и весной. Срок посадки зависел от качества земли и влажности, от рода деревьев и т. д.⁷ В зависимости от качества земли и рельефа выбирались различные породы и сорта деревьев⁸. Большое внимание уделялось своевременной перекопке⁹, обрезке¹⁰ (рис. 50) и удобрению.

К сожалению, пока еще почти ничего нельзя сказать о том, какие именно фруктовые деревья выращивались на клерах. Учитывая известия Феофраста и Плиния о произрастании близ Пантикапея смоковницы, гранатового дерева, груши и яблони¹¹, можно думать, что эти же плодовые деревья могли выращиваться на клерах Гераклеийского полуострова, расположенного значительно южнее Пантикапея. Археологические находки тоже крайне слабо освещают этот вопрос. З. А. Аркас отмечал наличие одичалых смоковничных деревьев на Гераклеийском полуострове¹². Лично нам были известны два или три куста одичалой смоковницы, которые в 20-х годах были на учете Севастопольского музея краеведения. Эти кусты находились на обращенном к югу северном склоне балки Бермана, к востоку от одноименного хутора. Наблюдением зафиксировано, что эти кусты плодов не давали¹³. Такие же кусты имеются на кле-

¹ Cato., 27, 28, 2; 40, 1; 43, 1; 45, 1.

² См. выше, стр. 60.

³ Theophr., там же; Pl., 17, 79.

⁴ Cato., 40, 1.

⁵ Theophr., II, 5, 1; Cato., 28; 40, 1; 46, 1; 48; 61, 2; Colum., 5, 9; Pl., 17, 19.

⁶ Cato., 51, 52 и 133.

⁷ Cato., 27; 28; 40, 1; 61, 2.

⁸ Theophr., II, 5, 7; Cato., 6, 1—2; 8, 1; 9; 40, 1 и др.

⁹ Theophr., II, 7, 5; Cato., 27; 43, 2; 60, 1.

¹⁰ Theophr., II, 7, 2; Cato., 27; 32, 1; 44; 50, 2; Colum., 5, 6, 15—16

¹¹ Theophr., Н. р., IV, 5, 3; Plin., XVI, 137. Ср. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 85, и комментарии М. Е. Сергеевко к переводу работы Феофраста «Исследование о растениях». М., 1951, стр. 133.

¹² З. А. Аркас. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. ЗОИИД, II, отд. 1, Одесса, 1848, стр. 260. К сожалению, не указаны места, где он видел эти деревья.

¹³ В настоящее время кусты не существуют. Утверждать, что они являлись отдаленными потомками античных смоковниц, нет никаких оснований.

рах № 31 и 32. Найденные в Херсонесе косточки маслины несомненно привозные¹.

Из старых раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича на некрополе Херсонеса имеются различные семена и плоды. Среди них несомненно миндаль и, по-видимому, спсохшееся яблоко (рис. 51). Оба плода вероятнее всего местного происхождения². Во время наших раскопок усадьбы II в. до н. э. на клере № 25 среди семян различных растений обнаружено значительное количество зерен неопределенного характера, которые подлежат специальному изучению и, может быть, еще позволят осветить интересующий нас вопрос³.

Раскопки позднеантичного погребения в 1957 году на некрополе Херсонеса обнаружили большое количество различных сожженных, обуглившихся плодов. Среди них привозные финики и вероятнее всего местные каштаны, грецкие и лесные орехи, плоды смоковницы (рис. 52—54).

В настоящее время, на основании площади садов и предполагаемой системы посадки плодовых деревьев на них, можно составить следующую таблицу.

№ клеров	Площадь садов	Количество деревьев на 1 га	Всего на клере
10	4,57	600 ⁴	2750
11	5,68	"	3400
20	2,00	"	1200
25	4,19	"	2500 ⁵
26	1,10	"	650
Итого:	17,54	—	10 500

в) ПОЛЕВЫЕ КУЛЬТУРЫ

Археологические исследования на Гераклеийском полуострове установили значительное развитие земледелия у местных раннетаврских племен еще до основания Херсонеса. Раскопки поселения Уч-Баш, X—VIII вв. до н. э., свидетельствуют, что основой экономики тавров являлось сельское хозяйство, в котором зерновым культурам принадлежала ведущая роль. Этот вывод подтверждается находками земледельческих орудий, зернотерок, ямами для хранения зерна, отпечатками соломы и многочисленными зернами пшеницы, ячменя и гороха (рис. 55—56)⁶.

В противоположность другим государствам Северного Причерноморья античного времени, в сельском хозяйстве которых зерновым

¹ Ср. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 85. Правда, Гос. Ботанический Никитский сад продолжительное время ведет работу по выращиванию и акклиматизации маслин, однако эти работы осуществляются только на Южном берегу Крыма.

² Материал беспаспортный, несомненно античного времени.

³ С. Ф. Стрелецкий. Отчет о раскопках Гераклеийской экспедиции: ГХМ в 1954 г. Арх. ГХМ.

⁴ Предпочтено минимальное количество деревьев на 1 га. Максимальное количество — около 650 деревьев.

⁵ Вместе с *arbutum* площ. сада — 6,69 га, или 4000 деревьев.

⁶ С. Ф. Стрелецкий и др. Отчет о раскопках раннетаврского поселения Уч-Баш в 1952 и 1953 гг. Арх. ГХМ.

культурам принадлежала ведущая роль¹, в Херсонесе Таврическом эллинистического времени, во всяком случае, на клерах Гераклеийского полуострова этого же времени мы наблюдаем обратную картину. Второстепенная роль зерновых культур в экономике гераклеийских клеров иллюстрируется прежде всего соотношением площадей полей и виноградников². Так, в среднем по пяти обследованным клерам площадь, занятая полевыми культурами, составляет всего лишь 30,9%. Фактически этот процент завышен в среднем в полтора раза для клеров № 11, 20 и 26. Второстепенное значение полевых культур станет еще очевиднее, если вспомним, что из этих 30,9% только половина земли засеивалась вследствие двупольной системы земледелия.

Как мы уже установили при исследовании организации территории клеров, полевые участки на них вымежеваны по определенному правилу и занимают северную часть наделов. Во всяком случае, на обследованных нами клерах полевые участки расположены в наиболее низменных и плодородных их частях, что и соответствует правилам античного земледелия, сформулированным Катонем³. Так же как и остальные, полевые участки террасированы и ограждены каменными стенами.

Нам уже приходилось ставить вопрос о двупольной системе земледелия на клерах⁴. Такая постановка вопроса основывается на наличии спаренных полевых участков на клерах. На клере № 25 к таким участкам относятся: 7 и 8, 14 и 15, 18 и 19, 27 и 28. На клере № 26 — участки 19 и 20, 13 и 14. На клере № 11 — участки 1 и 2, 5 и 6, 12 и 13. Особенно интересны в этом отношении участки 19 и 20 на клере № 26, которые возникли уже в позднеантичное время на месте частично разрушенного виноградника; оба участка хотя и не одинаковые по форме, но равны по площади. Аналогичны позднеантичные участки 12 и 13 на клере № 11. В свете земледельческой практики древней Греции⁵, Северного Причерноморья⁶, на основании такого попарного размежевания полевых участков на клерах можно думать, что и херсонесские земледельцы вели свое полевое хозяйство по двупольной системе⁷.

Учитывая высокий уровень развития земледелия на клерах Херсонеса Таврического эллинистического времени, нет никаких оснований считать, что пахота, посевные и другие работы отличались от таких же работ в полеводстве античного Средиземноморья. В общих чертах весь процесс полеводства может быть представлен в следующем виде.

В основе всего лежал хороший уход за полем, суть которого очень кратко и четко изложена Катонем: «Хорошая пахота. А во-вторых? Пахота. В третьих? Унаваживание»⁸. Основная распашка падала на весну. Начинали с почв сухих, щебенистых и песчаных, кончали сырыми, тучными, тяжелыми⁹. Пахали, как правило, очень тщательно, превращая землю в порошок¹⁰. Пахали весной и осенью, основная пахо-

¹ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 74 и сл. Там же, литература вопроса.

² См. выше, стр. 66.

³ Cato., 6,1: «Где есть хорошее жирное поле без деревьев, то следует ему быть хлебным полем».

⁴ С. Ф. Стржеleckий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 86—87.

⁵ А. Jarde. Les céréales dans l'antiquité grecque. P, 1925, стр. 81 и сл.; там же, источники и литература.

⁶ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 30 и сл., там же, основные источники.

⁷ В. Д. Блаватский. Ук. раб., стр. 71 и 91.

⁸ Cato., 61, 1.

⁹ Cato., 50, 2; 131.

¹⁰ Colum., 2, 4, 1—2; Plin., 18, 11. Однако это правило, по-видимому, не везде соблюдалось по римскому «рецепту». В этом отношении очень интересны наблюдения зз

та — по-видимому — весенняя¹. Пашня несомненно уваживалась и удобрялась². Можно думать, что, так же как и при распределении земель клера под различные культуры, столь же тщательно учитывались экологические факторы отдельных полевых участков при выборе для них посевного материала³. Посев производится и осенью и весной⁴.

Вернемся на твердую почву археологических фактов для определения зерновых культур, выращиваемых на клерах Гераклеяского полуострова. Богатейшая коллекция семян этих культур, собранная в результате последних раскопок на усадьбе клера № 25, позволяет решать этот вопрос почти исчерпывающе, подтверждает сообщения античных писателей⁵ и находит себе многочисленные аналогии в археологических сборах на Боспоре, Сев. Кавказе, отчасти материковой Скифии⁶.

Все зерна в обуглившемся состоянии. Найдены они на полу кухни усадьбы (пом. «2»), в жилом помещении вилика (пом. 1), в жилых помещениях — 12 и 14 у очагов; небольшое количество зерен было обнаружено в верхних полах помещения 6. Во всех случаях зерна были втопаны в земляной пол этих помещений, куда они, видимо, попали при приготовлении пищи. Часть зерен обнаружена при разборе помойки с наружной стороны усадьбы, в углу, образованном ее юго-восточной стеной и башней. Несомненно, что и сюда эти зерна попали вместе с отходами пищи. Значительное количество зерен найдено втопанным в пол башни. Очень много их обнаружено в небольшой земляной засыпи на дне цистерны в помещении 15.

Основную массу зерен составляют пшеница и ячмень. Кроме них, зафиксирован горох, чечевица, просо и мелкозернистая рожь (рис.

практикой, сделанные Феофрастом: «В некоторых местах, например в Сирии, нехорошо пахать глубоко, почему там и пользуются маленькими плужками. В других местах, например, в Сицилии, очень тщательная обработка земли приносит вред: на этом, видимо, и терпит неудачу большинство новоселов. Итак, все зависит от места» (Theophr., VIII, 6,3; подчеркнуто мною, С. С.). Вспоминаются слова Страбона о степной равнине Крыма, которая при самой посредственной пахоте дает хорошие урожаи (Strab., VII, 4, 6). Это вызывает этнографические параллели из земледельческой практики татар начала XX в., когда поля, «распаханные» примитивной сохой (сабаном), давали прекрасные урожаи хлеба, до 120—150 пудов с десятины. Вероятно, практика Сирии, Сицилии и страбонской Крымской равнины не случайно перекликается с блестящим методом полеводства и восстановления плодородия почвы, разработанным Т. Б. Мальцевым для засушливых районов востока.

¹ Cato, 50, 2; 131.

² В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 71 и сл. А. Jarde. Ук. раб., стр. 25 и сл.; Античные авторы: Theophr., 8, 6, 3; Cato, 5, 8; 29; 33; 3—4; 36; 37, 1—2; 61; 114, 11. Varr., 1, 23, 3; 1, 33, 1—2; Colum., 2, 14, 1 и 8; 2, 45, 2. Что касается золы, то недостатка в ней не было. Основным видом топлива на усадьбах были дрова и хворост. Обрезка виноградников давала с одного гектара около тонны этого топлива. Не вызывает сомнения, что зола из очагов на усадьбах клера могла собираться для использования на полях. Во всяком случае, такая практика сбора очажной золы известна уже таврам, начиная с X—VIII вв. до н. э. Наличие скота и птицы у владельцев клера тоже не может вызывать сомнения. Особенно наглядно это, может быть, показывает рисунок на кувшине, найденном на усадьбе в балке Бермана, правда, уже первых веков н. э. Интересно замечание Колумеллы: «Нерадивые хозяева, у которых каждая штука мелкого скота дает в месяц меньше одного воза, а каждая штука крупного скота дает в месяц меньше одного воза, а каждая штука крупного скота дает в месяц меньше одного воза...» (Colum., 2, 14, 8).

³ Theophr., VIII, 6, 2; Cato., 6, 1; 34, 1—2; 35, 1—2; Varr., 1, 9, 4; Colum., 2, 6; 1—2; 2, 6, 4, 2, 8, 5; 2, 9, 3—4 и 14; 2, 10, 1 и 5, Plin., 18; 65; 18; 134—135.

⁴ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 91. Хотя археологические материалы относятся к Боспору (раскопки Киммерика в 1948—1949 гг.), однако слова Феофраста (Н. р., VIII, 4, 5, 6) относятся к понтийской пшенице вообще.

⁵ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 74.

⁶ Там же, стр. 71 и сл.

57—59)¹. При зачистке пола близ очага в жилом помещении 14 было обнаружено несколько зерен гречихи².

Местное происхождение перечисленных зерновых культур не вызывает сомнения. Ряд убедительных соображений о догреческом происхождении основных видов северопрichernоморской пшеницы был уже высказан В. Д. Блаватским³. Зерна чечевицы и проса, которые, по свидетельству Геродота, сеяли каллипиды и алазоны⁴, тоже местного происхождения, однако наиболее убедительным доказательством местного характера перечисленных нами зерновых культур являются аналогичные находки во время наших раскопок на поселении Уч-Баш, X—VIII вв. до н. э., где, как мы уже отметили в начале настоящего раздела, были обнаружены зерна пшеницы, ячменя и гороха. Специальное определение зерен показало, что среди них «...преобладают мягкая и карликовая пшеница с незначительной примесью голозерного и пленчатого ячменя»⁵, т. е. пшеница относится к виду *triticum vulgare*, отмеченному еще в древности за его легкость Феофрастом и Плинием⁶. По расчету А. Жарде, вес гектолитра этой пшеницы равен 74 кг⁷.

Плужный характер земледелия Северного Причерноморья в античное время хорошо засвидетельствован древними авторами⁸ и не вызывает никакого сомнения⁹. Местные легенды и отзвуки их в греческих источниках указывают, что появление этой техники земледелия относится ко временам задолго до греческой колонизации Северного Причерноморья. На Гераклеийском полуострове плужная техника земледелия засвидетельствована находкой различных орудий и в том числе железных лемехов на сельском могильнике III, конца II века до н. э.¹⁰ На могильнике обнаружено интересное погребальное сооружение с трупожжениями. При погребениях, помимо различных вещей, обнаружено «перегоревшее просо, мука (? С. С.) пшеница»¹¹. Все находки, за исключением некоторых монет, были проданы О. Д. Шпаком А. Л.

¹ Предварительные определения сотрудников Гос. Никитского ботанического сада при демонстрации находок во время нашего доклада на заседании Ученого совета, а также сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства при сдаче находок для специального изучения. Относительно ржи см. В. Д. Блаватский, Ук. раб., стр. 81.

² Древность этих зерен не вызывает никакого сомнения. Зерна обуглившиеся. Находка очень редкая (Ср. В. Ф. Гайдукевич, «Боспорское царство», М.—Л., 1949, стр. 351, В. Д. Блаватский, Земледелие..., стр. 77—78; зерна из сарматского погребения на Нижнем Дону, оказавшиеся занесенными туда землеройкой). Необходимо оговориться, что определение зерен дано нами во время зачистки помещения.

³ В. Д. Блаватский, Ук. раб., стр. 80.

⁴ Herod., IV, 17.

⁵ «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. II. М.—Л., 1956, стр. 43.

⁶ Theophr., VIII, 4, 5; Plin., XVIII, 66. Нам кажется, что В. Д. Блаватский проявляет излишнюю осторожность, оговаривая тождественность понтийской пшеницы Феофраста и херсонесской (Крымской) пшеницы Плиния. См. Ук. раб., стр. 81. Об этом свидетельствует не только полное совпадение показаний обоих авторов, но и совпадение их показаний с данными археологических находок в Северном Причерноморье, представленных именно видом мягкой пшеницы.

⁷ A. Jarde, ук. раб., стр. 32. Ср. В. Д. Блаватский, ук. раб., стр. 81, прим. 1,

⁸ Herod., IV, 17; Strab., VIII, 4, 6.

⁹ В. Д. Блаватский, Ук. раб., стр. 93.

¹⁰ Могильник обнаружен случайно в 1902 г. при добыче камня. В 1902—1903 гг. он хищнически раскапывался севастопольским «счастливчиком» Гончаровым. В сентябре 1903 г. полуразрушенное погребальное сооружение было раскопано севастопольским любителем-археологом О. Д. Шпаком, в архиве которого сохранилось краткое описание памятника и схематический план его с указанием размеров (Арх. ГХМ, д. № 217, д. № 218). В 1953 году нами обнаружено место поселения, которому, по-видимому, принадлежал этот могильник (Арх. ГХМ).

¹¹ Арх. ГХМ, д. № 218, л. 39.

Бертъе-Делагарду¹. Перечисляя вещи, последний отмечает среди них «...куски ножей, кирки, топоры, лемехи от плугов, серпы»².

Таким образом, сельский могильник дал комплекс основных земледельческих орудий III—II вв. до н. э.³ Плужный же характер земледелия на Гераклеяском полуострове иллюстрирует интересное изображение, по-видимому, пахаря, датируемое первыми веками н. э.⁴ Тягловой силой, несомненно, являлись быки⁵, изображение которых, очевидно, не случайно столь распространено на античных монетах Херсонеса Таврического⁶.

г) ОГОРОДНЫЕ КУЛЬТУРЫ

Несмотря на крайнюю скудность источников, наличие огородных культур на клерах Гераклеяского полуострова не вызывает сомнения. Прежде всего отметим факт неоднократных находок семян огородных и бахчевых культур в погребениях античного времени на некрополе Херсонеса, тщательно собранных еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Древность этих семян не подлежит сомнению, ибо найдены они на тарелках и в чашках при погребениях. В этих находках и представлены семена огурцов, арбузов и дынь (рис. 60). Находка последних весьма подкрепляет предположение В. Д. Блаватского относительно изображения дыни или тыквы на пиршественном столе Геракла, на рельефе III в. до н. э., найденном близ Евпатории⁷. На выращивание сладкого лука в Крыму указывал еще Феофраст⁸. Нет оснований исключать разведение его на клерах Херсонеса. Полагаем, можно смело считать, что и ряд других огородных культур мог выращиваться на Гераклеяском полуострове.

В этом отношении необходимо отметить весьма благоприятные условия для этого в теперешних балках: Лабораторной, Сарандинакиной, Юхаринной, Бермана и др., а также в низовьях всех балок, впадающих в бухты полуострова. Эти места и теперь используются под огороды вследствие высокого плодородия почвы и обилия грунтовых вод. Так, например, в верховье Камышевой бухты, на клере № 31 современный и довольно значительный по площади огород поливается водой из античного колодца, расположенного рядом с усадьбой этого клера (рис. 61). Для поливки огородов в балке Бермана и Верхне-Юхаринной используются подправленные, конечно, древние каптажи. Мы уверены, что дальнейшие раскопки античных усадеб, в особенности расположенных в указанных районах, дадут материалы, освещающие этот вопрос⁹.

¹ Арх. ГХМ, д. № 217, л. 26. Это подтверждает А. Л. Бертъе-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. ЗООИИД, XXVI, 1906, стр. 250—251. Вещи несомненно поступили в музей общества, и не исключено, что, хотя бы частично, могут быть обнаружены в фондах Одесского музея.

² А. Л. Бертъе-Делагард. Ук. раб., стр., 251.

³ Найденные вещи бесспорно датируются серебряными и медными монетами Херсонеса Таврического указанного времени, обнаруженными на могильнике в количестве свыше двухсот экземпляров. Наиболее поздние из них относятся к митридатскому времени и датируются А. Н. Зографом кон. II, нач. I в. до н. э. См. МИА, 16, 1951, стр. 151—152, таб. XXXVI. Ср. А. Л. Бертъе-Делагард. Ук. раб., стр. 273.

⁴ См. ниже, стр. 137, рис. 135.

⁵ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 93 и сл.

⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951.

⁷ В. Д. Блаватский. Ук. раб., стр. 81. М. А. Наливкина. О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма. СА, VI, 1940, рис. 1, стр. 108 и сл.

⁸ Theophr., VII, 13, 8.

⁹ Мы не останавливаемся на возможном выращивании различных технических культур на клерах из-за отсутствия каких-либо данных. Некоторые соображения по этому вопросу для всего Северного Причерноморья изложены В. Д. Блаватским, к работе которого и отсылаем читателя (В. Д. Блаватский, Ук. раб., стр. 82—83).

УСАДЬБЫ КЛЕРОВ III—II ВВ. ДО Н. Э.

Усадьбы клеров обнаружены на всей площади Гераклеийского полуострова, за исключением его восточной части (рис. 19)¹. Каждый клер имеет свою усадьбу, представляющую комплекс жилых и хозяйственных помещений. Благодаря разрушенным монументальным башням усадьбы эффектно выделялись на холмах, высотах и склонах балок, привлекая к себе всеобщее внимание².

В советский период, начиная уже с 20-х годов, усадьбам Гераклеийского полуострова уделялось большое внимание. Исключительно большую работу по учету, составлению планов и описанию этих усадеб осуществили в течение 20-х годов севастопольские краеведы под руководством П. П. Бабенчикова³. С 30-х годов вся работа по учету и хранению памятников Гераклеийского полуострова сосредоточилась в Гос. Херсонесском музее, которым в настоящее время зарегистрировано 149 античных усадеб, не считая таких усадеб на Маячном полуострове (рис. 62). Опыт разведок и план полуострова, составленный А. Строковым в 1786 г., дают право думать, что их значительно больше, ориентировочно около четырехсот. Намного слабее были организованы раскопки этих усадеб. Первые такие раскопки произведены в 1924 г. И. Н. Бороздиным в южной части полуострова на двух усадьбах: в Александриаде и в Верхне-Юхариной балке⁴. В 1928—1929 гг. К. Э. Гриневич производил раскопки на трех усадьбах в балке Бермана, тоже в южной части полуострова⁵. В связи с новостройками в 1937 г. производили раскопки В. П. Лисин и А. К. Тахтай. В. П. Лисин раскопал усадьбу первых веков н. э. у Камышевой бухты⁶. А. К. Тахтай — усадьбу эллинистического времени у Стрелецкой⁷. Материалы перечисленных экспедиций не обработаны и не опубликованы. Кроме того, на усадьбах в Александриаде, в Верхне-Юхариной балке и на двух усадьбах в балке Бермана раскопаны лишь их башни. На основном раскопе в балке Бермана усадьба тоже не исследована⁸. В результате перечисленные раскопки не позволяют сделать окончательных выводов относительно характера и вида памятников.

В послевоенное время Гераклеийской экспедицией ГХМ, наряду с изучением клеров полуострова, были раскопаны усадьбы клеров № 25

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Раскопки в Херсонесе. МАР, вып. 12, стр. 192; см. выше, стр. 47.

² См. выше, гл. 1. Ср. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 120 и сл.

³ Основная работа выполнена сотрудниками сектора истории материальной культуры Севастопольского музея краеведения, в которую входили: А. Бернштам, Б. Веймарн, Е. Веймарн, Г. Волобуев, Г. Кулагин, Г. Миронов, В. Роде, С. Стржецкий, В. Чепелев, К. Чернов, А. Шимарев и др.

⁴ И. Н. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму. М., 1925, см. выше, стр. 21.

⁵ К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклеийской экспедиции 1928 г. «Крым», № 2 (8), вып. II, 1928 г., стр. 34—71; он же. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района (По материалам раскопок 1928—1929 гг.), «Крым», 2(10), 1929, стр. 44—48; он же. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклеийского полуострова под руководством К. Э. Гриневича (7 августа — 4 сентября 1929 г.), Севастополь, 1929, см. выше, стр. 21 и сл.

⁶ В. П. Лисин. Отчет о раскопках. Архив ГХМ; он же. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. ВДИ, № 2, 1939, стр. 138 и сл.

⁷ А. К. Тахтай. Отчет о раскопках. Архив ГХМ. См. также ук. раб., В. П. Лисин, ВДИ № 2, 1939, стр. 137—138.

⁸ Усадьба у Стрелецкой бухты раскопана на столь низком уровне методики полевых работ, что не представляется никакой возможности установить план сооружения ни первого, ни второго строительного периода.

и 26. На обеих усадьбах выявлены два строительных периода: III и II вв. до н. э. Соответственно этому мы имеем планы четырех усадеб: двух III в. до н. э. и двух II в. до н. э. Естественно, сохранность первых значительно хуже, вследствие перестройки их во II в. до н. э.

УСАДЬБА КЛЕРА № 25

Усадьба III в. до н. э. (рис. 63) расположена в середине клера, почти в самой его верхней точке, на водоразделе двух отрогов балки (рис. 25). С трех сторон она окружена виноградниками (участки № 33, 34 и 35). С четвертой, северо-восточной стороны имсет широкий проезд (34 м) к внешней границе клера (участок № 38). Общая площадь усадьбы (59 × 34 м) — около 2000 м². Усадьба разделялась на две части: почти квадратный внешний двор (40 × 34 м) с юго-западной стороны и собственно усадьбу, прямоугольную в плане и вытянутую с юго-востока на северо-запад. Длина ее по наружному обмеру около 34 м, ширина — 20,5 м, площадь — около 700 м². Хорошо сохранились три внешние стены усадьбы: северо-западная, северо-восточная и юго-восточная; четвертая — юго-западная — разрушена при расширении усадьбы во втором строительном периоде. От четвертой стены сохранился фундамент в ее северо-западной половине и прилегающий к ней фундамент башни. Южный и западный углы усадьбы четко просматриваются по шву между кладками первого и второго строительного периода (рис. 64). Толщина стен — 0,90 м. Кладка на глине, точнее, на глинистом почвенном растворе, из небольших камней до 0,40—0,50 м в длину. У камней изредка подтесана лицевая сторона. Один вход на усадьбу был посередине северо-восточной стены, со стороны проезда к внешней дороге. Дверной проем был заложен при перестройке во втором строительном периоде. Ширина проема около 1,30 м. Второй вход, несомненно, был со стороны внешнего двора, на противоположной стороне усадьбы. Вероятнее всего, он примыкал к ее башне¹.

Башня была расположена в юго-западной стороне усадьбы. От нее сохранился фундамент северо-западной стенки и частично юго-западной. Длина северо-западной стены — 4,75 м; по-видимому, такой же была ширина башни. Фундамент сложен из крупных камней, до одного метра длиной. Это позволяет думать, что и стены башни были построены из крупных блоков, как это обычно прослеживается на всех усадьбах Гераклеяского полуострова. Реконструируемый размер башни около 5,00 м в квадрате. На наружную сторону башня выступала на 2,20 м, а внутрь усадьбы — на 1,60 м.

Внутренние стены различных помещений усадьбы разрушены почти полностью. Тем не менее можно почти с уверенностью восстановить схему ее внутренней планировки. Так, с северо-восточной стороны находилось проходное помещение перед наружным выходом усадьбы. Ширина помещения — 2,75 м. Длина его определяется остатком фундамента северо-восточной стены со стороны двора и равняется приблизительно 4,5 м. Аналогичное проходное помещение мы имеем и у входа на этой же усадьбе, во второго строительного периода. Такое же устройство входа прослежено нами в городских домах Херсонеса эллинистического времени², и такое же описание входа в греческий дом приводит Витрувий³.

С северо-западной стороны проходного помещения находилось дру-

¹ См. расположение входа на усадьбу второго строительного периода этого же клера (рис. 74) и на усадьбы обоих строительных периодов клера № 26 (рис. 97 и 103).

² МИА, в. 34, М.-Л., 1953, стр. 67, рис. 19, 26, 31.

³ Vitruv., VI, 7, 1.

гое, с подвалом, вырубленным в скале. Ширина его — 4,50 м, длина — 8,60 м. Судя по наличию большого подвала и расположению его вдоль северо-восточной стены усадьбы¹, помещение имело хозяйственное назначение и вероятнее всего служило для хранения вина. По-видимому, не случайно на этом же месте находился винный склад усадьбы второго строительного периода².

Наличие подвала определяет не только длину помещения, в котором он находился, но, что гораздо важнее, и ширину помещений вдоль северо-западной стены усадьбы (3,75 м). Такая же ширина ее помещений вдоль юго-восточной стены. Количество помещений вдоль северо-западной и юго-восточной стены установить невозможно.

Вдоль юго-западной стены усадьбы сохранился нижний ряд фундамента стены толщиной 0,55 м. Эта стена пристроена к северному углу башни и отделяет узкое пространство шириной 1,05 м. Подобная же стена обнаружена вдоль хлевов для скота вдоль юго-западной стены этой же усадьбы второго строительного периода. Последнее обстоятельство, а также необычная толщина стены и слишком узкое отделяемое ею пространство для закрытого помещения позволяют думать, что эта стена — фундамент для деревянных столбов навеса для скота³. Учитывая вынос перекрытия, ширина этого летнего навеса достигала двух метров. Он защищал скот от жары и дождя⁴.

Кроме перечисленных помещений, в южном углу двора усадьбы находятся фундаменты стен какого-то сооружения неопределенного назначения и остатки разрушенного водостока вдоль его.

Таким образом, схема внутренней планировки усадьбы III в. до н. э. представляется в следующем виде. В центре усадьбы находился большой двор, простирающийся на юг, открытый солнцу, с летним навесом для скота вдоль юго-западной стороны⁵. С остальных трех сторон его охватывали жилые и хозяйственные помещения. С юго-западной стороны находилась башня, несомненно, двухэтажная, как это наблюдается на других усадьбах Гераклеяского полуострова. Как и подобает большому имени⁶, к усадьбе примыкает большой наружный двор.

УСАДЬБА II В. ДО Н. Э. (рис. 65).

На рубеже III—II вв. до н. э., вероятнее в начале II в. до н. э., усадьба клера подвергалась капитальной перестройке. Ее башня и юго-западная наружная стена были снесены. Новая усадьба расширена в этом же направлении на 14,5 м за счет площади наружного двора. Швы на стыке стен III и II вв. мы уже отмечали выше (рис. 64). Еще четче это расширение прослеживается в кладке этих стен. Стены II в. до н. э. сложены на том же глинистом растворе, но из крупных камней и лучше подтесанных. Внутренняя планировка усадьбы второго строительного периода сделана заново. Общая площадь усадьбы, вместе с наружным двором, остается прежней (около 2000 м²). Наружный двор сокращается с 40 × 34 м до 34 × 25 м. Здание усадьбы в плане прини-

Vitr., VI, 6, 2; Colum., I, 6, 11; Plin., XIV, 21, 27; Pal., I, 18.

² К сожалению, сам подвал был пуст, когда засыпался мелкими обломками скалы от вырубки цистерны в пом. 15, при сооружении усадьбы второго строительного периода.

³ Pal., I, 22. По-видимому, установка деревянных столбов на каменном фундаменте предусматривала изолирование их от влаги, обычной в таком помещении.

⁴ Colum., I, 6, 4.

⁵ Pal., I, 22: «Двор пусть простирается к югу и пусть он будет открыт солнцу... ради тех животных, которые на нем находятся; для них, чтобы умерить летний зной, должен быть устроен навес...»

⁶ Varr., I, 13, 3—4.

мает квадратную форму (35×34 м). Площадь его равна 1200 м², толщина наружных стен — 0,90 м, внутренних — 0,75 м. Общая сохранность усадьбы вполне удовлетворительная для уяснения планировки и назначения различных ее помещений (рис. 66—68).

Центр усадьбы занимал большой квадратный двор (24×23 м, 550 м²), вокруг которого вдоль наружных стен располагались различные помещения. В центре двора обнаружены остатки фундамента какого-то небольшого сооружения, размеры которого (1,70×1,30) не позволяют видеть в нем какое-либо помещение. Ближайшую аналогичную такому сооружению мы имеем на усадьбе первых веков н. э., в центре двора которой найдено основание большого жертвенника¹. Можно думать, что отмеченные выше остатки фундамента принадлежали такому же на нашей усадьбе. Такие алтари Зевсу во дворах домов известны в Греции с древнейших времен². Большую роль они играли в жизни греческого дома и в последующие времена³. На нашей усадьбе двор разделялся на три части: 1 — большой скотный двор, занимавший юго-западную половину всего двора, 2 — двор у жилых помещений — в северной части и 3 — двор хозяйственный — в восточной части⁴. Все три части объединялись жертвенником Зевсу, расположенным в центре усадьбы.

Наружный вход на усадьбу находился со стороны проезда от северо-восточной дороги, ограничивающей клер. Дверной проем примыкал к стене башни и находился рядом со входом в последнюю (рис. 69). Оба входа три раза перестраивались, о чем свидетельствует повторяющееся три раза повышение их порогов. Разница в высоте между нижним и верхними порогами в этих входах достигает 0,70 м. На первоначальном этапе существования усадьбы выход из нее и вход на башню отделялись от помещения 1 узким внутренним тамбуром (1а), размером 2,96×1,52 м. Во время существования верхних порогов тамбур был упразднен. Судя по порогам и сохранившимся в них гнездам для крепления коробки и наличников, входная деревянная дверь была одностворчатая, массивная и открывалась внутрь усадьбы. Ширина ее не могла быть больше 0,85 м. Как видно на плане, наружный вход вел в помещение 1, а из него уже можно было пройти во двор усадьбы. Несомненно, что он находился под наблюдением башни, дверь которой выходила в это же помещение 1. Таким образом, башня и помещение 1 составляли единый комплекс, обеспечивающий надзор за выходом и входом в усадьбу.

Башня усадьбы встроена в ее восточный угол, который относится еще к первому строительному периоду (рис. 70). В плане она почти квадратная, размером 6,20×5,75 м. Толщина стен ее от 0,65 до 0,70 м. Поставлены они непосредственно на скалу без фундамента и сложены на глине из крупных, хорошо отесанных камней. Дверь в башню находится в северо-западной ее стене, соединяет ее с помещением 1 и контролирует наружный вход усадьбы (рис. 69). В северном углу башни находилась каменная лестничная площадка, с которой уже по деревянной лестнице поднимались на второй этаж. Под деревянной лестницей вдоль северо-восточной стены башни находилось какое-то сооружение, нечто вроде скрини, отделенное от остального помещения невысокой и тонкой стенкой из камня.

¹ См. ниже, стр. 143, рис. 142.

² II, XI, 772—775; Od., XXII, 332—337.

³ K. Lange. Haus und Halle. Leip. 1885.

⁴ Cp. Colum., I, 6, 1, который подразделяет усадьбу на три части: господскую (она же жилия, С. С.), для хозяйственных работ и для хранения плодов.

Помещение 1 (рис. 71). Это помещение, как и башня, имело три земляных пола, последовательно перекрывающих один другой. Оно служило кухней. Во все три пола втопано значительное количество угольков, золы и различных обуглившихся семян: пшеницы, ячменя, проса, гороха и винограда. В северном углу помещения обнаружены остатки очага. В восточном углу у башни — яма для пифоса. Близ южного угла стояла каменная ступа (рис. 71). Здесь же найдены обломок кухонных горшков и трех каменных корыт, каменные круглые «пробки» от пифоса и амфоры, глиняное пряслице.

Башня и помещение 1 составляют один изолированный комплекс. Кухонное назначение помещения 1 подчеркивает его жилой характер. Несомненно, что башня, в особенности второй ее этаж, служила жильем. Особое значение башни в жизни усадьбы как наблюдательного пункта за работами на клере в мирное время и основного оборонительного сооружения при нападении очевидно. Соседнее помещение 2 являлось кухней. Наконец, как мы уже отмечали, помещение 1 и башня контролируют проход через наружные двери усадьбы. Перечисленные факты полностью отвечают требованиям, предъявляемым античными авторами к помещению, занимаемому виликом и его женой¹. Совпадение столь поразительное, что мы с уверенностью рассматриваем башню и помещение 1 как обиталище такого вилика — управляющего усадьбой.

Помещение 2. Помещение большое, длиной 10,00 м, площадью 37 м² и соответствует требованию, высказанному Колумеллою и Варроном в отношении кухни для рабов². С одной стороны к ней примыкает помещение вилика (1)³, с другой — хлев для волов⁴. Кроме того, размещение кухни вдоль южной стороны усадьбы совпадает с обычным размещением кухонь, прослеженным нами в городских домах Херсонеса эллинистического времени⁵.

Отличительной чертой помещения 2 является сильно выжженная поверхность его пола в результате размещения на нем нескольких очагов, большое количество золы, угольков, обуглившихся семян, втопанных в пол, закопченный и обгорелый вид обломков различных сосудов. Среди семян обнаружены пшеница, ячмень, горох, просо, рожь, семена винограда и, по-видимому, семена яблони или груши. Эти остатки, найденные в кухне для рабов, наглядно характеризуют состав рабского пищевого рациона на херсонесских клерах эллинистического времени.

Помещения 3—6 и навес 7. Полагаем, эти помещения составляют второй комплекс усадьбы, тесно связанный с большим двором в ее юго-западной части. Помещение 3, отличающееся очень большими раз-

---

¹ Varr., 1, 13, 2: «Помещение вилика должно быть возле ворот, и он обязан знать, кто входит или выходит ночью и что несет... Прежде всего на виду должна быть кухня, находящаяся неподалеку, ибо в ней зимой перед рассветом производят кое-какие работы, готовят пищу и едят». Colum., 1, 6, 7: «Жильце вилика должно быть возле ворот, чтобы все входящие или выходящие были у него на виду... В непосредственной близости будет находиться сарай для хранения всех сельскохозяйственных орудий, а внутри него — запираемое помещение для железных инструментов». Таким сараем на нашей усадьбе могло служить небольшое помещение 17, расположенное рядом с дверью в помещение 1. Там же или в первом этаже башни, хотя бы в закуске под лестницей, могли храниться железные инструменты, выдаваемые рабам при выходе их на работу и забираемые при возвращении.

² Colum., 1, 6, 3; Varr., 1, 13, 2.

³ См. там же.

⁴ Vitr., VI, 6, 1; Pal., 1, 21.

⁵ МИА, в. 34, М.-Л., 1953 г., стр. 68, Херсонес-Корсушь. Путеводитель по раскопкам. Симферополь, 1950, стр. 59, рис. 24.

мерами, явно не жилого характера. В засыпи на полу найдены случайные обломки различных сосудов. В южном углу помещения находится прямоугольная каменная площадка $3,20 \times 1,60$ м, приподнятая выше пола на 0,10—0,15 м. Рядом с нею стоял пифос. Края площадки аккуратно выложены из крупных камней (рис. 72). С этой, малозначительной на первый взгляд, деталью помещения отчетливо перекликаются советы Катона о лечении волов, к которым он проявляет особую заботу¹. Так, Катон, указывая рецепт профилактического лекарства для волов, пишет: «Все следует собирать, растирать и давать, стоя на помосте. Давящему хорошо быть натошак... Вели, чтобы и сам вол и тот, кто его поить будет, стояли на помосте»². Та же процедура соблюдалась при лечении больного вола: «Растирать нужно, стоя на помосте; поить из деревянной посуды; и сам вол и тот, кто его поит, должны стоять на помосте. Сам будь натошак и натошак вола пои»³.

Назначение помещения 3 дополнительно освещается советом Витрувия помещать коровники рядом с кухней⁴ и советом Палладия—размещать волов поближе к очагу⁵. Ширина помещения (3,70 м) соответствует указаниям античных писателей относительно ширины коровников⁶. Кроме того, назначение этого помещения определяется назначением соседних помещений и размещением различных комплексов помещений на усадьбе вообще. Исходя из вышеизложенного, можно думать, что помещение 3 служило хлевом для волов.

Крупные помещения 4 и 5 сильно разрушены при сооружении батареи XIX в. Разрушены они ниже уровня их полов. Сохранившийся остаток фундамента стены между этими помещениями показывает, что они соединялись между собою дверью или проходом.

В противоположность им очень хорошо сохранилось небольшое помещение 6. Оно изолировано и имеет вход со двора, в его западном углу. В западном углу помещения, на уровне пола, сквозя наружную желобу усадьбы сделан сток для жидкости в виде каменного желоба (рис. 73). Пол помещения имеет наклон к этому стоку. Помещение перед дверью, со стороны двора, имело навес. Никаких следов водостока ни во дворе, ни в помещении не обнаружено. Указанные обстоятельства заставляют думать, что сток сделан для удаления жидкостей, скапливающихся в самом помещении. Интересно, с наружной стороны усадьбы, как раз близ ее западного угла, куда выходил из помещения желоб (рис. 66), обнаружена несомненная помойка.

На расстоянии 1,80 м перед помещениями 5 и 6, во дворе усадьбы, обнаружен фундамент стены, толщиной 0,55 м. Дальше, в юго-восточном направлении этот фундамент уничтожен при сооружении батареи XIX в. Вероятнее всего он простирался вдоль всей юго-западной стороны двора. Толщина фундамента отличается от толщины стен помещений на усадьбе, в то же время равна толщине фундамента под столбы навеса в усадьбе первого строительного периода. Предположение о наличии закрытого помещения вдоль помещений 4—6 маловероятно, вследствие незначительной его ширины (1,80 м). Кроме того, оно закрывало бы доступ в крупные помещения 4—6. Полагаем, что фундамент служил для укрепления столбов открытого навеса перед этими помещениями.

¹ Ср. М. Е. Сергеевко. М. П. Катон. Земледелие, М.-Л., 1950, стр. 137, прим. 5.

² Cato., 70, 1—2.

³ Cato., 71.

⁴ Vitr., VI, 6, 1. Как мы уже видели, соседнее помещение 2 являлось кухней.

⁵ Pal., 1, 21.

⁶ Vitr., VI, 6, 2 — не менее 10 и не более 15 фут. (соответственно 3—4,5 м); Colum., 1, 6, 6—10—9 фут. (соответственно 3—2,70 м)

Анализ археологических данных показывает, что помещения вдоль северо-западной стороны усадьбы были жилыми¹, вдоль северо-восточной — складскими и хозяйственными², вдоль юго-восточной — находились помещения виллика, кухня и хлев для волов³. К последнему относятся рассматриваемые нами помещения и навес. Указанное обстоятельство и сопоставление его с античными источниками не оставляют сомнения, что эти помещения предназначались для размещения скота. Так, Витрувий рекомендует обращать хлевы к востоку⁴; рассматриваемые помещения обращены к северо-востоку. Колумелла⁵, Плиний⁶, Палладий⁷ размещают хлевы обязательно подальше от винных складов; на нашей усадьбе этот склад расположен на противоположной стороне двора (пом. 15). Для скота, во дворе, «чтобы умерить летний зной, должны быть устроены навесы... крытые гонтом, черепицей... осоклой или дроком»⁸; на нашей усадьбе мы имеем такой навес вдоль помещений 4—6 (рис. 73), ширина его 2,50 м. Обращенный к северо-востоку, он спасал скот от зноя. Размеры навеса соответствуют требованиям античного времени⁹. Под этим же навесом находились летние стойла¹⁰, а хлевы в это время просушивались¹¹. Не случайно поэтому в помещении 6 сделан сток для удаления жидкости. Трудно, конечно, определить, какой именно скот размещался в этих помещениях, кроме волов и коров. Учитывая кормовые ресурсы клера и его хозяйственные нужды, развитие скотоводства у окружающего таврского населения Крыма, а также известия античных писателей, можно предполагать на усадьбе клера овец, коз, свиней, ослов. Не исключена лошадь.

Следующий комплекс включает в себя жилые помещения усадьбы (8—14). Этот комплекс расположен вдоль северо-западной стороны усадьбы. Входами и окнами он обращен к югу. Это расположение жилых помещений обычно и для городских домов Херсонеса того времени¹². Такое же размещение жилых помещений хозяйственной части усадьбы мы наблюдаем на вилле под Боскореале и в долине Сарно близ Помпей¹³. Колумелла считал, что зимние спальни господской половины виллы должны выходить на юго-восток¹⁴, а для рабов лучше всего делать помещения, обращенные на юг. Таким образом, основной принцип античной планировки дома, базирующийся на учете стран света и назначения помещений, строго соблюден и на усадьбе.

Одним из наиболее интересных жилых помещений на усадьбе явля-

¹ См. ниже, эта же стр.

² См. ниже, стр. 96.

³ См. выше, стр. 91 и сл.

⁴ Vitr., VI, 6, 1.

⁵ Colum., I, 6, 11.

⁶ Plin., XIV, 21, 27.

⁷ Pal., I, 18.

⁸ Pal., I, 22.

⁹ Vitr., VI, 6, 2; Colum., I, 6, 6.

¹⁰ Cato., 14, 1; Colum., I, 6, 4.

¹¹ Как видно на плане, фундамент для столбов навеса не доходит к северо-западной стене двора напротив входа в помещение 6. Ширина промежутка между концом фундамента и стеной — 1,40 м. Естественно, что крайний столб навеса не мог находиться против входа в помещение, следовательно, не было надобности тянуть фундамент перед этим входом. Тем самым устанавливается расстояние между крайним столбом и северо-западной стеной двора, которое не могло быть меньше ширины промежутка между этой стеной и концом фундамента. Поскольку столб не мог быть установлен на самом конце фундамента, расстояние это не могло быть меньше 1,50 м и вряд ли больше 2,00 м. Таким образом, если расстояние между столбами навеса было одинаковое, можно подсчитать приблизительное количество всех его столбов.

¹² МИА, в. 34. М.-Л., 1943, стр. 68.

¹³ М. Е. Сергеенко. Помпей.

¹⁴ Colum., I, 6, 1.

ется помещение 8. Занимает оно западный угол усадьбы, вследствие чего изолировано от двора. Площадь помещения сравнительно невелика — 16,5 м². Вход в него вел через проходное помещение 9. Дверной проем сохранил интересную деталь — остатки запора двери деревянным брусом (рис. 74). Для этой цели в камнях, посредине северо-восточной стены помещения, сделан паз для закладного бруска шириной около 0,15 м, длиной 1,60 м. На противоположной стороне дверного проема, напротив этого паза, для наружного конца бруса сделано квадратное гнездо — углубление. Благодаря этой конструкции закладной брус всегда был на месте, не мог быть утерян и накрепко запирал дверь. Пол в помещении, как обычно, был земляной и ровный. В северном углу помещения находится углубление в скале, обложенное по краям крупными камнями вровень с полом. Аналогичные углубления в углах жилых комнат обнаружены в помещениях 12 и 13. Глубина сооружения — 0,55 м. В помещении найдены многочисленные обломки различных сосудов эллинистического времени и несколько костей животных, в том числе дельфина. Кроме того, в засыпи углубления были обнаружены кости и чешуя рыбы.

Расположение помещения в ряду жилых, характер находок и особенно пищевых остатков, вход через соседнее жилое помещение позволяют думать, что и помещение № 8 было жилым. Однако это помещение лишено окон на сторону двора, изолировано в углу усадьбы и имеет крепкий дверной запор. Все эти обстоятельства следует учитывать на общем фоне всего хозяйства клера, в котором ведущая роль принадлежала виноградарству. В связи с этим невольно вспоминаются ценные рассуждения Колумеллы: «...виноградари должны работать толпой и под надзором, а плуты обычно сообразительней: качество, необходимое в этих работах. Здесь нужно работника не только сильного, но и умного, поэтому виноградники обычно и возделывают люди закованные»¹.

Несколько выше он же рекомендует строить «...для тех, кто содержится в оковах, вполне здоровое подземное узилище, освещаемое многочисленными и узкими окнами, которые находятся на такой высоте от земли, что до них нельзя достать рукой»². Возможно, что и помещение 8, с узкими окошками на наружную сторону усадьбы, могло служить таким узилищем — эргастулом для закованной лучшей части рабов клера. Площадь помещения в 16,5 кв. м вполне могла вместить несколько таких рабов, тем более, что помещение предназначалось главным образом для сна. Возможно, не случайно расположение этого помещения на скотной половине усадьбы.

С эргастулом (?) связано проходное помещение 9, вход в которое вел со скотного двора. Перед входом находилась небольшая вымостка, по-видимому, для очистки ног в сырую погоду. Пол помещения — земляной. Помимо обломков сосудов, в помещении найдена четырехгранная каменная ступа³. Помещение связано со скотным двором и вместе с помещением 8 изолировано от остальных жилых комнат усадьбы. По всей вероятности, его занимали рабы, обслуживающие скот⁴ и одновременно присматривающие за колодниками.

Помещения 10—13 связаны друг с другом, имеют одну общую дверь во двор из помещения 12 и изолированы от остальных жилых

¹ Colum., 1, 9, 4.

² Colum., 1, 6, 3.

³ Ступы также найдены в помещении вилка и жилого помещении 14.

⁴ Colum., 1, 6, 8: «Коморки для волопасов и овчаров будут располагаться возле помещения для скота, находящегося под их присмотром».

комнат¹. Собственно жилыми являлись комнаты 11—13, к ним примыкала кладовая (помещение 10), на полу которой лежало 5 раздавленных херсонесских амфор II в. до н. э., донная часть небольшого пифоса и круглодонная глиняная мерка в виде кубка (рис. 75 и 88).

Помещения 11—13 представляют как бы одно, но разделенное внутренними каменными перегородками на три части. Узкие проходы из одного помещения в другое, безусловно, не имели дверей. Помещение 11 имело сильно утрамбованный пол, частично вымощенный мелким камнем. При зачистке пола найдены обуглившиеся зерна пшеницы и косточки винограда.

Помещение 12 имело земляной пол. Под юго-западной его стеной, близ прохода в помещение 11, находилось очажное пятно, при зачистке которого найдено значительное количество виноградных косточек, несколько зерен пшеницы и две горошины. Напротив этого очага, под северо-восточной стеной комнаты обнаружены разрушенные остатки второго, более раннего очага, может быть, жаровни для обогрева помещения. Очаг слегка углублен в пол, и камни его обкладки položены лицом внутрь, в сторону огня. Подобный же очаг, но лучше сохранившийся, имеется и в помещении 13. В северном углу помещения находится углубление (0,80×0,65 м, глубина — 0,50 м). Нижняя его часть вырублена в скале, верхняя — обложена по краю небольшими камнями.

Помещение 13 (рис. 76). Пол в помещении земляной. В центре помещения обнаружен поврежденный очаг или жаровня, того же типа, что и в соседней комнате. Камни обкладки сильно обожжены. Рядом с очагом найдена половина маленькой глиняной чашечки с одной ручкой, в которой плавился свинец. На этом же месте собраны застывшие капли свинца и бесформенные его слитки.

В восточном углу помещения находится яма неправильной четырехугольной формы (1,30×0,80 м, глубина — 0,60 м). Нижняя ее часть вырублена в скале. В яме лежало несколько сосудов, два из них с сохранившимся содержимым. Часть сосудов разбита (рис. 77). Вверху ямы, на уровне пола, находилась херсонесская амфора с астиномым клеймом на ручке. Рядом стоял кувшин с известью и канфар. Под этими сосудами лежали еще одна херсонесская амфора, кувшин, одноручный красноглиняный кубок (аналогичный кубку из кладового помещения 10 (рис. 88) и кухонный горшок. На дне кувшина находился толстый слой осадка вина (?) или виноградного сока (?), может быть, виноградных дрожжей (?). В осадке обнаружено несколько сморщенных, сгнивших ягод винограда, много перегнивших виноградных косточек, — по-видимому, кувшин был наполнен виноградными ягодами. В этом же осадке найдены кусочки листового свинца и небольшие его обломки. Свинец очень сильно окислился. Впечатление такое, будто свинец был нарочито положен в кувшин с виноградом для какой-то специальной цели. Кроме перечисленных вещей, на полу помещения лежал раздавленный большой сосуд с четырьмя ручками.

Помещение 14. Эта большая комната (34 м²) занимает северный угол усадьбы. Вход со двора находился в ее южном углу и первоначально имел с внутренней стороны две ступеньки. Очаг полусферической формы расположен у самого входа, от которого отгорожен двумя вертикально поставленными плитами (рис. 78). Стенки его сложены на

¹ Необходимо отметить, что такая изолированность жилых помещений существовала только в конце жизни усадьбы. Наоборот, первоначально все жилые помещения вдоль северо-западной стороны усадьбы соединялись дверями, образуя длинную амфиладу комнат. В какое время были заложены двери между помещениями 9 и 10 с одной стороны и 13—14 с другой, — установить нельзя.

глине из обломков пифоса, амфор и других крупных сосудов и с внутренней стороны обмазаны глиной. На сохранившейся части свода и среди его обломков не обнаружено никаких признаков дымоходного отверстия.

В центре комнаты — разбитая каменная жаровня прямоугольной формы, с низкими бортами. Кроме жаровни, на полу обнаружено большое количество разных предметов, главным образом вдоль северо-западной стены, которые лежали в следующем порядке (рис. 79): против входа стояла цилиндрическая каменная ступа, небольшой кувшинчик, дно чернолакового рыбного блюда и точильный камень. Далее обнаружено скопление обломков пифоса, а за ними раздавленный кувшин. Еще далее, у середины стены, — кувшин, три амфоры, точильные камни (рис. 89). Кроме того, были найдены мелкие предметы. Вокруг ступы: глиняные пирамидальные грузила от рыболовных сетей (рис. 90), обломки оселков, обломок каменного топора вторичного употребления, железный предмет, возможно, вертел. Вдоль этой же стены собрано еще несколько рыболовных грузил. В северном углу комнаты найдена фрагментированная протома Деметры (рис. 91) и здесь же обуглившиеся зерна пшеницы и косточки винограда.

У юго-восточной стены, неподалеку от очага, стоял кувшин. Вокруг него, при зачистке пола, были обнаружены обуглившиеся зерна подтреугольной формы, очень напоминающие гречиху. Перед очагом лежали три плоские каменные плиты, раковины устриц и раковина мидии. В насыпи над полом найден обломок зернотерки, обломки двух каменных корыт, обломки кухонных сосудов, большое количество обломков простых красноглиняных сосудов и всего лишь 12 обломков — чернолаковых.

Комплекс жилых помещений 10—14 дополняется примыкающим к нему двором, выделенным из общей площади двора усадьбы. В северном углу его находится небольшое кладовое помещение 21, на полу которого лежали обломки трех пифосов, каменная крышка для одного из них, обломки амфор, каменное корыто и обломки еще трех таких же.

Помещения хозяйственного назначения и для хранения продуктов (15—20) расположены вдоль северо-восточной стороны усадьбы. В свою очередь, за исключением помещения 15, они расположены вокруг своего двора. К этому же двору примыкают помещение вилка (1) и кухня (2).

Помещение 15 отличается большими размерами: длина его свыше 12 метров, площадь — 46 м². Вход в помещение со стороны жилого двора. Первоначально оно соединялось широкой дверью с соседним помещением 16 и имело подвал, вырубленный в скале. Позже перед заложённой дверью в скале была вырублена большая цистерна, перекрытая каменной плитой с круглым отверстием (рис. 80). На дне цистерны находилось незначительное количество земли с примесью золы, древесных угольков, обуглившихся зерен различных растений и обгоревших обломков сосудов. Цистерна имеет грушевидную форму, стенки ее неровные и нештукатуренные, дно плоское. Глубина 5,00 м, диаметр у дна — 3,20 м (рис. 81а).

Подвал, существовавший уже в усадьбе первого строительного периода, при сооружении цистерны был засыпан. Юго-восточная его половина была засыпана размельченной скалой из этой цистерны. Северо-западная половина, на которую уже не хватило этой скалы, была засыпана чистой землей, взятой с полей, окружающих усадьбу.

Для помещения очень характерен состав находок. В завале, лежащем над полом, найдено 418 обломков различных сосудов, из них: амфор — 286, пифосов — 73, кувшинов — 44 и явно случайная ручка кухонного горшка, а также три обломка чернолаковых сосудов. На

полу помещения лежало 193 обломка, из них: пифосов — 152, амфор — 31 и ни одного обломка кухонных или чернолаковых сосудов. В земляной засыпи северо-западной половины подвала обнаружено 425 обломков¹, из них: пифосов — 263, амфор — 115 и среди случайных обломков — шесть от кухонных и пять от чернолаковых сосудов. Ни в одном из помещений усадьбы не было обнаружено столько обломков пифосов, как в рассматриваемом. На венчиках двух херсонесских пифосов сделаны метки, указывающие, по-видимому, на их объем, в амфорах, — на одном $\Delta\Delta\Delta\Pi\Pi$, т. е. 34, и на другом $\Delta\Pi\Pi$ — 23.

Иные по составу и по времени находки в земле на дне цистерны (248 обломков). Судя по обломкам амфор и чернолаковых сосудов, комплекс датируется началом III в. до н. э. Объяснить хронологическое расхождение между ранней датой этих находок и поздним сооружением цистерны мы не в состоянии. Напомним только, что отверстие цистерны было закрыто плитой, а насыпь на ее дне носила явно очажный характер, приче ни в помещении 15, ни в соседнем подобный слой не был обнаружен. Среди обломков отсутствовали фрагменты пифосов. Преобладали амфорные обломки (154). По производственным центрам они распределялись на херсонесские (77), синопские (35), гераклейские (19), фасосские (18) и неопределенные (5). Это соотношение очень характерно как раз для начала III в. до н. э., когда херсонесская продукция уже преобладает, а в импорте явно выдвигается на первое место синопская и еще значительно представлена гераклейская². Эту же дату подтверждает клеймо херсонесского астинома: ΠΑΣΩΝ|ΑΣΤΙΝ.

Обломки четырех чернолаковых сосудов датируются концом IV, началом III в. до н. э. Для состава находок не менее характерно значительное количество обломков кухонных сосудов (20), в подавляющем большинстве — лепных. Как мы уже отмечали, обломки обгорелые и покрытые копотью. Не случайно в этой же земле найдены обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя, ржи (?), гороха, проса (?), косточки винограда и других пока еще неопределенных растений. Как и во всех случаях находок зерен, преобладает мелкозернистая пшеница, составляющая немного большую половину всего найденного зерна. На втором месте по количеству стоит ячмень, за ним виноградные косточки, горох, просо и рожь.

Крупные размеры помещения, большое количество обломков пифосов, наличие цистерны специального назначения для хранения продуктов, которым не опасна сырьез, наконец, само расположение помещения на усадьбе позволяют усматривать в нем хранилище для вина. Последний признак полностью согласуется с указаниями античных авторов, предусматривающими расположение такого хранилища окнами к северу или северо-востоку³, подальше от бань, хлевов, навозных куч и т. д.⁴ На нашей усадьбе хранилище максимально удалено от кухни и скотного двора. Окна его выходили на северо-восток, двери в наиболее чистую часть двора, примыкающую к жилым помещениям.

Остальные хозяйственные помещения связаны со своим двориком, в который и выходили их двери. Помещение 16, которое первоначально

¹ В юго-восточной половине, засыпанной битой скалой из цистерны, находок не обнаружено.

² С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году. Хсб., в. IV, стр. 78, 86. Значительное количество в импорте гераклейской продукции четко прослеживается при описании находок в засыпи отдельных могил. Он же. МИА, в. 34, стр. 163 и сл., стр. 170.

³ Vitruv., VI, 6, 2; Plin., XIV, 21, 27.

⁴ Colum., I, 6, 11; Plin., XIV, 21, 27; Pal., I, 18.

соединялось с помещением 15, весьма вероятно, могло служить для хранения зерна, судя по местоположению на усадьбе¹. Не исключено, что часть зерна могла храниться на клерах в зерновых ямах, сооружение которых прослеживается на Гераклейском полуострове еще с эпохи поздней бронзы на таврских поселениях². Такое хранение зерна в заморских провинциях отмечает ряд римских авторов³. Такие зерновые ямы обнаружены во многих городах и поселениях Северного Причерноморья античного времени⁴. Для наземных зернохранилищ-житниц на усадьбах клеров эллинистического времени большой интерес представляет находка кровельной черепицы с «окном» из раскопок 1937 г. у Стрелецкой бухты (рис. 82)⁵. Комментируя Георгики (IV, 298), Сервий объясняет *olbiquae luce fenestres*, как окна, которые «...льют свет косо, как мы видели в житницах». Не являлось ли окно из эллинистической усадьбы у Стрелецкой бухты таким окном житницы?

Помещение 17 имеет небольшие размеры и размещено рядом с помещением виллика. Как мы уже отмечали, оно могло служить кладовой для сельскохозяйственного инвентаря⁶. **Помещения 18—20**, судя по связи их с хозяйственным двориком, имели такое же назначение. Особенно четко это прослеживается в помещении 18, которое имело подвал, вырубленный в скале. Среди найденных в нем обломков преобладают фрагменты амфор, кувшинов и пифосов. Здесь же найдена большая глиняная чаша (рис. 87), горло ойнахои и каменная пробка амфоры. Обломки чернолаковых сосудов (5), несомненно случайные, датируются, как и остальные вещи, II в. до н. э.

Хозяйственный комплекс усадьбы дополняется второй цистерной, расположенной во дворе, близ помещения 18 (рис. 81б). Цистерна в плане круглая, сильно расширяется ко дну. В разрезе — колоколовидная, с плоским дном без облицовки (скала). Глубина цистерны 3,35 м, диаметром вверху (в сохранившейся части) 0,80 м, у дна 1,82 м. Стенки цистерны тщательно облицованы тесаным камнем. На уровне дна, в облицовке имеются три прямоугольные нишки, расположенные на одинаковом расстоянии одна от другой. Назначение нишек в цистерне и назначение самой цистерны остается неопределенным.

В итоге четырехлетних археологических работ собран значительный материал, освещающих ряд важных вопросов истории, экономики и быта раскопанной усадьбы. Собрано свыше 26,5 тыс. обломков различных предметов. Анализ материала показал, что 66% обломков принадлежало таре: пифосам (5,5%) и амфорам (60,2%). Общая масса хозяйственных сосудов еще больше увеличивается, если к ней прибавить кувшины (17%) и простые красноглиняные чаши, т. н. лутерни (3,6%). В целом группа хозяйственных сосудов составляет 86% всего количества находок. Кухонные сосуды (рис. 83) представлены 2,4%, а чернолаковые — 1,3%. Таким образом, весь материал отчетливо выявляет хозяйственный характер открытого сооружения, что полностью соответствует его местонахождению, планировке, облику помещений и их назначению. В этом отношении очень характерен незначительный процент обломков чернолаковых сосудов по сравнению с археоло-

¹ Varr., I, 57, 1; Vitruv., VI, 6, 4; Colum., I, 6, 10; Plin., XVIII, 30, 73.

² С. Ф. Стрелецкий. Отчет о раскопках раннетаврского поселения. Арх. ГХМ.

³ Varr., I, 57, 2 (в частности во Фракии); Colum., I, 6, 15; Plin., XVIII, 30.

⁴ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 130 и сл.

⁵ А. К. Тахтай. Античная черепица с кровельным окном из окрестностей Херсонеса. КСИИМК, вып. IV, М.-Л., 1940, стр. 32—33.

⁶ См. выше, стр. 91 прим. 1.

гическими комплексами из городских домов Херсонеса этого же времени.

Не менее характерно распределение сосудов различного назначения между помещениями усадьбы. Начнем с пифосов. Общее количество их обломков — 1354. Из них 63% найдено в помещениях, около 15% в осыпи вокруг усадьбы и остальные во дворе. Однако размещение их в отдельных помещениях является наиболее интересным. Так, основная их масса найдена в винном складе, на втором месте — предполагаемое хранилище для зерна или, во всяком случае, какое-то складское помещение (помещение 16), на третьем — кладовка (10). Остальные обломки сконцентрированы у жилых помещений, особенно много их найдено у поместий, которые занимал велик. Фактически нет их в скотных помещениях, нет и на кухне. Не менее ярко проявляется это распределение и на дворах: на хозяйственном — 200 обломков, на жилом — всего лишь 45, а на скотном — только 28. Основная масса обломков пифосов из засыпи вокруг усадьбы была найдена вдоль северо-восточной стены, к которой и примыкают хранилища для вина и зерна (помещения 15 и 16).

Аналогичная картина в распределении обломков амфор. Наибольшее количество их (свыше 3000) найдено на хозяйственном дворе, значительно меньше (около 900) на жилом, еще меньше на скотном (759). При этом следует учесть, что на жилой двор выходил винный склад, а на скотном дворе перед входом в жилое помещение 9 находилась площадка, вымощенная в два слоя битой керамикой. Между помещениями распределение обломков амфор такое же, как и пифосов. Не менее отчетливо соотношение обломков кухонной и чернолаковой посуды, найденных на скотном дворе и в хлевах, с одной стороны, и на жилом, а также хозяйственном дворах, с другой¹. Отмеченное нами распределение сосудов определенного назначения между отдельными частями усадьбы и ее помещениями является еще одним доказательством правильности объяснения ее плана.

Весь материал укладывается в хронологических рамках эллинистической эпохи, точнее с рубежа IV—III вв. до н. э. по II в. до н. э. включительно. Это прослеживается по чернолаковой посуде (рис. 84)², по формам херсонесских амфор (рис. 85)³, кувшинов (рис. 86)⁴ и лутериев (рис. 87)⁵, по клеймам на ручках амфор, по количественному соотношению между местной гончарной продукцией и привозной⁶, по тому

¹ К хозяйственному двору примыкало помещение вилки и кухня. Интересно, что в самой кухне, можно сказать, отсутствуют обе рассматриваемые нами группы сосудов.

² Ср. Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.). МИА, 34, М.-Л., стр. 46, рис. 15; стр. 52, рис. 21, кроме среднего фрагмента в верхнем ряду; стр. 60, рис. 29, кроме обломка т. н. мегарской чаши; стр. 65, рис. 32, кроме обломка мегарской чаши. Там же Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.), табл. VII и VIII — верхний ряд. Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Крымиздат, 1938, стр. 13, рис. 7; стр. 208, рис. 56 и 57, кроме правого фрагмента.

³ МИА, в. 34, Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII, табл. III, 1, стр. 167.

⁴ Там же, табл. III, 5—6, стр. 167. См. также С. Ф. Стржелецкий. Камышевский клад античных монет Херсонеса. Хсб., в. IV, стр. 108 и сл., рис. 1, там же аналогично и литература.

⁵ Ср. МИА, в. 34, ук. выше работа, табл. IV. Там же, стр. 113, рис. 3, Г. Д. Белов, Ук. раб., стр. 21, рис. 13; стр. 223, рис. 63; стр. 244, рис. 85а.

⁶ Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон, Ук. раб., МИА, вып. 34, стр. 163 и 164, стр. 170. Ср. С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году. Хсб., в. IV. Симферополь, 1948 г., стр. 78, 86 и др., где нам впервые удалось заметить отсутствие херсонесской керамики в слое IV в. до н. э. Эта картина резко изменяется в III в. до н. э., когда херсонесская керамическая продукция заняла главенствующее положение на местном рынке.

же соотношению в импортной таре¹ и т. д. Наряду с этим отсутствуют типы керамики, характерные для городских (херсонесских), хорошо датированных комплексов конца II, рубежа II — I вв. до н. э. Среди астиномных клейм отсутствует самая поздняя синопская и херсонесская группа конца II в. до н. э.² Учитывая изложенное, думаем, можно уточнить дату конца существования усадьбы третьей четвертью II в. до н. э. Таким образом, возникнув на рубеже IV—III вв. до н. э., усадьба существовала, приблизительно 150, максимум 175 лет.

Во время раскопок не обнаружено никаких следов пожара ни в одном из помещений усадьбы. Нет и других признаков ее катастрофической гибели. На полах не было остатков обрушившейся кровли. Количество обломков керамид и калиптеров очень незначительно (около 6%). Обломки эти небольшие по величине и разрозненные. Можно думать, что кровля усадьбы еще в древности была разобрана, и черепица с нее снята.

Не менее характерна одна черта у всех «целых» и реставрированных вещей с усадьбы. Так, в помещении 13 найден «целый» канфар, но без ножки, ручек и с отбитым краем. Рядом лежала амфора с поврежденным венчиком и горлом, без одной ручки. Тут же находился кувшин с гашеной известью, но у кувшина нет верхней его половины, а нижняя использована как горшок. Все эти вещи найдены *in situ*. Обломы на всех сосудах старые и затертые. Та же картина наблюдается и в помещении 14, с многочисленным инвентарем. Найденные в нем амфоры не имеют ножек (на одной облом тщательно заглажен), ручки их также отбиты в древности. Кувшин, стоявший рядом с амфорами, — без горла и ручки; облом затертый, местами подрезан. Второй кувшин был разбит в древности и тогда же реставрирован. Третий — найден без ручки, четвертый без горла. Точильные бруски и оселки найдены в обломках. Разбитая каменная жаровня настолько перекалена, что известь рассыпается. Ступа — с пробитым дном. Отмеченная особенность «целых» вещей, по-видимому, подтверждает предположение, что усадьба была оставлена ее владельцем, который при этом бросил бытовую утиль за ненадобностью.

Несомненно так же, что усадьба еще долгое время стояла заброшенной, но без крыши. Так, под завалом камней в каждом помещении, на их полах, лежал слой чистой желтой глинистой земли. Вдоль стен этот слой утолщался до 0,40 м. В помещении 10 и 14 лежавшие и стоявшие на полах предметы выступали из этого слоя. Отдельные обломки из завала над этим слоем принадлежали сосудам, лежавшим под ним. Слой образовался в результате постоянного смывания и обсыпания глинистой обмазки со стен помещений, заменявшей в них штукатурку. Слой слежавшийся. Он имел затоптанную поверхность, на которую и обрушились или были обрушены камни верхней части стен, возможно, при их разборке.

Не менее интересен факт обнаружения обломков одних и тех же сосудов в разных помещениях и на разных участках двора. Например, из двух склеивающихся обломков венчика пифоса один найден в баш-

¹ Это соотношение для IV в. до н. э. см. там же. Начиная с III в. до н. э. оно сильно изменяется; на первое место выдвигается Синоп, на втором месте находится Фасос, с первого на третье место перемещается Гераклея. Во II в. до н. э. появляется Родос и Кос, значение которых увеличивается к рубежу II—I вв. до н. э. Это же подтверждается и клеймами на амфорах.

² Нет поздних форм канфаров на низких подставках с простыми ручками с двумя напелами по бокам на перегибе, острорезберных чаш, обычно покрытых буро-красным лаком, прототипов чаш первых веков н. э. Не найдено ни одного обломка т. н. мегарских чаш. Отсутствует VI группа синопских клейм и нет поздних херсонесских.

не — в восточном углу усадьбы, второй — в эргастуле, в ее противоположном западном углу. Обломки очень характерного по глине, обжигу и форме синопского пифоса оказались разбросанными по всему двору и во многих помещениях усадьбы. Так же были разбросаны обломки небольшого херсонесского пифоса, основная часть которого находилась в помещении 14. Из двух половинок клейменной ручки одна найдена в помещении 11, вторая — в соседнем, 12. Такое размещение этих обломков, а также других от еще нескольких предметов могло произойти только в результате длительного запустения заброшенной усадьбы, когда и происходило случайное перетаскивание и перебрасывание обломков сосудов из одного помещения в другое.

Анализ материала показывает, что подавляющее количество гончарных изделий принадлежит к продукции херсонесских мастерских. Кувшины, чаши, кухонные простые красноглиняные сосуды этой продукции составляют свыше 23% всех найденных обломков. За исключением 2—3-х сосудов, все пифосы херсонесского производства (не менее 5% всех керамических фрагментов). 62% всех обломков амфор принадлежит херсонесским (к общей массе находок — 37%). Почти вся черепица тоже херсонесского производства (5,1%, кроме нее 0,3% синопской). Подавляющая часть чернолаковых сосудов (около 1%) также местного производства.

Таким образом, керамическая продукция херсонесских мастерских составляет не менее 71% от всей массы керамики, собранной на усадьбе во время раскопок. Не менее важно и то обстоятельство, что импорт падает только на тару, что еще больше подчеркивает высокое развитие гончарного производства эллинистического Херсонеса, полностью удовлетворяющего потребности его сельского хозяйства.

Наконец, очень интересные выводы позволяет сделать импортная керамика. Из общей массы обломков амфор (14,775) 62% падает на херсонесские, 14% на неопределенные и 23% на импортные. В свою очередь, последние распределяются в процентном отношении ко всему количеству обломков амфор на следующие группы: синопских — 9%, фасосских — 8%, родосских — 3%, гераклеийских — 2%, кидских — 0,4% и косских — 0,3%. Преобладающее положение Синопсы подчеркивается наличием пифосов и кровельной черепицы, сделанных в ее же мастерских.

Близкое отношение дают и клейма на импортных амфорах. Всего таких клейм найдено 33. Из них: синопских — 22, фасосских — 9, гераклеийских — 1 и неопределенных — 1.

Учитывая большое развитие гончарного ремесла в Херсонесе и наличие импорта, представленного фактически только амфорами, очевидно, что они попадали на усадьбу как тара какого-то товара. Конечно, в дальнейшем эта тара использовалась для нужд хозяйства. Не менее очевидно, что при большом развитии виноградарства на клере этим товаром не могло быть вино.

Основными обитателями усадьбы были рабы, которые главным образом и являлись потребителями продуктов питания. Собранные пищевые остатки показали, что основной их пищевой рацион состоял из растительных продуктов: хлеба — пшеницы и ячменя, гороха, чечевицы, проса, винограда и, возможно, еще других фруктов. Несомненно потребление рыбы, дельфинов и различных съедобных морских моллюсков. Судя по единичным обломкам костей животных, мясная пища не употреблялась. Вино, конечно, было свое. Этот рацион полностью соответствует указаниям римских авторов¹.

¹ Cato., 23, 1—2; 56; 57; 58; Colum., 12, 4, Plin., 19, 58.

Как мы видим, в рационе рабов клера отсутствует основной продукт питания—жиры. Полагаем, что импортная тара, вероятнее всего, служила для оливкового масла, которое и восполняло этот существенный пробел в питании рабов. Не исключены, конечно, и другие продукты, связанные с сельскохозяйственным производством.

Импортная тара характеризует определенные торговые связи владельцев усадьбы на протяжении всего ее существования. Обратим внимание при этом на синопские клейма. Прежде всего среди них нет клейм IV в. до н. э. и нет последней группы их, датируемой концом II, началом I в. до н. э. Не менее интересен и второй факт: половина всех датируемых клейм (8 из 16) относится к первой половине II в. до н. э. Возможно, последнее обстоятельство проливает некоторый свет на время перестройки и расширения усадьбы во второй строительный период.

УСАДЬБА КЛЕРА № 26 (рис. 92)¹

Усадьба расположена в северо-западной части клера, в 52 метрах от его границы, на небольшой террасе восточного склона одного из отрогов балки, впадающей в Круглую бухту. К усадьбе примыкает обширный наружный двор, который во втором строительном периоде, по-видимому, был разделен на две части (рис. 93). Со стороны дороги, ограничивающей клер с северо-запада, во внешней ограде последнего, прослеживаются остатки широкого проезда. От ворот к внешнему двору ведет узкий проезд. Ширина его у ворот 10 м, у двора, в юго-восточном конце — 16 м.

УСАДЬБА III В. ДО Н. Э.

Усадьба частично застроена зданием второго строительного периода (рис. 94) и во время этой перестройки сильно разрушена; стены местами разобраны до фундамента. Большая часть ее перекрыта наружным двором усадьбы второго строительного периода. В настоящее время раскопаны северный угол и помещения вдоль ее северо-западной и северо-восточной сторон (рис. 95). Северный угол занимает башня, перекрытая башней второго строительного периода. Учитывая длину юго-западной ее стены (около 6,50 м) и квадратную планировку башен на усадьбах клеров полуострова, ширина ее была близка этому же размеру.

Вдоль северо-западной стены усадьбы намечилось четыре помещения: $\eta, \vartheta, \iota, \kappa$. Хорошо сохранилась их внутренняя стена со стороны двора с тремя дверными проемами (рис. 92). Стена сложена «насухо» из больших рустованных блоков, лежащих рядами: логом и наребро. Помещение — η было входным коридором, примыкало, как обычно, к башне усадьбы и имело только наружную дверь, как это прослежено нами в городских домах Херсонеса². Помещение — ϑ примыкало к предыдущему и соединялось со двором широким дверным проемом (рис. 92). Помещение — ι раскопано до уровня пола винодельни второго строительного периода. Помещение — κ не раскопано. На поверхности сохранилась только стена, смежная с помещением — ι . В отличие от стен усадьбы второго строительного периода, внутренние стены первого строительного периода сложены из тесаного камня.

¹ В настоящее время раскопано здание усадьбы второго строительного периода. Раскопки усадьбы первого строительного периода только начаты и позволяют сделать только несколько общих замечаний. Обширный наружный двор усадьбы еще не исследован.

² МИА, № 34, стр. 68.

Наружная, северо-восточная стена усадьбы прослежена на протяжении 15,00 м, считая от башни (рис. 94). Вдоль этой стены пока обнаружено три помещения — α , β , γ (последнее не раскопано). Помещение — α примыкало к южной стороне башни и больше чем на половину перекрыто башней усадьбы второго строительного периода. В южном углу его находится дверной проем в смежное помещение — β . Пол земляной. В восточном углу обнаружен небольшой очаг для приготовления пищи (рис. 96). Очаг имеет глинобитную площадку, приподнятую выше пола на 0,07 м. Передняя часть его составляет как бы припечек. К юго-восточной стене помещения пристроена глинобитная же канфорка¹ с круглым отверстием в середине для варки пищи в горшках. Канфорка приподнята над подом очага на 0,10—0,12 м. Вторая (?) такая канфорка разрушена. Слева очаг загорожен двумя сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. На всей площади раскопанного пола обнаружен тонкий слой серой золы. Судя по очагу, помещение, вероятнее всего, было жилым.

Помещение — β по размерам такое же, как и предыдущее (4,15×2,80 м). Пол земляной, местами обгорелый и по всей площади покрыт тонким слоем золы. У двери в помещение — α , в небольшом углублении, найдена почти половина синопской амфоры (верхняя часть ее собрана в помещении — α). В центре комнаты находится прямоугольная жаровня, приподнятая над полом и покрытая сверху обломками керамид, бортами к краю (рис. 97). В северном углу на стенах комнаты сохранились остатки известковой штукатурки. Так же как это нами прослежено в городских домах Херсонеса, штукатурку подстилает толстый слой глиняной обмазки. «Помещение» — δ является частью двора, вымощенного каменными плитами небольшого размера. Очень интересно помещение — ϵ , которое пристроено со стороны двора к помещениям — ζ и ι . Назначение помещения пока не выяснено.

Цистерна, открытая на наружном дворе усадьбы второго строительного периода, построена еще в первом строительном периоде (рис. 98). Сохранилась она только в нижней половине. Верхняя половина была разобрана еще в древности. Эта цистерна служила для сбора дождевой воды. Она имела грушевидную форму (рис. 99). Стенки ее тщательно облицованы прекрасно отесанными камнями, сложенными на известковом растворе с белым кварцевым песком. Дно цистерны покрыто толстым слоем известкового раствора с примесью цемянки.

Ряд признаков позволяет думать, что усадьба III века была значительным сооружением, с какими-то приусадебными постройками на внешнем дворе. Как показали раскопки, усадьба погибла в пожаре. Причины этого пожара, размеры усадьбы, планировка и т. д. будут выясняться дальнейшими раскопками в ближайшие годы.

УСАДЬБА 2-ГО СТРОИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА, II В. ДО Н. Э.

Основное здание усадьбы этого периода раскопано полностью¹. В плане усадьба имеет прямоугольную форму, вытянутую с юго-востока на северо-запад. Длина ее 26 м, ширина — около 22 м. Площадь по наружному обмеру 570 м² (рис. 100). Эта усадьба сооружена совершенно заново. По отношению к старой, III в. до н. э., она сдвинута к северо-западу. Большая часть старой усадьбы разрушена. Площадь над нею была сnivelирована и служила внешним двором новой усадьбы. Техника кладки стен последней совершенно иная, чем у нижней усадь-

¹ На наружном дворе в двух местах намечаются остатки каких-то сооружений, которые относятся к этому же периоду.

бы. Рустованные блоки сухой кладки нижней усадьбы отсутствуют даже во вторичном использовании. Это позволяет думать, что они уже были разобраны до сооружения новой усадьбы.

Южный угол последней и ее юго-восточная внешняя стена построены на остатках стен старой усадьбы, которые использованы как фундамент. Однако, опасаясь за прочность угла, строитель усилил его за счет утолщения стен большими камнями (рис. 101). Грубые, совершенно не тесанные камни, положены без всякого фундамента. Примитивность этого строительного приема совершенно очевидна.

Не менее ярко проявляется эта техника, необычная в практике греческого строительного искусства, на западном углу усадьбы. Стены, образующие его, тоже двойные. Собственно стены находятся с внутренней стороны усадьбы. Толщина их 0,55—0,60 м. Сложены они из небольшого, зачастую мелкого камня на глине. Здание в этой части было двухэтажным и подобные стены не могли выдерживать такой нагрузки. Для этого строитель утолстил их с наружной стороны, с юго-западной на 0,80 м и северо-западной на 1,00 м. Утолщение представляет панцирь, сложенный из блоков. Блоки совершенно не обработаны. Промежуток между панцирем и внутренней тонкой стеной забутован камнем с землей. Общая толщина такой стены 1,50—1,60 м, при толщине остальной части наружных стен усадьбы — 0,75 и 0,80 м (рис. 102 и 103).

Важно еще одно обстоятельство. Как видно на плане, панцирь с юго-западной стороны сложен в одну линию с наружной плоскостью остальной части этой стены. С северо-западной стороны панцирь выступает на метр по отношению к наружной плоскости северо-западной стены близ северного угла усадьбы. Стены башни сложены без фундамента и огромные блоки их лежат на насыпи, на уровне поверхности, времени существования усадьбы.

Усадьба состояла из трех частей: жилой, скотного двора и хозяйственной. Она имела два двора, башню, двенадцать помещений в первом этаже и несколько во втором (рис. 100). Большая ее хозяйственная часть (площадь около 320 м²) занимает юго-восточную сторону усадьбы. Посередине она разделяется двором, вытянутым с юго-востока на северо-запад. С юго-восточной стороны двора расположена башня, помещения 1 и 2. С юго-западной стороны находится винодельня (помещение 3), помещения 4 и 5. В северо-западной стене имеется дверной проем, соединяющий хозяйственный и скотный дворы, в западном углу двора находится лестничная площадка на второй этаж жилой части дома.

Наружный вход на хозяйственный двор усадьбы находился с северо-восточной стороны и непосредственно примыкал к северному углу башни (рис. 104). Дверь была далеко отодвинута внутрь усадьбы и имела с наружной стороны глубокую нишу. Дверь была одностворчатая и, судя по порогу, открывалась внутрь усадьбы.

Башня. Башня занимает восточный угол усадьбы и имеет в плане квадратную форму (9,50×9,60 м). Толщина ее стен 2,25 м¹. Они сложены из крупных блоков неодинаковой величины, фактически без всякой обработки, иногда до 2 м длиной и 1,50 м шириной (рис. 105). Вход в башню посередине юго-западной стены. Первоначальная его ширина—1,45 м, позднее дверной проем сужен до 0,75 м. Пол башни вымощен каменными плитами (рис. 106). У юго-восточной стены ее находится лестничная площадка, с которой по деревянной лестнице можно было подняться во второй этаж (рис. 105). Площадка имела пять ступеней

¹ Таковую толщину стен можно наблюдать у башен многочисленных усадеб Гераклеийского полуострова, напр., на клерах № 7, 31, 33, в балке Бермана (раскопки К. Э. Гриневица), в Александриаде (раскопки И. Н. Бороздина) и др. местах.

и с наружной стороны перила. Снизу, на уровне пола, в площадке имеется ниша неопределенного назначения. Вдоль северо-восточной стены находятся остатки основания, по-видимому, такой же более ранней лестничной площадки и рядом с нею какое-то сооружение, ограниченное большими плитами, поставленными на ребро¹. Башня имела наблюдательное, сторожевое и оборонительное назначение. Она же контролировала вход и выход с усадьбы и служила жильем вилика, как и башня усадьбы клера № 25.

Помещение 2. Судя по оборванному остатку юго-западной стены у западного угла и такому же остатку стены, примыкающей к наружному дверному проему, оно имело в длину 4,75 м и в ширину 3,10 м. Возможно, это помещение служило для хранения продуктов или сельскохозяйственного инвентаря.

Помещение 1а. Как уже отметили, помещение 2 было разрушено. Тогда же, по-видимому, была сооружена на культурной насыпи юго-западная стена помещения 1а. Дверной проем его находится у западного угла башни. Дверь открывалась в сторону двора. Близ западного угла, в северо-западной стене помещения на уровне его пола находится прямоугольная ниша, неопределенного назначения, такая же, как и на лестничной площадке башни. Учитывая большое скопление обломков пифосов и амфор, можно предположить, что помещение служило для хранения вина. Такое предположение хорошо согласуется с известиями античных писателей².

Помещение 3 (рис. 107). В южном углу усадьбы, вдоль ее юго-западной стены расположена большая, очень хорошо сохранившаяся винодельня. В винодельне обнаружены два терапана — давяльные площадки, детали крепления рычага, пресса, его каменный груз, нижняя половина пифоса и т. д. Вход в винодельню со двора находился близ ее северного угла³.

Помещение 4 и 5. Помещение 4 примыкает с северо-запада к винодельне. Соединяется дверным проемом с каменным порогом со двора. Рядом с ним расположено помещение 5, которое тоже соединено со двором дверным проемом и вторым с помещ. 6 в жилой части усадьбы.

Жилые помещения 6, 7 и 8 были изолированы от скотного двора и имели выход только в хозяйственную часть усадьбы. Как мы уже указали, жилая часть дома имела 2-й этаж, который значительно увеличивал площадь жилых помещений. Расположение их в северо-западной части усадьбы согласуется с практикой домостроительства в херсонесских городских домах, с практикой античного домостроительства и находит аналогии как на усадьбах Гераклеяского полуострова, так и на виллах древней Италии.

Помещения 6—8 составляли один комплекс, так как соединены меж собой дверными проемами. Самое большое из них, помещение 6, расположено вдоль юго-западной стены усадьбы. С одной стороны оно соединялось дверью с помещением 5 хозяйственной половины усадьбы (рис. 108), с другой, с помещением 8. Последнее имеет вымостку из каменных плит, а в северном углу очаг (рис. 109). Под очага — глинобитный и немного приподнят выше пола. Передняя часть пода составляет припечек. На этом поду, вплотную к стене помещения, находится собственно очаг, сложенный из кусков пифосов и черепицы, поставленных на ребро. Внутри и снаружи стенки очага обмазаны глиной. В самом

¹ По-видимому, такое же подлестничное сооружение — нечто вроде скрини, как и в башне на усадьбе клера № 25, см. выше, стр. 90.

² См. выше, стр. 97.

³ Подробное описание см. ниже, в главе, посвященной винодельню, стр. 123 и сл.

углу помещения находилась вторая половина очага, разрушенная почти до основания. Это жилое помещение соединено дверным проемом с маленькой каморкой в самом западном углу усадьбы (пом. 7).

Таким образом, анализ плана усадьбы и ее помещений совершенно отчетливо обнаруживает две ее основные части: жилую и хозяйственную. Отсутствуют помещения для скота, чего никак не могло быть на сельской усадьбе. Нам думается, что второй двор усадьбы являлся скотным двором, а примыкающие к нему помещения 10 и 11 были хлевами (рис. 110, а также 102 и 103). Не случайно от него изолированы жилые помещения первого этажа, а сам он имеет большие ворота, предназначенные для въезда и выезда. Открытое помещение 12 под вторым этажом жилого дома представляло собою прекрасный навес с летними стойлами для скота. При таком расположении скотный двор был изолирован от жилых комнат и от винодельни с винным складом, что является, как мы видели, обязательным условием планировки античной сельскохозяйственной усадьбы¹.

В итоге анализа плана усадьбы нам не удалось обнаружить бесспорных остатков общей рабской кухни. На хозяйственной половине нет не только следов, но и каких-либо намеков на размещение в ней кухни. Кроме того, такое размещение противоречило бы очень существенному требованию, запрещающему соседство кухни с винодельней и винным складом². Единственным пунктом, в котором можно предположить такую кухню, остается помещение 9 (рис. 110). Это помещение изолировано от соседних с ним жилых. Вход в него находится в северо-восточной стене, у восточного угла, напротив входа в хлевы. Наиболее существенным фактом, свидетельствующим в пользу нашего предположения, является земляной пол этого помещения. Фактически это множество полов, постепенно перекрывавших один другого. Иногда прослойка между двумя соседними полами достигала 30—40 мм. Как правило, она не больше 10 мм. Каждый такой пол сильно затоптан и покрыт слоем золы, древесных угольков и жирной черной сажи. Ни одно из помещений усадьбы не имело пола такой структуры. По-видимому, не случайно пол в кухне на усадьбе клера № 25 имел близкую структуру. Можно думать, что как и там, не случайно расположение этого помещения рядом с хлевами и стойлами.

В итоге разбора плана мы видим, что усадьба клера № 25, по-видимому, разделялась на три части: жилую — с помещением для рабов (нижний этаж) и для хозяина (верхний); хозяйственную — с давилней, кладовыми и башней — жильем виллика и, наконец, скотный двор с хлевами, летним навесом и общей кухней для рабов.

Усадьба второго строительного периода в конце ее существования имела несколько отличный план в сравнении с первоначальным его видом. В хозяйственной половине появляется помещение 1а (время сооружения которого окончательно может быть установлено только материалами дальнейших раскопок), закладывается стеной наружный вход в северо-восточной стене усадьбы. В жилой половине упразднены все помещения ее 1-го этажа. Дверной проем из помещения 5 в бывшую жилую половину заложен каменной стеной. Второй этаж, судя по сохранившейся лестничной площадке и громадному завалу камня в этой части усадьбы, продолжал существовать. Сохранилась дверь, соединяющая скотный и хозяйственный дворы.

Вследствие этой перестройки, значительно увеличился скотный двор. Помещение 12 увеличилось в два раза и получило в плане геобразную

¹ См. выше, стр. 97.

² Там же.

форму. Поглощательная яма была засыпана. Земляной пол был поднят над нижним на 0,35—0,70 м и получил значительный наклон в сторону двора. В пол были вкопаны три пифоса: один — у самого двора, почти в середине открытого проема, второй — более крупный, немного дальше в глубь помещения и третий в южном углу. Весь пол был покрыт землей с большой примесью золы и древесных углей.

Раскопками собран значительный материал, позволяющий осветить ряд важных сторон жизни раскопанной усадьбы (рис. 111—115). Собрано свыше 10 000 обломков и отдельных целых вещей. Из них около 1000 относятся к усадьбе III в. до н. э., остальные к усадьбе II в. до н. э. Прежде всего обращает на себя внимание одинаковое процентное соотношение различных типов сосудов в обеих комплексах, которое и отражает одинаковый хозяйственный облик усадьбы на разных этапах ее существования.

Анализ материалов показывает преобладание тары над остальными типами сосудов; по ранней группе она составляет 60% и по поздней 55,5% всех находок. Если прибавить кувшины и чаши-лутерии, общая масса обломков хозяйственных сосудов соответственно увеличится по группам до 78 и 76% всего количества находок. В это же время обломки чернолаковых сосудов составляют лишь 1 и 1,4% всех находок. Таким образом, уже это подтверждает хозяйственное назначение раскопанных сооружений.

Не менее характерно распределение находок даже в завале с наружной стороны усадьбы второго строительного периода. Так, большинство находок (приблизительно 65%) обнаружено в северо-восточной и северо-западной ее сторон. Если же учесть, что к этому же комплексу относятся находки у восточного и у западного углов ее, то это отношение увеличится почти до 90% всех находок. Такое соотношение связано с расположением вдоль этих стен жилых помещений и хранилищ. Это подтверждается и находками обломков кухонных сосудов, которые обнаружены только на этих участках.

Подавляющее количество гончарных изделий — продукция херсонесских мастерских. За исключением импортных амфор, сосуды всех типов принадлежат к этой группе и составляют 70% всех находок в поздней усадьбе и 67% в ранней. С учетом кровельной черепицы это количество возрастет до 82 и 79%. Импорт представлен только амфорами и черепицей: первых 9 и 13%, вторых — 2 и 3%¹. Таким образом, и на материале усадеб клера № 26 мы тоже можем констатировать большое развитие херсонесского гончарного ремесла в эллинистическое время.

Импортная керамическая продукция состоит из обломков амфор и черепиц. За исключением одного обломка фасосского калиптера, вся черепица синопского происхождения. В ранней усадьбе она составляет четвертую часть всей черепицы, в усадьбе II в. до н. э. — одну шестую ее часть². Импортные амфоры на ранней усадьбе составляют 21% их общего количества, на поздней — 18% и соответственно разделяются на группы: синопских — 9,6 и 6%; фасосских — 5,7 и 5,3%; родосских — 5,7 и 4%; гераклейских — 1 и 1%, косских — 0 и 1,5%, книдских — 0 и несколько сомнительных обломков. Преобладающее значение Синопы в импорте еще ярче проявляют амфорные и черепичные клейма. Из 39 амфорных клейм поздней усадьбы — 14 синопских, 1 фасосское, 3 родосских и 1 косское. На нижней усадьбе — 1 синопское клеймо.

¹ Значение импортных амфор как тары нами отмечено уже выше, стр. 101 и сл.

² Несколько больший процент импортной черепицы, так же как и амфор на ранней усадьбе, по-видимому, не случаен, однако окончательное суждение по этому вопросу возможно только после завершения ее раскопок.

В хронологическом отношении весь добытый материал не выходит за пределы эллинистического времени. Начальная его дата подтверждается техникой кладки стен ранней усадьбы, сложенных из великолепно обработанных рустованных блоков (рис. 92). Этот тип кладки может быть датирован, по крайней мере, в пределах второй половины IV и первой половины III в. до н. э. В Херсонесе эта кладка хорошо представлена в его оборонительной стене начала III в. до н. э.¹ и в наружных стенах городских домов этого же времени на северном берегу городища. Последняя дата, по-видимому, наиболее вероятная для сооружения первой усадьбы и подтверждается фрагментами чернолаковых сосудов, амфор и астиномными клеймами, которые не выходят за пределы III в. до н. э.² Об этом же свидетельствует количественное соотношение между местной и импортной керамической продукцией и между отдельными группами привозных амфор³.

Время окончания жизни на усадьбе клера можно определить значительно увереннее вследствие большего количества материала. Прежде всего нет вещественных остатков, которые можно бы было датировать концом I в. до н. э. и началом I в. н. э. Таким образом, можно констатировать, что к этому времени усадьба уже не существовала. Наряду с этим, подавляющее количество чернолаковых обломков представляет позднюю группу сосудов, часть которых может быть датирована рубежом II—I вв. до н. э., может, даже началом I в. до н. э. Часть херсонесских и синопских амфор, судя по коническим ножкам, относится уже к началу I в. до н. э. Эта же дата четко прослеживается и по херсонесским и синопским астиномным клеймам конца II, начала I в. до н. э. К этому же времени могут быть отнесены довольно многочисленные обломки т. н. мегарских чаш (рис. 115).

Значительно труднее определение даты конца существования усадьбы первого строительного периода и начала второго. Хронологическая классификация массового керамического материала эллинистического времени, да и чернолаковых сосудов, не разработана, поэтому раздельное датирование его по строительным периодам фактически невозможно. Это усугубляется еще и тем, что ранняя усадьба раскопана очень незначительно и добытый из нее материал количественно невелик. Однако некоторые клейма на амфорах и черепицах, видимо, позволяют наметить первые, крайне ориентировочные всхи такого хронологического расчленения двух основных строительных периодов усадьбы клера № 26.

Прежде всего отметим горло синопской амфоры с двумя клейменами ручками: на одной клеймо астинома — ἀστυνόμου⁴ Ἀπολλοδώρου τοῦ Διονυσίου, эмблема сколота, на другой ручке имя мастера — Σάγαρις эмблема — голова вправо⁴. Амфора датируется третьей четвертью II в. до н. э. По залеганию она безусловно относится к слою первого строительного периода. Не ранее чем ко II в. до н. э. относятся и два херсонесских

¹ С. Ф. Стржеleckий. Херсонес-Корсунь. Путеводитель по раскопкам, стр. 31, 34, Крымиздат, 1950.

² Окончательное уточнение даты сооружения первой усадьбы возможно только после завершения археологических работ.

³ См. выше, стр. 99 и сл.

⁴ Б. Н. Греков. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1929, стр. 153, № 2, Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм..., П.-д, 1917, стр. 63, № 39. Между прочим, находка этого горла подтверждает предположение Б. Н. Гракова, что клейма с одним только именем астинома, должны иметь клеймо мастера на второй ручке (Б. Н. Граков, Ук. раб., стр. 38 и стр. 70—71). Кроме того, учитывая археологическую ситуацию, по-видимому, следует причислить этого астинома к V группе синопских клейм.

клейма: Теодора, сына Притана, и Мения, сына Дамокла. Кроме того, и большинство обломков чернолаковых сосудов из слоя первого строительного периода не может быть датировано ранее II в. до н. э. Наряду с этим, из одиннадцати определенных синопских клейм три относятся к V группе и пять к VI, т. е. «массовое» появление синопских клейм относится уже к началу четвертой четверти II в. до н. э. Следовательно, окончательное разрушение усадьбы первого строительного периода, пока весьма приближенно, может быть датировано второй половиной II в. до н. э. Гибель этой усадьбы в сильном пожаре несомненна. Это прослеживается по мощному слою перегоревшей и окалившейся до красного цвета глиняной обмазки стен, перекрывающей полы раскопанных помещений.

Усадьба первого строительного периода была богаче и, по-видимому, больше усадьбы второго периода. Это подтверждает дорогая кладка стен из рустованных блоков, прекрасная кладка большой цистерны для воды, фрагмент тщательно профилированного каменного карниза, остатки штукатурки в жилых помещениях ранней усадьбы и, наоборот, полное отсутствие чего-либо подобного на поздней усадьбе. Больше того, отмеченные нами выше приемы кладки стен поздней усадьбы, ее башни, жилого дома и ее южного угла¹ указывают не только на обеднение, но, пожалуй, и на иные строительные приемы, которые очень соблазнительно сопоставить с аналогичными приемами в строительстве каменных стен у тавров².

* * *

В заключение сделаем ряд замечаний в отношении усадеб клеров Гераклеийского полуострова эллинистического времени.

1. Как мы уже показали выше, исследование клеров устанавливает, что каждый из них имел свою собственную усадьбу, составляющую его неотъемлемую часть. Это прослежено Н. М. Печенкиным на малых клерах Маячного полуострова и нашими раскопками и разведками на клерах остальной площади Гераклеийского полуострова. Не может быть никакого сомнения в том, что усадьбы херсонесских клеров входят в средиземноморский круг сельских усадеб античного времени типа *villae rusticae*, описание которых мы имеем в сочинениях Катона, Варрона, Колумеллы и Палладия³. Указанные факты не оставляют никаких сомнений в частновладельческом характере усадеб Гераклеийского полуострова⁴ и позволяют не останавливаться на разборе предположений, по которым эти усадьбы, якобы, являлись военно-хозяйственными

¹ См. выше, стр. 104.

² Оборонительная стена на Уч-Баше (X—VIII вв. до н. э.), на горе «Кошке» на Южном берегу и в др. местах.

³ По-видимому, на Гераклеийском полуострове был и второй тип усадеб, служивших местом отдыха, аналогичных италийским *villae urbanae*. Появление и существование таких вилл относится уже к позднеантичному времени, связано с аристократизацией Херсонеса и весьма вероятным подражанием римской знати. Судя по подьемному материалу, такие *villae urbanae* херсонесских аристократов находились на берегу Большой бухты и были построены на месте разрушенных *villae rusticae* эллинистических клеров № 3 и 7.

⁴ В порядке предположения, это же мнение наиболее четко и ясно сформулировал Е. Г. Суворов в своей работе «К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом». Уч. зап. МГПИ, т. XXVI, вып. 1, М., 1942, стр. 123 и сл. Это же мнение было высказано значительно раньше, например: Богуш-Сестренцевичем — История Тавриис, т. 1, СПб, 1806, стр. 290. Дюбуа де Монперс, — *Voyage autour de Caucase...*, немецкое издание, т. VI, стр. 280. Частновладельческий характер клеров и усадеб убедительно доказан уже В. Д. Блаватским. См. его работу *Земледелие...*, стр. 29 и сл. 125 и сл.

пунктами городского центра (Херсонеса)¹..., владел которыми сам державный Херсонес².

2. Выбор места для сооружения усадьбы прежде всего зависел от расположения клера и его величины. Учитывая малые размеры, а также отсутствие плана хотя бы одного клера на Маячном полуострове, мы вынуждены рассмотреть этот вопрос только на примере крупных клеров остальной части Гераклеийского полуострова. Местоположению усадьбы в античное время придавалось большое значение. В результате длительной практики выработался ряд твердых правил, которые нашли свое отражение в трудах римских агрономов³. Такое же внимание выбору места для постройки усадьбы уделяли и хозяева херсонесских клеров. Так, на всех приморских клерах усадьбы расположены на самом берегу моря. Такое расположение усадеб рекомендует Колумелла: «Она (вилла — С. С.) будет надлежащим образом расположена в отношении моря, если внизу будет в нее ударять и ее обмывать морской прибой, но никогда не следует ставить ее на побережья, а всегда на некотором расстоянии от берега»⁴.

В большинстве случаев, в том числе и на прибрежных клерах, владельцы их стремились строить свои усадьбы непосредственно у самых дорог, ограничивающих их наделы, зачастую на перекрестках этих дорог. Удалось зафиксировать несколько случаев, когда усадьбы двух соседних клеров отделяются одна от другой только шириной такой проезжей дороги.

Как правило, расположение усадеб на клерах обусловлено хозяйственной целесообразностью и рельефом клера. Как правило, они расположены на середине склонов балок и холмов⁵, никогда на дне балок⁶, редко мы их видим на господствующих холмах и высотах⁷.

3. В соответствии с этой же экономической и хозяйственной целесообразностью находится и размер усадеб. Эту зависимость усиленно подчеркивают античные авторы. Наиболее лаконично и четко это положение сформулировано Катонем: «Стройся так, чтобы усадьба была по имению, а имение по усадьбе»⁸. Дважды к этому же вопросу возвращается Варрон: «Многие невольно впадали в ошибку, не считаясь с размерами владения, потому что одни делали виллу меньшей, чем требовали эти размеры, а другие большей, хотя и то и другое идет вразрез с хозяйственностью и доходностью. Ведь слишком большие постройки и обходятся дороже и поддерживать их дороже стоит. А если они меньше, чем того требуют размеры владения, обычно про-

¹ И. Н. Бородин. Археологические раскопки на Гераклеийском полуострове. М., 1925, стр. 110.

² К. Э. Григорович. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклеийского полуострова (7 авг.—4 сент. 1929 г.). Севастополь, 1929, стр. 14—16.

³ Cato., 1, 3—4; Varr., 1, 11, 2; 1, 12, 1—5; 1, 4, 9; Colum., 1, 4, 9—10; 1, 5; Pal., 1, 8—9.

⁴ Colum., 1, 5, 5. Вторая часть рекомендации в условиях Гераклеийского полуострова не учитывалась. Все усадьбы прибрежных клеров расположены на самом берегу и действительно омывались прибоем. В настоящее время многие из них размыты этим прибоем, например на клерах № 2, 3, 4, 8, 33 и др.

⁵ Colum., 1, 4, 10: «Итак, лучшим будет положение на середине холма, на месте, образующем некоторый бугор, дабы низвергающийся с вершин дождевой поток не размывал фундамент», и выше: «Поэтому следует искать воздуха умеренно холодного и теплого, который обычно бывает на средних холмах...»

⁶ Varr., 1, 12, 5: «Внезапные ливни и речные потоки угрожают тем, кто имеет здания в низинах и котловинах, и им же грозят внезапные нападения разбойников, которым легче в таких местах напасть врасплох».

⁷ Ср. Varr., 1, 12, 4.

⁸ Cato., 3, 1.

падает урожай¹. Палладий указывает еще одну сторону необходимости соразмерности имения (fundus, у нас клер) с усадьбой: «Постройку следует соразмерять с достоинством участка и богатством хозяина, ведь часто при несоблюдении меры оказывается труднее поддерживать постройку, чем возвести ее. Итак, следует определить ее размеры с таким расчетом, чтобы в случае какой-либо неожиданности можно было привести ее в исправность на годовой доход, самое большее — на двухгодовой»².

Не случайно поэтому усадьбы клеров Херсонеса разделяются по своей величине на две основные группы: усадьбы Маячного полуострова и усадьбы остальной части Гераклеяского полуострова. Малые клеры первого имеют сооружения площадью 300—360 м², по-видимому, максимально 500 м² (соответственно, усадьбы 4, 3 и 1). Необходимо отметить, что первоначально и усадьба клера № 1 имела площадь около 320 м². Можно думать, что последующее ее увеличение было связано с изменением размера самого клера или, точнее говоря, земельного владения ее хозяина.

Сооружения больших клеров Гераклеяского полуострова соответственно увеличиваются. Без учета наружных дворов, минимальная площадь этих усадеб около 600 м² (клер № 26, поздняя усадьба). Как правило, площадь их колеблется около 1000 м². Например, усадьба клера № 25 первоначально имела около 700 м², а затем увеличилась до 1200 м². Обследование показало, что многочисленные усадьбы этой группы клеров эллинистического времени не превышают указанных размеров³. В этом отношении интересна богатая усадьба в балке Бермана, частично раскопанная К. Э. Гриневичем, площадь которой в эллинистическое время не превышала 1200—1300 м². При этом на примере раскопанных усадеб клеров № 25 и 26 мы можем наблюдать увеличение или уменьшение их в указанных пределах, которые несомненно были связаны «с достоинством участка и богатством хозяина».

4. Определенное единство схемы внутренней распланировки хорошо прослеживается на примере раскопанных усадеб клеров № 25 и 26⁴. Обе они разделяются на три части: жилую, хозяйственную и для скота. На усадьбе № 25 каждая из этих частей имела свой более или менее замкнутый двор. На усадьбе № 26, вследствие меньшей ее площади, жилая часть имела общий двор с хозяйственной. Скотные дворы⁵ старательно изолированы от жилой части усадьбы. В особенности четко это проявляется на усадьбе № 26. Оба скотных двора имели навесы для летнего содержания скота. Оба максимально удалены в одном случае от винодельни, в другом — от винного склада. Величина скотных дворов несомненно находится в прямой зависимости от величины усадеб и от экономической мощности всего хозяйства. При

¹ Varr., 1, 11, 1. Ниже последнее положение развивается. Катон еще откровеннее советует иметь большие хранилища для масла и вина «...чтобы спокойно поджидать высоких цен: будет ему это и в прибыль, и в честь, и в славу» (3, 2). Второй раз Варрон возвращается к этому вопросу, порицая расточительность владельцев роскошных вилл своих современников, которым он приводит в пример «старательность древних» хозяев (1, 18, 6).

² Pal., 1, 8.

³ Иную картину мы наблюдаем на усадьбах первых веков н. э. Некоторые из них увеличиваются по площади до 5—6 тыс. и более квадратных метров. См. Приложение. Описание клеров, где указаны ориентировочные размеры их усадеб.

⁴ Попутно отметим, что к обеим примыкал большой наружный двор для различных хозяйственных целей, ср. Varr., 1, 13, 3—4.

⁵ Под этим термином здесь мы подразумеваем не только двор, но и примыкающие к нему хлны, навесы и другие подсобные помещения, обслуживающие скот и рабов, ухаживающих за ним.

этом важно, что владелец усадьбы № 26 отказался от особого двора, примыкающего к жилой части, но сохранил открытый двор на скотной половине. Этот факт бесспорно указывает на важную роль скотоводства и рабочего скота в экономике и сельскохозяйственных работах на клерах Гераклеяского полуострова. Жилая часть во всех случаях примыкает к северной стороне усадеб. Общая кухня для работ располагается либо на скотном дворе (усадьба № 26), либо примыкает к нему (усадьба № 25).

Связь этой схемы с планировкой сельскохозяйственных усадеб античного мира хорошо проявляется при сопоставлении ее с планировкой италийских вилл¹ и со словами Колумеллы: «Размеры же и количество частей виллы должны находиться в согласии с владением в целом. Вилла делится на три части: часть для господ, часть для хозяйственных работ и часть для хранения плодов»². В этих словах мы обращаем внимание на деление усадеб на части и главным образом на зависимость количества этих частей и их размеров от размера и состоятельности всего имения в целом. Последнее обстоятельство хорошо иллюстрируется планами небольших усадеб Маячного полуострова, которые имели два здания — жилое и хозяйственного назначения, объединяемые одним двором. Да и подразделение это, по-видимому, было условно, поскольку некоторые хозяйственные работы могли выполняться в жилых помещениях. Восстание слабой фиксации во время раскопок на этих усадьбах невозможно установить местоположение хлевов, без которых они, конечно, не могли обойтись. В то же время, как только увеличивается одна из таких усадеб (№ 1), мы видим появление третьей части — скотного двора.

5. Различие между усадьбами Маячного полуострова и остальной части Гераклеяского, помимо размеров и планировки, обусловленных величиной клеров, состоит еще и в том, что первые не имеют башен. Как мы уже показали выше³, эти башни не были им нужны, так как клеры и их усадьбы на Маячном полуострове были хорошо защищены от нападений оборонительными стенами города, расположенного на его узком перешейке. Кроме того, они были ненужны и для наблюдения за работами на клерах, поскольку эти работы велись самими хозяевами и их семьями.

Совершенно иную картину мы наблюдаем на остальной части Гераклеяского полуострова, открытого для нападения на протяжении 14—15 км его сухопутной границы, за пределами которой сразу же начинались земли тавров. Кроме того, и морская граница протяжением около 30 км отнюдь не обеспечивала клеры полуострова от неожиданных пиратских налетов. Этим только и может быть объяснено, что все без исключения усадьбы клеров имеют сторожевые, оборонительные башни. В настоящее время от усадеб на поверхности земли зачастую не сохранилось никаких следов и от многих из них обнаруживаются только остатки монументальных башен, стены которых сложены из громадных блоков. Импозантный вид этих руин прежде всего привлек к себе внимание исследователей и послужил причиной различных предположений, акцентирующих военно-оборонитель-

¹ Вилла под Боскореале, вторая — в долине Сарно, обе близ Помпеи.

² Colum., I, 6, 1. Не останавливаемся на различных деталях планировки усадеб, подтверждающих отмеченную нами связь с античным миром, поскольку они уже освещены выше, при описании помещений и определении их назначения на раскопанных усадьбах.

³ См. стр. 42.

ный характер «поселений» и «украпленных пунктов» Гераклейского полуострова и даже связывающих их с микенской культурой¹.

Раскопки усадеб клеров № 25 и 26 если не решили окончательно, то, во всяком случае, значительно приблизили нас к правильному пониманию назначения так называемых башен Гераклейского полуострова. Будем исходить из двух строительных периодов этих усадеб. Из четырех башен только одна имела исключительно толстые стены (около 2,25 м), сложенные из громадных блоков (усадьба второго строительного периода на клере № 26). Остальные имели нормальную толщину 0,65; 0,70; 0,90 м. Обращаем внимание на толщину стен (0,65 м) башни усадьбы второго строительного периода на клере № 25, которая недостаточна, учитывая наличие второго этажа. Таким образом, на примере этих башен мы видим, что к ним не предъявлялись требования какой-то повышенной мощности, вызываемой особыми военными соображениями. Несомненно, оба типа башен сосуществовали, как это и было на усадьбах второго строительного периода, II в. до н. э., на клерах № 25 и 26. Больше того, считаем, что раскопки усадьбы второго строительного периода на клере № 26 хорошо подтвердили предположение В. Д. Блаватского, усматривающего в этих крупноблочных, «мощных» кладках иные, не античные строительные навыки².

Наряду с этим заслуживает внимания тот факт, что сооружение башен на сельских усадьбах отнюдь не характерно только для херсонесских клеров. Судя по известиям античных писателей, они обычны и на усадьбах в древней Италии. Так, Варрон, описывая два вида голубей, рассказывает: «Одни — дикие голуби, или, как некоторые называют их, каменные (saxatile), потому что они живут в вилле на башнях и на коньках крыш... от природы пугливые, они выскакивают самые высокие места на крышах»³. В письме к Луцилию Сенека описывает виллу Сципиона Африканского в Литерне, «построенную по стародавнему обычаю»: «Я увидел виллу, выстроенную из тесаного камня... две башни, воздвигнутые по обе стороны для защиты виллы...»⁴ Башни существовали и на роскошных виллах позднего времени: «С высокой башни видишь ты одни лавры. Спокойно, раз Приапу не страшны воры»⁵.

Если античные землевладельцы Среднеземноморья вынуждены были строить башни, оберегая себя от налетов воров и разбойников, то тем более это необходимо было делать владельцам херсонесских клеров, учитывая дополнительное окружение их таврами, военно-демократический строй которых обуславливал «закономерность», даже в мирное время, походов отдельных дружин с целью военного грабежа. Вероятнее всего, такой «набег», который «совершили внезапно соседние варвары», отмечен в херсонесской надписи III в. до н. э.⁶

¹ Разбор этих взглядов см. выше, в I главе.

² В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 163—164. См. выше, описание строительных остатков и техники кладки усадьбы II в. до н. э. на клере № 26, стр. 104 и 105) и сл. Связь этих строительных навыков со строительными традициями и памятниками тавров, учитывая крымские условия и тесные связи Херсонеса с таврами, нам кажется весьма правдоподобной, но требующей дальнейшей разработки и доказательства.

³ Varr., III, 7, 1.

⁴ Sen., Epist., 86.

⁵ Marc., Epigram., III, 58, 46—47. Можно быть уверенным, что и на почве древней Греции башни были столь же необходимы, как и в Италии. См. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 125, прим. 5—6 и 7, стр. 126, прим. 1. Попутно отметим, что теносские башни не являются прямой аналогией башен усадеб херсонесских клеров, поскольку последние представляют не изолированные сооружения, а часть этих усадеб.

⁶ IOSPE, I². № 343. Строительство башен в загородных, сельских усадьбах характерно и для востока, на что обратил внимание Л. А. Моисеев. См. выше, гл. 1, стр. 21.

ВИНОДЕЛИЕ III—II ВВ. ДО Н. Э.

Крупные размеры виноградников на клерах, ведущее значение виноградарства в их экономике и в земледелии эллинистического Херсонеса свидетельствуют, что виноградарство было рассчитано на производство вина и являлось базой развитого виноделия. Этот вывод хорошо подкрепляется обнаруженными винодельческими давяльными разной конструкции и размеров, от простейших, в которых сок выдавливался руками, до сложных сооружений с применением прессов и рычагов. Подавляющее количество давлений найдено на Гераклеяском полуострове, что, в свою очередь, еще раз подтверждает ведущее значение виноградарства в земледелии эллинистического Херсонеса. Кроме того, большее или меньшее количество давлений свидетельствует и об урожайности виноградников. Так, Катон пишет: «Когда придешь в усадьбу, посмотри, много ли там прессов и долив; где их мало, знай, что это в соответствии с урожаем»¹.

Сейчас имеется вполне достаточный материал для воссоздания всего процесса работы в винодельнях эллинистического времени. Этот же материал опровергает вывод о наличии в Херсонесе только самых примитивных давлений² и значительно расширяет наши представления о технике этого производства не только для колоний Северного Причерноморья, но и для всего античного мира. Пожалуй, этот материал особенно важен для сопоставления греческой и римской техники виноделия, их взаимосвязи и, по-видимому, зависимости второй от первой. Конечно, последние вопросы уже выходят за рамки настоящей работы и подлежат разбору в специальном исследовании.

Херсонесские винодельческие давяльни могут быть разделены на несколько групп:

1. Небольшие давяльни, на которых сок выдавливался руками.
2. Давяльни, на которых сок выдавливался руками или ногами.
3. Комбинированные давяльни-винодельни, на которых сок выдавливался сначала ногами, а затем прессом, при помощи рычага.
4. Большие винодельни, в которых на одной давяльне сок выдавливался ногами, а затем, вторично, на другой давяльне с помощью рычажного пресса.

Как показывают полевые исследования, это подразделение давлений на четыре группы отнюдь не позволяет делать выводов о различной мощности хозяйства и винодельческого производства на отдельных клерах, ибо на одном клере встречаются различные типы этих орудий.

1. Первая группа давлений в подавляющем большинстве представляет переносные орудия небольшого размера, различной формы. Обычно эти давяльни сделаны из известняковых плоских плит, чаще всего четырехугольной формы. Этот тип представлен давяльней с усадьбы № 2 на Маячном полуострове (рис. 5)³. Давяльня представляет плоскую каменную плиту немного неправильной четырехугольной формы, размером 0,52—0,55×0,40—0,50 м. В центре плиты находится площадка 0,30×0,38 м, вокруг которой вырублен желобок до

¹ Cato, 1, 4, 5.

² Е. Г. Су ров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 115.

³ Крымско-татарское название такой давяльни «тарпан». Название получило широкое распространение и принято даже в специальных археологических отчетах и исследованиях.

0,05 м шириною. С наружной стороны желобок обрамлен бортом по краю плиты, той же высоты, что и центральная площадка. На одном углу сделан сильно выступающий наружу слив для стока выжатого виноградного сока. Виноград (в мешке или корзинке) клался или ставился на центральной площадке. Судя по ограниченным размерам этой площадки, сок из винограда мог выдавливаться только руками. Через стенки и дно корзины или ткань мешка сок стекал в желобок и затем по сливу в сосуд. Кожура и зерна виноградных ягод оставались в корзине или мешке. Большинство таких давлений не имеет выступающего вперед слива — его заменяет простой желоб в одном из углов плиты (рис. 116). Не менее часты давилни без центральной площадки, по существу лишней при таких размерах орудия. Эти давилни представляют как бы плоские каменные корыта с желобками в одном из углов для стока сока (рис. 117). Иногда таким давилням придавалась круглая форма, и тогда они имеют слив (рис. 118). Известен ряд таких небольших давлений, сделанных в крупных камнях или обломках скалы, на виноградниках или рядом с ними на самих клерах (рис. 31).

Небольшие размеры этого типа давлений свидетельствуют, что они не могли иметь какого-либо существенного значения в массовом производстве вина. Однако неоднократные находки таких целых давлений и многочисленных их обломков, по-видимому, указывают на специальное и пока не выясненное их назначение в процессе виноделия. Наличие указанных виноделен на виноградниках позволяет думать, что они, в основном, служили для изготовления виноградного сока для утоления жажды во время виноградного сезона и заготовки его впрок¹. Не исключено, что на этих же давилнях могли приготавливаться специальные вина для лечения различных болезней².

2. Вторая группа давлений по количеству представлена значительно реже, чем первая, и тоже переносными и стационарными орудиями. Одна из таких давлений переносного типа была найдена Н. М. Печенкиным в 1910 г. на одном из клеров Маячного полуострова³. Давильня имеет овальную форму, сделана из известняковой плиты толщиной 0,30 м. Длина ее, через слив, — 1,15 м, ширина — 0,70 м. Центральная площадка давилни имеет в длину около 0,75 м. Ширина желоба вокруг площадки около 0,05—0,06 м. Одна из узких сторон овала заканчивается массивным сливом для стока выжатого сока в сосуд⁴.

Наиболее простой вид стационарного типа второй группы давлений обнаружен и раскопан нами на винограднике клера № 26, участок 12-й. Давильня вырублена в нубикулярневом желваке известняка сарматского яруса и в соответствии с формой материкового выхода скалы имеет в плане полуовальную форму (рис. 119). Давильня не имеет центральной возвышающейся площадки. Внутренняя длина ее около 0,80 м, наибольшая ширина 0,52—0,53 м. Вдоль прямого ее борта, начиная от его середины, на дне давилни площадки сделан глубокий желоб, заканчивающийся стоком у одной из сторон основания полуовала. С наружной стороны давилни, у ее основания, в скале сделано небольшое углубление для установки сосуда для сбора сока, вытекающего из давилни.

¹ Cato., 120.

² Cato., 114, 115, 125, 127.

³ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности страпоновского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, стр. 110, рис. 1.

⁴ Аналогичная давилня по размеру, времени и характеру, но круглой формы обнаружена и на Боспоре. См. В. Д. Блаватский, Земледелие..., рис. 77.

Более сложный и совершенный тип этих давилен может быть представлен двумя вариантами. Они тоже вырублены в материковых выходах скалы и обнаружены М. И. Скубетовым на двух клерах Гераклейского полуострова.

Давильня № 1 обнаружена в Туровской балке, к юго-западу от Херсонеса. Она имеет давящую площадку и резервуар для сбора выдавленного сока (рис. 120). Площадка в виде углубления, в плане неправильной пятиугольной формы. Наибольшая длина ее — 0,78 м; наибольшая ширина — 0,61 м; высота бортов — 0,12—0,15 м. Площадка вырублена аккуратно, борта почти вертикальные. Площадь ее около 0,45 м². Дно площадки имеет уклон к северо-западу, в сторону резервуара для приема сока, отделенного от нее узким бортом (70,125 м) с небольшим отверстием в середине. Давильня не имеет гнезда или каких-либо следов другого крепления рычага пресса.

Давильня № 2 обнаружена к западу от первой, в Стрелецкой балке. Она имеет давящую площадку и резервуар для приема выдавленного виноградного сока (рис. 121). Круглая площадка с плоским дном соединяется открытым желобком в ее борту с резервуаром. Диаметр площадки — 0,80 м, площадь около 0,50 кв. м., глубина — 0,18—0,22 м. Диаметр резервуара — 0,30 м, глубина — до 0,50 м. Давильня вырублена тщательно, но не имеет следов гнезда или каких-либо следов другого крепления рычага пресса.

Учитывая значительную рабочую площадь давилен второй группы (около 0,5 м²), на которую могла быть сложена значительная масса винограда (до 20—30 кг за один прием), производственное назначение их не вызывает сомнения. Однако, судя по размерам, они не могли обеспечить переработку всей массы продукции виноградарников какого-либо клера Гераклейского полуострова. Это же подтверждает и конструкция давилен, на которых выдавливание сока могло производиться либо вручную, либо ногами. Плохо отжатая масса винограда либо должна была переноситься на другую давящую с рычажным прессом, либо уходить в отходы, что значительно отражалось бы на общем выходе вина.

Можно думать, что давящие второй группы имели подсобное значение в винодельческом производстве и были рассчитаны на случай большого урожая, когда основные винодельни не успевали его обрабатывать. Этот вывод подтверждается наличием такой давящей на винограднике клера № 26, на усадьбе которого раскопана большая, хорошо оборудованная винодельня, способная переработать значительные массы винограда.

3. Третья группа давилен-виноделен комбинированного типа была широко распространена в винодельческом производстве Херсонеса античного времени и продолжала существовать на протяжении всего средневековья в горном Крыму, в долинах которого виноградарство получило большое развитие². Размеры давилен этой группы гораздо больше, чем в предшествующей. Еще более существенной отличительной их чертой являются детали крепления рычага прессов для вторичной выжимки винограда. Все известные винодельни этого типа вырублены в материковой скале, зачастую на краю одной из ее террас и, за исключением одной, сконцентрированы на склоне балки над верховьем Карантинной бухты.

¹ Арх. ГХМ.

² Такие давящие известны на Мангун-Кале, под Сюреньским укреплением, у подножия обрыва Качинского ущелья, на правом берегу реки Качи с Качи-каленским пещерным монастырем и в др. местах.

Одна из самых небольших таких виноделен (№ 3) имеет давящую площадку и резервуар для приемки выжатого сока (рис. 122). Четырехугольная площадка углублена в скалу до 0,50 м. Передняя стенка ее представляет узкий борт 0,08—0,10 м шириной, отделяющий ее от резервуара. Высота этого борта значительно ниже остальных стенок площадки и имеет всего лишь 0,12—0,15 м. Такая высота была обусловлена наличием рычага пресса, задний конец которого закреплялся в специальном гнезде, вырубленном в задней вертикальной стенке давящей площадки на той же пятнадцатисантиметровой высоте от дна давяльни. При жиме на передний конец рычага такое соотношение высот позволяло рычагу, а следовательно, и верхней доске пресса принять положение параллельное дну давящей площадки и тем самым создать наиболее эффективное равномерное давление на всю массу винограда на всей площади давяльни. Гнездо, в вертикальном разрезе, имеет фигурную теобразную форму, опрокинутую набок. Очевидно, такая форма гнезда определялась каким-то специальным креплением заднего конца рычага. Вследствие недостаточной высоты задней стенки гнездо немного отодвинуто от ее средней оси к восточной боковой. Соответственно этому в противоположную сторону отодвинут резервуар перед площадкой и соединительный канал для стока сока. В свою очередь, в целях равномерного давления на прессуемую массу, сам рычаг пресса имел косое направление по отношению к осям давяльни.

Резервуар для приемки сока имел в плане круглую форму и округлое дно. Вырублен он на самом краю террасы, которая резко снижается не менее чем на 0,85 м. Как показывают многочисленные примеры, такое расположение давяльни и резкое снижение скалы перед ними специально учитывалось при сооружении виноделен для удобства работы рычагом пресса.

Давящая площадка имела уклон в сторону резервуара и соединительного канала в переднем борту площадки, прорубленного в виде округлого отверстия. Размер площадки—0,97×0,97 м, общая площадь около 1 м². Диаметр резервуара — 0,35 м, глубина—до 0,52 м, объем—около 9 литров.

Давяльня № 4 расположена на склоне той же Карантинной балки, у шоссе, соединяющего г. Севастополь, центр, со Стрелецкой бухтой. Винодельня состоит из давящей площадки и резервуара для приемки сока перед нею (рис. 123). Площадка четырехугольная, боковые стороны немного выгнуты наружу. Резервуар круглой формы, с округлым дном. Площадка и резервуар разделены вертикальным бортом, шириной 0,20—0,27 м и высотой 0,22 м. В борту сделан открытый канал для стока выжатого сока с площадки в резервуар. В противоположной и наиболее высокой стороне площадки вырублено гнездо для крепления заднего конца рычага пресса. Как видно на разрезах, выемка двойная, рассчитанная на два приема прессования: более легкого — первого, когда не требовалось особого усилия, и повторного окончательного, при котором обратное воздействие конца рычага на скалу сильно увеличивалось и требовало соответствующего увеличения запаса прочности, что и достигалось вырубкой нижней заглубленной части гнезда. При этом толщина кромки скалы над концом рычага увеличивалась с 0,12—0,13 м до 0,50—0,55 м¹. Резервуар вырублен на самом краю террасы, которая затем обрывается вниз на высоту 0,50 м под передним концом рычага пресса.

¹ Настоящий вывод сделан уже Е. Г. Суровым; см. ук. раб., Уч. зап. МГПИ, т. XXVIII, вып. 1, стр. 119.

Давильная площадка значительно углублена в скалу. Дно ее имеет скат в сторону резервуара. Размеры площадки: длина — до 1,48 м, ширина — до 1,38 м, площадь немного более 2 м², глубина у задней стенки — 0,90 м. Диаметр резервуара для приемки сока — до 0,75 м, глубина — 0,75 м, объем — около 4,5 дкл.

Винодельня № 5 (рис. 124) обнаружена М. И. Скубетовым в том же районе Карантинной балки. Конструктивно она не отличается от предыдущих. Давильная площадка больше по площади, а соответственно этому крупнее и резервуар для приемки сока. Площадка неправильной четырехугольной формы. Вертикальная стенка площадки, расположенная напротив резервуара, оказалась недостаточно высокой для вырубки гнезда, вследствие чего строители вынуждены были перенести это гнездо на боковую стенку и закрепить рычаг пресса в перпендикулярном направлении по отношению к стоку сока в резервуар². Как мы уже отмечали, по существу это не изменяло конструктивных сторон винодельни. Гораздо важнее то обстоятельство, что уровень скалы у переднего конца рычага пресса такой же, как у дна давящей площадки. Это неоспоримо доказывает отсутствие груза на переднем конце рычага, так как при наличии его рычаг не мог бы прийти в горизонтальное положение и выполнить свою работу.

Канал для стока виноградного сока в виде отверстия в борту площадки заканчивается сливом внутри резервуара. Дно площадки имеет скат в сторону резервуара. Размеры ее: н/б длина — 2,00 м, н/б ширина — 1,98 м, глубина у юго-восточной стороны — до 0,60 м, площадь — 3,4 м². Размеры резервуара — 1,50×0,70 м, глубина от низа канала для стока сока — 0,45 м, объем резервуара — 4,7 декалитра.

Винодельня № 6 (рис. 125) обнаружена М. И. Скубетовым в непосредственной близости от Херсонеса, на его некрополе, у загородного крестообразного храма. Расположение винодельни в указанном месте имеет существенное значение, так как позволяет установить приблизительную дату ее сооружения. Участок некрополя вокруг загородного храма покрыт многочисленными могилами, которые расположены рядами и группами настолько близко друг к другу, что неоднократно перекрывают одна другую. Мало вероятно, чтобы при таком интенсивном использовании этой территории под некрополь здесь же находилась и функционировала винодельня, не говоря уже о несовместимости в одном месте двух столь разнообразных памятников.

Анализ погребальных сооружений и погребений показывает, что этот участок занят некрополем с начала нашей эры. Более ранние погребения на нем не обнаружены. Это позволяет думать, что открытая М. И. Скубетовым винодельня относится ко времени, предшествующему расширению городского некрополя на этот участок, а следовательно, датируется эллинистическим временем. Вероятность этого вывода, мы бы даже сказали — правильность этого вывода, находит подтверждение в дате винодельни № 8², раскопанной нами в 1956 г. на этом же склоне Карантинной балки, в 300—350 метрах к югу от винодельни № 6. Винодельня № 8 расположена на территории пригородного Херсонесского поселка, несомненно III—II вв. до н. э.³, что позволяет датировать и винодельню этим же временем⁴.

Винодельня № 6 конструктивно не отличается от предшествующих,

¹ Обстоятельство, правильно замеченное Е. Г. Суворым, см. ук. раб., стр. 117.

² См. ниже стр. 120 и сл., 129 и сл.

³ С. Ф. Стржелецкий. Раскопки 1939 года у Карантина, вблизи Херсонеса Таврического, Хсб., вып. IV, стр. 51 и сл., Крымиздат, 1948.

⁴ К не менее важному вопросу, связанному с концентрацией виноделен в указанном районе, мы вернемся ниже, см. стр. 129 и сл.

что отчетливо видно на прилагаемом плане и разрезах (рис. 125). Давильная площадка имеет четырехугольную форму. Резервуар для принятия виноградного сока — круглый, с плоским дном. Стенки давящей площадки либо разрушены в более позднее время, либо надставлялись деревянным коробом или каменной кладкой. Во всяком случае, М. И. Скубетовым не зафиксировано никаких следов крепления заднего конца рычага пресса. Рядом с давящей площадкой, к юго-западу от нее, на чертеже указан четырехугольный выруб в скале размером 1,25×0,65 м. Учитывая расположение винодельни на некрополе, не исключено, что это углубление могло быть одной из могил и не имело связи с винодельней.

Размеры давящей площадки: длина 1,80 м, ширина — 1,20 м, п/б сохранившаяся глубина — 0,24 м, площадь — 2,2 м². Размеры резервуара: диаметр — 0,60 м, глубина — 0,25 м, объем — 2,8 дкл.

Последняя винодельня № 7 (рис. 126) обнаружена М. И. Скубетовым в восточной части Гераклеийского полуострова, на левом склоне глубокой Килен-балки. Винодельня имеет прямоугольную давящую площадку и полукруглый резервуар с южной стороны для сбора виноградного сока. С этой же стороны перед винодельней скала выровнена в виде четырехугольной площадки, по-видимому, для удобства работы. Давильная площадка имеет скат в сторону резервуара, а в южном борту ее сделано круглое отверстие для стока сока. Канал со стороны резервуара заканчивается массивным сливом, выступающим внутрь резервуара. По бокам, на расстоянии 0,42—0,45 м от стенок, давящая площадка имеет по одному длинному вырубам, которые тянутся параллельно стенкам площадки. Ширина вырубов — 0,20 м, глубина около 0,10—0,12 м. Вероятнее всего, эти вырубы служили для закрепления горизонтальных лежней. Учитывая конструкцию крепления заднего конца рычага пресса в винодельне усадьбы клера № 26¹, можно предположить, что на концах этих лежней с задней стороны давящей площадки мог закрепляться поперечный деревянный брус, на котором, в свою очередь, закреплялся конец рычага давящего пресса.

Размеры давящей площадки: длина — 1,87 м, ширина — 1,55 м, глубина — до 0,38 м, площадь — 2,9 м². Размеры резервуара: 0,95×0,63 м, глубина 0,60 м, объем — около 3,5 дкл. Размеры площадки перед давящей — 5,00×1,50 м.

Как видно из прилагаемой таблички, рабочая площадь давящих площадок этой группы виноделен достигает значительных размеров: от 2 до 3,4 м² каждая.

№ виноделен	Размеры давящей площадки (в метрах)	Их площадь (в кв. метрах)	Объем резервуаров (в декалитрах)
3	0,97 × 0,97	ок. 1	ок. 1
4	1,48 × 1,38	больше 2	ок. 4,5
5	2,00 × 1,98	3,4	4,7
6	1,80 × 1,20	2,2	2,8
7	1,87 × 1,55	2,9	3,5

Исключение составляет только одна винодельня № 3, рабочая площадь которой достигает только одного квадратного метра. Размеры давящих площадок в ряде случаев не уступают размерам таких

¹ См. ниже, стр. 125

же площадок в подзнеантических более усовершенствованных винодельнях Херсонеса¹ и Боспора². На таких площадках за один прием пресовался не один десяток килограммов винограда. Таким образом, производственное значение этих виноделен не может вызывать сомнения. Это же подтверждается объемом резервуаров, рассчитанных на прием 3—4,5 дкл виноградного сока, который в процессе работы непрерывно переливался в крупную тару — пифосы. Это же подтверждается наличием рычажных пресов и участием в процессе не менее трех рабочих. Помимо подносчиков винограда на винодельню.

На этом, временно, мы вынуждены остановиться в выводах по этой группе виноделен, поскольку правильное понимание их, воссоздание процесса виноделия и самих давлен могут быть лучше выполнены на материалах последней группы.

4. В четвертую группу входят большие винодельни, наиболее усовершенствованного типа. К ней относятся две винодельни эллинистического времени, раскопанные нами в 1956 году. Одна из них, винодельня № 8, расположена на склоне Карантинной балки над верховьем одноименной с нею бухты, в небольшом пригородном поселении III—II вв. до н. э.³ Она состоит из двух давящих площадок и резервуара для сбора виноградного сока (рис. 127). Все сооружение вырублено на краю террасы материковой скалы, аналогично винодельням предшествующей группы. Давильные площадки (четырёхугольные в плане) расположены рядом и разделяются одна от другой узким бортом, вырубленным в скале вдоль их длинных смежных боковых сторон. Северная площадка меньше южной, дно ее расположено выше дна второй и имеет скат к юго-западному углу, в котором прорублен канал. По этому каналу выдавленный виноградный сок стекал на южную площадку, а оттуда по каналу уходил в резервуар. Таким образом, обе давящие площадки имели один общий резервуар для сбора сока.

Южная давящая площадка является повторением таких же площадок предшествующей группы виноделен. Передняя ее сторона ограждена невысоким бортом, в середине которого, у дна площадки, вырублен круглый закрытый канал, соединяющий площадку с резервуаром. С наружной стороны канал заканчивается сливом, выступающим в резервуар. По сторонам канала на верхней части борта сделано по одной неглубокой вырубке длиной 0,40 м каждая. Учитывая характер вырубок и их расположение по сторонам канала, над которым находился массивный брус — рычаг прессы, нам эта деталь представляется в следующем виде. В вырубках на борту закреплялись плоские толстые доски, верхний край которых был выше борта над каналом. На этих досках закреплялась третья толстая доска или брус, который перекрывал среднюю часть борта давящей площадки с каналом. Между перекрывающей доской и бортом оставался зазор, который предотвращал

¹ Г. Д. Белов. Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, № 2, стр. 225 и сл.

² В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1947). КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 34 и сл., рис. 13 и 14. Его же, Земледелие..., стр. 147 и сл., рис. 72—76. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.-Л., 1949, стр. 104 и сл. Его же. Раскопки Тиритак в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 27 и сл., рис. 15, 16, 21 и 22. Его же. Боспорские города Тиритак и Мирмекия на Керченском полуострове. ВДИ, 1937, № 1, стр. 226—234. Его же. Раскопки Мирмекия и Тиритак, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 303 и сл. Его же. Итоги раскопок Тиритак и Мирмекия. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 89 и сл. В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Левин, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной части Мирмекия в 1934 г., МИА, № 4, 1941, стр. 113 и сл.

³ Винодельня была обнаружена еще в 1939 году. См. С. Ф. Стрелецкий. Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического, Хсб., вып. IV, стр. 62, № 1, Крымиздат, 1948.

шал разрушение борта и канала рычагом пресса при сильном нажиме на его передний конец. Конечно, мы не настаиваем на подобном толковании, несмотря на его правдоподобность.

Наличие рычага у южной давяльной площадки определяется сохранившейся основой крепления его заднего конца и основой деревянной конструкции, при помощи которой этот рычаг приводился в действие. Низкая задняя сторона площадки не позволяла вырубить надежное гнездо для крепления рычага, как мы это наблюдали в ряде давлен предшествующей группы. В связи с этим задача была решена строителями другим, не менее простым способом. По средней оси давяльной площадки, позади ее задней стенки и над нею, в материковой скале было вырублено массивное кольцо, служившее основой крепления заднего конца рычага при помощи каната. Наличие вырубков в скале рядом с каменным кольцом свидетельствует об устройстве каких-то дополнительных деревянных креплений рычага.

Не менее оригинально устройство механизма, при помощи которого рычаг пресса оттягивали книзу. Как видно на плане, за резервуаром для сбора виноградного сока по линии рычага в скале сделан глубокий и довольно узкий выруб, пересекающий наружный край террасы, на которой сделана винодельня. Между вырубом и задней стороной резервуара сделана небольшая площадка с тремя углублениями. Первоначально, под влиянием аналогии винодельни на усадьбе клера № 26, нам казалось, что, как и в последней, рычаг пресса винодельни № 8 оттягивался вниз при помощи каменного груза, для которого и был устроен выруб за резервуаром. Однако детальный осмотр винодельни и обмеры заставили нас отказаться от этого предположения.

В боковых стенках выруба за резервуаром имеются две детали. В нижней части этих стен, примыкая к углам выруба, находятся два вертикальных широких пазы, верхние края которых оббиты, обтерты и приняли округлую форму. На северной стенке выруба вертикальный паз соединяется с горизонтальным. Не вызывает сомнения, что и эти пазы были предназначены для крепления какой-то деревянной детали пресса, которую мы предлагаем воссоздать следующим образом. Судя по ширине вертикальных пазов (0,18 м), расположенных один против другого на одной высоте, они могли служить для крепления массивной детали, вероятнее всего, круглого бруса, концы которого и запускались в эти пазы. Очевидно, что такую деталь согнуть нельзя. Для того чтобы впустить оба конца этого бруса в вертикальные пазы, к одному из них сделан еще горизонтальный, по которому заводился один конец бруса в вертикальный паз.

По расположению деревянного поперечного бруса у подошвы основного выруба и судя по оббитости и потертости верхних частей вертикальных пазов, очевидно, что сопротивление бруса было рассчитано против силы, действующей на него сверху. Мы полагаем, что эта сила возникала в результате сопротивления переднего конца рычага пресса, оттягиваемого вниз канатом. Такое оттягивание вниз рычага производилось если не при помощи полиспада, то, во всяком случае, системой двух блоков, свободно закрепленными гаками — один на переднем конце рычага пресса, второй на нижнем брус. Необходимо подчеркнуть, что свободное крепление переднего конца рычага пресса обусловлено конструкцией последнего и самим процессом работы.

В этом отношении восстановление херсонесской давяльни, предложенное Е. Г. Суровым, с технической и практической точки зрения просто неприемлемо. На указанной схеме большой каменный груз закреплён намертво на переднем конце рычага. В результате такого креп-

ления все детали пресса находятся в постоянном напряжении, что неизбежно должно было приводить к преждевременному износу канатов, рычага, всех креплений гнезда, в котором закреплялся задний конец рычага, и т. д.¹ При очередной закладке винограда под пресс, чтобы освободить его верхнюю доску, приходилось бы поднимать высоко весь рычаг с привешенным к нему грузом (такой груз на винодельне усадьбы клера № 26 весит не меньше одной тонны). Не приходится говорить, что работающие на винодельне постоянно находились бы под угрозой увечья или даже смерти. Не может быть сомнения, что после окончания очередного прессования рычаг освобождался от груза, легко вынимался из гнезда заднего крепления и откладывался в сторону, освобождая давящую площадку для уборки выжимок и производства всех промежуточных операций между прессованиями.

Техническая четкость всей конструкции винодельни № 8 позволяет проследить весь процесс виноделия. Первоначально виноград поступал на северную давящую площадку без прессы: здесь давяльщики, или часть из них, ногами выжимали первый сок (*mustum lixivum*)², который по каналу сбегал на южную площадку, а оттуда в резервуар.

Размеры площадки показывают, что топтание винограда производилось, по крайней мере, двумя давяльщиками. Отжатый таким образом виноград перекадывался на южную площадку, прямо на ее дно. Не исключено, что на первом этапе такое топтание производилось на двух площадках сразу, затем только на верхней. Выдавливание первого сока ногами могло производиться несколько раз, пока не накапливалось достаточное количество первоначальных выжимок под прессом. Первый сок из резервуара вычерпывался и переливался в пифосы.

На выжимки накладывалась сверху деревянная доска прессы³, закреплялся задний конец рычага, передний его конец соединялся блоками с механизмом для оттягивания рычага вниз, и начиналось первое прессование первичных выжимок. Полученный при этом сок (*mustum tortivum*) шел на изготовление второго сорта вина. Во время прессования из-под верхней доски, вследствие давления, часть выжимок выдавливалась. Их обрезали ножом и прессовали в третий раз⁴, полученный при этом сок (*tortivum mustum circumcidanaem*) шел на изготовление низшего сорта вина или поровну разливался по всем пифосам с соком первых двух прессований⁵. У «хороших» хозяев процесс изготовления «вина» на этом не заканчивался. Выжатая виноградная кожура складывалась в пифосы, промывалась и вновь прессовалась. Получался «напиток» — *loga* (виноградные ополоски), подправленный винным отстоем и подслащенный отходом, полученным при варке

¹ Е. Г. Суворов. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, т. XXVIII, вып. 1, 1941, стр. 119, рис. 4. Первая схема восстановления херсонесской винодельни принадлежит F. Dubois de Montpéroux. Ук. раб. Atlas. IV série, табл. XXVI b, рис. 16. Эта упрощенная схема лежит в основе воссоздания давяльни, предложенного Е. Г. Суворовым.

² Cato., 112, 3; единственный случай, когда Катон упоминает выжимание сока винограда ногами. М. Е. Сергеевко в комментариях к этому месту указывает, что «давить виноградный сок начинали неизменно таким образом» (Марк Порций Катон. Земледелие. Комментарии, стр. 198. М. — Л., 1950). Эта же общеантичная практика отчетливо прослеживается в херсонесском виноделии.

³ Cato., 18, 8; «Делай доску (*orbis*) из вяза или ореха: если имеешь оба — клади их попеременно».

⁴ Varr., 1, 54, 3: «Когда сок перестает течь из-под прессы, то некоторые обрезают выжимки, вылезшие из-под прессы, опять жмут их, а то, что выжато, называют обрезным» и сливают его отдельно, потому что он пахнет железом».

⁵ Cato., 23, 4.

дефрута или сапы¹. Этим поистине отвратительным напитком поили рабов в течение трех месяцев после его изготовления, а затем заменяли «вином»² столь же омерзительного качества, как и *loga*³.

Окончательно отпрессованные свежие выжимки размельчались посредством протирания их через решето, высушивались, складывались в пифос, отверстие которого тщательно замазывали. Приготовленные таким образом, они служили кормом для волов в зимнее время⁴. На виноградишке в 100 югеров, что соответствует площади клеров III—II вв. до н. э. на Гераклеийском полуострове, Катон считал необходимым иметь на усадьбе 20 пифосов для таких выжимок⁵.

Виноград давили ежедневно⁶, в основном на протяжении второй половины сентября и в течение октября⁷. Выжатый сок ежедневно и поровну разливали по пифосам. В зависимости от сорта изготовляемого вина, в соответствии с античной рецептурой, в него добавляли различные примеси: мед, соль, дефрут, мрамор, морскую воду и проч. Во время брожения вылавливалась всплывающая на поверхность виноградная кожура, удалялась плесень. Через 30 дней, после окончания основного брожения, вино процеживалось, отделялся винный отстой, пифосы закрывались крышками и замазывались⁸.

Во время случайных раскопок винного склада VI—VII вв. н. э. на Северной стороне города Севастополя были найдены остатки фильтра для процеживания вина⁹. Фильтры этого типа в виде мата, сплетенного из шерсти, неизвестны по письменным источникам античного времени, что не исключает, тем не менее, возможности их существования в Северном Причерноморье уже в эллинистическое время. В разные сроки, по-видимому, в зависимости от сорта вина, оно разливалось из пифосов по амфорам, в которых и выдерживалось разными способами¹⁰.

Последняя винодельня, на которой мы остановим внимание, открыта в 1956 году на усадьбе клера № 26 и всем комплексом археологических находок датируется II в. до н. э. (рис. 128 и 129). Бесспорность своей даты и прекрасной сохранностью она выделяется среди остальных виноделен не только Херсонеса, но и всего Северного Причерноморья в целом (рис. 107). Винодельня занимает большое помещение 3, расположенное в хозяйственной части усадьбы, в ее южном углу, в наиболее удаленном месте от скотного двора. Длина помещения — 8,06 м, ширина — 3,63 м. Длина помещения, по-видимому, определялась длиной рычага пресса.

Винодельня имела две давяльные площадки. Обе они расположены рядом, почти вплотную одна к другой, в юго-восточном конце помещения. Одна из них служила для выдавливания сока из винограда при помощи ног, другая являлась основанием пресса. Первая площадка (рис. 130) сделана из громадного плоского прямоугольного камня, положенного в восточном углу винодельни. Длина ее — 2,16 м, ширина — 1,28 м, толщина — 0,25 м. Давильня положена с очень большим на-

¹ Cato., 25 и 57; Varr., 1, 54, 3; Colum., 6, 3, 4.

² Cato., там же.

³ Cato., 104.

⁴ Cato., 25; Colum., 6, 8, 4—5.

⁵ Cato., 11, 1.

⁶ Там же.

⁷ Colum., 11, 2, 67; Varr., 1, 34, 2. Этот срок зафиксирован римскими авторами на основании опыта виноделов древней Италии. Судя по существующей в настоящее время практике, он имел силу и в виноделии античного Херсонеса.

⁸ Вышеприведенный и краткоизложенный процесс дан по Катону (Cato., гл. 23, 24, 26, 104, 105, 106, 109, 110, 112—115 и др.).

⁹ См. ниже, стр. 141, рис. 137.

¹⁰ Cato., 105 и 113.

клоном в сторону стока выжимаемого сока, передний конец ее на 0,24 м ниже заднего. Рабочая площадка давяльни углублена в камне на 0,05 м. Ее длина — 1,60 м, ширина — 0,77 м, площадь — 1,2 м². Судя по незначительной высоте бортов площадки, на нее при работе, по-видимому, ставился большой ящик без дна, в котором и давили виноград.

Передний борт имеет широкий канал той же глубины, что и рабочая площадка. Ширина его 0,10—0,11 м. Канал резко обрывается по переднему краю давяльни и не имеет обычного слива, предотвращающего затекание сока под давяльню. По-видимому, из-за недостаточной длины плиты, каменный слив был заменен деревянным лотком, вставившимся в специально сделанную прорезь в тонкой передней стороне давяльни, как раз под каналом на ее верхней плоскости. Перед давяльней под лотком в земляном полу винодельни обнаружена округлая яма, заходящая под передний конец давяльни, в котором находился крупный чановидный сосуд для приемки выжатого сока. Обломки этого чана найдены в яме и на полу винодельни (рис. 131).

Особенно интересна вторая давяльная площадка (рис. 128, 129, 132), сделанная из громадной прямоугольной каменной плиты. Длина давяльни — 2,40 м, ширина — 1,25 м, толщина — 0,45 м. Давяльня расположена рядом с первой давяльней для выдавливания сока ногами. Слив ее обращен в ту же сторону, что и у первой. Между задней стороной давяльни и юго-восточной стеной винодельни оставалось свободное пространство шириною 1,60 м, на котором обнаружен фундамент крепления заднего конца рычага пресса.

Давяльня имеет прямоугольную рабочую площадку с выступами на углах и желоб вокруг, который по краю давяльни ограничен бортом. Аккуратно вытесанный, красивой формы слив расположен в середине переднего края. Канал слива на 0,04 м глубже желоба давяльни. Длина рабочей площадки — 1,84 м, ширина — 0,72 м, площадь — 1,3 м². Ширина канала по дну от 0,05 до 0,15 м, глубина его — 0,06 м. Длина слива почти 0,40 м.

Заслуживают внимания конструктивные детали рабочей площадки. Как видно на чертежах и фотографии (рис. те же), боковые ее грани в сторону канала не вертикальны, а наклонны, в то время как наружные борта желоба строго вертикальны. На углах сделаны выступы. На первый взгляд, эти детали воспринимаются только как декоративные. Фактически это далеко не так. Учитывая мощность пресса с грузом около тонны весом и малую глубину желоба вокруг рабочей площадки, можно почти не сомневаться, что и на этой давяльне во время прессования ставился деревянный ящик без дна, в который складывались выжимки с первой давяльни. Несомненно, размеры ящика определялись размерами рабочей площадки по ее основанию, по дну желоба. Вследствие этого боковые грани площадки создавали зазор вокруг нее, что способствовало свободному выходу сока из-под пресса и из ящика в желоб, а оттуда по сливу в резервуар. Еще больше этому способствовали боковые выступы площадки вдоль длинных ее сторон, увеличивающие этот зазор.

Перед давяльней, под сливом, как и у первой, находилась большая яма, выкопанная в полу винодельни, в которой находился большой глиняный чан для приемки сока. Обломки чана обнаружены в яме и на полу давяльни.

Как мы уже отмечали, позади давяльни обнаружен фундамент крепления заднего конца рычага пресса. Перед давяльней, на расстоянии 2,10 м, находится четырехугольная яма с грузом этого же ры-

чага. Благодаря этому устанавливается наличие самого пресса и, что не менее важно, вся его конструкция.

Фундамент заднего крепления представляет две стены, сложенные в полу винодельни, ниже его уровня. Стены сложены поперек продольной оси давилни, но параллельно рычагу пресса. Так как фундамент сделан в виде длинных стен, а не столбов, строителями, по-видимому, предусматривалось распределение нагрузки на максимально большую площадь. Учитывая это, вероятнее всего предположить поперек этих фундаментов продольные балки, на которых закреплялся поперечный массивный брус, служивший опорой для заднего конца рычага пресса. В свою очередь, этот конец рычага сверху должен был зажиматься вторым поперечным брусом, связанным на концах с нижним и, возможно, дополнительно закрепленными вертикальными стойками. Во всяком случае, основа конструкции не вызывает сомнения и подтверждается конструкцией крепления рычага в винодельнях предшествующей третьей группы (винодельни № 3—7) и винодельни этой же группы (№ 8), у которых мы наблюдали вырубленные в скале гнезда или кольца на небольшой высоте над рабочей площадкой давилни.

Необходимое давление на прессуемую массу виноградных выжимок обеспечивал груз, закреплявшийся на переднем конце рычага. Грузом служил громадный камень в виде вертикально поставленного параллелепипеда (рис. 128, 129, 133). Вес груза около тонны. Его высота 1,25 м, ширина — 0,80 м, толщина — 0,70 м, объем — 0,70 м³. Груз был расположен на одной оси с серединой давилной площадки, ее сливом и креплением заднего конца рычага пресса. Для приведения в действие такого груза (его поднимали вверх) необходима была мощная обвязка, конструкция которой хорошо прослеживается на камне в виде пазов и гнезд для деревянных шипов. По оси рычага, посередине узких сторон параллелепипеда и на всю их высоту, строго один против другого, вырублены два паза для боковых вертикальных брусьев. шириною 0,18 и глубиною 0,08 м.

Несомненно, что толщина брусьев была значительно больше глубины пазов, которые предотвращали соскальзывание груза в стороны. Нижние концы боковых брусьев связывались горизонтальным брусом, утопленным в глубоком пазу нижней стороны груза по средней его оси, соответствующей оси рычага пресса. Глубина паза 0,20 м, а ширина всего лишь 0,10 м. Таким образом, нижний брус закреплялся «на ребро» по отношению к силе тяжести. Глубина паза вызвана необходимостью утопить нижний брус в камень, чтобы не повредить его при опускании груза на землю. Этот брус нес две функции: подхватывал груз снизу (нес на себе часть его веса) и, главным образом, не давал расходиться в стороны нижним концам брусьев вертикальной обвязки.

Вес груза был настолько значителен, что никакие шипы, связывающие нижний брус с вертикальным, не могли его удерживать. Чтобы груз не выскальзывал, в плоскости каждого из его вертикальных боковых пазов сделано по два глубоких гнезда квадратного сечения, перпендикулярных направлению действия силы тяжести. Глубина гнезд — 0,10 м, сечение — 0,06 м. Попарно эти гнезда расположены друг против друга на противоположных сторонах груза. Соответственно в вертикальных брусьях обвязки должны были находиться отверстия того же сечения, через которые в гнезда, вырубленные в грузе, забивались массивные шпильки из твердого дерева¹. Эти-то шпильки и несли на себе основную тяжесть груза.

¹ Никаких следов окиси металла в гнездах не наблюдается.

На верхней плоскости груза паз отсутствует за ненадобностью. Верхний продольный брус испытывал незначительное напряжение и служил только для крепления верхних концов боковых брусьев, не давая им расходиться или вырваться из боковых вертикальных пазов в грузе. Тем не менее, для того, чтобы он не смещался в сторону, его закрепляли в центре узкой шпилькой, для которой в верхней плоскости груза вырублено соответствующее гнездо. В результате получалась прочная обвязка, при помощи которой можно было тянуть груз кверху. Вместе с этим очевидно, что канаты могли крепиться только к вертикальным брусьям обвязки.

Для того чтобы пресс мог действовать и оказывать необходимое давление на виноградные выжимки на давяльной площадке, груз необходимо было опускать ниже ее уровня. В соответствии с этим для груза в полу винодельни сооружена большая четырехугольная яма $1,80 \times 1,20$ м, глубиною 1,10 м. Как видно на разрезе (рис. 129), опущенный в яму груз приводил рычаг пресса в горизонтальное положение, т. е. наиболее эффективное для прессования. Одновременно мы получаем дополнительные данные для определения высоты крепления заднего конца рычага над давяльной площадкой. Конечно, при таком размере и весе груза он мог подтягиваться кверху, точнее к рычагу пресса, только при помощи канатов и блоков. Поскольку у переднего конца рычага на полу винодельни нет никаких следов от столбов или креплений каких-либо стоек (stipes), в соответствии с описанием пресса у Катона¹, можно думать, что крепление канатов и блоков производилось к потолочной балке, по-видимому, специально усиленной для такого случая.

На примере этой винодельни особенно ясно, что груз не закреплялся «намертво» к рычагу пресса, что после окончания очередного прессования его опускали на дно ямы и уже освобожденный рычаг поднимали кверху, освобождая верхнюю деревянную доску пресса и рабочую площадку давяльной.

Заканчивая описание винодельни, отметим большой пифос, закопанный наполовину в ее полу у северо-восточной стены, рядом с ямой для груза, и неясное сооружение в виде каменной скамьи (?) у северо-западной стены. Судя по тому, что пифос лопнул уже в древности и был стянут свинцовыми скрепками, он мог служить в винодельне скорее всего для складывания отжатых виноградных выжимок. Сложнее определить назначение сооружения у северо-западной стены. Высота «скамьи» 0,50 м. Под средней каменной ее плитой на оси рычага пресса имеется пуста. По этой же оси плита дала поперечную трещину, несомненно, вызванную какой-то основательной нагрузкой. Все это заставляет предполагать какую-то связь этой «скамьи» с самим прессом или его деталью.

Позволим себе, только в порядке предположения, дать следующее объяснение этой «скамьи». Длина рычага пресса приблизительно равна 5,70—5,75 м. Когда прессование заканчивалось, груз опускали в яму и освобождали рычаг. Последний, приподнятый кверху за передний конец, все равно мешал работать на давяльной площадке, ибо задний его конец поднимался очень незначительно, находясь в гнезде крепления.

Очистка давяльной площадки от выжимок, основательно спрессованных в ящике, была бы нелегким делом, а, самое главное, занимала бы много времени и задерживала бы сам процесс виноделия. Гораздо выгоднее было снять ящик, освободить выжимки и удалить их без труда

¹ Cato., 18 и 19.

с площадки одной прессованной плитой, поставить обратно ящик, засыпать его выжимками с первой давяльной площадки и вновь приступить к прессованию. Однако удалению ящика мешал рычаг. Нам кажется поэтому, рычаг тоже вынимался из гнезда и откладывался. И не просто откладывался, а оттягивался вперед, освобождая всю давяльную площадку.

Если оттянуть рычаг вперед до самой северо-западной стены, то при его длине в 5,70 м он как раз укладывался передним концом на «скамейку», а задним на передний край давяльной площадки, полностью освобождая ее рабочую площадку. Может быть, этим и объясняется трещина в плите скамьи, на которую опускали и, конечно, роняли конец массивного рычага. Может быть, при этом же была обломана часть слива давяльной площадки задним концом этого же рычага.

Можно быть уверенным, что подобные же винодельни находились на всех клерах Гераклеийского полуострова. Они ждут только заступа археолога. Во всяком случае, такая же винодельня находилась на основном комплексе раскопок в балке Бермана¹, где найден *in situ* такой же громадный груз. Подобная винодельня была, а может быть и есть, на усадьбе клера № 31, рядом с башней которой лежал громадный тарапан-давяльня, зарисованный в 20-х годах Н. М. Янышевым (рис. 134).

Сопоставление винодельни на усадьбе клера № 26 с винодельней и прессом, описанными Катон², вскрывает значительное их различие. Возможно, отражающее отличие греческих виноделен от итальянских, а может быть, выходящее северпричерноморский или даже херсонесский тип этих сооружений. Последнее предположение очень заманчиво, если учесть остальные шесть виноделен Херсонеса, вырубленных в скале. Мы уже не говорим о десятках виноделен этой же конструкции раннесредневековой поры юго-западного Крыма, всегда тесно связанного с Херсонесом. Ясно, что решение этих важных вопросов является задачей специального исследования и не может быть осуществлено в настоящей работе.

Однако, несмотря на отличие нашей винодельни от катонской, мы, по-видимому, не ошибемся, если предположим, что описанная Катон² давяльня для изготовления масла рассчитана на переработку продукции масличного сада в 240 югеров³ а винодельня соответствует винограднику в 100 югеров⁴. Размеры последней близки размерам клера № 26 (28 га). Судя по описанию и археологическим аналогиям⁵, катонская винодельня относится к крупным сооружениям этого типа. К этой же категории относится и винодельня на клере № 26, что подтверждается большими размерами его виноградника. Об этом же свидетельствуют размеры рычага пресса, достигающие в длину 5,70 м и совпадающие с размерами самых длинных рычагов, о которых говорит Катон⁶.

Вторая существенная особенность этой большой и, по-видимому, наиболее совершенной для своего времени винодельни заключается в том, что на ней очень четко прослеживаются основные операции самого винодельческого процесса, начинающегося с выдавливания из виногра-

¹ К. Э. Гриневич. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района. Журнал «Крым», № 2(10), М.—Л., 1929, стр. 48, рис. 2.

² Cato., 18 и 19.

³ Cato., 18 и 10.

⁴ Cato., 19 и 11.

⁵ Например, винодельни в вилле под Боскорреале или в вилле в долине Сарно.

⁶ Cato., 19, 2: «Самые длинные рычаги — 18 футов» (ок. 5,40 м).

да первого сока ногами, несмотря на наличие пресса, и подтверждающего общую для всего античного мира практику¹.

Третья, не менее важная черта этой винодельни заключается в хорошей сохранности всех основных деталей конструкции виноградного пресса, позволяющей почти с абсолютной технической точностью восстановить весь облик пресса и его мощность. В этом отношении материалы винодельни в значительной степени будут способствовать дальнейшим исследованиям истории и техники античного виноделия².

Не менее важна эта винодельня и для воссоздания всего процесса виноделия и прессов на херсонесских винодельнях третьей группы, к которой мы теперь и вернемся. Такая попытка облегчается наличием винодельни № 8, которая хотя и относится к последней группе их в Херсонесе, но, в известной степени, является промежуточной между третьей группой и винодельней на клере № 26. Такое ее положение обусловлено тем фактом, что у нее хотя и разделено выдавливание виноградного сока ногами и при помощи пресса между двумя давящими площадками — южной и северной, однако **одновременность работы** на обеих площадках исключена, поскольку первый сок, выдавленный ногами, пропускаясь через площадку для пресса, а оттуда в один резервуар для обеих площадок.

Конечно, если винодел не заботился о разделении двух сортов сока и смешивал его, то тогда обе площадки непродолжительное время, от одного до другого переключаясь первичных выжимок под пресс, могли работать одновременно. Но даже при отказе от отделения одного сорта сока от другого, в силу характера самого процесса на обеих площадках и взаимозависимости их, они поочередно должны были проставать.

Учитывая изложенное, можно прийти к следующим выводам по третьей группе херсонесских виноделен:

1. Винодельческий процесс на них мог иметь те же этапы, что и на больших винодельнях следующей группы (винодельня № 8 и на клере № 26). Первоначально сок из ягод выдавливался ногами, а затем, как только первичные выжимки накапливались на давящей площадке, их отжимали при помощи пресса.

2. Оба способа получения сока осуществлялись на одной и той же рабочей площадке с соблюдением очередности, что должно было приводить к известной потере времени в горячую пору уборки винограда.

3. Как мы уже отмечали, размеры давящих площадок, несомненно, выявляют их производственный характер. Сопоставление этих площадок с давящими в винодельне № 8 и на клере № 26, даже при чередовании двух способов выжимания сока, позволяет отнести их к винодельским предприятиям по меньшей мере среднего, если не крупного масштаба³.

4. Конструкция прессов этой группы повторяет конструкцию их в

---

¹ В этом отношении мнение Е. Г. Сухова относительно вытеснения первого жима винограда ногами жимом при помощи пресса не соответствует данным ни херсонесской, ни общеантичной практики. Тем более это относится к объяснению сосуществования обоих способов отсталостью или мелкими размерами хозяйства. Е. Г. Суков, ук. раб., МГПИ, т. XXVIII, вып. 1, стр. 114.

² Среди последних отметим явно неудачную попытку воспроизведения катонковского пресса, изданную Биллардом и Блюмнером. Из новейших работ, известных нам, по исследованию античных давлений заслуживает быть отмеченным труд Драхмана (Drachmann, Ancient oil milk and presses, 1932), в котором приводятся источники и значительная литература вопроса.

³ Исключение составляет только винодельня № 3.

четвертой группе¹. Резкое снижение скалы за резервуарами под передним концом рычагов пресса позволяет думать, что прессование винограда происходило под тяжестью груза, который при этом топился в естественном углублении позади резервуара. Однако в двух винодельнях (№ 5 и 7) уровень скалы у переднего конца рычага один и тот же, что и у давяльной площадки под самим прессом. Можно думать, что в этих двух случаях применялись другие способы оттягивания рычага книзу. Но отсутствие на скале следов крепления какого бы то ни было приспособления для этой цели лишает нас возможности сказать что-нибудь определенное по этому вопросу.

5. Винодельни третьей группы несомненно менее совершенны, чем четвертой. Однако предположить более раннее их происхождение нет фактических оснований. К тому же это мало вероятно, если учесть, что время широкого развития виноградарства — максимум рубеж IV—III вв. до н. э. Несомненно, что винодельня № 8 с двумя площадками и винодельни № 3, 4, 5 и в особенности 6 продолжали существовать и во II в. до н. э. Вокруг каждой давяльной площадки находится чистая скала, в которой не составляло никакого труда вырубить вторую площадку для давки винограда ногами не только при первоначальном сооружении винодельни, но и в любое последующее время в порядке ее усовершенствования.

Так же как и для первых двух групп херсонесских виноделен, и для третьей группы необходимо вскрыть конкретные экономические и другие причины, которые обуславливали сосуществование этой группы виноделен как с более, так и менее совершенными.

На этом мы закончим рассмотрение херсонесских виноделен и усиленную попытку воссоздать винодельческий процесс, а также виноградные прессы. Остановимся только еще на одном вопросе, который, главным образом, освещает уже экономическую сторону виноделия. Однако, поскольку он позволяет в порядке предположения дать хотя какой-нибудь ответ на вопрос, поставленный нами выше, мы рассматриваем его в настоящей главе.

Еще в 1939 году мы провели небольшие охранные раскопки у самого верховья Карантинной бухты². Этими раскопками был обнаружен пригородный херсонесский поселок с прилегающим к нему небольшим могильником. Как поселение, так и могильник датируются III—II вв. до н. э. Раскопано было всего лишь два больших кладовых помещения и шесть могил. Тогда же была замечена, предположительно, винодельня³, раскопанная затем в 1956 году (винодельня № 8, см. выше, стр. 120, рис. 127). В настоящее время, в свете послевоенных раскопок и архивных материалов, этот поселок заслуживает значительно большего внимания в разрезе истории херсонесского виноделия III—II вв. до н. э. Прежде всего остановимся на археологических данных по самому поселению.

Винодельня № 8 расположена на самом поселении. Учитывая дату последнего и очевидную близость ее с винодельней II в. до н. э. на усадьбе клера № 26, нет никаких оснований датировать ее позже даты поселения (III—II вв. до н. э.), тем более, что на поселении и в винодельне позднеантичный слой отсутствовал.

Раскопанные на поселении кладовые помещения полуподвального типа имеют большие размеры: первое — 6,10×4,50 м, второе — 8,40×

¹ См. выше, винодельня № 8 и на клере № 26.

² С. Ф. Стржеleckий. Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического. Хсб., вып. IV, стр. 51 и сл.

³ Там же, стр. 62.

3, 55 м¹. Особенно характерно первое помещение²: оно полуподвальное, в полу имеются выруб для пифоса, 9 вырубов для установки амфор и две цистерны, вырубленные в скале. Аналогичное крупное помещение для хранения вина имеется на усадьбе клера № 25, в котором тоже находится большая цистерна неопределенного назначения, во всяком случае, не для хранения воды или зерна³. Аналогичные вырубы для установки пифосов открыты в винном складе в доме винодела I—IV вв., раскопанном в самом Херсонесе в 1947 г.⁴ Все эти признаки позволяют усмотреть в первом и втором помещениях поселка такие же винные склады. Наличие винодельни еще больше подкрепляет это предположение.

В свете этих соображений приобретает большое значение размещение виноделен, открытых М. И. Скубетовым⁵. Из пяти виноделен третьей группы несомненно производственного характера четыре сосредоточены в одном месте, как раз в поселке у верховья Карантинной бухты⁶. Об одной из них мы уже говорили (№ 6)⁷. Расположена она у крестообразного загородного храма на некрополе, возникшем в самом начале нашей эры, и в 300 м от винодельни № 8. Нужно учесть, что поселок расположен вдоль древней дороги к юго-восточным воротам Херсонеса, а эта дорога как раз шла мимо крестообразного храма⁸. Судя по наличию винодельни, не исключено, что дома поселка стояли на протяжении всей дороги, во всяком случае до упомянутого храма. Таким образом, в поселке и у самого поселка обнаружено уже пять виноделен среднего и крупного производственного характера и, по-видимому, два винных склада.

В этом отношении район древней херсонесской дороги вдоль Карантинной бухты к юго-восточным городским воротам чрезвычайно интересен. Так, еще К. К. Косцюшко-Валюжинич отмечал, что близ Зеноновой башни и дальше к берегу Карантинной бухты размещались мастерские каменотесов. Им же в 1902 году, у самой башни Зенона, была открыта крупная гончарная мастерская⁹. После войны строительными работами, а затем раскопками был обнаружен ряд мастерских с гончарными печами для обжига различного типа продукции¹⁰. Следы позднеантичных гончарных мастерских прослежены нами по западному берегу Карантинной бухты еще дальше к югу и следы разрушенной гончарной мастерской раннесредневекового времени у самого верховья бухты на ее восточном берегу. Вместе с этим видно, как с расширением городского некрополя все эти мастерские постепенно отодвигались все дальше и дальше вдоль дороги от стен города¹¹. То же мы наблюдаем и на примере винодельни № 6, которая в начале нашей эры оказалась на территории расширившегося некрополя.

Таким образом, устанавливается несомненно ремесленный характер пригородного херсонесского района на западном берегу Карантинной бухты, южный конец которого, можно предположить, занимали ремесленники-виноделы. Прекращение существования этого поселка виноде-

¹ Там же, рис. 1, 2 и 5.

² Там же, стр. 51—56, рис. 1 и 2.

³ См. выше, стр. 96 и сл.

⁴ Г. Д. Белов. Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, № 2, стр. 225 и сл.

⁵ Архив ГХМ.

⁶ Крайне досадно, что М. И. Скубетов не дал координат в определенных единицах измерения, что позволило бы установить их точно на местности.

⁷ См. выше, стр. 118.

⁸ С. Ф. Стржеleckий. Ук. раб., Хсб., вып. IV, стр. 63.

⁹ ИАК, вып. 2, стр. 22 и сл.

¹⁰ В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, № 4, 1958 г., стр. 144 и сл.

¹¹ Раскопками В. В. Борисовой установлено, что во II веке на месте гончарных мастерских близ башни Зенона уже находился некрополь.

лов вероятнее всего связано с рядом причин экономического, военного и исторического характера, помимо расширения городского некрополя. Не исключено, что поселок виноделов был перенесен в другое место, подобно тому, как это мы видим на примере гончарных мастерских. Может быть, он вообще прекратил свое существование в результате захирения клерной системы и концентрации земли в руках крупных землевладельцев, сосредоточивших в своих руках вместе с этим винодельческое производство.

Учитывая изложенное, можно предположить относительно характера виноделен третьей группы следующее:

Как мы знаем, в античную эпоху широко практиковалась подрядная съемка урожая на виноградниках и установились определенные условия договора в этих случаях между покупателем и хозяином¹. Вероятно, такая же практика существовала и в Херсонесе. Можно думать, что херсонесские виноделы-ремесленники скупали виноград на ближних клерах. При условиях товарного производства основной его целью являлась быстрая реализация вложенных в производство средств и получение прибыли. Если Катон советует поровну подливать третьесортный «обрезной» сок в пифосы с остальным соком², то виноделам-ремесленникам и подавно был простителен такой грех. Можно быть уверенным, что вино этих ремесленных виноделен было самым низкосортным и рассчитанным на утилизацию сразу же после его изготовления, как это наблюдалось и у виноделов-виноградарей в окрестностях Севастополя в 20-х годах нашего столетия. Какая-то часть доброкачественного вина могла сохраняться впрок или в ожидании хорошей цены, и для этой цели, вероятно, и служили раскопанные нами винные подвалы в поселке. Основной же задачей являлось не качество, а количество вина, что определялось характером самого производства. Вероятно, этим экономическим обстоятельством и обусловливается тип виноделен третьей группы. Это же подтверждается устройством винодельни № 8, расположенной в том же поселке, в которой давящая для выжимания сока ногами еще не изолирована полностью от давящей с прессом.

Таким образом, как будто можно зафиксировать для херсонесского виноделия две экономические его разновидности: производство вина собственниками клеров, самими землевладельцами-виноградарями (например, клер № 26). При этом можно с уверенностью сказать, что такой была основная экономическая форма виноделия. Одновременно вино производили и ремесленники-виноделы с применением наемной и рабской рабочей силы. Эта форма играла второстепенную роль в виноделии Херсонеса III—II вв. до н. э.

Г л а в а VIII

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н. Э.

История земледелия в Херсонесе первых веков н. э. не может быть освещена в той же степени, как предшествующего периода. Полевые исследования Гераклейской археологической экспедиции ГХМ в послевоенный период не смогли пока охватить все памятники земледелия Херсонеса на всем протяжении его существования. В соответствии с хронологической последовательностью и планом нам пришлось сосре-

¹ Cato., 147.

² Cato., 23, 4, при этом, конечно, не в вино для собственного употребления, а для продаж.

³ Конечно, если в дальнейшем раскопки поселка подтвердят наше предположение.

доточить свое внимание на истекшем этапе работы только на памятниках эллинистического времени. Конечно, памятники более позднего времени, с которыми при этом нам приходилось сталкиваться, фиксировались. Эти памятники и материалы, добытые предшествующими исследователями Гераклейского полуострова и Херсонеса, позволяют сделать ряд наблюдений и выводов по истории позднеантичного земледелия, на которых мы и остановимся в настоящей главе.

Систематические разведки на Гераклейском полуострове, а также раскопки отдельных усадеб показывают, что территория полуострова на протяжении первых веков н. э. продолжает интенсивно обрабатываться. Так, раскопки усадьбы в Александриаде, в юго-западной части полуострова, и разведка на усадьбе на правом склоне Юхариной балки, в центральной части полуострова, обнаружили слои первых веков н. э.¹ Этот факт подтвержден раскопками К. Э. Гриневича в южной части полуострова, в балке Бермана². Многочисленный подъемный материал первых веков н. э. зафиксирован нами на ряде развалин усадеб у восточной границы полуострова вдоль Сарандинакиной балки.

Аналогичная картина установлена и для северного берега полуострова. Здесь, в районе Круглой и Камышевой бухт, нами обследовано и замерено 35 клеров эллинистического времени³. На 14 усадьбах этих клеров обнаружено большое количество находок (обломков различных сосудов) первых веков н. э. Находки удостоверяют существование этих усадеб на протяжении всего античного времени, с начала III в. до н. э. по V век н. э. (рис. 20, клеры № 1—4, 7, 9, 12—14, 22, 30—33). Одна из усадеб первых веков н. э. была раскопана в 1937 г. В. П. Лисиным на берегу Камышевой бухты, следы второй у Стрелецкой отметил А. К. Тахтай⁴. Пожалуй, еще более важные результаты дали раскопки одного из курганов на девятом участке клера № 25⁵. Раскопки обнаружили под курганом плантажные стены древнего виноградника и показали, что сам курган возник вследствие нарочитого разрушения этих стен и использования участка под пашню. Обнаруженные в кургане обломки сосудов датируют смену двух культур первыми веками н. э.

1. Организация сельскохозяйственной территории на Гераклейском полуострове в первых веках н. э.

На данном этапе изучения памятников земледелия полуострова можно высказать относительно организации его сельскохозяйственной территории только ряд предварительных соображений.

В первую очередь отметим тот факт, что прежний облик всей территории полуострова к востоку от Сарандинакиной балки в первых веках н. э. сохранился. На этой территории в указанное время не возникает новых сооружений. По-прежнему отсутствуют усадьбы, межи и дороги. Учитывая это обстоятельство, можно думать, что и в позднеантич-

¹ И. Н. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму. М., 1925, стр. 16 и 21.

² К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г. «Крым», № 2 (8), вып. II, М.—Л., 1928, стр. 43, и сл., он же. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова, 1929, Севастополь, стр. 22 и сл.

³ См. Приложение. Описание клеров в районе Круглой и Камышевой бухт.

⁴ В. П. Лисин. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. ВДИ, № 2, 1939, стр. 137—140. См. ниже, стр. 142 и сл.

⁵ С. Ф. Стрелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, № 3, 1951, стр. 90. К сожалению, результаты раскопок не опубликованы ни одним из указанных исследователей. Наличие слоя, может быть словес, первых веков н. э. подтверждается обильным археологическим материалом в фондах ГХМ. Однако строительные остатки этого же времени в отмеченных предварительных публикациях только упоминаются.

ное время эта территория сохраняется как общественная, государственная. Она обслуживала городскую херсонесскую общину, вероятнее всего, являлась общественным выгоном для городского стада.

Иная картина наблюдается на остальной части территории, хотя внешне как будто и сохраняется тот же вид, что в эллинистическое время. По-прежнему вся территория разделена старыми дорогами на те же участки. Это обстоятельство и создает указанное впечатление. Дороги являлись общественными¹, и на них не распространялось право частной собственности. В силу этого старые дороги сохранялись на протяжении всей античной эпохи. Они не изменялись и в последующую эпоху. Нигде, на всем пространстве полуострова, нам не удалось, несмотря на специальные поиски, обнаружить ни одного случая, чтобы древняя дорога была перегорожена древней стеной. Не прослежено ни одного случая, чтобы стены двух соседних древних клеров были снесены и их площади объединились в одну территорию. Этот факт является причиной исключительных, может быть даже непреодолимых трудностей при определении размеров индивидуальных земельных владений позднеантичного времени. При решении вопроса приходится исходить из других фактов, главным образом из количества усадеб первых веков н. э. на полуострове.

Тщательное обследование клеров в районе Круглой и Камышевой бухт привело к неожиданному открытию, научное значение которого не может быть переоценено, независимо от правильности или неправильности предлагаемого нами объяснения.

Как мы уже отмечали, здесь обследовано 35 клеров эллинистического времени. На 26 из них обнаружены усадьбы, которые, судя по подъемному материалу, возникли тогда же. Как показывает опыт, обнаружение остальных усадеб — дело времени. Например, усадьбы III—II вв. до н. э. были обнаружены на клерах № 6, 10, 11 и др. только после дополнительного обследования. Больше того, солидная усадьба клера № 25, площадью 35×35 м, раскопанная нами в течение 1950—1955 гг., была обнаружена после трехкратного обхода уже обмеренного надела. Не менее крупная усадьба первого строительного периода на клере № 26 была настолько разорена, что на усадьбе второго строительного периода, сооруженной на месте первой спустя 20—30 лет, уже нет камней из великолепных рустованных кладок первой.

Наряду с этим усадьбы первых веков н. э. обнаружены только на 14 из 35 клеров; на остальных усадеб нет, и в подавляющем случае их и не было. Такой вывод — не предположение. Уверенность наша основана на обследовании глубоких обрезах окопов военного времени и строительных траншей на усадьбах клеров № 10, 11, 23 и др., в которых четко выявлен только эллинистический слой. Наконец, это же подтвердили наши раскопки усадеб клеров № 25 и 26, жизнь которых оборвалась во II — первой половине I в. до н. э. Исчезновение усадеб на Маячном полуострове с мелкими клерами еще очевиднее: из пяти усадеб, раскопанных Н. М. Печенкиным и К. Э. Гриневичем, только на одной обнаружен слой первых веков н. э., на остальных жизнь прекратилась во II в. до н. э.²

Отмеченный факт не может быть объяснен случайностью. Тщательность разведок и данные раскопок не подлежат сомнению, и даже обнаружение еще одной позднеантичной усадьбы на обследованных клерах не может изменить его характера. Данный факт дополнительно подтверждается резким разрывом между количеством (около 400) клеров и зафиксированных усадеб (около 150) на Гераклеиском полуострове.

¹ Cato., 2, 4.

² См. выше, стр. 43.

Перечисленные факты свидетельствуют об изменении организации сельскохозяйственной территории позднеантичного Херсонеса. От прежней организации сохранились общественные дороги и общегородская территория к востоку от Сарандинакиной балки. В то же время организация основной территории полуострова значительно изменяется. Изменение определяется уменьшением количества сельских усадеб, а следовательно, и количества индивидуальных хозяйств, особенно мелких хозяйств — клеров Маячного полуострова.

Как мы уже показали выше¹, клеры эллинистического времени являлись частной собственностью их владельцев — граждан Херсонеса. Экономической закономерностью, вытекающей из такой формы собственности на землю, является концентрация земельных владений и дифференция землевладельцев. Первый этап важнейших экономических изменений и преобразований в Херсонесе зафиксирован уже спустя сто лет после организации клеров в акте о продаже земли². Хронологически одновременные две части указанного акта свидетельствуют о постоянном характере экономических закономерностей в эллинистическое время. Этот факт прослеживается и археологическим путем. Так, усадьба клера № 25, где-то на рубеже III—II вв. до н. э., фундаментально перестраивается и значительно расширяется. Наоборот, усадьба клера № 26 при такой перестройке во второй половине II в. до н. э. значительно уменьшается. Расширение усадьбы прослеживается и в балке Бермана.

Естественно, процесс концентрации земли в руках крупных землевладельцев не мог оборваться в эллинистическое время, поскольку такой же социально-экономический строй сохранился в течение первых веков н. э. Считаю, что этот процесс продолжался. И не только продолжался, но и усиливался, обострялся. Так было во всем античном мире, и нет никаких оснований исключать из него Херсонес Таврический.

Резкое сокращение количества усадеб индивидуальных хозяйств в районе Камышевой бухты почти в два с половиной раза (с 35 до 14) и на Маячном полуострове в пять раз (с 5 до 1), по нашему мнению, является убедительным доказательством процесса концентрации земельных владений в первых веках н. э. Однако если этот в известной степени предварительный вывод верен, то тем самым мы устанавливаем, вскрываем основу самого процесса — частную собственность на землю в первых веках н. э.³

Мы допускаем, таким образом, что и в позднеантичное время в Херсонесе Таврическом прослеживаются обе формы собственности античной эпохи: государственная — общинная и частная. Отличие частной собственности первых веков н. э. от нее же в эллинистическое время заключается в укрупнении индивидуальных земледельческих хозяйств за счет средних и в особенности мелких.

Как мы уже говорили, сохранение старых общественных дорог, а вместе с ними и древних заборов бывших клеров сильно затрудняет, если даже не лишает нас возможности определить размеры индивиду-

¹ Глава III, стр. 53 и сл. Ср. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 29—35.

² IOSPE, I², № 403.

³ Научная значимость такого вывода не требует пояснений. Значение его не менее важно для направления дальнейших полевых исследований. Учтя это, мы можем отказаться от него только на основании фактов, вскрытых дальнейшим изучением памятников Герacleйского полуострова или теоретических положений политической экономии. Следует отметить, что все наши попытки в течение последних лет выявить противоположный полюс этого процесса — мелкие хозяйства — не дали никаких результатов.

альных земельных владений первых веков н. э.¹ Вследствие этого организация индивидуального рабовладельческого хозяйства первых веков н. э. не может быть нами освещена, что не мешает, однако, отметить некоторые его черты, связанные с агротехническими мероприятиями, изменением в соотношении различных культур, выращиваемых хозяйствами того времени, и изменениями в технике переработки продукции культур.

В первую очередь следует отметить, что наряду с древними дорогами и заборами бывших клеров сохраняется в основном вся внутренняя их размежевка. Используются старые террасы с улучшенным, выровненным рельефом. Используются древние виноградники и садовые участки с мощной системой их плантажных стен. Последнее обстоятельство позволяет считать, что основными сельскохозяйственными отраслями производства по-прежнему остаются виноградарство, хлебопашество и садоводство.

2. Соотношение площадей основных сельскохозяйственных культур в первых веках н. э.

Что касается соотношения площадей, занятых сельскохозяйственными культурами, то здесь мы наблюдаем несомненное изменение. Установить это соотношение в конкретном индивидуальном хозяйстве первых веков н. э. сейчас нельзя, и нам пока приходится фиксировать изменение в этих соотношениях на суммированной площади бывших клеров. Зафиксированные данные имеют значение для получения «средних» цифр для всей территории в районе Камышевой и Круглой бухт. Для этого вернемся к пяти клерам названного района (№ 10, 11, 20, 25 и 26), на которых обмерена внутренняя их размежевка и выявлены площади основных выращиваемых на них культур. Прилагаемая ниже таблица отражает изменения в соотношении различных культур на пяти клерах, которые произошли в первых веках н. э., во всяком случае, к концу античной эпохи².

Культуры	Клер 10		Клер 11		Клер 20		Клер 25		Клер 26		На 5 клерах (125 га)	
	III—II вв. до н. э.	перв. вв. н. э.	III—II вв. до н. э.	перв. вв. н. э.	III—II вв. до н. э.	перв. вв. н. э.	III—II вв. до н. э.	перв. вв. н. э.	III—II вв. до н. э.	перв. вв. н. э.	III—II вв. до н. э.	перв. вв. н. э.
Поля	13,74	19,77	5,26	13,25	2,80	8,12	11,13	12,00	5,78	12,67	38,71	65,81
Виноградники	6,91	2,95	10,40	4,96	7,03	3,70	13,42	12,55	21,40	15,61	59,16	39,77
Сады	4,57	2,70	9,24	3,13	2,00	0,47	4,19	4,19	1,10	0,0	21,10	10,49
	25,22	25,42	24,90	21,34	11,83	12,29	28,74	28,74	28,28	28,28	118,97	116,07

¹ Лишь в самое последнее время работами экспедиции, возможно, подчеркиваем — только возможно, намечились признаки, по которым можно будет осуществить подобную задачу. Однако для этого необходим больший охват территории. В настоящее время уже проведена подготовительная работа на площади 82 клеров, или около 2 тысяч га.

² Мера измерения — гектар.

Эта таблица выявляет определенную систему в изменении площадей основных культур на клерах, как на каждом из них, так и в общей сумме площадей по всем клерам. Ни в одном случае она не нарушается. Больше того, шурфовка ряда полевых участков, на поверхности которых нет никаких признаков первоначального использования их под виноградники или сады, обнаружила в нижнем слое почвы остатки виноградных плантажных стен: участок 9 на клере № 25 и участок 21 на клере № 26.

Окончательное определение площадей виноградников и садов в III—II вв. до н. э. требует контрольной шурфовки каждого полевого участка на каждом клере. Но очевидно, как мы уже отмечали, что площадь полей на клерах III—II вв. до н. э. была несколько завышена. Это еще больше подкрепляет данные приведенной таблицы, свидетельствующие о вытеснении виноградников и садов полевыми культурами.

При заведомо завышенных площадях полевых участков на клерах III—II вв. до н. э. площадь их к концу античной эпохи, в целом по пяти клерам, увеличивается почти в два раза, а на некоторых клерах более чем в два раза.

В следующей таблице дано отношение площадей различных культур к площадям клеров в процентах.

Культуры	Клер 10 100%		Клер 11 100%		Клер 20 100%		Клер 25 100%		Клер 26 100%		К общей площади клеров— 100%	
	III—II вв. до н. э.	Перв. вв. н. э.	III—II вв. до н. э.	Перв. вв. до н. э.	III—II вв. до н. э.	Перв. вв. н. э.	III—II вв. н. э.	Перв. вв. н. э.	III—II вв. до н. э.	Перв. вв. н. э.	III—II вв. до н. э.	Перв. вв. н. э.
	Поля	51,8	74,6	19,7	49,8	22,2	64,0	36,5	39,5	19,9	43,7	31,0
Виноградники	26,0	11,1	39,1	18,5	55,4	29,0	44,0	41,1	74,0	53,9	47,3	31,8
Сады	17,2	10,1	34,7	11,7	15,8	3,7	13,7	13,7	3,8	0,0	16,9	8,4
	95,0	95,8	93,5	80,0	93,4	96,7	94,2	94,3	97,7	97,6	95,2	92,8

Таблица свидетельствует о завышении площади зерновых культур в III—II вв. до н. э. на клере № 10. То же прослеживается на клере № 25. На остальных клерах площади полей колеблются около 20%, несмотря на разную величину самих клеров (№ 11 — 26,61 га, № 20 — 12,66 га, № 26 — 29,00 га).

Приведенная таблица не менее важна для выяснения соотношения площадей основных сельскохозяйственных культур в первых веках нашей эры в районе Камышевой бухты. Она подтверждает данные предшествующей таблицы о вытеснении виноградников и садов зерновыми культурами. Одновременно она свидетельствует, что, несмотря на этот процесс, виноградарству по-прежнему принадлежит ведущая роль в земледелии и экономике античного Херсонеса.

Правда, в отношении размера площади виноградарство и полевые культуры менялись местами. По площади, на пяти обследованных клерах, зерновые культуры заняли первое место — 52,6%, однако необходимо учесть, что при двупольной системе пашенного земледелия и

соответствующей ей экономической эффективности этот процент уменьшается вдвое. Наоборот, если мы примем во внимание использование садов как агбустум¹ов, т. е. виноградников, в которых лоза пускается на деревья, то экономическое значение виноградарства возрастает еще больше, с 31,3 до 40% всей площади пяти клеров.

Полагаем, что распространение полученных данных, как «средних» цифр, допустимо на общую площадь 35 клеров между Камышевой и Круглой бухтами, среди которых находятся и пять обмеренных, специально выбранных из разных частей этой территории, с учетом разных размеров самих клеров. За неимением конкретных данных для других участков Гераклейского полуострова, временно приходится пользоваться полученными результатами и для всей территории полуострова первых вв. н. э.

Что касается техники земледелия, то навряд ли она претерпела существенные изменения. Окончательное решение этого вопроса в первую очередь зависит от темпов работы Гераклейской экспедиции и раскопок позднеантичных усадеб. Известным подтверждением этого вывода служит ряд археологических находок, датируемых первыми веками нашей эры.

Прежде всего отметим изображение пахаря на обломке мраморной плиты (рис. 135)¹. Изображение очень схематично, но поза мужской фигуры в профиль очень выразительна. Фигура движется вправо. Корпус и голова в коническом уборе сильно поданы вперед. Обе руки, вытянутые вперед, опущенные вниз, тяжело опираются на ручки плуга. К сожалению, изображение почти всего плуга и влекущих его животных отбито и затеряно. Изображение несомненно местной, херсонесской работы, выполнено врезными линиями на вторично использованном обломке мраморной плиты.

Второй памятник представляет скромное надгробие виноградаря: раба, или, может быть, бывшего раба — вольноотпущенника с изображением ножа для обрезки винограда (рис. 46). Рабское происхождение умершего, на могиле которого стоял этот памятник, бесспорно вытекает из его имени — Дулий².

Не менее интересна находка железного наконечника кола для посадки виноградных чубуков из раскопок сельской усадьбы первых веков н. э. у Камышевой бухты (рис. 44).

3. Обработка основных продуктов сельского хозяйства в первых веках н. э.

В обработке сельскохозяйственной продукции выявляются несомненные усовершенствования и развитие техники. При помоле зерна употребляются круглые жернова различных размеров, от ручных до крупных, по-видимому, с использованием силы ослов (рис. 136)³. Интересно, что раскопки усадеб III—II вв. до н. э. на клерах № 25 и № 26 не

¹ Плита найдена К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1890 году при раскопках небольшого христианского монастыря на островке в верховье Казачьей бухты. Плита была использована как строительный материал. Инв. № 4123. Интерпретация изображения принадлежит покойному В. П. Лисину.

² Надгробие найдено Р. Х. Лепером в 1911 г. № полевой описи 2851. Надгробие сделано из известняка. Г. Д. Белов. Музей и раскопки Херсонеса. Путеводитель, стр. 13—14, Крымиздат, 1936; он же. Херсонес Таврический, стр. 63, Л., 1948; он же. Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, № 2, стр. 236, рис. 12; Е. Г. Сувор. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 35. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 114, рис. 43.

³ Cato., 10, 1 и 4; 11, 1 и 4.

дали ни одного обломка круглого жернова, а обломки зернотерок прямолинейного действия обнаружены в нескольких экземплярах.

Еще отчетливее проявляется развитие техники в винодельческом производстве. Правда, на Гераклеюском полуострове пока еще не известно ни одна винодельня первых веков н. э. Пробел этот хорошо восполняется двумя городскими винодельнями. Можно думать, что такие же винодельни будут обнаружены и на сельских усадьбах. Обе винодельни открыты в северном, прибрежном районе Херсонеса¹. Обе позволяют проследить процесс виноделия в первых веках нашей эры, сходные черты с винодельнями эллинистического времени и их различия.

Одна из них расположена у самого берега моря, в квартале раскопок 1931 года. Докопана в 1947 г.² По мнению автора отчета, винодельня представляла отдельное здание. К сожалению, это положение ничем не подкрепляется ни в тексте, ни в плане винодельни. Полагаем, что в данном случае Г. Д. Белов не прав и мы имеем не отдельное здание, а только одно из помещений дома херсонесского винодела, подобного такому же в квартале XVIII и таким же домам в Тиритаке, Мирмекии и др. городах Боспора³. Еще менее ясно датирование этой винодельни. В выводах по этому отчету она датируется: «римским временем»⁴. На предыдущей странице указаны монеты из этой же винодельни до середины VI в. Монета же Льва VI и Александра почему-то не упомянута⁵. Указанные факты и сопоставления с материалом и монетами из дома винодела в XVIII квартале⁶ показывают, что разрушение винодельни относится к юстиниановской эпохе, а начало ее существования, пожалуй, не раньше середины III в. Таким образом, открытая винодельня датируется серединой III — серединой VI в., если не смешаны слои в процессе раскопок⁷.

Помещение винодельни несколько вытянутое, в плане четырехугольной формы (рис. 137 и 138). Длина его около 7,00 м, ширина — около 5,50 м. Вдоль северо-западной стены винодельня имела три давяльные

¹ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический Л., 1948, стр. 112 и сл., рис. 21; он же Херсонесские винодельни, ВДИ, 1952, № 2, он же. Раздел 2. Римский период. В совместном отчете: Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII. МИА. № 34, М.—Л., 1953, стр. 170 и сл., рис. 40—49, стр. 225 и сл.; В. Д. Блаватский. Земледелие... стр. 146—147, рис. 70 и 71. Несколько аналогичных виноделен открыто на Боспоре, в разных его городах: Пантикапее — В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1947). КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 34 и сл., рис. 13 и 14. Тиритаке и Мирмекии—В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 104 и сл., он же, Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 27 и сл., рис. 15, 16, 21, 22; он же. Боспорские города Тиритака и Мирмекии на Керченском полуострове. ВДИ, 1937, № 1, стр. 226, 234; он же. Раскопки Мирмекии и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 303 и сл.; он же. Итоги раскопок Тиритаки и Мирмекии. ВДИ, 1947, № 3, стр. 193 и сл.; он же. Раскопки Тиритаки и Мирмекии. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 89 и сл.; он же. Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, стр. 132—133, рис. 42 и 43; В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Левин, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной части Мирмекии в 1934 г., МИА, № 4, 1941, стр. 113 и сл. Найдены винодельни и в восточных городах Боспора: Фанагории — В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1940 г. ВДИ, 1941, № 1, стр. 221 и Патрее — В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 204. См. также В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 147 и сл.

² МИА, вып. 34, стр. 197. План винодельни и ее разрезы на рис. 47, стр. 199. Первая публикация. ВДИ, 1952, № 2, стр. 225—230.

³ См. литературу выше, прим. 1.

⁴ МИА, вып. 34, стр. 202.

⁵ Там же. Приложение, стр. 227, № 281. По-видимому, монета случайная (?), но тогда на это нужно указать.

⁶ Там же, стр. 201.

⁷ В первой публикации, 1952 г. ВДИ, № 2, стр. 23, Г. Д. Белов выделил позднюю группу монет и отнес их к следующему слою. Как видно из отчета, такое расчленение не имеет основания.

площадки, а каждая из них — свой резервуар для сбора сусла первого, второго и третьего давления. Может быть, как в винодельне III в. в Тиритаке¹, только средняя площадка служила для рычажного прессования, а боковые две для первого давления при помощи ног. Последнее, возможно, подтверждается меньшими размерами среднего резервуара и средней давяльной площадки.

Площадки со всех сторон были ограждены деревянными бортами, часть паза для смежного борта между юго-западной и средней площадками хорошо сохранилась. Такой же паз сохранился у юго-западной площадки вдоль стен помещения.

В основании давяльных площадок находилась вымостка из мелких камней, которая залита известковым раствором с примесью песка и крупно битых черепков. Поверх этой заливки, в результате ремонта, нанесено несколько тонких слоев (5—7) специального известкового раствора с примесью цемьянки (мелко тертого гончарного шамота).

Общая толщина конструкции основания площадки около 0,15—0,18 м. Наибольшая длина площадок, от задней стены помещения до переднего края резервуара, около 3,15 м. Ширина боковых площадок — около 1,90 м, средней — около 1,5 м. Несомненно, что давяльные площадки и примыкающие к ним резервуары построены одновременно, составляя единый комплекс всей винодельни². Резервуары оштукатурены тем же раствором, что и давяльные площадки, и, как последние, несут следы неоднократного ремонта. Два резервуара имеют отстойники. Значительное свободное пространство (около 2,50 м) в винодельне позади резервуаров позволяет предполагать использование одного или двух рычажных прессов.

Не менее важен дом винодела, открытый в том же 1947 г. в XVIII квартале Херсонеса (рис. 139 и 140)³. Не останавливаясь на подробностях и размерах деталей, с которыми можно ознакомиться в отчете и

---

¹ В. Ф. Гайдукевич. Очерк истории. Античные города Северного Причерноморья, М.—Л., 1955, стр. 133, стр. 43.

² Неизвестно, по каким соображениям Г. Д. Белов пришел к выводу о более позднем характере резервуара перед юго-западной давяльной площадкой. МИА, вып. 34, стр. 20. Необходимо признать, что последующей оговоркой он сводит на нет свое предположение.

³ Там же, стр. 170 и сл., рис. 10—45. В отношении датирования дома можно сказать то же самое, что и о винодельне, описанной выше. Данные отчета, в этом отношении, очень неясны. Утверждение: «Найденные в нем (доме винодела, С. С.) многочисленные монеты не позднее IV в. н. э.», стр. 196, расходятся с указанием самого же автора отчета на стр. 201: «...монеты также датируются периодом от III в. до середины VI в. н. э.». Последнее указание, по-видимому, соответствует действительности и, во всяком случае, перечню монет из этого дома в Приложении к отчету (стр. 275, монеты V, нач. VI в. № 164—194, за исключением № 171, 173, 175, 178, стр. 276, монеты конца V, середины VI в. № 209—220, 222, 229).

Учитывая, что начало средневекового периода в Херсонесе датируется концом IV или началом V в. (стр. 197), трудно согласиться с датированием винодельни «римским временем» (стр. 202). В то же время остается столь же неясным присутствие значительного количества обломков сосудов I—II вв. н. э.: амфор, краснолаковых чаш и светильников (стр. 185, 187—188), в засыпи колодца и цистерны во дворе дома. Столь длительное существование ранних сосудов до конца IV в., мы уже не говорим — до середины VI в., нам кажется мало вероятным. Если в колодце и цистерне не было двуслойной засыпки, чему трудно поверить и что может быть проверено только тщательной группировкой всех находок в соответствии с глубиной, на которой они были обнаружены, — ранняя группа вещей, как и монет, не относится к винодельне и не может ее датировать.

По всей вероятности, существование и этой винодельни датируется в пределах III, середины VI в. Освещение этого вопроса в первой публикации (ВДИ, 1952, № 2, стр. 232) вносит еще большую неясность в датирование винодельни. Отметим только, что и в этой работе Г. Д. Белов датирует разрушение винодельни, после вторичного (? С. С.) ее использования, серединой VI в.

на прилагаемом плане, отметим только главные черты дома и его винодельни.

Дом состоял из основного, несомненно двухэтажного, здания и значительного двора с прилегающим к нему помещением с большим подвалом. Вход в подвал был со двора. Двор имел хорошую вымостку, глубокий колодец и цистерну для хранения воды. Нижний этаж основного здания служил для производственных целей, верхний, по-видимому, являлся жилым.

Юго-восточную половину первого этажа занимала большая винодельня — А. Со стороны двора к ней примыкал винный склад — Б и помещение — Л, назначение которого не определено. Судя по вырубам в скале, в складе размещалось 16 или 17 пифосов для вина. Винодельня имела около 11,50 м длины и 5,80 м ширины. У давяльных площадок помещение сужено на 0,80—0,90 м. Общая ширина трех давяльных площадок — 5,00 м, длина каждой от задней стены винодельни до переднего края резервуаров — 4,00 м.

Все площадки разрушены различными строительными работами в средневековую эпоху. Устройство площадок такое же, как и на предшествующей винодельне.

Перед площадками, по одному у каждой, находятся резервуары для сбора сусла. Стены и дно резервуаров тщательно оштукатурены специальным известковым раствором с большой примесью мелкого тертого керамического шмота — цемьянки. Каждый резервуар имел в западном углу отстойник. С задней стороны двух меньших по размерам северо-восточных резервуаров, по продольной их оси, в скале сделаны два выруба разной длины с дополнительной ямой у каждого в юго-западном конце. Аналогичные винодельни в Тиритаке: I в. до н. э. — I в. н. э. и III в. н. э.¹, а также винодельня на усадьбе клера № 26² позволяют с достаточной точностью восстановить принцип устройства винодельни и ее работы.

Как видно по размеру резервуара 1, соответствующая ему давяльная площадка была больше двух других. При одинаковой длине ее с остальными ширина ее была равна 2,00 м. Площадки резервуаров 2 и 3 имели около 1,50 м. Площадки, конечно, были отделены одна от другой. Большие размеры первого резервуара и его площадки, многочисленные аналогии, практика античного да и современного виноделия свидетельствуют, что в первый резервуар собирался самотек и, употребляя термины современного виноделия, сусло первого давления, или *mustum lixivum* у римлян.

Этот сок рабы выжимали из винограда ногами. После этого мезга подлежала второму давлению под прессом. Соответственно меньшему количеству сока, оставшегося в мезге, и наиболее эффективному действию пресса уменьшались давяльная площадка и расположенный перед нею резервуар.

Это же мы наблюдаем на винодельне у второй давяльной площадки и ее резервуара. Площадка несомненно имела рычажный, а может быть, даже рычажно-винтовой пресс³, который, по мнению В. Ф. Гайдукевича, вошел в употребление в Северном Причерноморье в I в. до н. э.⁴

В скале позади резервуара был сделан выруб, соответствующий дли-

¹ В. Ф. Гайдукевич. Очерк истории. Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, стр. 132—133, рис. 42 и 43.

² См. выше, стр. 123 и сл.

³ Plin., XVIII, 317.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Ук. раб., стр. 132, прим. 3.

не рычага, и дополнительная яма для груза у переднего конца рычага. Наличие каменных грузов Г. Д. Белов указывает в своем отчете¹.

Со второй площадки из-под пресса в ее резервуар шло сусли второго давления, или *mustum tortivum*. После этого виноградные выжимки прессовались повторно. В современных условиях повторное давление осуществляется мощными прессами (гидропрессами), на которых давление можно довести до 100 атмосфер. Рассматриваемая нами винодельня тем и интересна, что подтверждает практику повторного прессования в античное время и иллюстрирует слова Катона о рычагах различной длины, необходимых на винодельне².

Для повторного давления под прессом виноградные выжимки перекладывались на третью давящую площадку. Для получения необходимого результата требовался более мощный пресс. Мощность зависела от длины рычага пресса и веса груза. Соответственно этому длина рычага пресса на третьей площадке увеличивается на 2,50 м и соразмерно этому удлиняется выруб в скале против третьей площадки. Как мы видим, не случайно при раскопках винодельни был найден не один груз. С третьей площадки получали наихудший сорт виноградного сока³, или *tortivum mustum circumcidanaem*.

Таким образом, на примере этих двух позднеантичных, раннесредневековых виноделен несомненно выясняется дальнейшее развитие виноделия в Херсонесе первых веков н. э. по сравнению с предшествующим эллинистическим временем. Это прослеживается и в технике сооружения виноделен: их давящих площадок и резервуаров, в применении рычажно-винтовых прессов (наличие пресса, по-видимому, еще рано усматривать даже в винодельне второй половины II в. до н. э. на усадьбе клера № 26), в стремлении получить максимальный выход виноградного сока, в расчленении первого давления и двух прессований и распределении их между тремя давящими площадками, на которых эта работа могла выполняться одновременно, сокращая тем самым время, необходимое для всего процесса в целом.

Все эти усовершенствования увеличивали пропускную способность позднеантичных виноделен, увеличивали выход вина и доходность виноделия. Можно думать, не случайно зафиксирован и значительно более совершенный фильтр для процеживания виноградного сока, заменивший в практике херсонесских виноделов старинный фильтр в виде небольшой плетеной корзиночки.

Среди других находок остатки такого фильтра (рис. 141) были найдены в большом винном складе, открытом строительными работами на Северной стороне Севастополя. Фильтр представлял собою толстый мат, сплетенный из шерсти. Мат хорошо пропускал виноградный сок, задерживая на своей верхней поверхности виноградные зерна, кусочки виноградной лозы, песок и тончайший ил. Отфильтрованные многочисленные зерна, обнаруженные в осадке, как будто представляют один сорт винограда.

Отмеченное нами развитие виноделия обусловлено соответствующим развитием виноградарства и подтверждает наш вывод о ведущем значении последнего в земледелии Херсонеса в первых веках н. э.⁴

¹ МИА, вып. № 34, стр. 181. К сожалению, Г. Д. Белов не указал размера и деталей крепления этих грузов. К отчету не приложены чертежи или хотя бы фотографии их. Неизвестно также количество грузов: было их два или больше. Вследствие этого мы лишены возможности вычислить мощность обоих прессов винодельни.

² Cato., 19,2: «Самые длинные рычаги — 18 футов, вторые — 16 и третьи — 15...»

³ Varr., 1, 54, 3, — «обрезной» сок.

⁴ См. выше, стр. 136.

Одновременно открытые винодельни свидетельствуют, что само виноделие в Херсонесе первых вв. н. э. по-прежнему существует в двух формах: в форме городского, ремесленного производства и сельского. Учитывая большую площадь виноградников¹ и крупные размеры открытых виноделен, можно с уверенностью сказать, что обе эти формы винодельческого производства носили товарный характер².

4. Сельские усадьбы Гераклеийского полуострова первых вв. н. э.

Мы уже отмечали, что сохранившаяся в первых вв. н. э. старая система общественных дорог на Гераклеийском полуострове, унаследованная от эллинистического времени, крайне затруднила, а может быть, даже исключила возможность определения границ индивидуальных хозяйств, подобно клерам III—II вв. до н. э. Это обстоятельство значительно увеличивает роль полевых исследований на усадьбах индивидуальных хозяйств первых вв. н. э. в изучении земледелия и экономики Херсонеса позднеантичного времени.

Подобные работы проведены в прошлом совершенно недостаточно. Поэтому мы имеем только одну раскопанную усадьбу первых вв. н. э.³ К сожалению, В. П. Лисин вынужден был произвести это исследование разрушенной усадьбы в силу необходимости, продиктованной нуждами строительства в порядке охранных раскопок. Плохая сохранность усадьбы не дает возможности сделать твердые выводы относительно ее размера, характера и экономической мощи и заставляет нас колебаться в решении этих основных вопросов. В значительной степени эти колебания, по-видимому, определяются старыми, крепко укоренившимися и, как мы уже видели, отнюдь не правильными представлениями относительно усадеб — «башен» Гераклеийского полуострова в виде укрепленных сооружений с обязательной мощной оборонительной башней. Как бы то ни было, в настоящих условиях приходится удовлетворяться тем, что есть в нашем распоряжении.

Усадьба была расположена на берегу Камышевой бухты⁴ и в плане имела четырехугольную форму (рис. 142). Находилась она у древней дороги, юго-западный конец которой упирался в восточный берег Камышевой бухты. Как видно на плане, расположена она с северо-западной стороны дороги. На плане этого района (рис. 20) видно, что в восточный берег Камышевой бухты упирается несколько древних дорог, разделяющих клеры района. На всех наделах, примыкающих к берегу бухты, обнаружены их усадьбы, за исключением клера № 13, совершенно застроенного в настоящее время.

Наличие нераскопанных усадеб на остальных клерах и указание В. П. Лисина, что усадьба находилась около бывшего хутора Стефани,

¹ 31% всей площади, занятой рабовладельческими сельскими хозяйствами в районе Круглой бухты.

² Разбор мнений Г. Д. Белова относительно виноградарства, виноделен и виноделия, высказанных им в выводах при издании описанных выше виноделен, опускаем, поскольку они не соответствуют действительности, см. ук. раб.: ВДИ, 1952, № 2, стр. 225 и сл., МИА, вып. 34, стр. 202.

³ В. П. Лисин, Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. ВДИ, № 2, 1939, стр. 137—140. Архив ГХМ, дело № 356—полевой дневник; № 357 — полевая опись находок; № 372 — опись негативов; № 358, 331, 536, 537 — отчет; № 665 — инвентарная опись находок в количестве 29 коллекций, соответствующих помещениям и стратиграфии. План и разрез усадьбы. Дальнейшее краткое описание усадьбы и выводы сделаны на основании этих архивных документов и археологического материала из раскопок усадьбы в фондах музея.

⁴ На месте усадьбы был построен дом.

который был расположен у древней дороги с юго-восточной стороны клера № 13, с абсолютной точностью устанавливают расположение его усадьбы, раскопанной в 1937 г.¹

На усадьбе зафиксировано три строительных периода: III—II вв. до н. э., I в. до н. э.; II—IV вв. н. э. Слой, соответствующий первому периоду, уничтожен, от сооружения сохранилась только одна стена. В то же время находки этого периода многочисленны. Аналогично состоящие слои, соответствующего второму периоду. Хорошо сохранился слой III—IV вв.²

От усадьбы сохранился большой двор с каменным жертвенником в центре, семь помещений вдоль ее северо-восточной наружной стороны и два помещения в западном углу, у берега моря. Наибольший интерес представляет группа северо-восточных помещений, вытянутых в одну линию на протяжении 26 м. Толщина стен (обычная для усадеб полуострова) 0,75—0,80 м. Сложены они из необработанного камня на глинистой земле (почвенный раствор). Камни невелики, до 0,45 м длиною.

Центральное место, по положению и величине, занимает помещение № 1 (7,00×6,00 м). С внешней стороны усадьбы оно выступало на 3,00 м. Со стороны двора обе его продольные стены выступали за линию поперечной стены. Были ли это пилоны, или они продолжались и дальше — мы не сумели установить по имеющимся материалам. Может быть, помещение составляло первый этаж башни усадьбы, что также трудно доказать.

В центре помещения находится очаг. У северо-западной стѣны — небольшое сооружение, огражденное стеной, сложенной из ка ней в один ряд. Аналогичные сооружения мы уже видели на башнях усадеб клеров № 25 и 26. Рядом с очагом обнаружено гнездо для установки пифоса. В засыпи помещения найдено свыше тысячи обломков амфор, около 70—от пифосов, 92—от различных красноглиняных сосудов, обломков жернова и 55 костей домашних животных, главным образом — коров, овец, свиней. Под полом, в вырубке, два краснолаковых светильника (рис. 143), игла для вязания рыболовных сетей, фрагмент лица терракотовой статуэтки (рис. 143), обломки краснолаковых сосудов и амфор. Комплекс находок и деталей помещения позволяет считать, что оно служило для жилья.

Помещения 2, 3 и 4 являлись хозяйственными. В полу помещения Q2 находилось 7 углублений для пифосов и больших амфор. В засыпи помещения найдено свыше 1000 обломков амфор и всего только 20 от краснолаковых сосудов и 4 от кухонных. Здесь же было найдено известняковое изображение Кибелы, сидящей в кресле, со львенком на коленях (рис. 144). Несколько амфор удалось реставрировать (рис. 145). Помещение 3 почти полностью разрушено строительными работами французов во время обороны Севастополя в 1854—1855 гг., выкопавшими на месте помещения колодец. Помещение 4 построено несколько позже основного сооружения. Помимо таких же находок, как и в остальных помещениях, в нем был найден железный наконечник виноградного посадочного кола (рис. 44).

Жилые помещения 5 и 6 занимали северный угол усадьбы. В засыпи этих помещений найдено большое количество обломков краснолаковых сосудов и очень немного обломков амфор и пифосов. Краснолаковые

¹ Это позволило нанести ее на карту Гераклеяского полуострова.

² Отмеченный факт еще раз указывает на трудность обнаружения эллинистических усадеб, зачастую разрушенных до основания еще в древности.

сосуды представлены чашками, блюдами и кувшинами. Здесь же обнаружено 45 обломков кухонных сосудов.

В. П. Лисин считал, что и вдоль юго-западной наружной стены усадьбы находилось несколько помещений, из которых более или менее сохранились только два — 7 и 8. Засыпь в помещении 7 оказалась уже нарушенной до раскопок и сохранилась только в западном углу. В этой засыпи были найдены краснолаковый светильник, два известняковых жертвенника, бронзовый ключ с кольцом, бронзовый наконечник стрелы и много костей домашних животных. Помещение 8, по-видимому, примыкало к усадьбе с наружной ее стороны. Находки в засыпи помещения малочисленны и не характерны. Назначение помещения не выяснено.

Как мы видим, трудно сказать что-либо определенное на основании сохранившихся остатков. Только в порядке предположений можно сделать некоторые замечания общего и частного порядка.

Основная схема планировки усадьбы, по-видимому, остается прежней: в центре ее находился двор, вокруг которого вдоль наружных стен усадьбы размещались помещения различного назначения. По-видимому, можно согласиться с датированием конца ее существования где-то в IV в. н. э. По сравнению с усадьбами эллинистического времени (клеры № 25 и 26) эта усадьба интересна значительным количеством костей домашних животных, что, по-видимому, отражает либо известный уровень развития скотоводства, либо указывает на определенный социальный облик жителей усадьбы, ибо рабов не принято было кормить мясной пищей.

В общем, у нас сложилось впечатление, что раскопанная усадьба не могла принадлежать крупному землевладельцу. Скорее ее можно причислить к усадьбам мелких индивидуальных хозяйств, хотя последнее мы не смогли бы доказать.

Эти самые скромные выводы со всей убедительностью подчеркивают необходимость исследования памятников земледелия позднеантичного Херсонеса.

Г л а в а IX

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО АНТИЧНОЙ ЭПОХИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ВОПРОСЫ ЕГО ИСТОРИИ

Исследованный нами материал по истории земледелия Херсонеса на Гераклеийском полуострове подтверждает уже высказанный ранее вывод о чисто античном характере земледелия¹. Его организация, техника, особенности сельских усадеб находят бесспорные аналогии в античном Средиземноморье, зачастую поразительные по своей близости. Организация сельскохозяйственной территории города, разделенной на общинные земли *ἐσχατία* (выгон, лес, лесные заросли) и на индивидуальные рабовладельческие частнособственнические участки, подтверждается многочисленными примерами из экономической жизни различных античных городов².

То же мы видим и при распределении земельных площадей под сельскохозяйственные культуры. А. Жарде убедительно показал, что в Греции «...классическое сельскохозяйственное имение состоит из поля

¹ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 167. Ср. С. Ф. Стрелецкий. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею. Симферополь, 1956, стр. 18.

² А. Jarde. Les céréales dans l'antiquité grecque, стр. 93.

для злаков и плантаций: виноградных, масличных и фруктовых деревьев¹. Не менее четко это же прослеживается в трудах римских агрономов². Убедительно удалось это проследить М. Е. Сергеенко при анализе виллы под Боскореале³. С учетом климатических условий⁴, на индивидуальных хозяйствах Гераклейского полуострова мы видим те же основные культуры: поля, виноградники и сады⁵.

Гораздо сложнее определить общую экономическую направленность индивидуального сельского хозяйства: являлись ли эти хозяйства специализированными или рассчитанными на удовлетворение всех без исключения потребностей его владельца и самого хозяйства, иными словами, были ли это натуральные или товарные хозяйства.

Для понимания экономики и истории античного мира это кардинальный вопрос и, конечно, не в этой работе он может быть рассмотрен и решен. Заметим только, что он не получил правильного освещения в исследованиях западноевропейских историков и лишь затронут в отдельных работах советских ученых.

Не останавливаясь на разборе взглядов различных исследователей, позволим себе отметить только блестящий экономический этюд крупного советского знатока истории античного земледелия, в особенности древнеиталийского, М. Е. Сергеенко.

В своей работе М. Е. Сергеенко реалистично охарактеризовала экономику италийского рабовладельческого имения в Кампани на примере виллы под Боскореале I в. н. э., сочетающей в себе одновременно элементы натурального хозяйства и столь же несомненные черты простого товарного хозяйства, главной отраслью которого было производство вина на продажу⁶.

Открытие клеров эллинистического времени на Гераклейском полуострове, установление точных их размеров, распределение их площадей под различными земледельческими культурами, пропорциональ-

¹ A. Jarde. Les céréales dans l'antiquité grecque, стр. 92. Там же, примеры из греческой действительности, начиная с гомеровских времен.

² Cato, в особенности, 10 и 11; этим же проникнуто все содержание его труда.

³ М. Е. Сергеенко. Помпен. 1949, М.—Л., стр. 293 и сл.

⁴ В Крыму маслина не плодоносит.

⁵ См. выше, стр. 66, стр. 135 и сл.

⁶ М. Е. Сергеенко. Помпен. М.—Л., 1949, стр. 283 и сл. Здесь же М. Е. Сергеенко правильно отмечает ошибочность взглядов Моммзена, Блюхера и др. западных исследователей, заостряющих внимание на одной из этих двух экономических тенденций античного сельского хозяйства, в результате чего они пришли к ошибочным выводам в его общей оценке.

Ту же мысль М. Е. Сергеенко высказывает и в комментариях к труду Катона (Марк Порций Катон. Земледелие. М.—Л., 1950, стр. 127), иллюстрируя его катонской формулой простого товарного хозяйства, изумительной по своей лаконичности и четкости: «Хозяину люблю продавать, а не покупать». Попутно отметим только, что утверждение М. Е. Сергеенко, будто бы из античных авторов правильно понял смеет много слабых сторон. Главная заключается в том, что 100 югеров это очень небольшая площадь земли.

Мы обследовали десятки клеров Гераклейского полуострова немного большей площади (26,5 га). Исходя из этого опыта, можем смело утверждать, что на площади 100 югеров нельзя одновременно разместить такое количество разнообразных культур и угодий, которое приводится в перечне у Катона и Колумеллы. Это просто нереально.

Теоретически такой идеальный случай сочетания природных условий и размещения различных сельскохозяйственных культур (холмы, равнины, луга, заросли лозняка, дремучий лес, ручьи, море или река, поля, виноградники, фруктовые и специальные насаждения), конечно, можно себе представить, но это только мечта античного землевладельца. На одном имении могут встретиться только отдельные элементы этих условий. Второе. Не случайно у самого Катона в дальнейшем описываются совершенно конкретные специализированные хозяйства, пригородное имение (7, 1), масличный сад (3, 5; 10) и виноградник (11).

ное соотношение в этом распределении трудно переоценить для решения основных вопросов экономики херсонесского и в целом античного земледелия. Однако и здесь, за неимением прямых свидетельств по Херсонесу об античных нормативах труда и необходимой рабочей силе для ведения этих хозяйств и урожайности хотя бы основных сельскохозяйственных культур, нам придется прибегать к косвенным доказательствам и аналогиям. В силу этого полученные расчеты являются ориентировочными, требующими уточнения соответственно дальнейшему накоплению материалов. Кроме того, столь же очевидно, что уже собранные факты позволяют осветить значительно большее количество различных вопросов экономики и истории Херсонеса, чем это успели и сумели мы сделать в настоящей работе. Учитывая изложенное, прежде всего постараемся выяснить нормативы, существовавшие в античном Херсонесе, на рабочую силу и урожайность зерновых культур и винограда.

1. Античные нормативы рабочей силы и урожайности основных культур на Гераклеяском полуострове

Начнем с рассмотрения норм урожайности зерновых. Совершенно очевидно, что эта норма не могла быть и не была одинаковой во всех областях античного мира. На это указывают и древние авторы. Так, Колумелла считал, для Италии такой нормой не более чем сам-четыре¹. Варрон, по-видимому, считал такой нормой для Италии же сам-десять². Зная нормы высева для различных растений³, мы можем высчитать норму урожая с гектара в весовом отношении. Берем за исходные данные нормы высева у Плиния:

Посев 1 югера тяжелой земли требовал 5 модиев пшеницы.

» 1 югера рыхлой, сухой » 4 модия пшеницы.

» 1 югера » 6 модиев ячменя.

Один гектар равен четырем югерам. Соответственно, для посева требовалось от 16 до 20 модиев пшеницы и 24 ячменя, или от 123 до 172 литров пшеницы и 211 ячменя. В весовом отношении это составляет от 98 до 140 кг пшеницы и 173 кг ячменя. Таким образом, по нормам урожайности Колумеллы один гектар пашни давал от 4 до 5,6 ц пшеницы и около 7 ячменя. Соответственно, по нормам Варрона, средняя урожайность пшеницы с гектара составляла немного более одной тонны. Последнее, не оставляет сомнения, ближе к действительности.

В Сицилии, по мнению А. Жарде, урожай с гектара достигал от 16,8 до 21,0 ц хлеба⁴. Он же считал, что в Греции классического времени снимали с гектара около 8 ц пшеницы и 10,8 ц ячменя⁵.

Для степной части Крыма в самом начале нового летоисчисления тоже указана норма урожайности. Эта норма достигает (по Страбону) сам-тридцать⁶. Наряду с этим мы имеет сведения, что пшеница с Понта⁷ или Херсонеса⁸ считалась самой легкой из всех пшениц. Это известие совпадает с археологическими данными, постоянно констатирующими в Крыму мягкий вид пшеницы, начиная с эпохи поздней

¹ Colum., III, 3, 4.

² Varr., I, 44, 1.

³ Varr., I, 66, 1; Colum., 2, 9—10; Plin., 18, 198 и сл.

⁴ A. Jarde, Ук. раб., стр. 58 и сл.

⁵ Там же, стр. 186. Необходимо отметить, что А. Жарде склонен записывать урожайность как зерновых, так и винограда.

⁶ Strab., VII, 4, 6.

⁷ Theophr., H. p., VIII, 4, 5; с. р. IV, 9, 5; см. выше, стр. 85.

⁸ Plin., XVIII, 69, См. выше, стр. 85.

бронзы. А. Жарде высчитал вес крымской пшеницы: один гектолитр ее весил 74 кг¹. Пользуясь этими данными, мы позволим себе проверить правдоподобность сообщения Страбона, вызвавшего к себе недоверие со стороны многих исследователей².

Учитывая античные нормативы высева зерна по Плинию, на один гектар его требовалось в среднем 1,0 ц. При норме урожая сам-тридцать это должно было составлять около 33 ц зерна с гектара. Цифра, конечно, завышенная. Однако нужно учесть, что урожай 16—19 ц пшеницы с гектара в хозяйстве единоличника в 20-х годах XX века при самой примитивной технике в виде простого плуга и волокуши вместо бороны или при простом рыхлении поля по стерне тяжелой бороной был нередким явлением³. По нормативам античного времени это уже составляет урожай от сам-пятнадцать до сам-семнадцать.

В годы особо отличного урожая, что, конечно, бывает редко, с одного гектара собирали до 30 ц пшеницы, или урожайность достигала сам-двадцать восемь. Таким образом, полученная нами цифра не так уже и далека от цифры, сообщенной Страбоном. Обращаем внимание, что цифра, предлагаемая П. Гюро и Р. Биллардом, противоречит всему содержанию отрывка. Страбон подчеркивает: кое-как обработанная земля на равнине в Крыму дает урожай сам-тридцать. Кого мог удивить урожай сам-шесть или сам-семь, когда известны были урожай в два раза больше, как, например, в Сицилии? Пересказывая поавшие в его распоряжение сведения, Страбон явно стремится поразить этой цифрой своих читателей.

Мы полагаем, что этой завышенной для рядовых лет урожайностью пользоваться при расчетах не следует, однако не следует брать в расчет и норму, предложенную П. Гюро. Ближе всего мы будем к истине, если остановимся на норме сам-пятнадцать, при которой урожай зерна с гектара достигал 16 ц. Эта урожайность выше, чем в древней Греции и древней Италии, но она не выше, чем в древней Сицилии. И это, конечно, не случайно. Крым и Сицилия славились обилием хлеба. И тот, и другая вывозили этот хлеб в громадных количествах, и не урожай в 46 пудов хлеба с гектара мог обеспечить эту славу Крыма, и вывоз из него хлеба в античное время.

Учитывая изложенное, в своих дальнейших расчетах по клерам Гераклейского полуострова мы будем пользоваться этой цифрой. Кроме того, даже если она завышена, как полагают некоторые исследователи, эта норма еще вскрывает ведущую роль виноградарства в земледелии античного Херсонеса.

Относительно урожайности винограда в Херсонесе или даже в Крыму в античную эпоху мы не располагаем ни прямыми сообщениями письменных источников, ни косвенными археологическими данными. Однако изучение виноградарников, организации и приемов виноградарства, а также техники виноделия показало высокий уровень их развития, соответствующий тому же уровню в передовых районах античного средиземноморья. Это позволяет нам использовать известия римских

¹ А. Jarde, Ук. раб., стр. 32. Приведена у В. Д. Блаватского, *Земледелие...*, стр. 81, пр. 1.

² P. Guirand. *La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine*. Paris, 1893, стр. 554; R. Billiard. *L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Virgile*. Paris, 1928, стр. 93; В. Д. Блаватский. *Земледелие...*, стр. 158, сл. Отмеченные авторы считают, что это место в географии Страбона испорчено и требует исправления. Они полагают, что цифра тридцать обозначает количество ховс (3,53 л) зерна, которое можно было собрать с одного плеффа (ок. 950 м²) земли, а не во сколько раз урожай больше количества посеянного зерна. По этим расчетам урожай хлеба с гектара составлял ок. 1000 литров, или 7,4 ц (ок. 46 пудов). В крымских условиях нового времени сбор неурожайного года.

³ См. выше, стр. 83, пр. 10.

писателей, освещающих урожайность виноградников и продуктивность виноделия в древней Италии при изучении вопросов земледелия на Гераклейском полуострове. Конечно, расчеты, построенные на указанных данных, будут приближенными, не дадут абсолютно точных статистических цифр, могут вызвать, и определенно вызовут, у многих читателей сомнения, а со стороны исследователей дальнейшее уточнение. Однако это уже расчеты, пусть приближенные, но расчеты, приоткрывающие завесу с экономикой Херсонеса античного времени. Кроме того, мы намерены проверить расчеты практическим путем, путем воспроизведения виноградника на одном из клеров, с соблюдением всех правил античного виноградарства, раскрытых предшествующими археологическими раскопками и изложенными выше в соответствующих главах настоящей работы.

Урожайность виноградников определялась в античную эпоху выходом вина с его площади, а не весом винограда в натуре. Римские агрономы дают несколько цифр, характеризующих урожайность итальянских виноградников, которые и легли в основу экономических подсчетов исследователей античного земледелия и экономики:

Колумелла: 3 меха с югера, как идеальный урожай, но урожай, который все же получали древние земледельцы¹. В переводе на наши меры это составляет приблизительно 630 *дкл* с 1 *га*. В другом месте² он уже снижает эту цифру к 2—1,5 мехам, соответствующим реальной уже урожайности в его время, что составляет приблизительно от 420 до 315 *дкл* с 1 *га*.

Плиний: По-видимому, считал, такой нормой 1 мех на югер или около 210 *дкл* с *га*³.

Большинство исследователей античного земледелия предпочитает среднюю цифру и пользуется при расчетах нормой урожайности времени Колумеллы и наиболее низкой из указанных им — 1,5 меха с югера⁴. Выбор этой цифры в значительной мере подкрепляется авторитетом Катона, указавшим, что виноградник в 100 югеров должен быть обеспечен долями для вина пятилетнего урожая, общим объемом 800 мехов. Простейший арифметический подсчет дает 1,6 меха с 1 югера, или около 386 *дкл* вина с гектара.

Считаем, что полученная цифра значительно занижает урожайность виноградников Кампаньи в катоновское время. Так, М. Е. Сергеев делит пятилетний урожай в 800 мехов на 100 югеров⁵, а выше убедительно доказывает, что на имени Катона выращивался ряд сельскохозяйственных культур, в том числе и зерновые, причем, отметим, не только в комбинации с плодовыми деревьями и виноградником⁶.

Правда, Катон нигде не указывает площади, занимаемой полями, но данный пробел восполняет расчет В. Д. Блаватского на основании нормы обработки виноградника одним рабом. По его расчету, по-видимому, очень близкому к действительности, виноградник в имени Ка-

¹ Colum., III, 3, 2; III, 9, 3.

² Colum., III, 3, 7.

³ Plin., XVIII, 316—317. Аналогичную урожайность указывает Грецин.

⁴ A. Jarde. Ук. раб., стр. 186. 300 *дкл* вина с гектара для Грецин. М. Е. Сергеев, комментарий к переводу работы: Марк Порций Катон. Земледелие. М.—Л., 1950, стр. 146. В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 160; от 250 до 400 *дкл*, однако считает— что для клеров Гераклейского полуострова эта норма скорее занижена, в чем он, по нашему мнению, глубоко прав.

⁵ М. П. Катон. Земледелие. Комментарии, стр. 160.

⁶ Там же, стр. 126, 132—133, 144, мы уже не говорим о содержании самого труда Катона.

тона занимал 70 югеров¹. Учитывая это, можно думать, что урожайность виноградника с одного югера в катонском имении достигала не 1,6 меха, а минимально 2,3 или 483 *дкл* вина с *га*.

Ряд дополнительных аргументов позволяет считать, что и эта норма выхода вина с одного *га* виноградника остается заниженной и для имения Катона и для клеров Херсонеса на Гераклеиском полуострове. Последнее подкрепляется сравнением с выходом вина на виноградниках полуострова в XIX веке, равным 700—800 *дкл* с одного гектара². Тех же результатов добивался перед революцией на своем имении Шталь в устье реки Бельбек, к северу от Севастополя, в аналогичных климатических, почвенных и др. условиях³. При этом важно учесть, что количество кустов винограда на 1 *га* на клерах Херсонеса и на виноградниках нового времени было одно и то же, при одной и той же ручной технике. Тем не менее, в целях осторожности, мы снизим этот выход вина на 1 *га* виноградника на клерах Херсонеса до 420 *дкл*, или до 2 мехов с одного югера. Такая заниженность урожая тоже имеет свою хорошую сторону, предотвращая увлечения и беспорядочнее выявляя роль виноградарства и виноделия в экономике античного земледелия Херсонеса. Кроме того, располагая приведенными данными, каждый может сделать полный перерасчет в соответствии со своими соотношениями и дополнительными аргументами⁴.

Для определения трудовых норм на сельскохозяйственных работах мы имеем значительное количество указаний у римских авторов, из которых мы воспользуемся только основными⁵. Так, одной рабочей силы в год было достаточно для выполнения всех трудовых процессов на 25 югерах поля, отведенного под зерновые культуры⁶. Одна упряжка волов в течение года могла обработать, по мнению Колумеллы⁷, Сазерны и Варрона⁸, 100 югеров поля. У Плиния⁹ эта цифра значительно меньше: 40 югеров для легкой почвы и 30 югеров для тяжелой.

Для работ на винограднике отметим важнейшие нормы: по мнению Колумеллы, одной рабочей силы в течение года было достаточно для обработки 7 югеров виноградника¹⁰. Один раб мог за рабочий день (т. е. от зари до зари) выкопать 14 ям объемом 4 куб. фута и 18 ям в 3 куб. фута. Сазерна и Варрон считали, что для перекопки одного югера виноградника необходимо было затратить 4 человеко-дня. Однако эта цифра дана с оговоркой — для Галлии. В других местах цифра будет иная¹¹. Оговорка очень существенная, ибо разные почвенные условия, рельеф местности, засоренность виноградника камнем играли большое значение в определении этих норм.

¹ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 162. Однако сам же, по традиции, разделил 800 мехов не на 70, а на 100 югеров.

² Кандарак. Универсальное описание Крыма, т. II, ч. 6, стр. 87.

³ Указание Э. Д. Мовшевич, главного винодела винодельческого совхоза им. С. Перовской, за которое мы приносим ей свою глубокую благодарность. Виноградник имения Шталь вошел в состав виноградников совхоза.

⁴ По садоводству мы не располагаем никакими данными, чтобы получить хотя бы приблизительное представление о нормах урожайности фруктовых деревьев и соответственно этому определить их доходность. Кроме того, изучение садовых участков только начато, и это в решающей степени отражается на полноте наших представлений о технике садоводства на полуострове. Несмотря на это, мы почти убеждены, что значительная часть т. н. садов окажется *arbustum*'ами.

⁵ Cato., 10 и 11; Colum., 2, 12, 2—7; 11, 2, 26, 28, 46, 54; 3, 3, 8; Varr.; 1, 18, 1—7; 1, 19, 1; Plin., 18, 131, 178, 184, 241, 262.

⁶ Colum., 2, 12, 7.

⁷ Colum., 2, 12, 7.

⁸ Varr., 1, 19, 1.

⁹ Plin., XVIII, 131.

¹⁰ Colum., 3, 3, 8.

¹¹ Varr., 1, 18, 7.

Учитывая конкретные условия виноградарства на клерах Гераклейского полуострова, можно с уверенностью сказать, что италийские и галльские нормы были на них недостаточны и значительно занижены. Так, по нормам ручной перекопки виноградника на Гераклейском полуострове в дореволюционное время один гектар требовал 30 — 40 рабочих дней. Против галльской нормы это больше в 2,5 раза. Вряд ли было иным такое соотношение и в античное время, несмотря на жестокую эксплуатацию рабов.

Следует учесть и то, что перекопка является одним из основных и самых трудоемких процессов работы на винограднике. Не случайно мы видим расхождение и при сравнении средних количеств необходимого труда для обработки виноградника в течение года.

Опытные, старые виноградары Севастополя в довоенное время считали, что для обработки 2 га виноградника в течение года необходим был труд не менее 3 человек, т. е. 1 га требовал не менее 1,5 человека. Отмеченная выше норма, по данным Колумеллы, соответственно равна 0,57 человека на гектар, или выше современной в 2,6 раза.

Как мы уже видели, в 2,5 раза была выше норма перекопки виноградника. Таким образом, и общая средняя норма необходимого труда на обработку одного гектара виноградника, взятая у одного автора, и норма перекопки виноградника, взятая у другого автора, при сопоставлении с конкретными условиями Гераклейского полуострова в новое время оказались выше в одинаковое количество раз. Это позволяет думать, что античные нормы италийских и галльских виноградников, расположенных в благоприятных условиях и на хороших почвах, являются несомненно заниженными для клеров Херсонеса. Возможно, они занижены в той же степени, как и в отношении современных, однако мы предпочитаем отбросить, ради осторожности, полраза и считать их ниже только в два раза. Следует отметить, что это будет весьма скромное увеличение италийских норм, если мы учтем громадную дополнительную затрату труда на виноградниках херсонесских клеров: на создание искусственного почвенного слоя, удаление скалы и сооружение плантажных стен. Нет сомнения, что если бы аналогичные капитальные работы проводились на италийских виноградниках (не говоря уже о большом интересе этих сооружений и работ самих по себе), то римские агрономы не оставили бы их без внимания.

По современным нормативам земляных работ вручную, которые практически никогда не выполняются, что проверено нами в авторитетных строительных организациях Севастополя, полагается удаление 5 м³ скалы за один рабочий день. Таким образом, только на удаление скалы с гектара виноградника на клерах требовалась дополнительная затрата труда в объеме 1000 человеко-дней, при максимальной затрате труда на его перекопку 40, пусть даже 50 человеко-дней.

Мы, конечно, помним, что не на всех клерах необходимы были такие дорогостоящие работы, которые и не осуществлялись на современных виноградниках, требующих, тем не менее, в 2,5 раза больше рабочей силы. Поэтому мы считаем норму необходимого труда для обработки виноградников всего лишь в 2 раза больше, чем на италийских, как среднюю для всего Гераклейского полуострова.

2. Основные экономические показатели земледелия Херсонеса Таврического в античную эпоху на Гераклейском полуострове

В основу наших расчетов мы берем данные археологических работ на пяти клерах Круглой бухты, освещенные в предшествующих главах настоящей работы, и установленные выше нормативы труда и урожай-

ности зерновых культур и винограда. Результаты этих расчетов приводим в следующей таблице.

№ клеров	Площадь клера в га	Необходимая рабочая сила ¹					Валовая продукция ²					Площадь сада в га	
		на полях	на винограднике	в садах	прочая рабочая сила	всего на клере	виноградники			поля			
							площадь га	с га в дкл	валовой	площадь в га	с га в ц		валовой хлеб
10	26,46	2	8	5	5	20	6,91	420	2902	13,74	16	110	4,57
11	26,61	1	12	9	5	27	10,40	420	4368	5,26	16	42	9,24
20	12,66	1	8	2	5	17	7,03	420	2953	2,80	16	22	2,00
25	30,50	2	15	4	5	26	13,42	420	5636	11,13	16	89	4,19
26	29,00	1	24	1	5	31	21,40	420	8988	5,78	16	46	1,10
	125,23	7	67	21	25	120	59,16	420	24847	38,71	16	309	21,10

¹ В третьей графе — «Прочая рабочая сила» — учтены упоминаемые Катонем (II, I) для виноградника в 100 югеров вилли, виллика, погонщик ослов, человек, присматривающий за вилликом, и свинопас. Пахарь опущен, поскольку расчет рабочей силы для обработки полей построен из расчета площади полей на клерах и он учитывается тем самым в составе этой рабочей силы. Одинаковые площади клеров и виноградника у Катона позволяют сделать это допущение, ставшее уже традиционным.

² Валовой сбор хлеба подсчитан с учетом двупольной системы земледелия.

При всей приблизительности расчетов, данные таблицы, нам кажется, представляют значительный научный интерес. Прежде всего отметим ее значение для дальнейшего направления и постановки конкретных задач в полевой исследовательской работе с целью уточнения и проверки этих данных и ликвидации пробелов в самой таблице.

Крайне важно в этой таблице постоянство отношений между величинами как внутри каждого клера, так и между клерами. Благодаря твердым данным, отражающим площади клеров и распределение этих площадей под различными культурами, от изменения нормативов рабочей силы и урожайности отношения эти не изменяются; нормативы могут быть увеличены или уменьшены, но экономическая сущность таблицы остается постоянной.

Наконец, важный пробел в таблице обусловлен недостаточностью наших знаний относительно античных нормативов рабочей силы, необходимой для обработки садов и выполнения норм их урожайности по различным видам плодовых деревьев, выращивание которых возможно в климатических и других условиях Гераклеийского полуострова. Однако, учитывая интенсивность этой культуры, близкой к культуре винограда, мы, по-видимому, не сделаем большой ошибки, если признаем необходимой для обработки одного гектара сада на протяжении года одну человеко-рабочую силу.

Рассматриваемая таблица вскрывает еще ярче, чем предшествующие, ведущее значение виноградарства и виноделия в экономике земледелия Херсонеса III—II вв. до н. э. и в экономике его клеров. Без учета продукции садов тысячам декалитров вина на каждом клере противостоят десятки центнеров хлеба. В общем валовом сборе по пяти клерам это составляет 24 тыс. дкл вина и 300 ц хлеба. Повторяем, норму можно уменьшить и на виноградниках и на полях, хотя мы и уверены в правильности наших расчетов. Можно принять общераспространенные среднеантичные нормы Средиземноморья, однако полученные нами данные от этого не изменятся. Вернее, изменятся, но в сторону их подтвер-

ждения, ибо наша норма урожая хлеба выше общепринятой в 2 раза, а вина — лишь в полтора.

Не менее ярко вскрывается второстепенное значение зерновых культур в земледелии Херсонеса и его клерах III—II вв. до н. э. Что может быть убедительней цифры 309 ц хлеба с общей площади 125 га? А мы уже отмечали, что площадь под посевами хлеба, вероятнее всего, завышена за счет клеров № 10 и 25, на которых необходимы дополнительные раскопки на полевых участках.

К сожалению, мы еще очень мало сделали в отношении исследования клеров Херсонеса, но уже имеющиеся пять из них показывают необходимость индивидуального их рассмотрения и изучения с экономической точки зрения. Возьмем клеры № 10 и 20. Первый имеет площадь 26 га, второй — 12, в два раза меньше. Однако рабочая сила, необходимая для их обработки, на обоих клерах почти равна: 20 и 17 рабочих единиц. По доходности малый клер равен большому.

Возьмем другой пример: клеры № 11 и 26. Площади обоих почти равны: соответственно 26 и 29 га. Почти одинаковы они и по количеству используемой рабочей силы: 27 и 31 рабочая единица. Однако по продуктивности (без учета сада) клер № 11 в два раза ниже, чем клер № 26: 4368 дкл вина и 42 ц хлеба — у первого, 8988 дкл и 46 ц — у второго.

Эти примеры показывают действительную картину социального и экономического развития античного хозяйства, которую можно утратить, если оперировать средними цифрами статистического подсчета. Не исключено, что дальнейшие раскопки на клере № 10 существенно не изменят данных распределения его площади под различными сельскохозяйственными культурами и наблюдаемая сейчас картина, может быть, отражает его экономическую слабость по сравнению с остальными клерами, в особенности с № 20 и 26.

Учитывая нормы рабского пайка¹, мы можем выяснить размеры валового сбора, за вычетом той части его, которая шла на удовлетворение потребностей рабочей силы на каждом клере.

№ клеров	Площадь в га	Количество рабочей силы	Хлеб (в центнерах)				Вино (в декалитрах)				Примечание
			валовой сбор	норма потребления 1 человеком	потребление в год	остаток	валовой сбор	норма потребления 1 человеком	потребление в год	остаток	
10	26,46	20	110	3	60	+50	2902	25	500	2402	
11	26,61	27	42	3	81	-39	4368	25	675	3693	Хлеба не хватает
20	12,66	17	22	3	51	-29	2953	25	475	2478	.
25	30,50	26	89	3	78	+11	5636	25	650	4986	
26	29,00	31	46	3	93	-47	8988	25	775	8213	Хлеба не хватает

¹ Сато., 56—58. Вероятнее всего, он мало отличался в отношении своего содержания и качества от херсонесского, ибо основа его (хлеб и вино) была такая же. Маслины, по-видимому, заменялись соленой рыбой в большей степени, чем у Катона, а может быть, и вообще не входили в паек херсонесских рабов. Считаем, что для пропитания каждого раба необходимо было иметь 300 кг хлеба (норма занижена против цифр Катона) и 250 литров вина в год, хотя, как известно, рабам полагались «полюски» и рабское «вино», которые вряд ли даже входили в валовой сбор вина на рабовладельческих хозяйствах.

Как мы видим из этой таблицы, картина проясняется еще больше и в том же направлении: хлеба мало, вина — много. Больше того, хлеба не хватало даже для обеспечения необходимой рабочей силы — рабов для ведения самого хозяйства. Его совсем не было для хозяина клера, его семьи и домашних рабов городского дома, для рабочего и продуктивного скота и домашней птицы. Уже одно это свидетельствует, что недостающие продукты питания, в том числе и хлеб, хозяин должен был приобретать на стороне, покупать на рынке.

Основным источником получения денег являлось вино. После его реализации приобретались недостающие продукты потребления, необходимые орудия труда и т. д. Деньги обеспечивали духовные потребности хозяина, его общественные обязанности; остаток их использовался для накопления сокровищ или шел в рост (последнее, конечно, зависело от характера хозяина и соответствующих условий).

Из покупок, необходимых для каждого клера без исключения, рассмотрим только одну — покупку тары для изготовленного вина в переводе ее на амфоры. С учетом наполнения последней по основанию ручек¹, объем полной херсонесской амфоры эллинистического времени равен «с походом» 15 литрам. Отбросив вино, расходуемое хозяином и его семьей, в объеме в два раза большем, чем его потребляли рабы (это заведомо очень преувеличенное количество), в сумме по пяти клерам его оставалось для продажи еще 18 000 *дкл*, а на отдельных клерах от полутора до семи тысяч *дкл*. Таким образом, каждый год только владельцам этих клеров необходимо было приобретать у херсонесских гончаров около 12 000 амфор.

Суть, конечно, не в расчете конкретных покупок. Покупку амфор мы рассмотрели как пример **необходимого** товарного обмена в хозяйстве индивидуальных клеров Херсонеса. Все значение приведенной таблицы заключается в раскрытии **товарного** характера земледелия на клерах Гераклеяского полуострова. Это **важное**. Товарный характер херсонесского земледелия обусловил специализацию клеров на базе виноградарства, рядом с которым остальные сельскохозяйственные культуры играли подсобную, второстепенную роль. Это, конечно, не должно вызывать какие бы то ни было ассоциации и аналогии с капиталистическим развитым товарным хозяйством, несовместимым с рабовладельческим социально-экономическим строем, изучением которого мы занимаемся. Речь идет о простых товарных отношениях на базе натурального хозяйства, основная формула которых отражает продажу ради купли, а не куплю ради продажи в капиталистическом хозяйстве.

Таким образом, археологическое исследование клеров и, более, земледелия Херсонеса античной эпохи позволяет вплотную подойти к конкретной разработке ряда теоретических вопросов политической экономии рабовладельческого общества: товара, стоимости, денег, земельной ренты и т. д. К сожалению, узкие рамки настоящей работы вынуждают нас ограничиться констатацией этого факта, а изучению указанных вопросов посвятить специальное исследование². Вернемся к конкретной херсонесской действительности. Достаточно тщательно обследоване 35 клеров у Круглой и Камышевой бухт позволяет нам рассматривать их как одну группу, одного хозяйственного характе-

¹ Cato, 113, 2.

² Между прочим, это было бы и несколько преждевременным. Так, например, для анализа закономерностей земельной ренты рабовладельческого общества безусловно необходимы полевые исследования клеров, расположенных в районах с наилучшими по плодородию землями, и исследования клеров и их усадеб, расположенных на самой побережье Гераклеяского полуострова.

ра. В число этих клеров входят пять рассматриваемых нами клеров, которым было уделено основное внимание за истекший период времени в наших полевых работах. Последние составляют 14% всего числа — 35 клеров. Площадь их (125 га) составляет 15% площади (около 820 га) 35 клеров. Эти обстоятельства, а также расположение пяти обмеренных клеров на разных участках всей обследованной площади позволяют со значительной долей вероятности распространить выводы, полученные по пяти клерам, на всю группу их, в которую они входят. Здесь нам придется пользоваться только средними данными по пяти клерам в целом.

Средние данные	Площадь в га		Рабочая сила		Распределение площади по культурам						Валовая продукция			
			1 га	всего	поля		виноград- ники		сады		вино (в дкл)		хлеб (в ц)	
	всего	% ко всей площади			всего	% ко всей площади	всего	% ко всей площади	всего	остаток	всего	остаток		
	По 5 клерам	По 35 клерам												
	125	820	0,96	120	38,71	31,0	59,16	47,3	21,10	16,9	24847	21772	309	—54
	820	820	0,96	787	254,2	31,0	86	47,3	138,58	16,9	162901	143226	2034	—317

Естественно полученные данные целиком соответствуют всем выводам, которые вытекали из расчетов по пяти клерам, поскольку они построены на цифровых данных этих же пяти клеров. Приведенная таблица позволяет с известной ошибкой, вытекающей из средних цифр, представить себе размах и характер земледелия на Гераклейском полуострове на значительной уже его территории в 820 га. Конечно, полученный результат можно положить в основу дальнейших расчетов для характеристики земледелия Херсонеса III—II вв. до н. э. на всей площади Гераклейского полуострова, занятой обычными клерами среднего размера (около 10 тыс. га), исключая площадь Маячного полуострова и общественного выгона. Совершенно очевидно, что такие расчеты будут весьма приближенными, возможно, с громадным нарастанием ошибки, ибо будут построены на данных тех же пяти клеров, составляющих всего лишь приблизительно 1% всех клеров полуострова и их площади. Такие расчеты может провести сам читатель, исходя из указанных нами цифр.

Рассмотренные материалы освещают земледелие Херсонеса III—II вв. до н. э. на основной территории Гераклейского полуострова; земледелие и экономику обычных, массовых его клеров, относящихся по своему размеру (26,5 га), к среднему типу рабовладельческих хозяйств. К сожалению, мы не можем дополнить эту картину анализом малых клеров Херсонеса за неимением соответствующих данных — обмеров этих клеров на Маячном полуострове. Значение такого анализа для уяснения общей экономики Херсонеса, его социальных группировок, соотношения сил партий и т. д. не может быть преувеличено в изучении истории города и даже шире, в истории античных общественных отношений. Насколько вероятен такой анализ, в будущем покажут даль-

нейшие полевые исследования малых клеров Маячного полуострова и их сохранность.

Как мы уже видели¹, полевые исследования тех же пяти клеров обнаружили изменения в соотношении площадей различных сельскохозяйственных культур на той же площади, а обследование 35 клеров — уменьшение количества усадеб индивидуальных хозяйств в первых веках нашей эры. Пользуясь нашими нормативами и размерами площадей основных культур, мы получаем следующую картину развития земледелия в позднеантичное время.

Периоды	Площадь	Количество усадеб	Основные культуры						Всего необходимой рабочей силы	Валовая продукция			
			поля		виноградн.		сады			вино (в дкл)		хлеб (в ц)	
			площадь	рабочая сила	площадь	рабочая сила	площадь	рабочая сила		всего	остаток	всего	остаток
II—II вв. до н. э.	125	5	38,71	7	59,16	67	21,10	21	120 ¹	24 847	21 772	309	—54
Первые века н. э.	125	—	65,81	11	39 977	45	10,49	10	66 ²	16 703	15 053	527	+329

¹ Учтена прочая рабочая сила, см. табл. на стр. 151.

² Без учета прочей рабочей силы. Однако нужно помнить, что с увеличением хозяйства соответственно уменьшается потребность в этой силе, например, количество вылоков и вылок. Кроме того, мы не знаем площади индивидуального хозяйства первых веков н. э., вероятнее всего размеры его еще более крупные, чем 125 га. Тогда еще больше уменьшается потребность в необходимой рабочей силе на основных участках работы. Можно, конечно, прибавить к общему количеству рабочей силы необходимый на усадьбе прочий персонал, что увеличит это количество до 71 человека.

Настоящая таблица несомненно свидетельствует об укрупнении индивидуальных хозяйств в районе Круглой и Камышевой бухт: на той же площади — 125 га первоначально находилось 5 усадеб, в первых веках н. э. — ни одной. Уже только это сокращение усадеб уменьшает количество рабочей силы, за счет прочей, примерно, на 20 человек. Еще на 30 человек уменьшается общее количество необходимой рабочей силы в результате изменения в соотношении площадей, занимаемых основными культурами. Соответственно этому в целом почти в два раза уменьшаются расходы на содержание рабочей силы в хозяйстве. Хозяйство по-прежнему сохраняет товарный характер специализированного винодельческого типа. При этом количественный выход основной продукции — вина уменьшается, однако товарная масса его несомненно увеличивается, будучи сконцентрированной в руках одного, а не пяти собственников землевладельцев.

Чрезвычайно интересно уменьшение продукции виноградников за счет хлеба. В III—II вв. до н. э. мы наблюдаем значительную нехватку хлеба, общий сбор которого не обеспечивал даже необходимую рабочую силу. В первых веках н. э. остаток хлеба после обеспечения им рабочей силы явно достаточен для покрытия потребностей самого хозяина, его челяди и рабочего скота. Не исключено, что некоторая часть хлеба могла поступать на рынок.

Конечно, все цифры, которыми мы располагаем для характеристики экономики и земледелия позднеантичного времени, в значительной степени ориентировочные, средние цифры. За ними скрывается разнообразие отдельных хозяйств, разных по своей экономической мощи, как это мы хорошо видим на примере клеров III—II вв. до н. э. Тем не ме-

нее мы не можем отрицать значение средних цифр, поскольку в них отчетливо проявляется общая тенденция развития земледелия и экономики Херсонеса, соответствующая развитию античного общества в целом.

Значительный научный интерес имеет факт уменьшения количества индивидуальных хозяйств в первых веках нашей эры, которое представляет материал для изучения экономических законов, неизбежно ведущих к концентрации земельной собственности, для изучения той формы земельной ренты, которая соответствовала развитию общественного процесса производства в рабовладельческую эпоху¹.

Среди множества намечающихся к решению экономических вопросов, возникших в итоге полевых исследований последних лет на Гераклеиском полуострове, заслуживает быть отмеченным еще один.

Как мы уже подчеркивали, характерной особенностью клеров III—II вв. до н. э. является обязательное наличие на них хозяйственных усадеб. Усадьба — обязательная составная часть всего хозяйства, основой которого являлся клер. Это понятно и естественно.

Но в первых веках нашей эры количество этих усадеб значительно сократилось — больше чем в два раза у побережья и, по-видимому, еще больше в южной и центральной части полуострова. Об этом свидетельствует значительный разрыв между количеством клеров и обнаруженных остатков их усадеб. О Маячном полуострове мы уже и не говорим. Однако нигде еще нам не удалось зафиксировать наличие двух-трех усадеб на одном клере. Придавая этому факту большое значение, мы самым старательным образом прослеживали этот факт в последние годы на нескольких десятках херсонесских клеров, как в прибрежной части полуострова, так и в остальных его районах.

Возникает вопрос, конечно только в порядке его постановки, не вызван ли этот факт определенной формой наследования, существовавшей в Херсонесе, запрещающей раздробление клеров? Отнюдь не решая этого вопроса до более углубленных полевых исследований, обратим внимание на существовавшую практику наследования в древней Греции. Ряд источников свидетельствует, что греки отрицательно относились к раздроблению наследства и являлись сторонниками агнатического права наследования². Не случайно в Греции мы наблюдаем правовой институт наследниц — «επίκληροί»³. Платон категорически отрицает право завещания или дарения своего надела⁴. Развитие товарных отношений и денежного обращения привело к установлению законов, запрещающих продажу клеров⁵. Можно думать, что в Херсонесе существовали подобные же правовые нормы, археологически как будто прослеживаемые на его клерах.

3. Некоторые вопросы истории Херсонеса античной эпохи в свете памятников земледелия Гераклеиского полуострова

Научное положение: «История классической древности — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»⁶, опирающееся на глубокое изучение истории антич-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1938, стр. 559.

² Aristophan, Aves, 1653; Lysias, Pro Mantith., 10; Гортинские законы, Зап. Рус. Археолог. общ., т. III, 1888, стр. 327 и сл., отд. V—VI; Isaias. In Xenae. 4; Poll., XII, 6, 8.

³ Herod., VI, 57; Aristot., Polit., II, 6, 11; Diod., XII, 18.

⁴ Plat., Leg., V, 741B; XI, 922D, 923A.

⁵ Aristot., Polit., II, 3, 7; 4, 4; 6, 10; VI, 2, 5.

⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 15.

ного мира, целиком и полностью приложимо к истории Херсонеса Таврического античного времени. Изучение истории земледелия Северного Причерноморья, первые шаги которого сделаны за последнее время, блестяще это подтверждает. Наша работа преследует скромную цель: послышать изучение земледелия и форм земельной собственности в Херсонесе как основы научного исследования его истории в античную эпоху. Мы ограничиваемся рассмотрением только отдельных вопросов истории, отнюдь не претендуя на окончательное их решение. Больше того, некоторые из указанных вопросов выдвинуты в порядке постановки и требуют дальнейшего изучения на основе исследований.

Просмотренные выше памятники позволяют считать, что основой экономики античного Херсонеса являлось земледелие, оказывавшее большое влияние на развитие ремесла. Продукция земледелия — вино, по-видимому, занимала основное место во внешней торговле города. Напомним, что данный вывод подкрепляется интенсивным использованием всей округи Херсонеса — Гераклейского полуострова для земледелия, относительно крупным размером индивидуальных хозяйств рабовладельческого типа, специализацией этих хозяйств и их товарным характером.

В юридическом отношении земледелие базировалось на частной собственности на землю при наличии индивидуальных хозяйств мелких и средних размеров, вследствие чего с экономической неизбежностью эти хозяйства были подвержены постоянному изменению в количественном отношении и концентрации земли, что и прослеживается на эпиграфическом и археологическом материалах.

Земледельческий характер экономики Херсонеса прослеживается в первых десятилетиях его существования на клерах IV в. до н. э. на Маячном полуострове. Этот факт является конкретным подтверждением земледельческого характера колонизации Гераклеи Понтийской — метрополии Херсонеса¹ и соответствует научному освещению основной экономической причины древнегреческой колонизации: «В древних государствах, в Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянную звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на определенном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации»².

Исследования памятников земледелия на Гераклейском полуострове выявили размещение их в IV в. до н. э. лишь на территории его Маячного полуострова. Судя по обмерам Н. М. Печенкина и количеству отдельных усадеб на Маячном полуострове, древнейшие херсонесские клеры имели небольшой размер — около 4 га каждый. Можно думать, что первоначально в земледелии Херсонеса преобладали мелкие хозяйства. Не исключено, что это была единственная форма хозяйства на первом этапе жизни города, поскольку нигде больше на остальной тер-

¹ Точка зрения ряда исследователей, высказанная на основании аналогий и косвенных доказательств. См., например, А. И. Тюменев, Херсонесские этюды. ВДИ, 1949, № 4, стр. 76 и сл.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 278. Иную точку зрения по этому вопросу высказал Г. Д. Белов (Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 32, 54—55): «Главным и, вероятно, единственным занятием жителей в этот начальный период была торговля. Все необходимое для жизни продукты греки выменивали у туземного населения. Собственного хозяйства — сельского и ремесленного — в это время не было» (подчеркнуто нами, С. С.). Критику этого взгляда см. В. Ф. Гайдукевич. ВДИ, 1949, № 3, стр. 143.

ритории Гераклеийского полуострова пока не обнаружено памятников земледелия, которые можно бы было датировать раньше рубежа IV—III вв. до н. э. Отмеченные два факта требуют к себе пристального внимания и объяснения. В порядке предположения допускаем мысль, что первые колонисты из Гераклеи Понтийской располагали в IV в. до н. э. лишь незначительной территорией Гераклеийского полуострова на его Маячном полуострове под защитой оборонительных стен на перешейке. Экономическая слабость Херсонеса этого периода не менее четко прослеживается на малых размерах площади самого города и мало мощных его оборонительных стен¹.

Малых клеров IV в. до н. э. насчитывается около ста. Это обстоятельство, видимо, позволяет подойти к определению примерного количества колонистов из Гераклеи Понтийской, полноправных граждан нового греческого полиса. Вместе с этим намечается размах, точнее масштаб, земледельческой колонизации метрополии Херсонеса и социальный состав самих колонистов. Основная масса колонистов, по-видимому, принадлежала к малоимущему слою населения Гераклеи Понтийской, демократические устремления которого не получили осуществления в родном городе. Вероятнее всего это были мелкие земледельцы, живущие собственным трудом, родные братья которых работали на полях Аттики — персонажи комедий великого Аристофана². Упряжка волов, один-два раба являлись той силой, с помощью которой, по-видимому, обрабатывались и поля на клерах Херсонеса IV в. до н. э.

Иную картину представлял Херсонес III—II вв. до н. э. Больше чем в 30 раз увеличивается его сельскохозяйственная территория. Теперь она занимает весь Гераклеийский полуостров. В пять раз увеличивается число клеров. Из общего числа их (около 500) почти 400 имеют площадь 26,5 га каждый. Только на Маячном полуострове по-прежнему сохраняются малые клеры. С увеличением клеров кардинально изменяется их лицо. Старые мелкие хозяйства несомненно натурального типа заменяются специализированными товарными хозяйствами. Им и принадлежала ведущая роль в экономике Херсонеса. Не случайно в это же время значительно увеличивается площадь самого города³, окруженного мощными оборонительными стенами. Расцветают ремесла и развивается торговля, тесно связавшая Херсонес с различными древнегреческими городами и населением юго-западного Крыма. Границы хоры выносятся далеко на север западного побережья Крыма и включают в себя Керкенииду, Прекрасную гавань и укрепления Херсонеса. В начале III в. до н. э., по-видимому, вновь закрепляется законодательным порядком демократический строй, принятием присяги граждан. Отмеченный нами крупный перелом в истории Херсонеса падает на начало III, максимум рубеж IV—III вв. до н. э.

Напрашивается вопрос: каковы причины этого перелома, чем его можно объяснить? Конечно, это такой вопрос, который легче поставить, чем дать на него ответ. Попытаемся все же если и не ответить на него, то хотя бы наметить направление, придерживаясь которого можно объяснить важный этап в истории Херсонеса.

Вернемся к общепризнанному положению К. Маркса, отметившему, что «история классической древности—это история городов, но история

¹ С. Ф. Стржелецкий. Херсонес-Корсунь. Путеводитель по раскопкам. Симферополь, 1950, стр. 14, рис. 5, стр. 38, табл. VIII.

² Aristophan. Pax. 550—559, 566—600, 1400 и сл.; Nubes. 43 сл., 117; Acharn. 201, 250, 1022, 1055.

³ С. Ф. Стржелецкий. Херсонес-Корсунь, рис. 5.

городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»¹. Аграрный характер экономики Херсонеса подтверждается материалом, исследованным в предшествующих главах настоящей работы. На рубеже IV—III вв. до н. э. происходит кардинальное изменение облика всей сельскохозяйственной территории античного полиса. Думаем, было бы нелогичным считать, что это изменение не отразилось на истории Херсонеса. Приведенное теоретическое положение подкрепляется теми историческими событиями, далеко не полный перечень которых приведен нами выше. Остановимся на двух из них.

К числу важнейших эпиграфических документов Херсонеса и всего Северного Причерноморья относится постамент статуи Агасикла, сына Ктесия, на котором дан перечень крупных государственных мероприятий, организованных и проведенных им в жизнь. Памятник датируется III в. до н. э.² Как мы уже знаем, в числе этих мероприятий значится размежевание виноградников на равнине. Следы этой размежевки мы и усматриваем в разрушенных клерах Херсонеса на Гераклейском полуострове, дата которых совпадает с временем надписи на постаменте³.

Текст гласит „(ὁ)ρί[ε]ται τὰν ἐπὶ τοῦ πεδ[ί]ου ἀρπελεῖαν“ «Размежевавшему виноградники на равнине». Различные исследователи уже неоднократно отмечали, что это мероприятие имело крупное государственное значение. Такой вывод аргументировался тем обстоятельством, что размежевание отмечено на постаменте на втором месте в перечне остальных мероприятий, в частности, перед упоминанием о стеностроительстве. Это же подтверждается остатками этой размежевки на площади около 100 км² на Гераклейском полуострове, грандиозность которой затмевает даже славу мощных оборонительных стен Херсонеса этого же времени.

Дело, однако, не в объеме работы, а в политическом ее значении. Агасикл размежевал на равнине виноградники. Спрашивается, какие виноградники, чьи виноградники? Может быть, имелись в виду будущие виноградники, которые должны были быть возделаны на размежеванных клерах, или это уже существовавшие виноградники, которые и пришлось перемеревать Агасиклу? Раскопки клеров и их усадеб показали, что те и другие одновременны с надписью на постаменте. Следовательно, Агасикл размежевал землю под виноградники⁴.

Таким образом, существо мероприятия, проведенного в жизнь Агасиклом, заключается в размежевке земли. Важно, что эта земля кому-то принадлежала, была в чьей-то собственности. Была ли она уже частной собственностью или являлась общественной собственностью, этого мы пока не знаем. Нам думается, вероятнее всего, она была частной собственностью. Во всяком случае, в IV в. до н. э. она не принадлежала херсонесской общине, вынужденной ограничиться площадью Маячного полуострова и наделами по 4 га на гражданина. Сказанное дает право думать, что Агасикл размежевал чью-то землю, делил ее поровну, уравнивал на нее права определенного числа граждан в количестве около 400 семейств. Пример Маячного полуострова показывает, что количество претендентов на наделы (конечно, у которых было на это право) не превышало такого числа. В противном случае клеры были бы уменьшены, а количество их увеличено. Уравнительный экономический харак-

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 15.

² IOSPE, I², № 418.

³ См. выше, стр. 51 и сл.

⁴ Напомним, когда Катон говорит о винограднике — имени, площадью в 100 югеров, он подразумевает такое хозяйство, в котором ведущее значение принадлежит винограду, но на котором имеются также поля для зерновых культур и сад.

тер этого акта, учитывая небольшие размеры Херсонеса и незначительное количество его граждан, без всякого сомнения раскрывает его политическую сущность, его демократический характер.

Вероятен ли такой факт в условиях античного мира на рубеже IV—III вв. до н. э.? Безусловно. Аналогичные попытки засвидетельствованы во многих местах: в III в. до н. э. в Ахайе¹, во II в. до н. э. в Аргосе, Этолии, Фессалии², напомним, наконец, аналогичные по существу попытки Гая и Тиберия Гракхов. По-видимому, успешное проведение земельной реформы в Херсонесе в значительной степени определялось, так сказать, «молодостью» города (а отсюда и слабостью аристократии), крайним положением города, расположенного на далекой периферии античного мира, окружением Херсонеса — коренным населением Северного Причерноморья с развитыми пережитками общинного строя.

Такое событие в жизни Херсонеса не могло не оставить после себя следа в его политической истории. Мы думаем, что оно и прослеживается во втором эпитафическом памятнике Херсонеса — присяге его граждан³. Уже при первом издании присяги в 1892 г. акад. В. В. Латышев считал ее практическим документом⁴.

В 1935 г. крупнейший советский ученый и исследователь истории Северного Причерноморья акад. С. А. Жебелев вновь пересмотрел этот документ и вскрыл в нем ряд новых черт⁵. В частности, С. А. Жебелев убедительно показал, что присяга написана в итоге победы демократов в острой классовой борьбе⁶. Однако попытка найти экономические пружины этой борьбы ему не удалась. Нам кажется, что основной экономической пружиной этой борьбы была борьба за землю на Гераклейском полуострове. Учитывая частнособственнический характер античного земледелия, мы не допускаем единодушного добровольного согласия на передел земли и распределение ее на уравнилельных началах среди граждан Херсонеса на рубеже IV—III вв., или, еще точнее, в начале III в. до н. э. Надпись на постаменте статуи Агасикла является бесспорным доказательством проведения этой крупной земельной реформы. Присяга — это юридический, правовой документ, который законодательным путем утвердил реформу в пользу рядовых демократов, в ущерб крупным землевладельцам.

Нашей попыткой освещения этих событий, независимо от того, правильна она или нет, далеко не исчерпывается многообразие исторических событий на рубеже IV—III вв. до н. э. Невольно возникает множество пока не разрешенных вопросов. Почему только в начале III в. до н. э. Херсонес размежевывает основную свою сельскохозяйственную территорию на клеры, а не с момента своего основания? Принадлежала ли ему эта территория до III в. до н. э.? Кто владел этой территорией? Каким образом за 100—150 лет его существования увеличилось в пять раз количество семей, обладающих правами на землю, т. е. политическими правами? Как могло старое маломощное земледельческое население экономически освоить клеры, увеличившись в шесть раз? Как можно объяснить такое резкое увеличение сельского и городского населения? К сожалению, исследование истории Херсонеса пока идет на столь невысоком уровне, что эти вопросы, как и десятки им аналогичных, еще остаются без ответа.

¹ Plutarch., Kleomen. VII, 17.

² Titi Livi. XXXII, 38; XLII, 5.

³ IOSPE, I², № 401.

⁴ В. В. Л а т ы ш е в. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889—1891 годах. МАР, 9, стр. 5—6.

⁵ С. А. Ж е б е л е в. Херсонесская присяга. ИАН, 1935, 10, стр. 913—939.

⁶ Т а м ж е, стр. 918.

Изучение клеров Херсонеса и новые материалы, накопившиеся за последние годы, позволяют нам продолжить попытку, предпринятую В. Д. Блаватским, и примерно подсчитать количество населения Херсонеса III—II вв. до н. э., связанного с земледелием¹. Подсчет выполнен на основании средних цифр по пяти обследованным клерам в районе Круглой бухты, составляющим всего лишь 1,5% всего количества таких же клеров полуострова. Такое соотношение явно делает подсчет грубым и приближенным. Тем не менее для общей ориентировки он не бесполезен.

Нам удалось установить по плану 1786 г. (рис. 1), что общее количество клеров обычного, среднего размера было на полуострове около 380. В среднем на один клер приходится по 24 единицы необходимой рабочей силы². Итого на всех клерах было около 9120 рабов. К этому числу следует прибавить примерно 380 семейств хозяев клеров, или почти 3800 человек свободных из расчета, заимствованного у В. Д. Блаватского³. К данному числу следует прибавить около 100—150 рабов на малых клерах Маячного полуострова и около 800 человек свободных, членов семей хозяев клеров. Таким образом, общее количество земледельческого населения Херсонеса достигало приблизительно 9220—9270 рабов и 4600 свободных, а всего ориентировочно 15 000 человек.

Подсчет населения по плотности его на 1 га дает почти тот же результат. Общая площадь Гераклейского полуострова, занятая клерами, приблизительно равна 10 000 га. Количество необходимой рабочей силы на 1 га в среднем по пяти клерам 0,96 единицы⁴. Итого по всему полуострову около 9600 рабов. Остальные цифры сохраняют свою силу. Всего на Гераклейском полуострове примерно 15 500 человек⁵. В предшествующий период, в IV в. до н. э., эта группа населения насчитывала около 1000 человек, главным образом свободных. В первых веках нашей эры, вследствие концентрации земельной собственности и вытеснения виноградарства и садоводства зерновыми культурами, количество земледельческого населения было меньше, чем в эллинистическое время, и насчитывало приблизительно на этой же площади 7000 человек, из них примерно 5500 рабов.

Исключительно интересно было бы определить этнический состав этого населения, однако имеющиеся пока в нашем распоряжении материалы позволяют сделать только самые общие замечания. В этом отношении заслуживает быть отмеченной мысль В. Д. Блаватского о значительной таврской прослойке среди рабов, трудившихся на клерах Херсонеса⁶. Эта мысль находит, по-видимому, дополнительное подкрепление в постоянно встречающихся обломках лепных сосудов, в особенности орнаментированных, весьма близких по последнему признаку к сосудам из таврских поселений VI—V вв. до н. э.

¹ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 165—166.

² См. выше, стр. 154. Средняя несколько занижена, ибо клер № 20 имеет площадь около 12,5 га при обычной площади около 26,5 га. На клере № 20 было около 17 рабов, и это количество следовало бы увеличить в два раза по меньшей мере, так как клеры площадью в 12—16 га составляют исключение в общей массе клеров площадью в 26,5 га. Таким образом, мы заведомо допускаем ошибку в сторону уменьшения общего количества рабочей силы.

³ В. Д. Блаватский. Ук. раб., стр. 168.

⁴ Эта цифра несомненно точнее, чем 24 раба на одном клере, ибо взята по отношению к одинаковой мере 1 га, а не разновеликим по площади клерам.

⁵ Значительное расхождение с расчетом В. Д. Блаватского определяется главным образом отсутствием у него точных данных о площади полуострова и количестве клеров, расположенных на нем.

⁶ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 163 и сл.

Наличие этих обломков, по-видимому, характерно для усадеб клеров эллинистического времени. Они были обнаружены К. Э. Гриневи-чем на усадьбе в Бермановской балке, В. П. Лисиным на усадьбе клера № 13 на берегу Камышевой бухты и нами на усадьбах клеров № 25 и 26 .

Наконец, следует отметить, что земледелие Херсонеса отличается развитой рабовладельческой формой, чрезвычайно близкой античной, средиземноморской. В этом мы могли убедиться на основании принципов организации сельскохозяйственной территории Херсонеса, индивидуальных его хозяйств — клеров, техники земледелия, выращиваемых основных культур, их распределения и удельном весе в экономике клеров, планировке усадеб, устройстве виноделен и т. д.

Думаем, не будет преувеличением, если мы скажем, что земледелие Херсонеса представляет классический образец античного земледелия древнегреческого и древнеиталийского времени. Благодаря этой черте памятники земледелия Херсонеса Таврического представляют значительный и во многих случаях неповторимый вклад в общую сокровищницу античной культуры, являющейся фундаментом культуры Европы и всего современного человечества.

---

¹ Не развивая положения, мы считаем необходимым отметить, что таврская прослойка все больше и больше начинает прослеживаться и среди свободного населения Херсонеса. В противоположность В. Д. Блаватскому (см. там же, те же стр.) мы полагаем, что тип усадеб, сложенных по правилам строительной техники тавров, наряду с усадьбами, построенными в великолепной древнегреческой строительной манере, свидетельствует не о зависимости хозяев от строительных навыков их рабов — тавров, а о привычках, вкусах, традициях самих хозяев. Вопрос этот подлежит дальнейшему изучению и обусловлен накоплением нового материала.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КЛЕРОВ В РАЙОНЕ КРУГЛОЙ И КАМЫШЕВОЙ БУХТ

КЛЕР № 1

Площадь — около 25 га. Клер расположен на берегу моря. С юга (ориентировка дана без учета фактических отклонений, см. план размежевки; рис 20) граничит с клерами № 4 и 5, с востока — № 2. Каменная ограда клера имеет около 1,50 м толщины. Размежеван он на многочисленные участки: виноградники, сады и поля. Северо-западная часть клера разрушена в новое время. Местами очень хорошо сохранились плантажные стены на садовых участках.

Усадьба расположена на берегу моря, на восточной стороне клера. Площадь ее ориентировочно равна 40×40 м, или 1600 м². Усадьба очень разрушена какими-то земляными работами. Прибрежная ее часть разбита прибоем. Подъемный материал — обломки черепицы, амфор, пифосов и другой посуды — относится ко времени начппая с III в. д. н. э. и по конец античной эпохи.

КЛЕР № 2

Длина с южной сторбны около 720 м. Ширина по восточной стороне около 550 м, по западной — около 130 м. С севера клер ограничен береговой линией неправильного очертания. Восточный угол клера упирается в западный берег Круглой бухты. Площадь его около 21 га. Ориентировка внутренних межевых стен такая же, как на всех обычных клерах: с юго-востока на северо-запад и с юго-запада на северо-восток. Клер размежеван на виноградники, сады и поля. На значительной площади размежевка разрушена дачами XX века.

Усадьба клера расположена в его восточном углу, на берегу Круглой бухты. Площадь ее (ориентировочно) равна 40×40 м, или 1600 м². Усадьба сильно запылята землей и задернована. Вдоль берега она размыта прибоем. Подъемный материал датируется в широких пределах: от III в. до н. э. и по IX—XI вв. Среди находок имеются обломки черепицы и сосудов античной эпохи, главным образом первых веков н. э., наиболее поздние обломки: клейменная плоская черепица, калиптеры, ручка кувшина относятся к IX—XI вв.

КЛЕР № 3

Площадь около 11,5 га. Клер в плане неправильной формы, определяемой береговой линией. Расположен он на западном мысе Круглой бухты. С запада по прямой линии граничит с клером № 2. Размежеван клер на виноградники, сады и поля.

Усадьба расположена на берегу Круглой бухты, на расстоянии 90 м к северу от южного угла клера. Площадь усадьбы — 35×35 м, или 1225 м². В ее южной части находилась квадратная башня пристань. Подъемный материал эллинистического времени представлен обломками херсонесских и синопских черепиц. На одной из синопских имеется клеймо 1-й группы, с трехстрочной легендой (читается только верхняя—АРХЕПТО) и эмблемой — орел на дельфине. К этому же времени относятся обломки херсонесских, фасосских, синопских, родосских амфор и обломок терракотового антефикса, судя по глине, фасосского происхождения. Первые века н. э. представлены обломками черепиц и фрагментом краснолакового кубка. Здесь же найден венчик средневекового кувшина IX—XI вв.

КЛЕР № 4

Расположен в одном ряду с клерами № 5, 6, и 7. Клер в плане прямоугольный, однако западная граница его образована неправильной береговой линией Камышевой бухты. Длина клера — 630 м, ширина вдоль северной ограды — 100 м, южной — 420 м. Площадь клера около 25 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля.

Усадьба расположена на берегу моря в южном углу клера и примыкает к его юж-

ной ограде. Площадь усадьбы — 35×35 м, или 1225 м². Стены сложены из крупных квадров грубой обработки. На одном участке сохранился ряд кладки общей высотой до 2 м. Западная сторона усадьбы разбита прибоем. Ворота находились с южной стороны. Обломки черепицы, амфор, лутериев, кувшинов, пифосов и других сосудов датируются, начиная с III в. до н. э. по IV—V вв. в. э.

КЛЕР № 5

Клер прямоугольный. Длина его — 630 м, ширина — 418 м. Площадь клера — 26 га. Толщина каменной наружной ограды от 1,00 до 1,50 м. Размежеван он на участки различной величины под виноградники, сады и поля.

Усадьба клера не обнаружена.

КЛЕР № 6

Клер прямоугольный. Длина его — 630 м, ширина — 415 м. Площадь — 26 га. Размежеван на участки различной величины под виноградники, сады и поля. Ведущие культуры — виноград и садовые. Северный угол клера значительно поврежден дачами XX века. На одном из садовых участков, к северу от усадьбы, хорошо прослеживаются конденсационные (?) каменные кучи.

Усадьба клера расположена вдоль западной ограды, вдоль дороги. Ворота находятся в се западном углу. В плане усадьба имеет геобразную форму. Длина вдоль дороги около 35 м. Ширина — до 55 м. Выше современной поверхности стены усадьбы разобраны. Подъемный материал представлен обильно. Очень много обломков черепиц, амфор и пифосов. Все находки датируются эллинистическим временем.

КЛЕР № 7

Клер прямоугольный. Длина его — 630 м, ширина — 415 м. Площадь — 26 га. Северный угол клера выходит на западный берег Круглой бухты. Он террасирован и размежеван на виноградники, сады и поля. Многие участки распаханы. Клер имеет две (?) усадьбы, что совершенно необычно для всех остальных известных нам наделов. Обе усадьбы расположены на берегу Круглой бухты: восточная — вдоль восточной ограды клера, северная — вдоль северной.

Северная усадьба (рис. 146). Сохранность ее очень хорошая. В плане она прямоугольная, длиной 35 м и шириной — 25 м. Восточной стороной примыкает к самому берегу небольшого полуозера, полуболота, соединяющегося с Круглой бухтой. Усадьба имеет две башни пирамидальной формы. Размеры южной — 10×8 м. Стены ее сложены из двух рядов квадров, вследствие чего общая толщина стен достигает 2,50 м. В высоту сохранились 4 ряда кладки. Усадьба имеет въездные ворота со стороны дороги. Подъемный материал представлен несколькими обломками сосудов эллинистического времени.

Восточная усадьба сохранилась плохо. Она большая, со сложным планом. Протяженность наружных стен около 80 м. В обресте одной из ям четко прослеживается завал черепицы на полу помещения. Следы горения и этот завал несомненно свидетельствуют о катастрофической гибели усадьбы где-то в конце античной эпохи. Башня усадьбы расположена в ее северной половине и примыкает к восточной дороге. Сложена она из очень больших блоков. В плане квадратная, 8×8 м по сторонам. Подъемный материал представлен очень обильно. Найдены обломки черепиц, амфор, кувшинов и других сосудов. Так же многочисленны обломки краснолаковых сосудов. В подавляющей массе материал относится к первым векам н. э. В противоположность последним, находки эллинистического времени малочисленны и маловыразительны.

КЛЕР № 8

Клер расположен в одном ряду с клерами № 9—12. Прямоугольный в плане, он имеет длину 630 м и ширину 415 м. Западный угол его урезан береговой линией. Площадь клера около 26 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. В восточном углу вдоль южной ограды размещены четыре современных коттеджа. В остальной части клер сохранился хорошо.

Усадьба клера (плохо сохранившаяся) расположена на берегу Камышевой бухты. Примыкает к западной его ограде. Башня усадьбы сложена из больших, грубо подтесанных камней. Западная сторона усадьбы разбита прибоем. В обресте хорошо виден вырубленный в скале подвал прямоугольной формы, размером около 5×4 м. На углах подвала, со стороны суши, сохранилась кладка стен помещения, расположенного над ним. Подъемный материал из обреста насыпн вдоль берега бухты представлен обломками черепиц, пифосов, амфор, лутериев, кувшинов и обломков чернолакового сосуда. Все находки относятся к эллинистическому времени.

КЛЕР № 9

Клер прямоугольный. Длина его 630 м и ширина 415 м. Площадь клера 26 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. В южном углу находится три современных коттеджа. В остальной части клер сохранился хорошо.

Усадьба расположена в западном углу клера. Примыкает к его северной и западной ограде. От усадьбы до берега Камышевой бухты немногим больше 100 м. Прямоугольная в плане, усадьба имеет в длину 35 м и ширину 30 м. Ворота на усадьбу находятся у западной стороны дороги. Башня расположена в ее западном углу. Стены сложены из огромных квадров. На поверхности земли, в окопах и воронке от бомбы, значительно повредившей усадьбу, найдено большое количество обломков черепиц и различных античной эпохи сосудов, начиная с III в. до н. э. и по IV—V вв. н. э.

Клер № 12¹

Клер прямоугольный, размером 630×415 м. Площадь его — 26 га, без вычета площади южной половины соленого озера. Размежеван он на виноградники, сады и поля.

Усадьба клера расположена на южном берегу соленого озера, вдающегося в клер с его северной стороны, на расстоянии 100 м от восточной ограды. Минимальные размеры усадьбы 40×40 м. Помещения ее заплывли землей и задернованы. Хорошо сохранилась башня, стены которой сложены из огромных квадров без подтепки. В южном углу башни находится современная яма, в обресе которой видны три ряда кладки квадров. Подъемный материал представлен обломками черепиц, пифосов, амфор и других сосудов, которые датируются в пределах с III в. до н. э. по IV—V вв. н. э.

КЛЕР № 13

Участок может быть назван клером условно. Расположен он узкой полосой вдоль восточного берега Камышевой бухты, с востока ограничен клером № 8. Наибольшая длина участка вдоль его восточной ограды — 350 м. Наибольшая ширина его вдоль южной ограды — 124 м. Площадь около 4 га. Размежевка участка уничтожена сооружениями XIX—XX вв.

КЛЕР № 14

Участок может быть назван клером условно. Расположен он, как и предыдущий, узкой полосой вдоль берега Камышевой бухты и с востока граничит с клером № 15. Длина участка — 630 м. Ширина его различна: от 100 до 250 м. Площадь — около 7 га. Ограда и размежевка уничтожены новым строительством.

Усадьба этого клера расположена на берегу бухты, на мысе. В обресе вдоль берега видны торцы стен. Различные керамические обломки датируются, начиная с эллинистического по средневековое время включительно.

КЛЕР № 15

Клер прямоугольный, размеры его 630×415 м. Площадь — 26 га. Кроме узкой полосы вдоль восточной ограды, весь клер разрушен при сооружении французами барачков в 1854—1855 гг.

Усадьба не обнаружена.

КЛЕР № 16

Клер прямоугольный, размером 630×415 м. Площадь — 26 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. Преобладающая культура—виноград. Сохранился клер хорошо.

Усадьба не выявлена.

КЛЕР № 17

Клер прямоугольный, размером 630×415 м. Площадь — 26 га. Размежеван на виноградники, сады и поля. Преобладающая культура — виноград. Участки по дну балки сильно запаханы, однако межевые стены видны хорошо.

Усадьба не выявлена.

КЛЕР № 18

Клер прямоугольный, размером 630×415 м. Площадь — 26 га. Размежеван он на виноградники, сады, поля. Средняя часть его по диагонали с северного на южный угол по дну балки очень сильно запахана, сохранились только основные межевые стены.

Усадьба клера расположена близ северного угла, на расстоянии 100 м от стен, образующих этот угол. Разрушена она почти до основания при сооружении современного хутора. Многочисленные обломки черепиц, пифосов, амфор и других сосудов, найденных на усадьбе, датируются III—II вв. до н. э.

Клер № 19

Клер прямоугольный, размером 630×415 м. Площадь — 26 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. Сохранился очень плохо.

Усадьба не выявлена.

¹ Описание клеров № 10 и 11 дано выше. См. IV гл. настоящей работы.

КЛЕР № 21

Клер прямоугольный. Длина его 418 м. Ширина по западной стороне — 418 м, по восточной — 350 м. Южная граница ломаная. Площадь около 17 га. Клер размежеван на виноградники, сады и поля. Большая часть площади занята под виноградники. Сохранился клер очень хорошо, кроме разбитого западного угла.

Усадьба расположена близ южной дороги, на расстоянии 130 м от южного угла клера. Размер усадьбы приблизительно 25×25 м. Сверху она завалена разрушенными остатками сооружения XIX—XX вв. Подъемный материал представлен незначительным количеством обломков черепиц и сосудов эллинистического времени.

КЛЕР № 22

Клер квадратный, размером 420×420 м. Площадь — 17,5 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. Сохранился клер плохо. Удовлетворительно сохранилась только юго-западная его сторона по склону балки. По дну балки клер сильно запахан, межевые стены разрушены.

Усадьба отодвинута в глубь клера. Подъезд к усадьбе шел с северной дороги. Ширина его около 20 м, длина — около 80 м. Усадьба большая, очень разрушена и завалена камнем из разобранных древних межевых стен, вследствие чего подъемный материал не очень многочислен. Представлен обломками черепиц и сосудов античного времени, начиная с эллинизма.

КЛЕР № 23

Клер квадратный, размером 420×420 м. Площадь — 17,5 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. Почти вся площадь занята виноградниками. Сохранился клер очень хорошо, кроме небольшого участка вдоль западной ограды, застроенного домами рыболовецкого колхоза.

Усадьба расположена в западном углу клера. Размер ее — 30×30 м. Частично она застроена домом № 1, ряд 1 упомянутого поселка. Посредине длины северной ограды клера, примыкая к ней, находится второе сооружение, размером 14×10 м. Подъемный материал из отвала водопроводной траншеи поселка представлен многочисленными обломками черепиц, пифосов, амфор и других сосудов III—II вв. до н. э. В обрезах этой же траншеи были видны стены усадьбы, полы ее помещений, разбитая херсонесская амфора и многочисленные обломки сосудов и черепиц III—II вв. до н. э.

КЛЕР № 24

Клер квадратный, размером 420×420 м. Площадь — 17,5 га. Клер очень плохо сохранился: при строительных работах XIX—XX вв. разрушена внутренняя размежевка, западная внешняя ограда и почти вся северная.

Усадьба не выявлена. По-видимому, она разрушена до основания. К клеру со стороны восточного берега Камышевой бухты примыкает узкая полоса земли вдоль берега. На самом берегу расположена усадьба, почти полностью разрушенная. Подъемный материал на этой усадьбе представлен обломками сосудов и черепиц, начиная с эллинистического времени по средневековое включительно.

КЛЕР № 27²

Клер прямоугольный, размером 630×418 м. Площадь его — 26 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. Основная культура — сад, который занимает около 50% всей площади клера. Сохранился клер удовлетворительно.

Усадьба клера размещена в северном его углу. Размер усадьбы 35—30 м. Она запыла землей и почти полностью задернована. Кое-где выступают камни кладки стен. Подъемный материал на усадьбе немногочислен. Представлен обломками черепиц и сосудов эллинистического времени.

КЛЕР № 28

Клер прямоугольный, размером 630×418 м. Площадь его 26 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. Основная культура — виноград. Сохранилась внутренняя размежевка удовлетворительно.

Усадьба не выявлена.

КЛЕР № 29

Клер прямоугольный, размером 620×418 м. Площадь его — 26 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. Основная культура — виноград. Клер удовлетворительно сохранился, за исключением его четвертой части, примыкающей к западному углу.

Усадьба расположена в северном углу клера. Минимальные ее размеры 25×25 м. Она сильно запыла землей и задернована. На усадьбе имеется глубокий окол с обвалившимися стенками. Подъемный материал из отвала этого окопа дал немногочисленные обломки черепиц и сосудов эллинистического времени.

¹ Описание клера № 20 дано выше. См IV гл. настоящей работы.

² Описание клеров № 25 и 26 дано выше. См. IV гл. настоящей работы

КЛЕР № 30

Клер прямоугольный, размером 630×418 м. Площадь его — 26 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. Сохранность размежевки плохая, в особенности на северной стороне клера.

Усадьба клера расположена в его западном углу, на берегу Камышевой бухты. Размер усадьбы 70×30 м. От нее сохранились фундамент стен и частично сами стены. На усадьбе имеется колодец, по-видимому, древний. К усадьбе примыкает разрушенная каменная пристань (?). Пристань либо древняя, либо сооружена из камней, взятых из стен усадьбы. Подъемный материал собран главным образом по берегу бухты и представлен незначительным количеством обломков черепиц и сосудов античного времени, начиная с эллинизма. Кроме того, найден обломок черепицы и обломок амфоры с густым рифлением, вероятнее всего, раннесредневекового времени.

КЛЕР № 31

Клер прямоугольный, 630×420 м. Площадь — 26 га. Северная граница клера примыкает к берегу Камышевой бухты в самом ее верховье. На большей площади внутренняя размежевка клера сильно разрушена. Участки запаханы.

Усадьба клера размещена по середине длины его западной стороны и примыкает к дороге. Размеры усадьбы 100×80 м. Башня сложена из огромных блоков без подтески. Высота сохранившихся стен свыше 2 м, местами в 4 ряда кладки над современной поверхностью (рис. 147). С юго-восточной стороны башня имеет дверной проем. По величине, продолжительности существования и по тому, как усадьба сохранилась, она, по-видимому, уникальна для всего Гераклейского полуострова. Подъемный материал представлен многочисленными обломками черепицы и самых разнообразных сосудов, включая поливные биды и чаши, начиная с эллинистического времени по XIV век включительно.

КЛЕР № 32

Клер неправильной формы. С юга и запада ограничен древними дорогами. Расположен он на большом мысе западного берега Камышевой бухты, в самом ее верховье. Наибольшая длина его с запада на восток — 780 м, ширина — с севера на юг — 680 м. Площадь клера — около 33 га. Размежеван он на виноградники, сады и поля. Межевые стены приблизительно на 50% разрушены.

Усадьба клера расположена на самой восточной оконечности мыса, на берегу бухты. Размеры ее 70×50 м. Усадьба сильно разрушена. Стены башни сооружены из огромных, необработанных камней. Два из них, до двух метров высоты, поставлены на ребро (рис. 148). Характер кладки находит поразительные аналогии в технике кладки таврских сооружений горного Крыма и, в частности, в боевых сооружениях Уч-Баша. Подъемный материал — многочисленные обломки черепицы и различных сосудов, начиная с эллинистического времени по IX—XI в. включительно.

КЛЕР № 33

Клер почти квадратной формы, размером 504×504 м. Площадь его — 25 га. Восточной границей клера является западная береговая линия Камышевой бухты. Размежеван он в соответствии с продольной осью мыса между Камышевой и Казачьей бухтами, а вследствие этого со значительным отклонением от направления общей размежевки клеров на Гераклейском полуострове. Это отклонение определено стремлением наиболее целесообразно использовать его площадь. Клер размежеван на отдельные участки: виноградники, сады и поля. Сохранность размежевки удовлетворительная.

Усадьба клера размещена в его восточном углу, на берегу бухты. Размеры усадьбы 75×60 м. Башня сложена из громадных блоков без подтески. С южной стороны сохранился дверной проем. Кладка стен сохранилась на высоту 4 рядов блоков. Стены двойные. Сооружения вокруг башни запыли землей и задернованы. Подъемный материал представлен обломками черепицы и различных сосудов, начиная с эллинистического времени по IX—XI вв. включительно, если не позже. Найдены обломки водопроводных труб, вероятнее всего позднеантичного времени.

КЛЕР № 34

Клер почти квадратный в плане, с немного скошенными углами, размером 420×420 м. Площадь его — 17,5 га. Размежеван он на виноградники и поля. Сохранность хорошая.

Усадьба клера не выявлена.

КЛЕР № 35

Клер почти квадратный в плане, с немного скошенными углами, размером 420×420 м. Площадь его — 17,5 га. Размежеван он на виноградники, сады (?) и поля. Сохранился клер хорошо.

Усадьба не выявлена.

Обследование территории Гераклеяского полуострова в районе Круглой и Камышевой бухт и обмеры клеров, расположенных здесь, позволяют сделать несколько выводов. Конечно, часть из них только предварительного порядка, так сказать, порядка постановки вопроса. Однако уже постановка этих вопросов показывает, сколь важны дальнейшие разведки в целях выявления других клеров, детальное изучение и точные обмеры этих клеров для истории Херсонеса, истории и экономики античного общества в целом. Каковы же выводы?

1. Разведкой взяты на учет 35 античных хозяйств-клеров Херсонеса эллинистического времени. Из них полностью разрушено 4 клера (№ 13, 14, 15 и 24). Однако площадь этих клеров устанавливается совершенно бесспорно.

2. По площади клеры разделяются на три группы: около 26,5 га, 17,5 га и с площадью, отличающейся от первых двух групп. Первые две группы являются результатом намеренного, заранее предусмотренного размежевания. Третья группа столь же несомненно — случайна. К первой группе клеров с площадью в 26,5 га относятся 19 наделов (№ 4—12, 15—19, 28—31). Ко второй группе — 5 клеров (№ 21—24, 34 и 35). К третьей группе — 10 клеров (№ 1, 2, 3, 13, 14, 20, 25, 26 и 32). Как видно на плане (рис. 20), неравенство площадей этой группы клеров определяется неправильностью береговой линии, с которой они соприкасаются. Узаконенной величиной клера в Херсонесе эллинистического времени был земельный надел площадью в 26,5 га¹.

3. Внутренняя размежевка клеров, уже до детальной ее съемки, со всей очевидностью вскрывает интенсивный характер сельского хозяйства античного Херсонеса, в котором ведущей культурой являлся виноград.

4. Все клеры, вымежеванные вдоль береговой линии, всегда имеют усадьбы на берегу моря. Факт, несомненно обусловленный транспортными перевозками, транспортными расходами: стремлением удешевить первые и сократить вторые. Таких усадеб насчитывается 14.

5. Всего выявлено 26 усадеб, соответственно по одной усадьбе на каждый клер. Исключением составляет только один клер № 7, на котором нами обнаружено две усадьбы. Вероятнее всего, северная усадьба существовала только в эллинистическое время. В первых веках нашей эры усадьба была перенесена на новое место — восточная усадьба. Окончательное решение этого вопроса определяет раскопки этих двух усадеб.

6. По продолжительности существования усадеб можно разделить на три группы: существовавшие только в эллинистическое время; в течение всей античной эпохи; продолжавшие существовать в средние века. К первой группе относятся 12 усадеб, ко второй — 15 и к третьей — 7.

7. Очень важно распределение этих групп в связи их с береговой полосой. Так, усадьбы третьей группы, пережившие античную и частично средневековую эпоху, все без исключения размещены либо на самом берегу моря, либо в самой непосредственной близости от него. Это же наблюдение относится и ко второй группе (исключение составляет только усадьба клера № 22). По-иному размещены усадьбы первой группы, существовавшие только в эллинистическое время. Из 12 таких усадеб 11 удалены от берега моря и только одна (клер № 8) размещена на берегу.

Указанные факты несомненно обусловлены рядом экономических причин, из которых можно указать на следующие: более выгодные условия транспортировки, большее плодородие земель на клерах, расположенных у подошвы возвышенностей по берегу моря, дополнительные экономические ресурсы, обусловленные удобствами для занятия рыболовством и морским промыслом.

8. Резкое уменьшение усадеб к началу нашей эры по сравнению с эллинистическим временем, на которое падает размежевка клеров и сооружение на них усадеб, является фактом большого научного значения для освещения экономики и истории Херсонеса. Из 26 выявленных усадеб 12 прекращают свое существование где-то в конце эллинистического времени. Эта картина еще ярче и показательней по мере удаления от моря в глубь полуострова, где сохраняются усадьбы главным образом по плодородным балкам (верховье Сарандинакиной, Верхне-Юхарина, Бермана, верховье Караптиншой балки).

9. Не может быть сомнения, что эти факты обусловлены дифференциацией среди земельных собственников — граждан эллинистического Херсонеса, вызванной частной собственностью на землю, товарным характером земледелия, конкуренцией, законами ренты рабовладельческой эпохи и т. д. Совершенно очевидно влияние всех этих экономических изменений на историю Херсонеса, перегруппировку политических сил и т. п., ярким проявлением которого и явилась аристократизация государственного управления в Херсонесе в первых веках нашей эры.

¹ См. выше, гл. III настоящей работы.

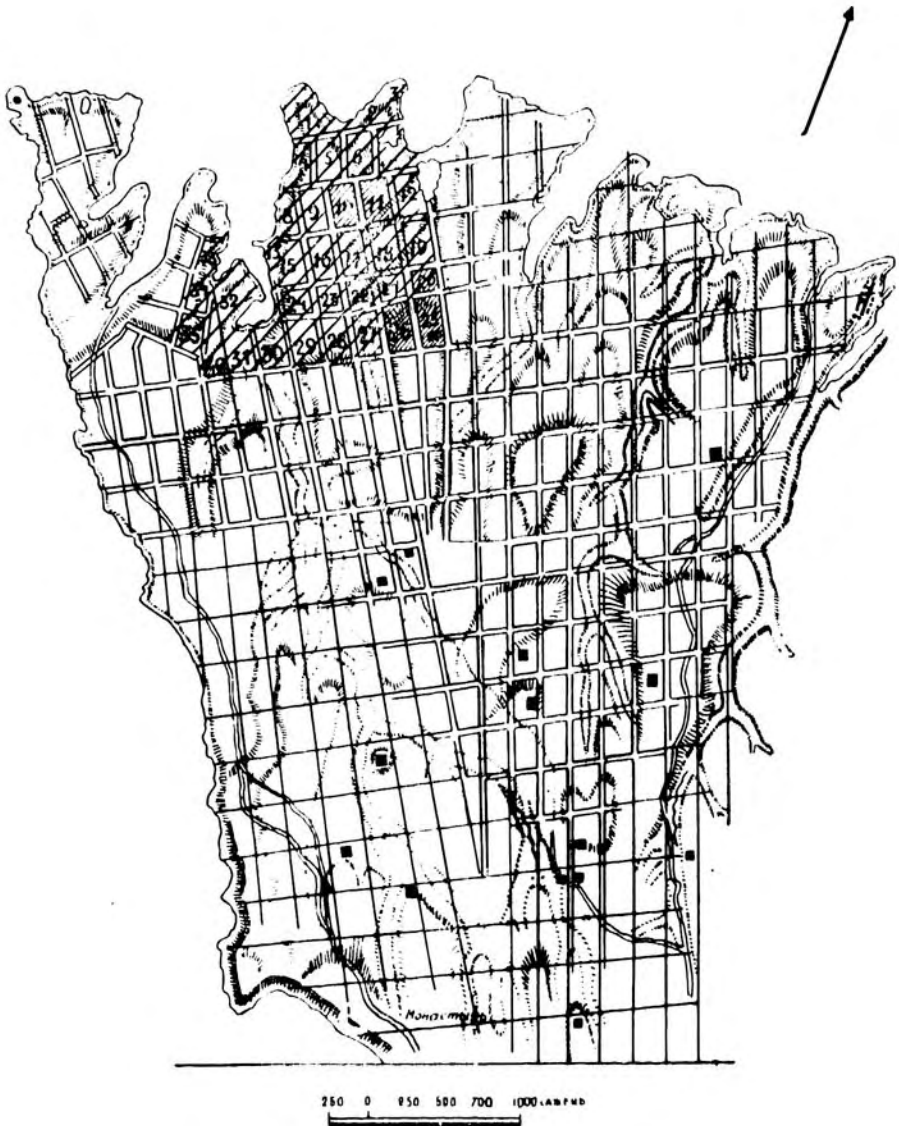

Рис. 1. План Гераклейского полуострова А. Строкова, съемки 1786 года. Одинарными линиями нанесены реконструированные клеры. Черные квадраты—развалины усадеб клеров по А. Строкову. Клеры № 1—35 (редкая штриховка) обмерены Гераклейской экспедицией по наружным заборам. На клерах № 10, 11, 20, 25 и 26 (густая штриховка) — зафиксирована внутренняя размежевка и распределение их участков по основным сельскохозяйственным культурам.

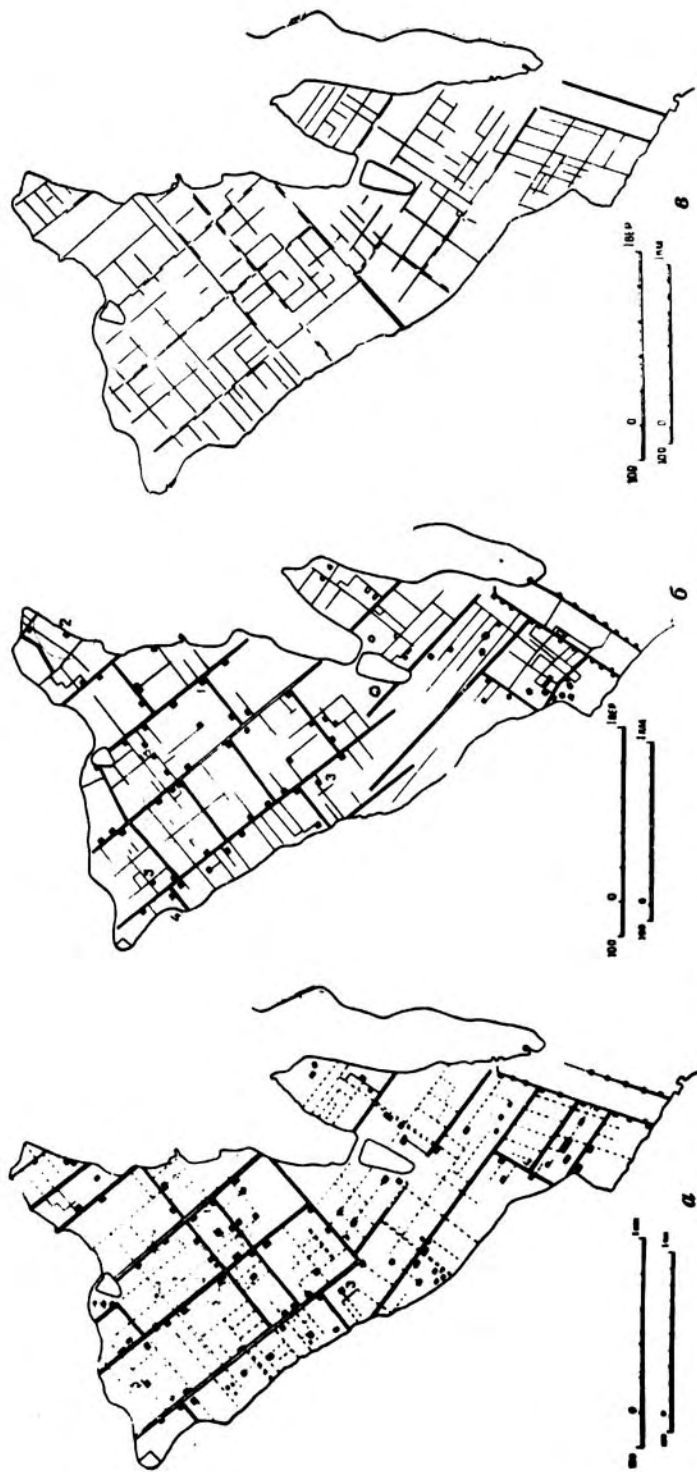

Рис. 2. а. План Маячного полуострова (по Н. М. Печенкину); б. Неопубликованный план Маячного полуострова Н. М. Печенкина, снятый в 1911 году; в. План Маячного полуострова, снятый в 1886 году.

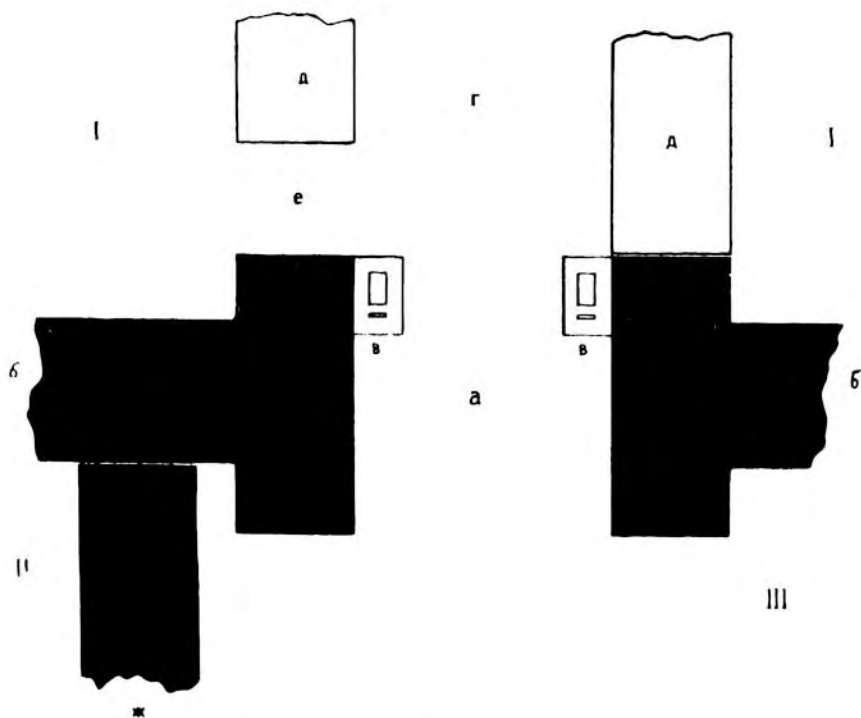

Рис. 3. Схема-план городских ворот т. н. страбоновского Херсонеса в сторону клера Маячного полуострова (по безмасштабному чертежу Н. М. Печенкина). I — клеры, прилегающие к оборонительной стене; II — акрополь; III — жилая часть города; а — ворота; б — оборонительная стена; в — пяточные камни для крепления столбов воротных полотнищ; г — дорога между клерами, ведущая в глубь Маячного полуострова; д — заборы клеров; е — ворота клера.

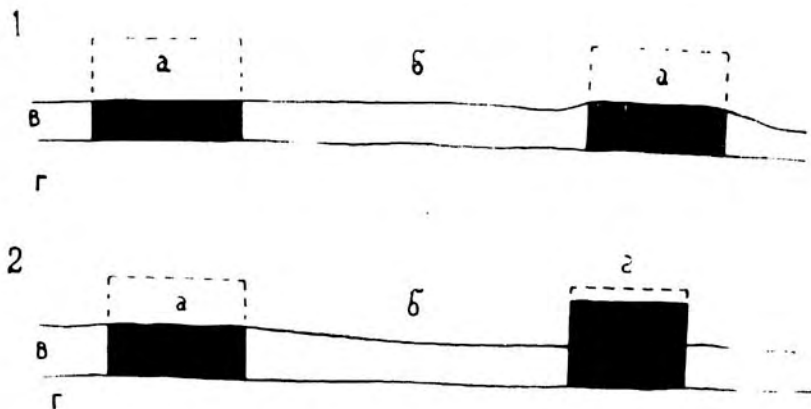

Рис. 4. 1 — Разрез продольной дороги на Маячном полуострове у клера № 1.
2 — Разрез второй продольной дороги.

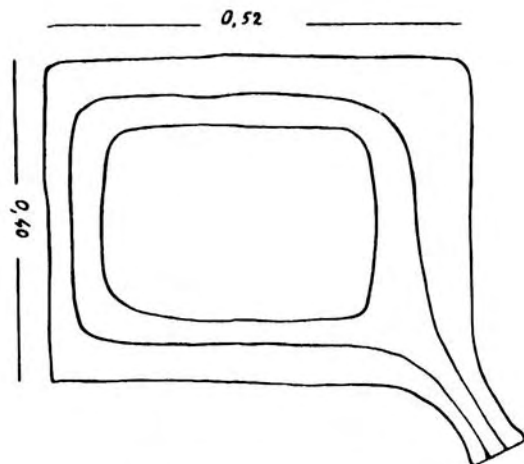

Рис. 5. Тарапан из винодельни усадьбы клера № 2 на Маячном полуострове.

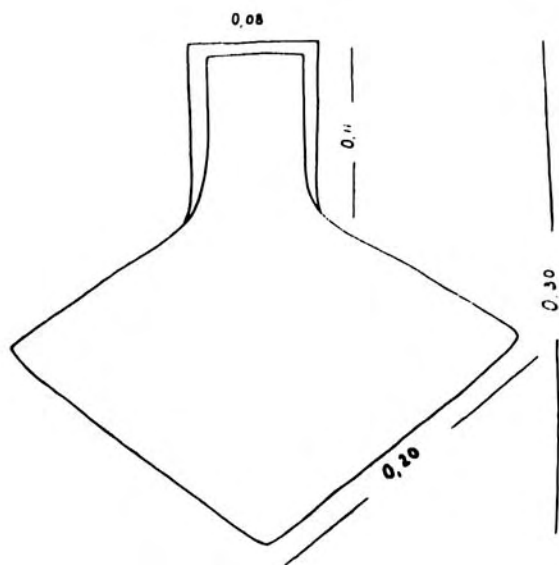

Рис. 9. Железное сельскохозяйственное орудие (по чертежу Н. М. Печенкина).

а

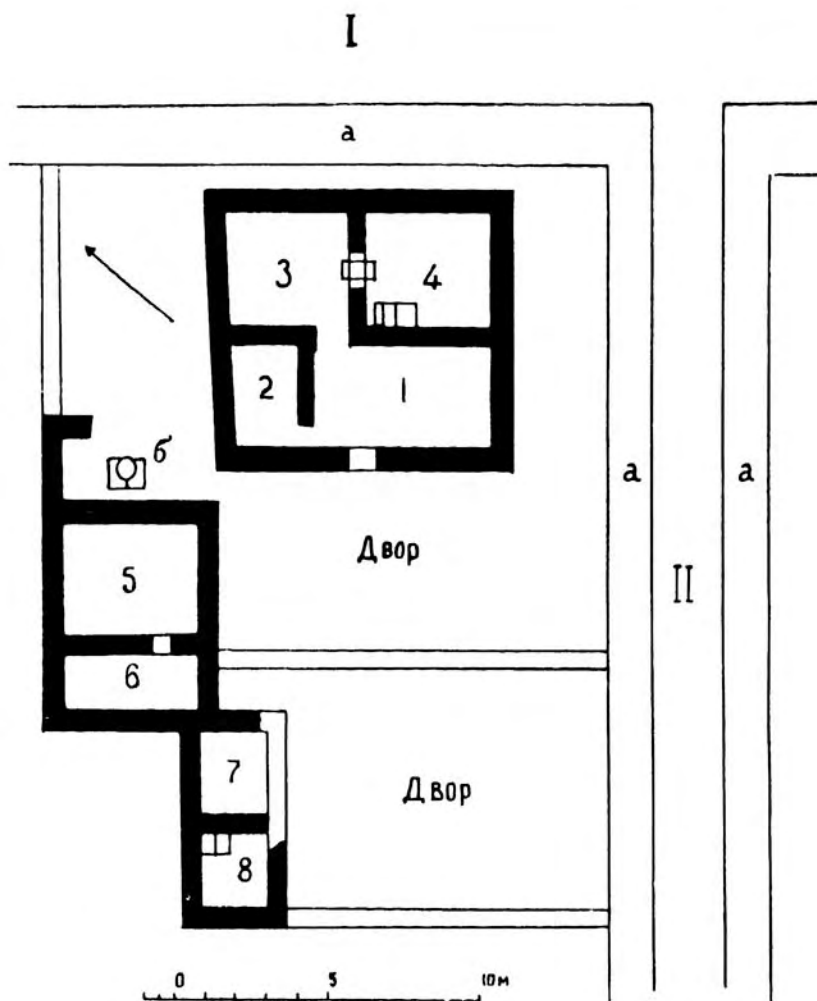

Рис. 6. План усадьбы клера № 1 на Маячном полуострове. I и II — дороги между клерами; а — заборы клеров; 6 — цистерна; 1—4 — помещения жилого здания; 5—8 — хозяйственные помещения.

Рис. 7. Чернолаковая посуда с усадеб клеров Маячного полуострова.

Рис. 8. Бронзовые наконечники стрел и гвозди из раскопок усадеб клеров на Маячном полуострове.

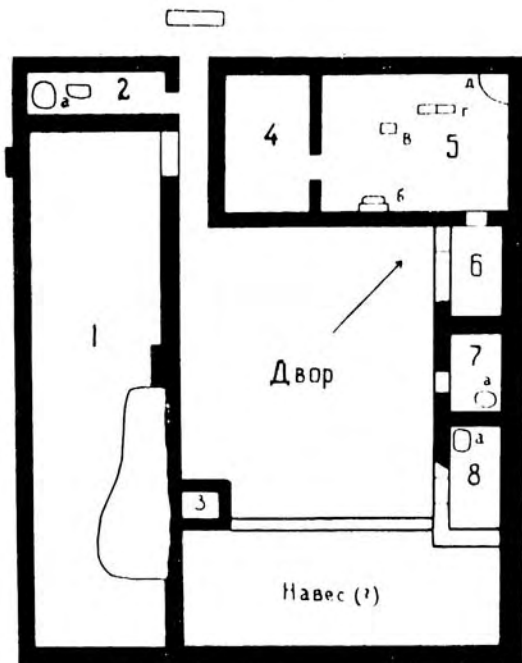

Рис. 10. План усадьбы клера № 3 на Маячном полуострове. 1—3 — хозяйственные помещения; 4—6 — жилые помещения; 7 — баня, по определению Н. И. Ростовцева, вероятно винодельня; 8 — помещение неопределенного назначения; а — вырубыв в скале для установки пифосов; б — остатки жертвенника; в — жаровня; г — остатки каменной загородки неопределенного назначения; д — очаг.

Рис. 11. Светильники из раскопок Н. М. Печенкина на Маячном полуострове.

Рис. 12. Обломок крупной протомы с изображением Зевса(?).

Рис. 13. Обломки терракоты с усадьбы № 3 (1—3) и невыясненного местонахождения (4 и 5).

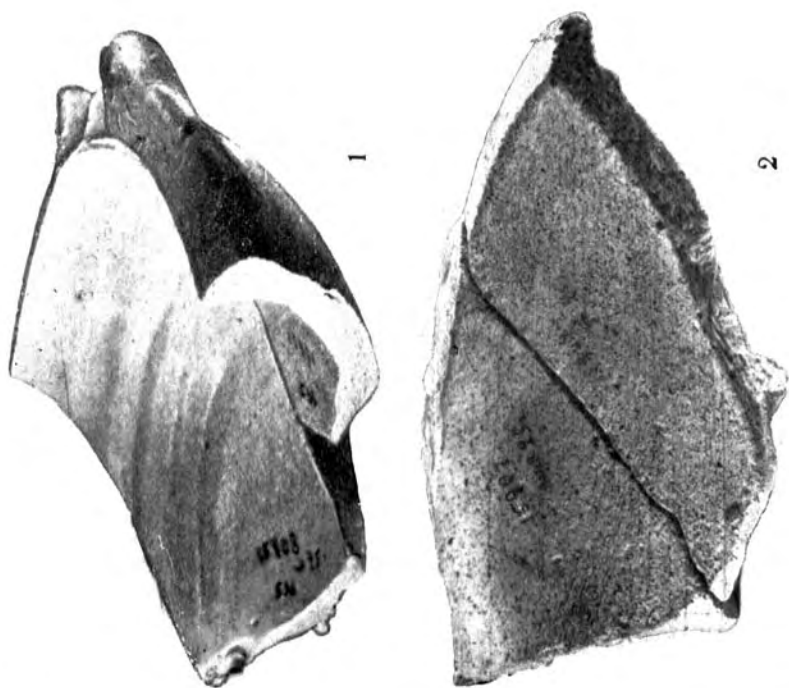

Рис. 15. 1 — Красноглинная херсонская чаша. 2. — Синопская, IV в. до н. э.

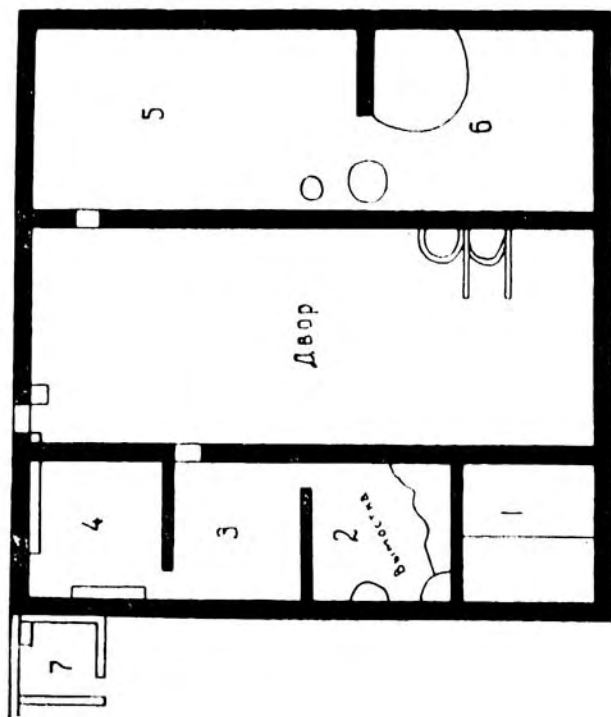

Рис. 14. План усадьбы клера № 4 на Маячном полуострове (по схеме Н. М. Печенкина, масштаб ориентировочный). 1—4—жилые и хозяйственные помещения; 5 и 6 — хозяйственные помещения.

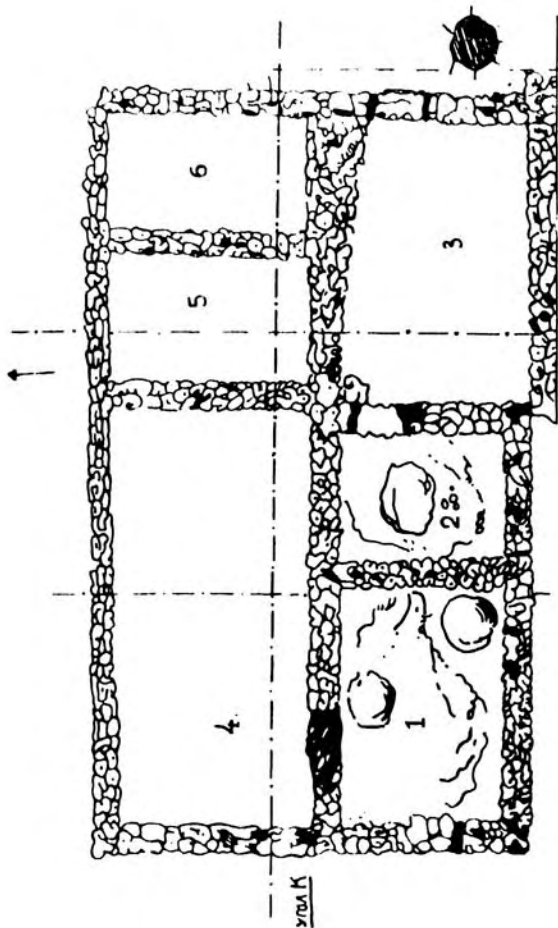

Рис. 17. План раскопанной части усадьбы № 5 на Маячном полуострове. (По К. Э. Гриневичу).

Рис. 16. Каменный жертвенник из усадьбы клера № 4.

Рис. 18. Присяга граж-
дан Херсонеса. Начало
III в. до н. э.

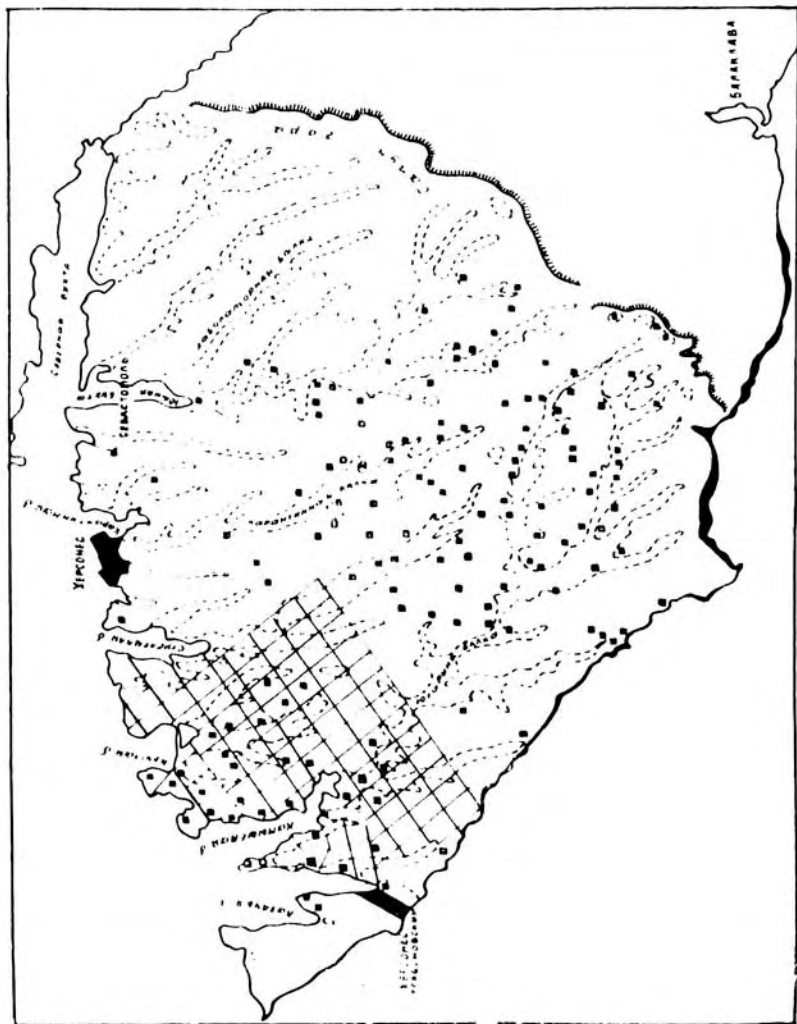

Рис. 19. Археологический план Гераклейского полуострова. Значками отмечены
остатки усадеб клеров III—I вв. до н. э.

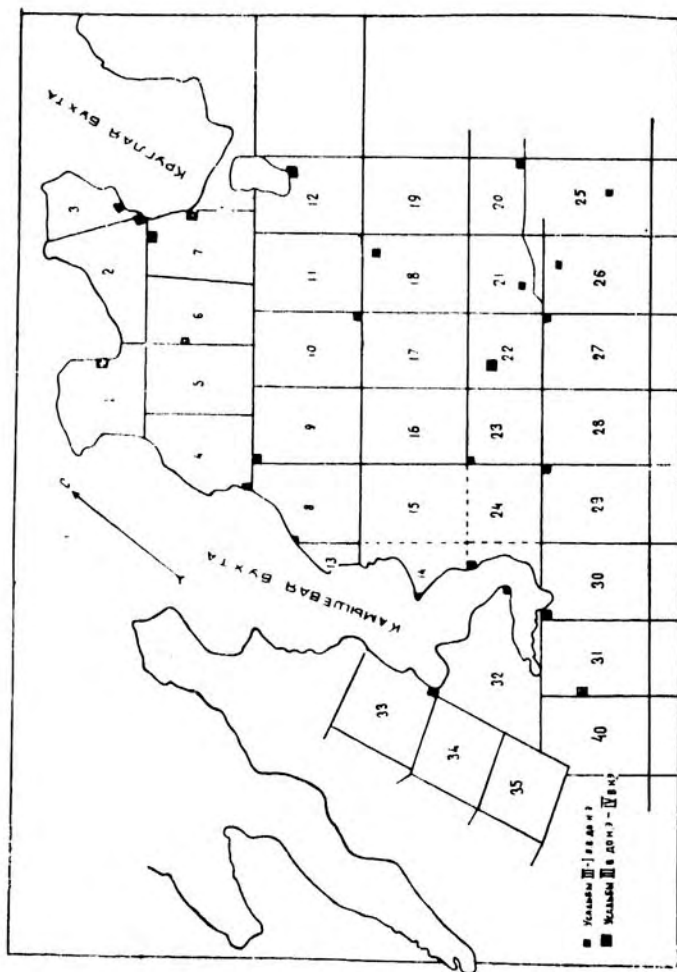

Рис. 20. План клеров в районе Круглой и Камышевой бухт.

Рис. 21. Херсонесская надпись конца III — начала II в. до н. э. с перечнем проданных земельных участков, их размеров и стоимости и имен покупателей.

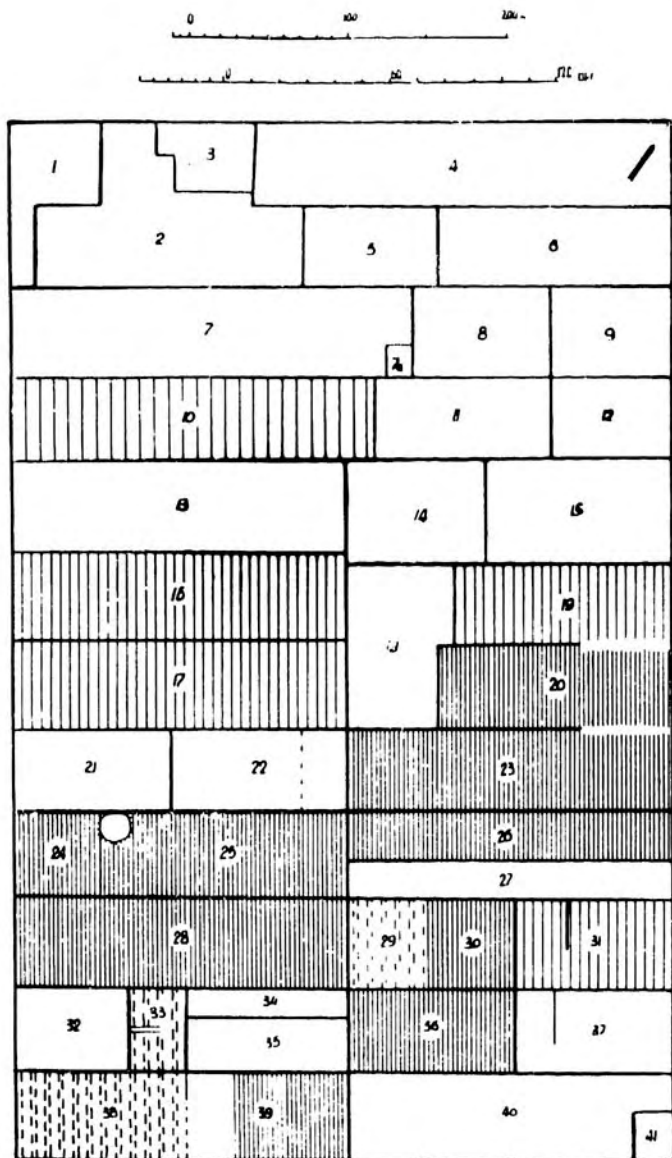

Рис. 22. План клера № 10. Густая штриховка — виноградники; редкая штриховка — сады; без штриховки — участки под зерновые культуры; пунктирная штриховка — виноградники или сады, распаханые в позднеантичное время; цифры — нумерация отдельных земельных участков клера. Масштаб в метрах и оргях.

10 50 100 200

0 120 орг.

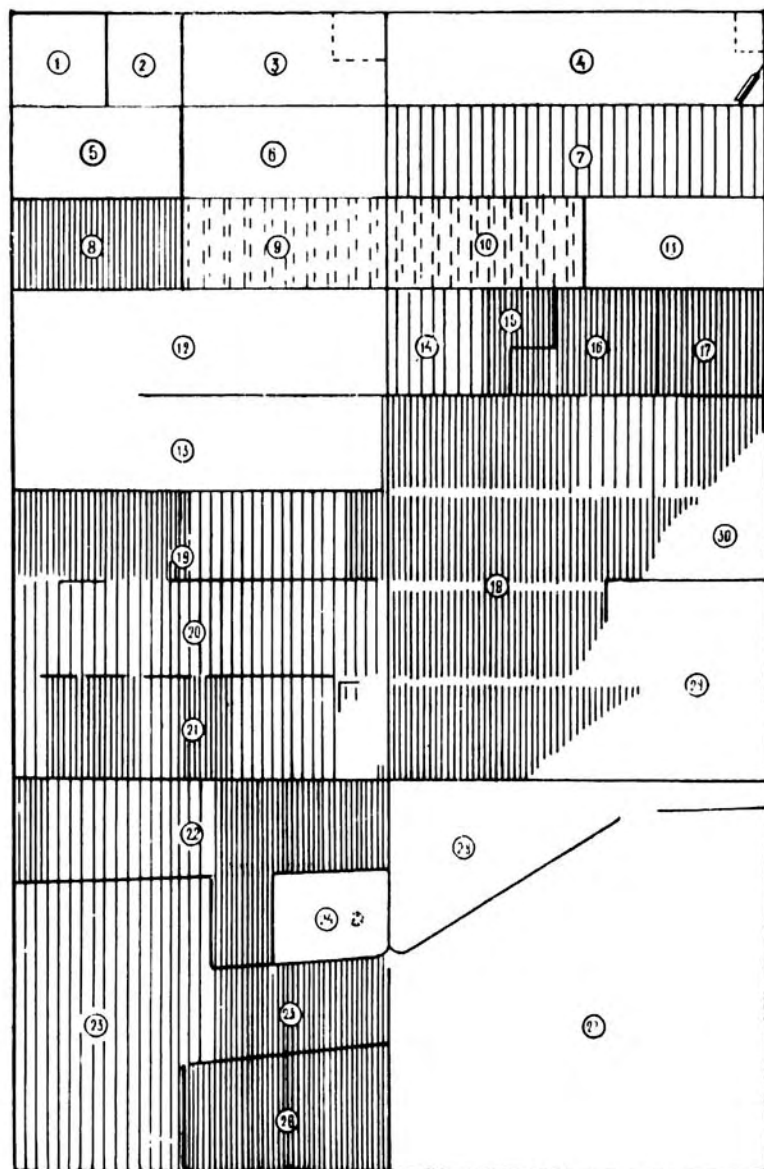

Рис. 23. План клера № 11. Густая штриховка — виноградники; редкая штриховка — сады; без штриховки — участки под зерновые культуры; пунктирная штриховка — виноградники или сады, распаханые в позднеантичное время; цифры в кружках — нумерация отдельных земельных участков клера. Масштаб в метрах и оргях.

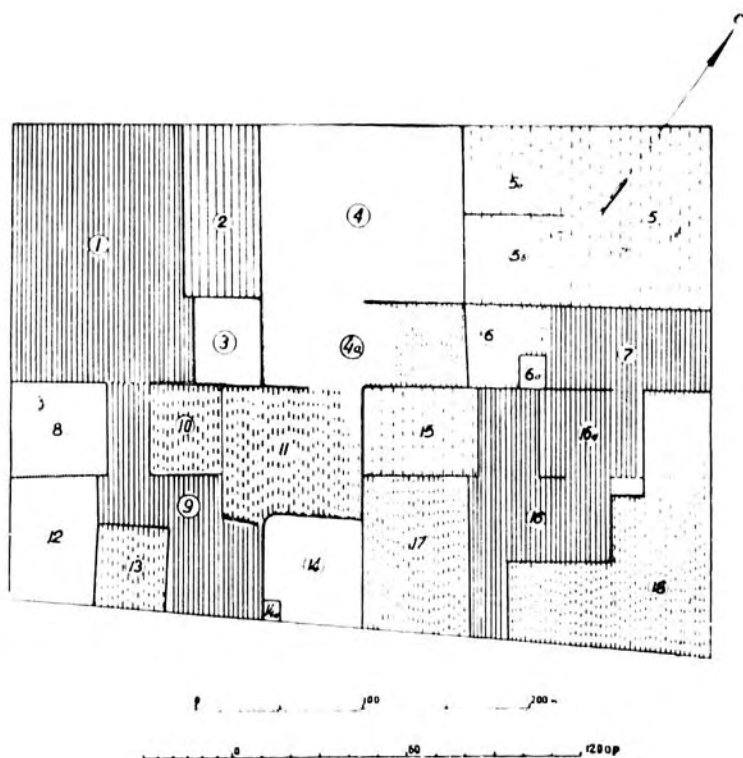

Рис. 24. План клера № 20. Густая штриховка — виноградники; редкая штриховка — сады; без штриховки — участки под зерновые культуры; пунктирная штриховка — виноградники или сады, распаханые в позднеантичное время; цифры в кружках — нумерация отдельных земельных участков клера. Масштаб в метрах и оргиях.

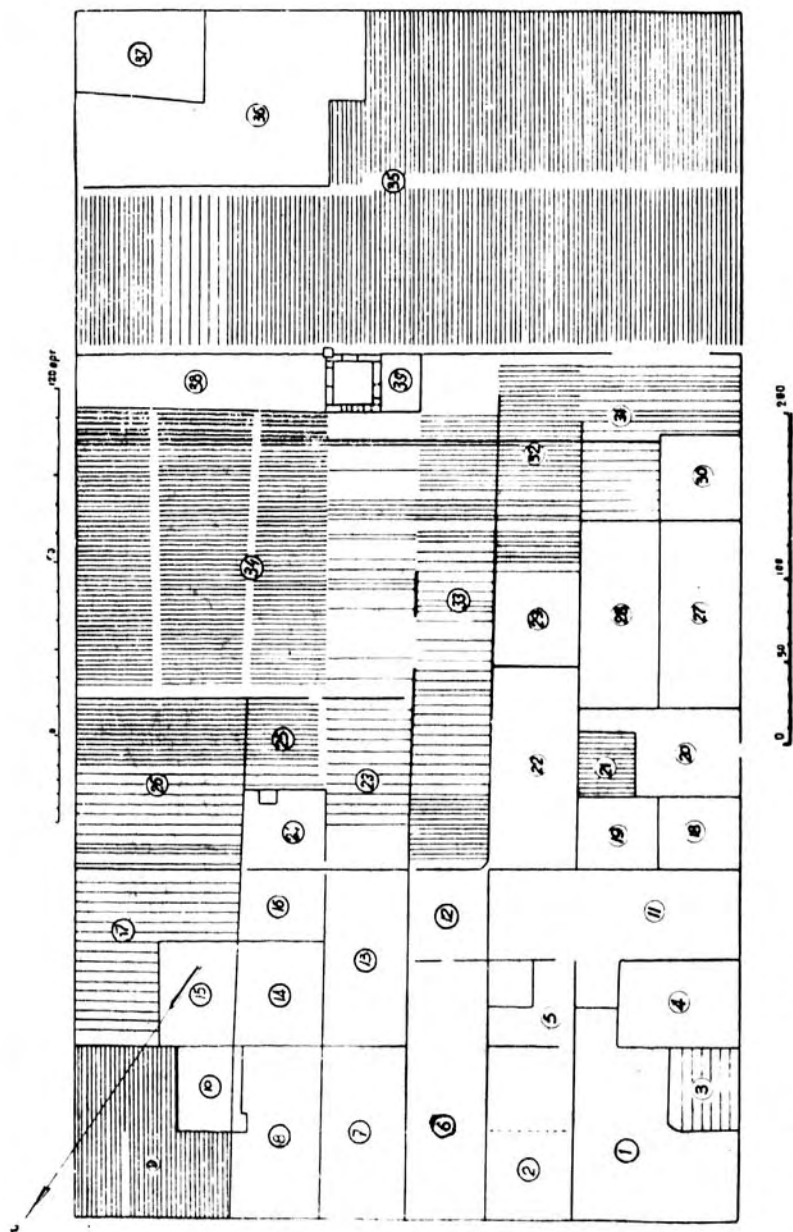

Рис. 25. План клера № 25. Густая штриховка — виноградники; редкая штриховка — сады; без штриховки — участки под зерновые культуры; цифры в кружках — нумерация отдельных земельных участков клера. Масштаб в метрах и оргиях.

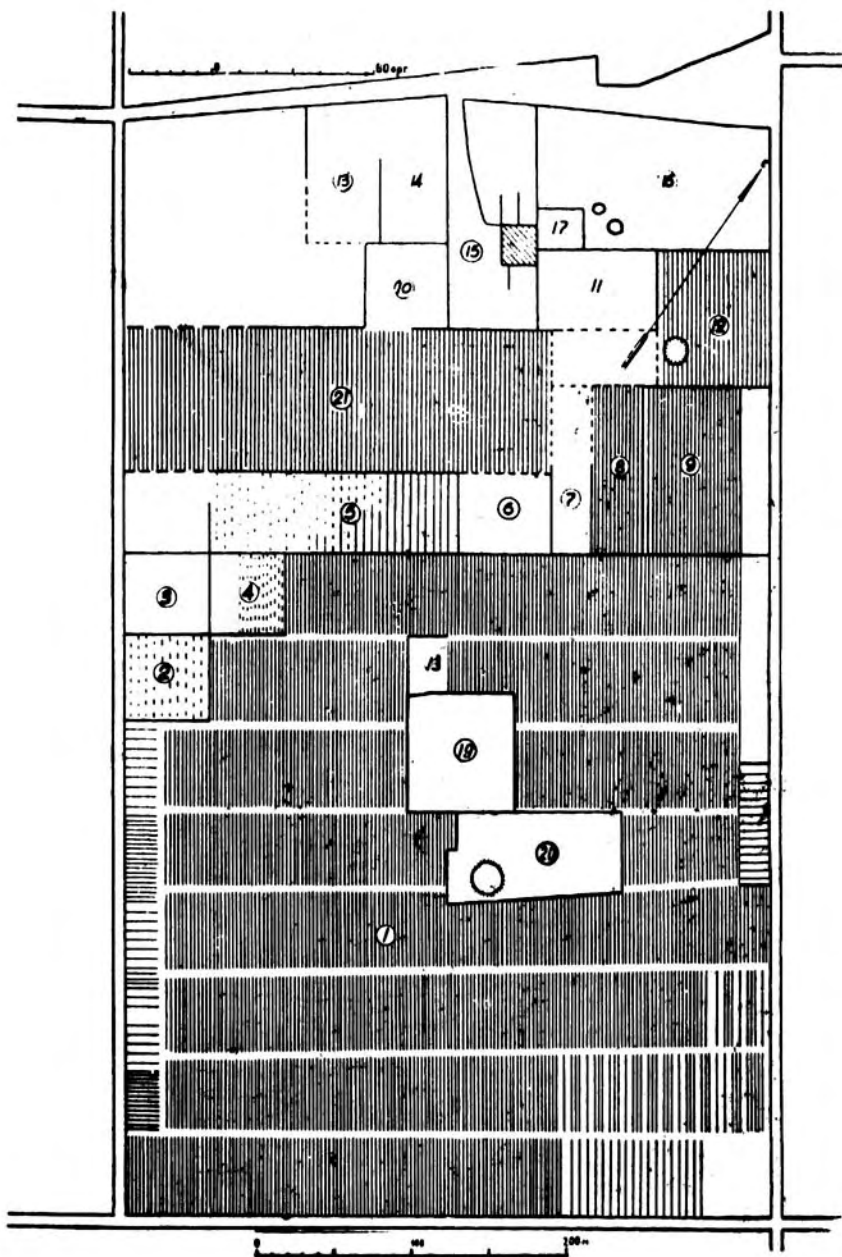

Рис. 26. План клера № 26. Густая штриховка — виноградники; редкая штриховка — сады; без штриховки — участки под зерновые культуры; пунктирная штриховка — виноградники или сады, распаханные в поздне-античное время; цифры в кружках — нумерация отдельных земельных участков клера. Масштаб в метрах и оргиях.

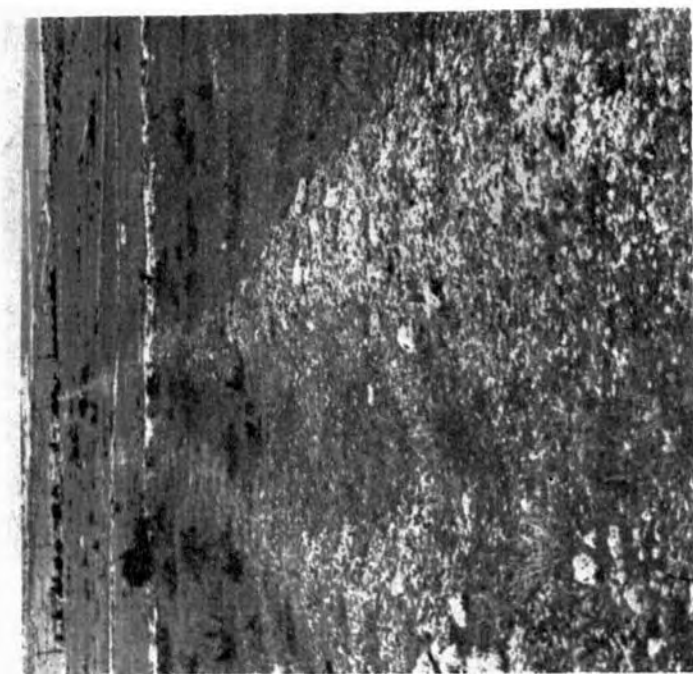

Рис. 27. Современный вид древней дороги между клерами № 25 и 26.

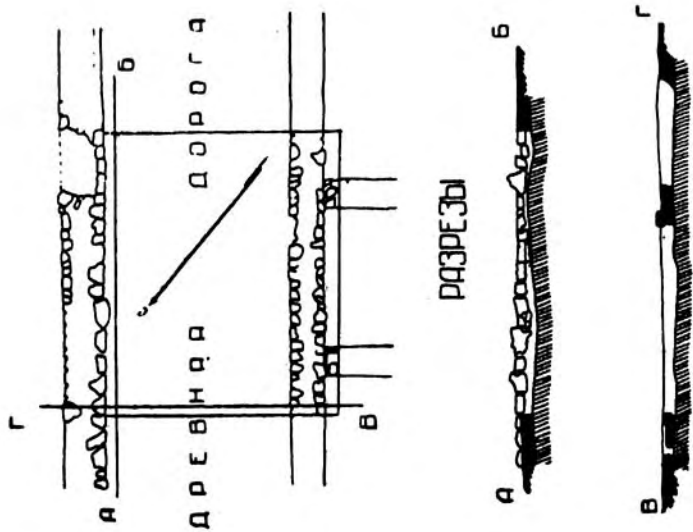

Рис. 28. План и разрез раскопа на дороге между клерами № 25 и 80.

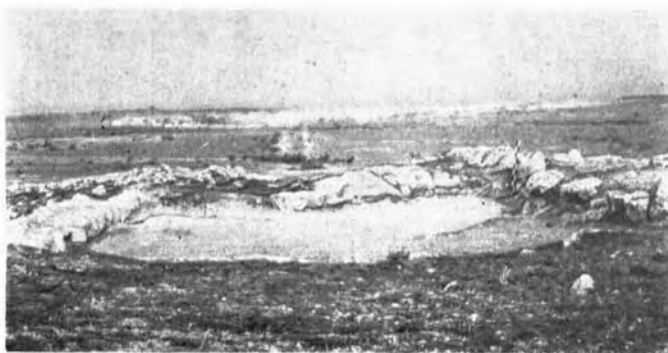

Рис. 29. Древняя дорога между клерами № 25 и 80.

Рис. 30. Межевая стена на клере № 26.

Рис. 31. Тарапан, грубо вырубленный в обломке скалы на клере № 20.

Рис. 32. Ворота на виноградный участок № 34 клера № 25, заложенные в первых веках нашей эры каменной стеной.

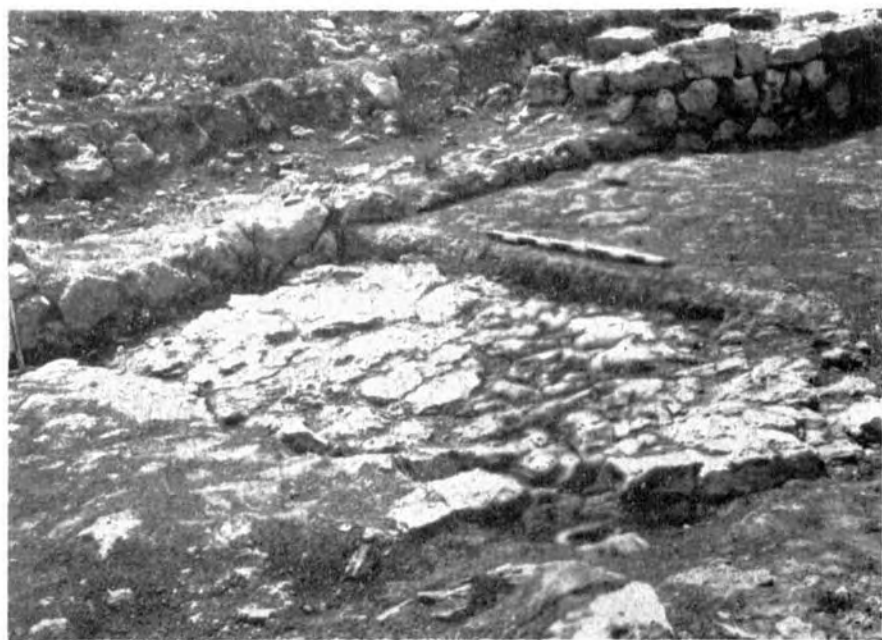

Рис. 33. Верхний слой известняка сарматского яруса в виде плитняка.

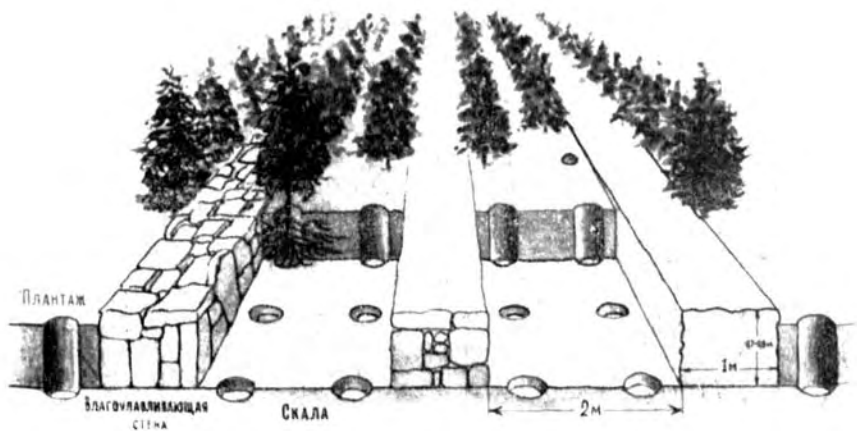

Рис. 34. Схема виноградного плантажа на клерах с искусственно созданным почвенным слоем.

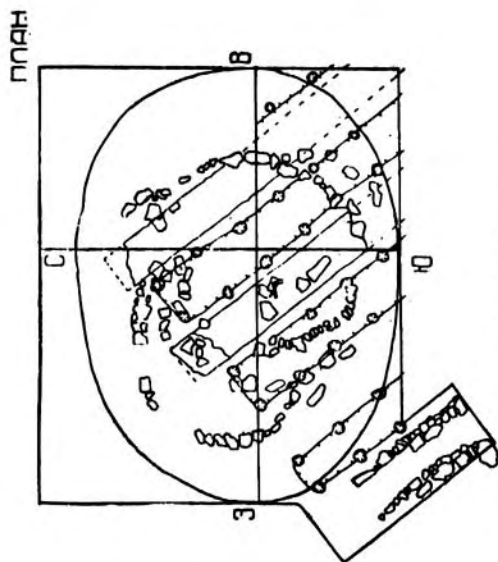
Рис. 35. Вид плантажных стен на виноградном участке № 35 клера № 25.

Рис. 36. Раскоп на виноградном участке № 35 клера № 25 с плантажными стенами из крупных камней (1-й вариант). На заднем плане наружный забор клера, в который упираются плантажные стены.

Рис. 37. Общий вид клера № 25. Видны межевые стены и виноградник типа arbustum с плантажными стенами.

РАЗРЕЗЫ

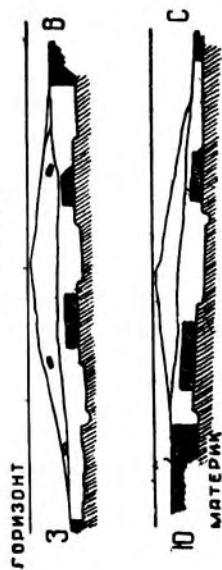

Рис. 39. План и разрез раскопа виноградики на участке № 9 клера № 25.

Рис. 38. Плятажные стены на виноградинке из мелкого камня (2-й вариант). Клер № 25, участок № 9. Хорошо видны желоб и лунки виноградных кустов, выкопанные в материковой глине.

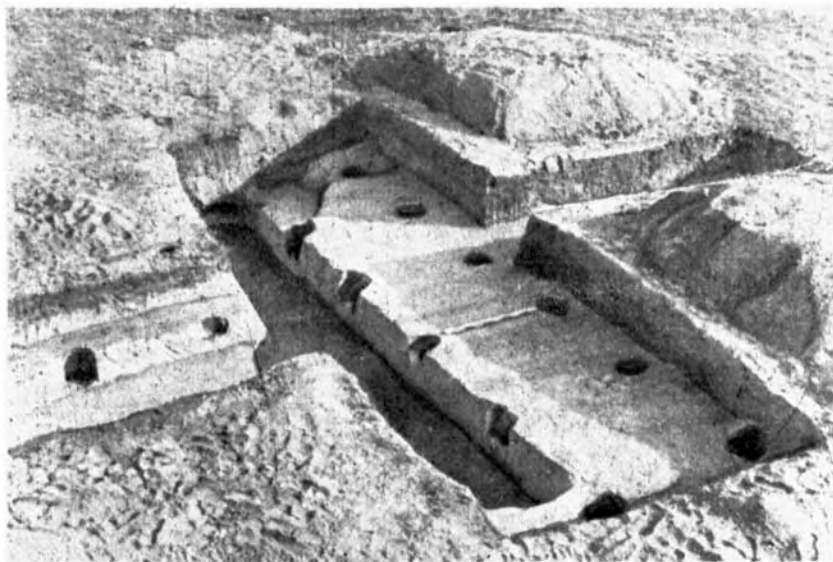

Рис. 40. Лунки на винограднике клера № 44, сохранившиеся от посадки виноградной лозы ямками.

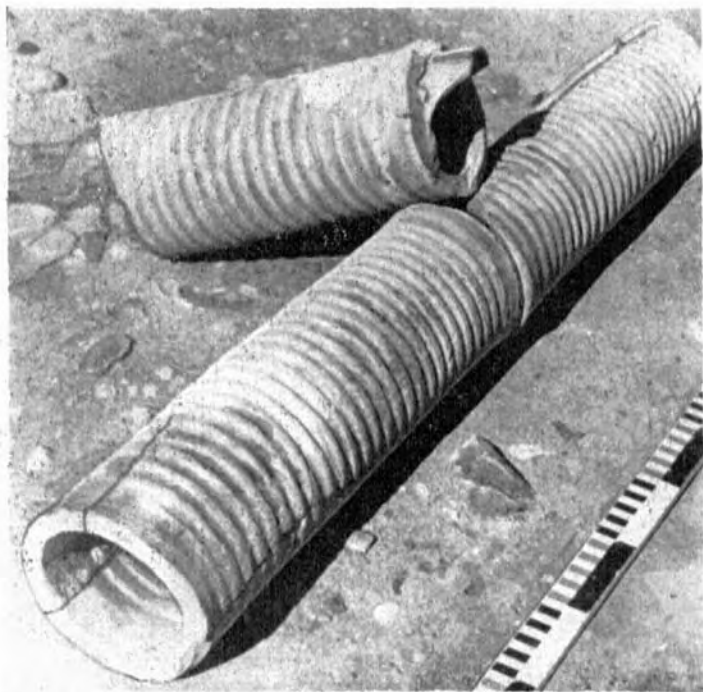

Рис. 41. Водопроводные трубы первых веков н. э. херсонесского городского трубопровода в балке Бермана.

Рис. 42. Виноградный плантаж на клере № 11 с выходами массивной материковой скалы на дневную поверхность. В скале вырублены ямки для виноградных кустов.

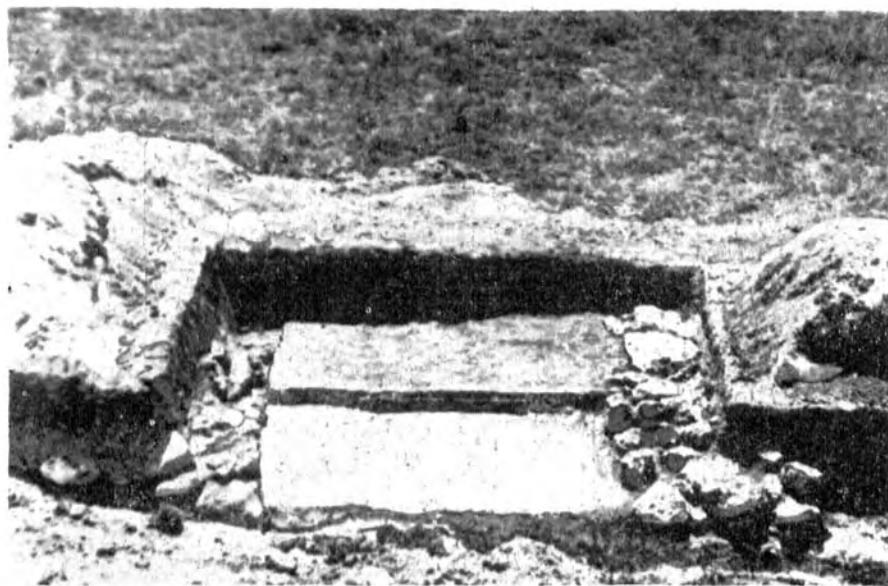

Рис. 43. Виноградник на клере № 26 (участок № 21) с остатками плантажных стен, разрушенных в верхней части запашкой. Виноград был посажен под кол, без лунок.

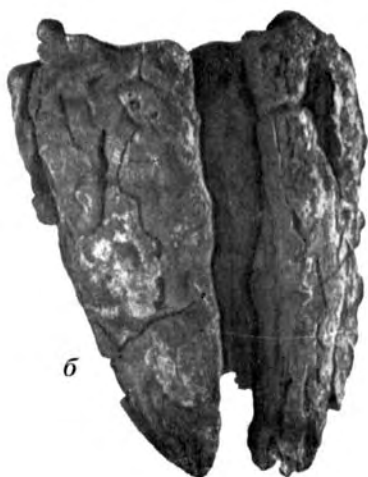

Рис. 44. Железный наконечник посадочного виноградного кола: а — вид сверху; б — вид сбоку. Найден на усадьбе первых веков н. э. на берегу Камышевой бухты. Раскопки В. П. Лисана в 1937 г.

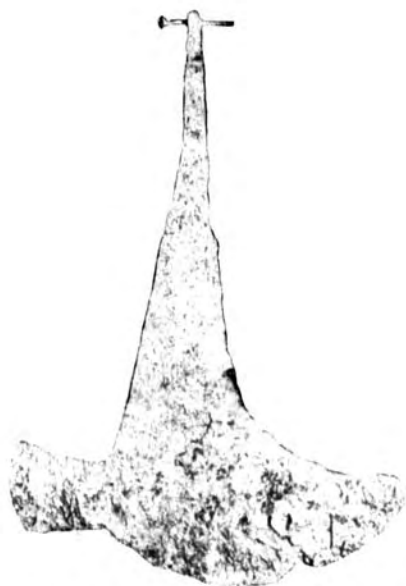

Рис. 45. Железный нож для подрезки винограда.

Рис. 46. Изображение виноградного ножа на известняковом надгробье первых вв. н. э.

Рис. 47. Корни древних виноградных кустов из раскопок на виноградниках клера № 25.

Рис. 48. Зерна винограда из очажных отходов на клере № 25.

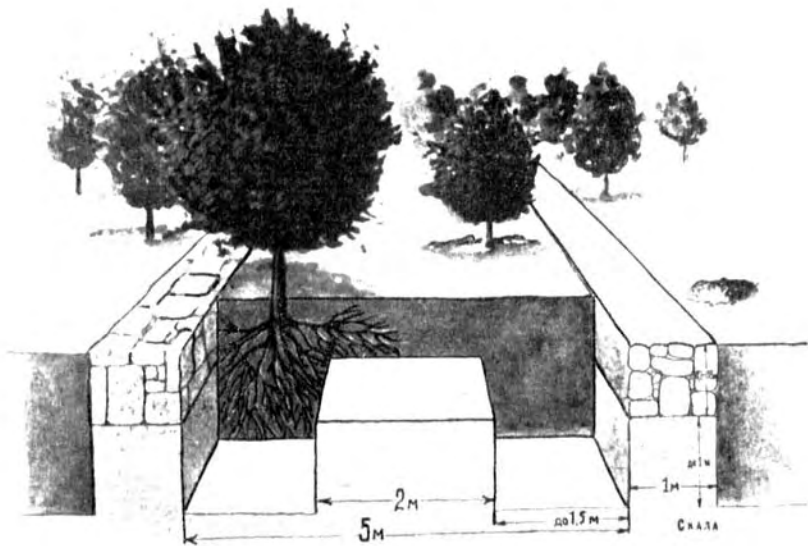

Рис. 49. Схема садового плантажа на клере № 24.

Рис. 50. Садовые ножи из раскопок в Херсонесе.

Рис. 51. Миндаль и ссохшееся яблоко (?) из могил античного некрополя Херсонеса.

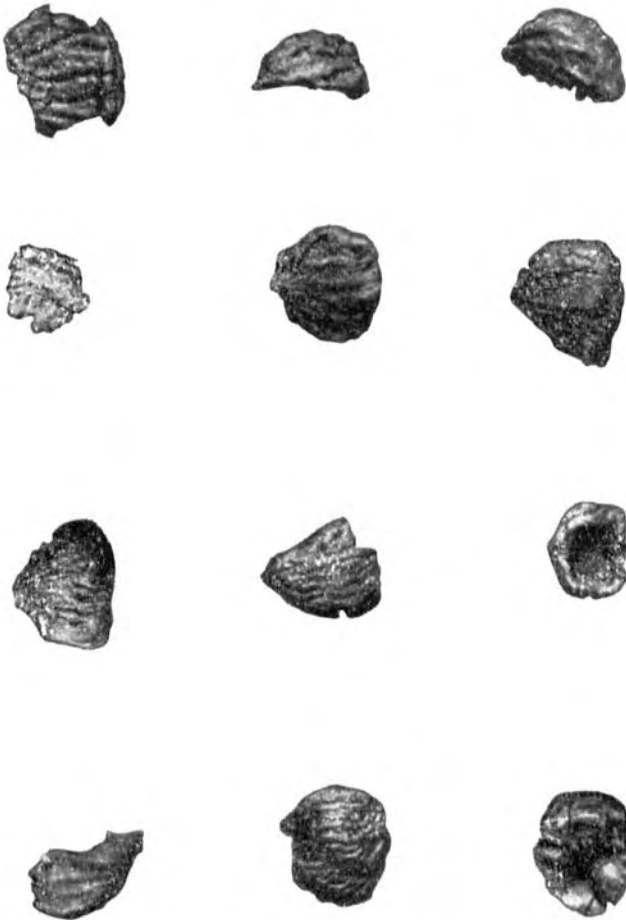

Рис. 52. Обуглившиеся плоды каштана из позднеантичного погребения в Херсонесе. (Определение В. М. Маликова).

Рис. 53. Обуглившиеся обломки скорлупы грецкого ореха из позднеантичного погребения в Херсонесе. (Определение В. М. Маликова).

Рис. 54. Обуглившиеся плоды смоковницы из позднеантичного погребения в Херсонесе. (Определение В. М. Маликова).

Рис. 55, 56. Обуглившиеся зерна пшеницы и ячменя с раннетаврского поселения Уч-баш, X—VIII вв до н э.

Рис. 57. Обуглившиеся зерна пшеницы из очажных отходов на клере № 25.

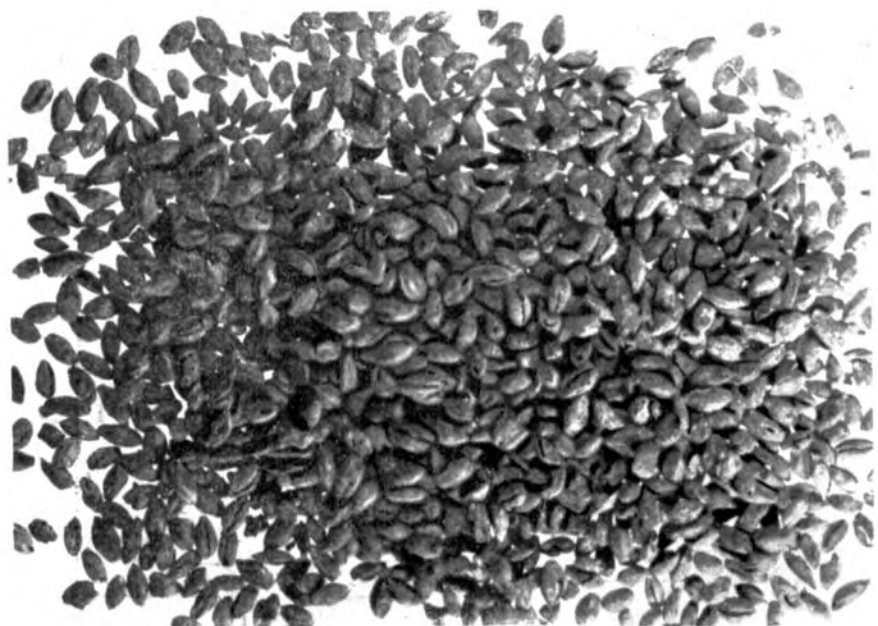

Рис. 58. Обуглившиеся зерна ячменя из очажных отходов на усадьбе клера № 25.

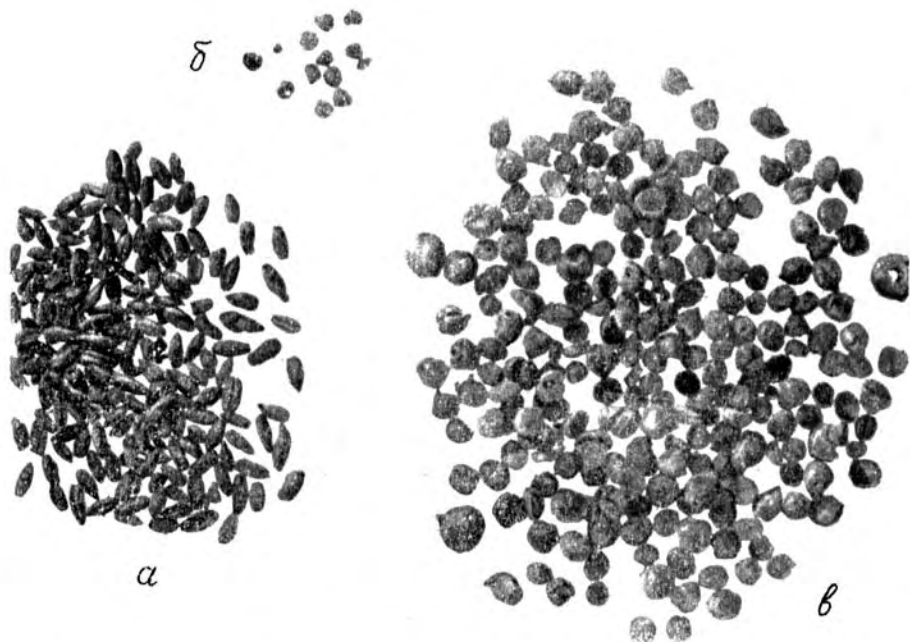

Рис. 59. Обуглившиеся зерна ржи (а); проса (б) и гороха (в) из очажных отходов на усадьбе клера № 25.

Рис. 60. Зерна арбуза (а), огурца (б) и дыни (в) из могил некрополя Херсонеса.

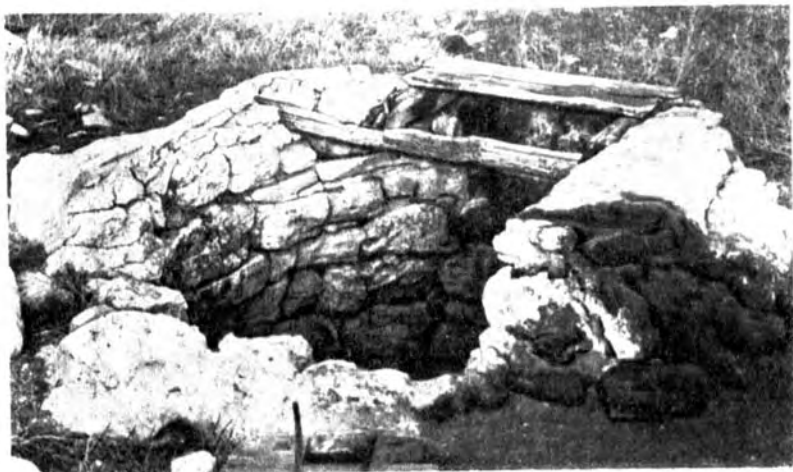

Рис. 61. Античный колодец клера № 31.

Рис. 62. Общий вид крупноблочной башни — «Близнецы» на водоразделе Верхне-Юхаринной и Бермановской балок.

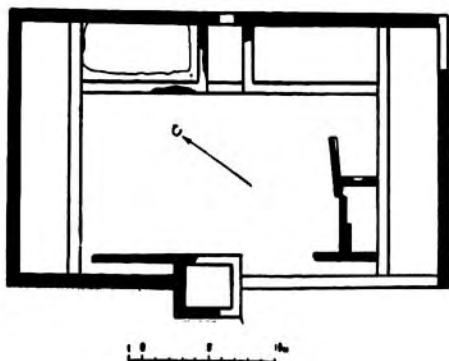

Рис. 63. План усадьбы III в. до н. э. на клере № 25.

Рис. 64. Стык кладок стен двух строительных периодов на усадьбе клера № 25.

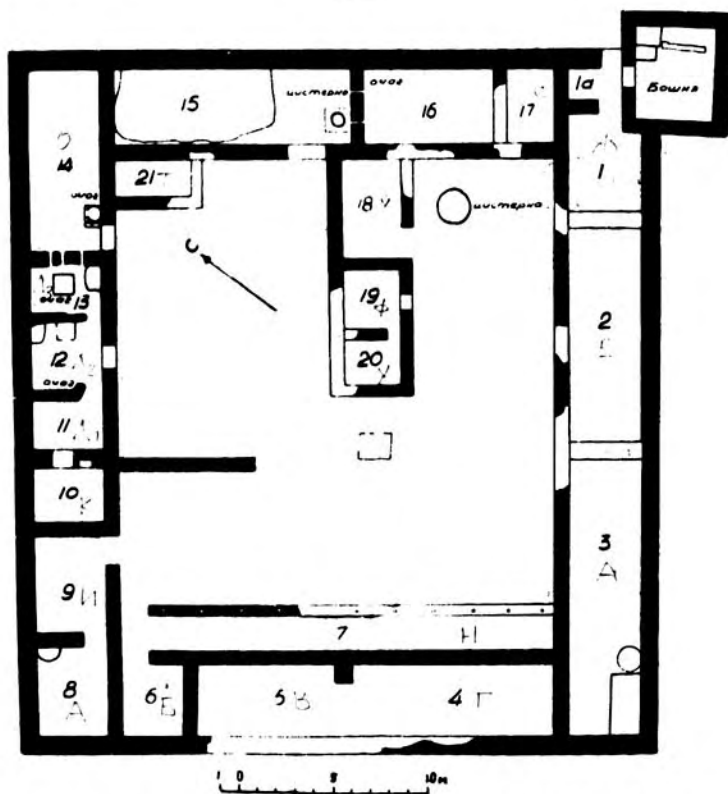

Рис. 65. План усадьбы II в. до н. э. на клере № 25. 1, 1а и башня — помещения вилка; 2 — кухня; 3 — хлев для волов; 4 — 6 — помещения для скота; 7 — навес перед хлевами; 8 — 14 — жилые помещения для рабов; 18 — эргастул (?); 15 — винный склад; 16 — 20 — хозяйственные и складские помещения; 21 — кладовая.

Рис. 66. Общий вид жилых помещений вдоль северо-западной стены усадьбы клера № 25. Снято с юга. Из наружной стены торчит конец желоба для вывода мокрот из помещения—6.

Рис. 67. Общий вид северо-восточных помещений усадьбы клера № 25. На заднем плане башня усадьбы.

Рис. 68. Общий вид юго-восточной половины усадьбы клера № 25. На заднем плане башня и вход на усадьбу.

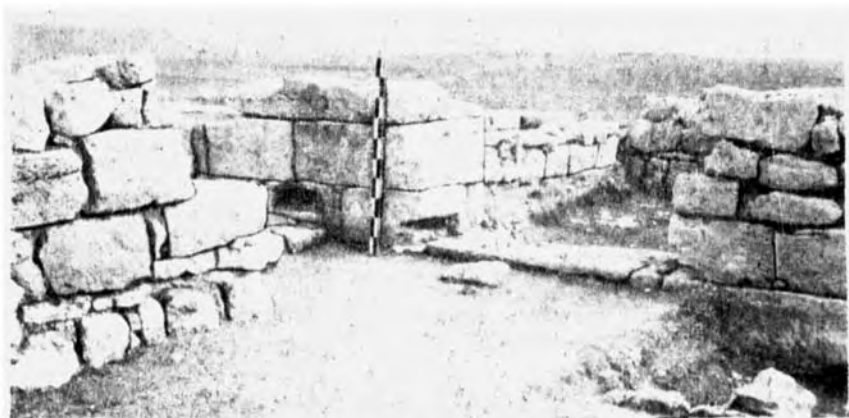

Рис. 69. Наружный вход на усадьбу клера № 25. Справа вход в башню усадьбы.

Рис. 70. Общий вид башни усадьбы клера № 25. II в. до н. э.

Рис. 71. Помещение 1 по уровню верхнего пола.

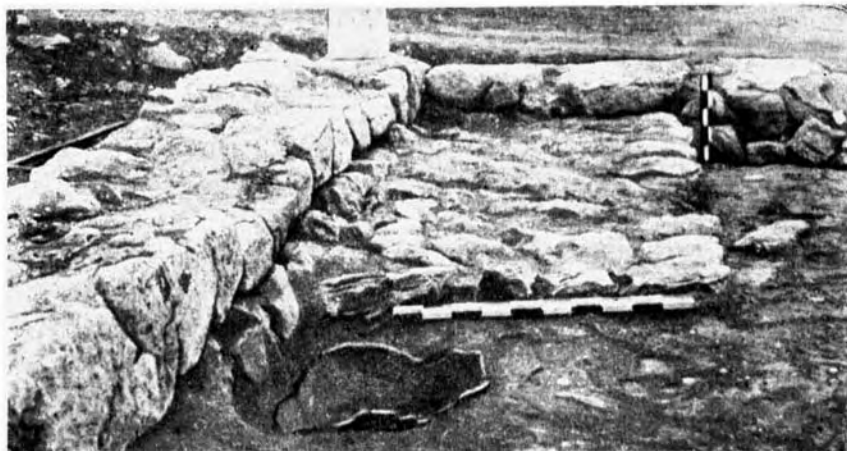

Рис. 72. Пом. 3 — хлев. В углу, по-видимому, площадка для лечения волов.

Рис. 73. Пом. 6. В углу, сквозь наружную стену проложен желоб для стока мокрот из хлева. Перед помещением, во дворе, виден фундамент столбов летнего навеса. Справа, в углу, эргастул (?).

Рис. 74. Детали устройства дверного запора в эргастуле усадьбы клера № 25.

Рис. 75. Раздавленные амфоры в кладовой (пом. 10).

Рис. 76. Жилое помещение 13. В центре разрушенная жаровня или очаг.

Рис. 77. Яма — погребок с сосудами в пом. 13; херсонесская амфора и чернолаковый кинфар.

Рис. 78. Очаг в пом. 14.

Рис. 79. Общий вид в пом. 14 с различной утварью вдоль стены.

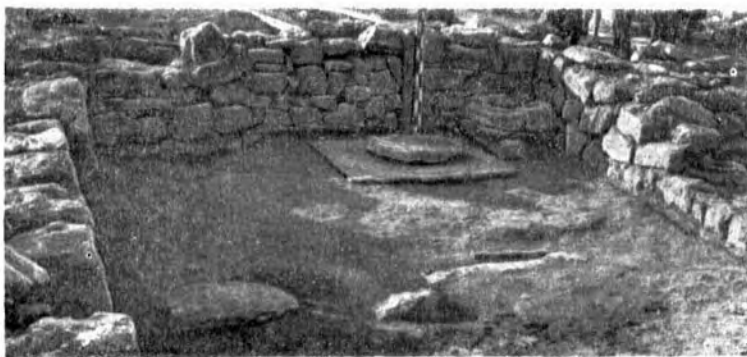

Рис. 80. Пом. 15 с цистерной.

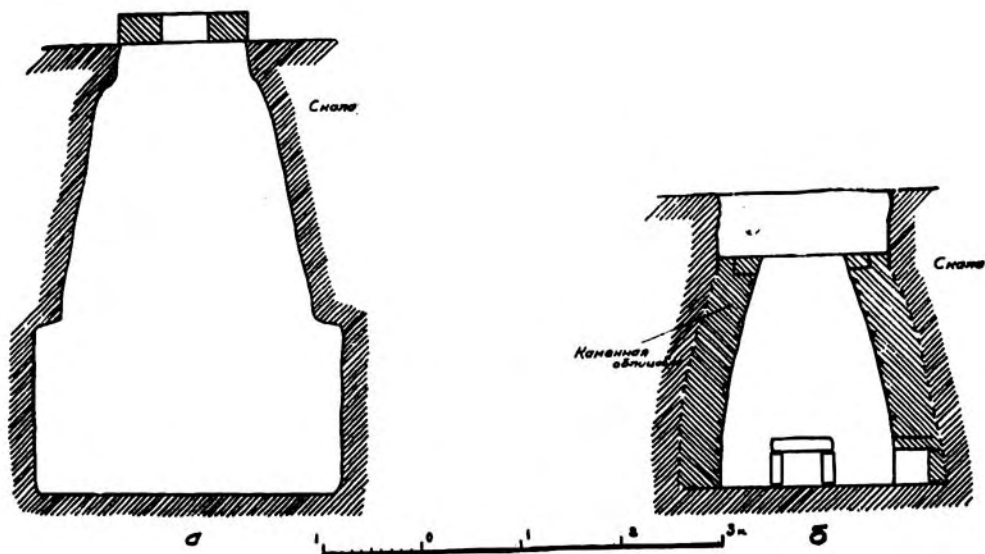

Рис. 81. Разрезы цистерн: а — в пом. 15; б — на хозяйственном дворике, близ пом. 18.

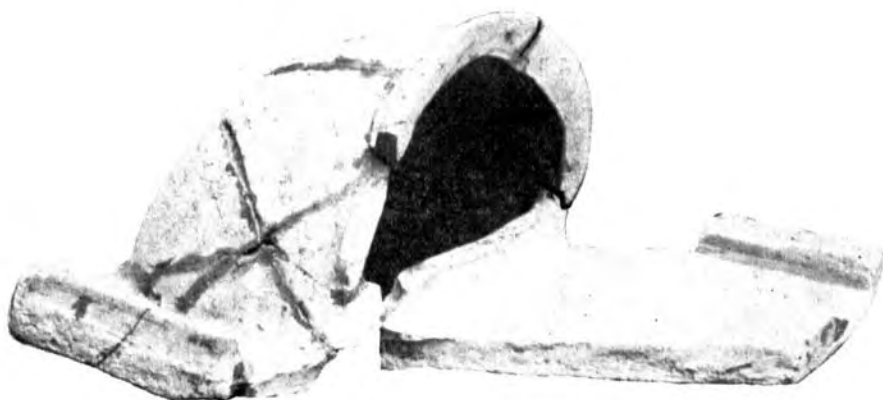

Рис. 82. Черепица с окном из раскопок усадьбы эллинистического времени у Стрелецкой бухты.

Рис. 83. Кухонный горшок и крышка другого из раскопок на усадьбе клера № 25.

Рис. 84. Чернотерракотовые сосуды из раскопок усадьбы клера № 25.

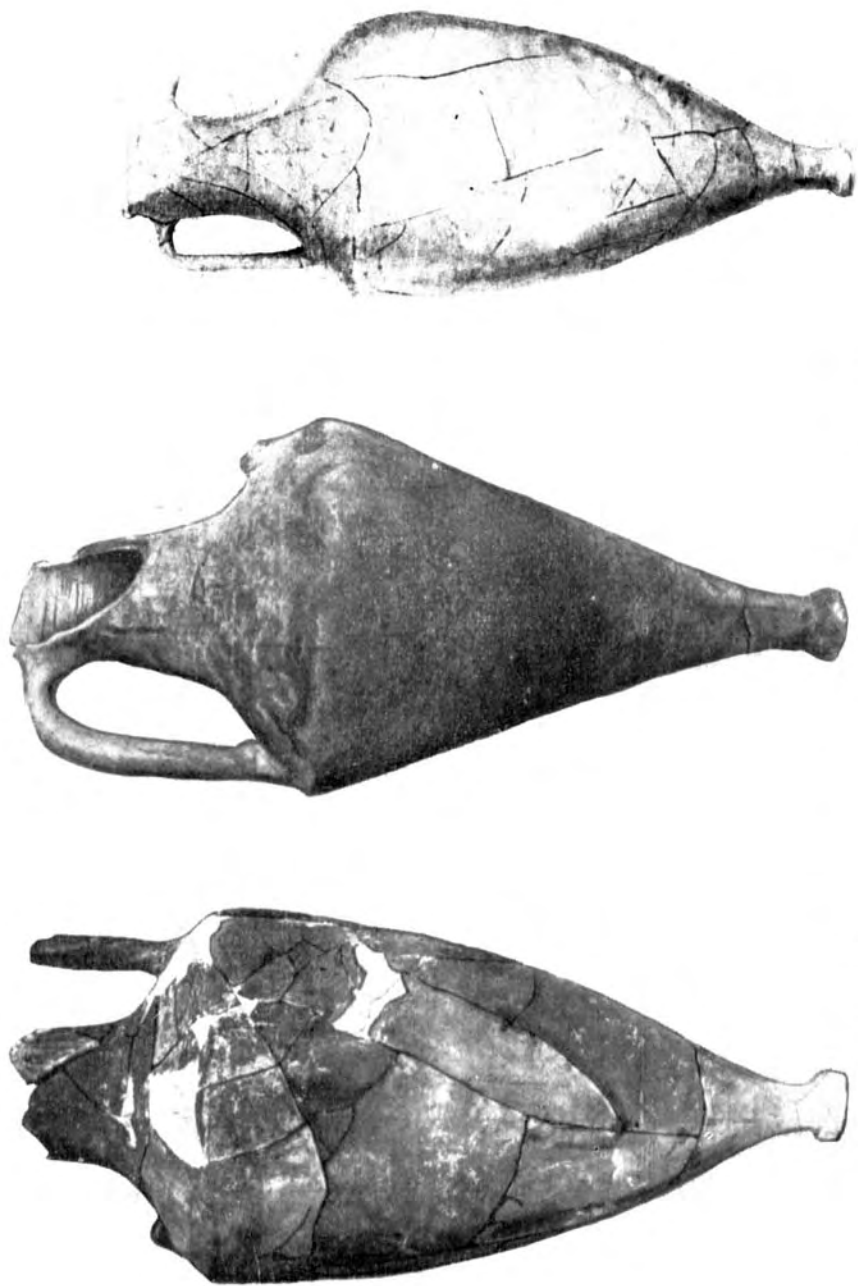

Рис. 85. Три херсонесские амфоры из раскопок усадьбы клера № 25.

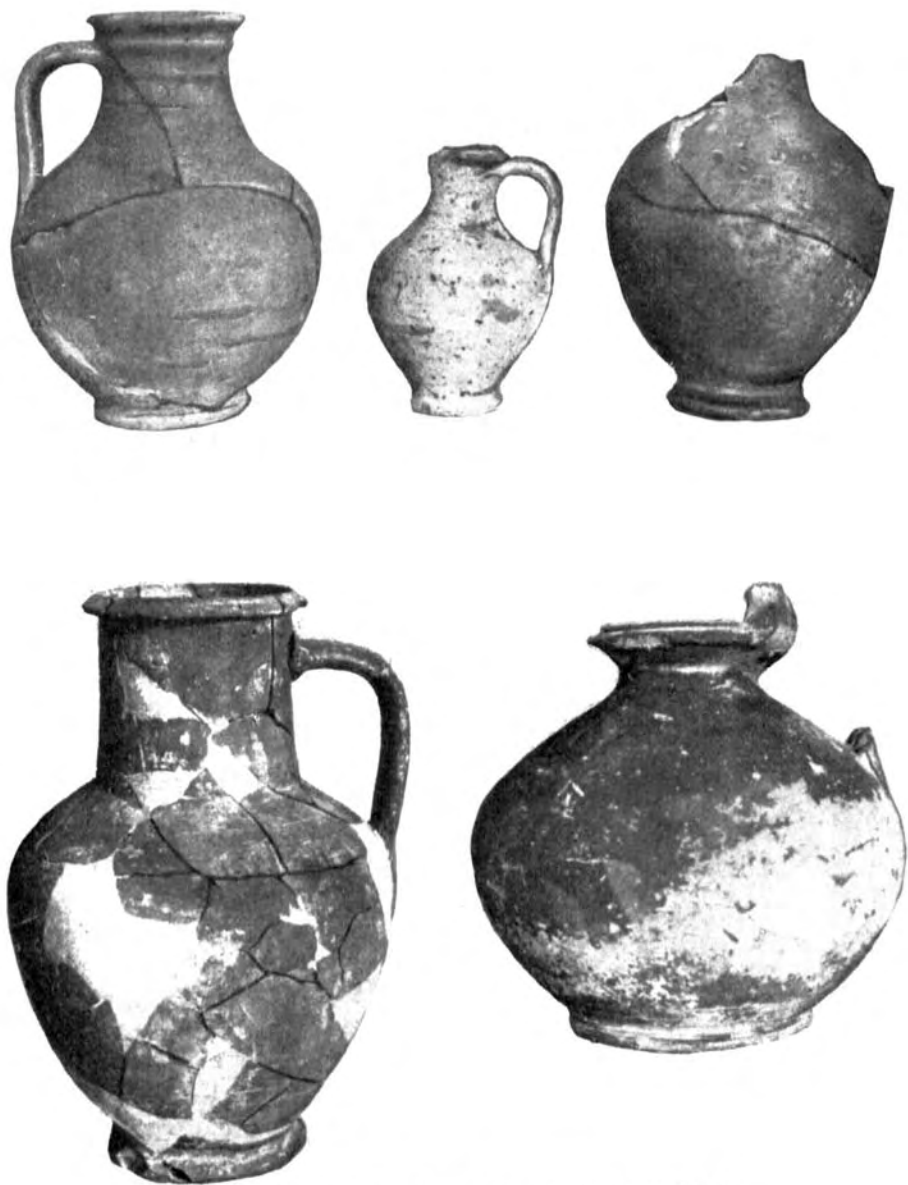

Рис. 86. Кувшины из раскопок усадьбы клера № 25.

Рис. 87. Красноглиняная чаша из раскопок усадьбы клера № 25.

Рис. 88. Глиняный кубок.
(мерка?):

Рис. 89. Точильный камень.

Рис. 90. Рыболовные грузила.

Рис. 91. Фрагментированная протома Деметры.

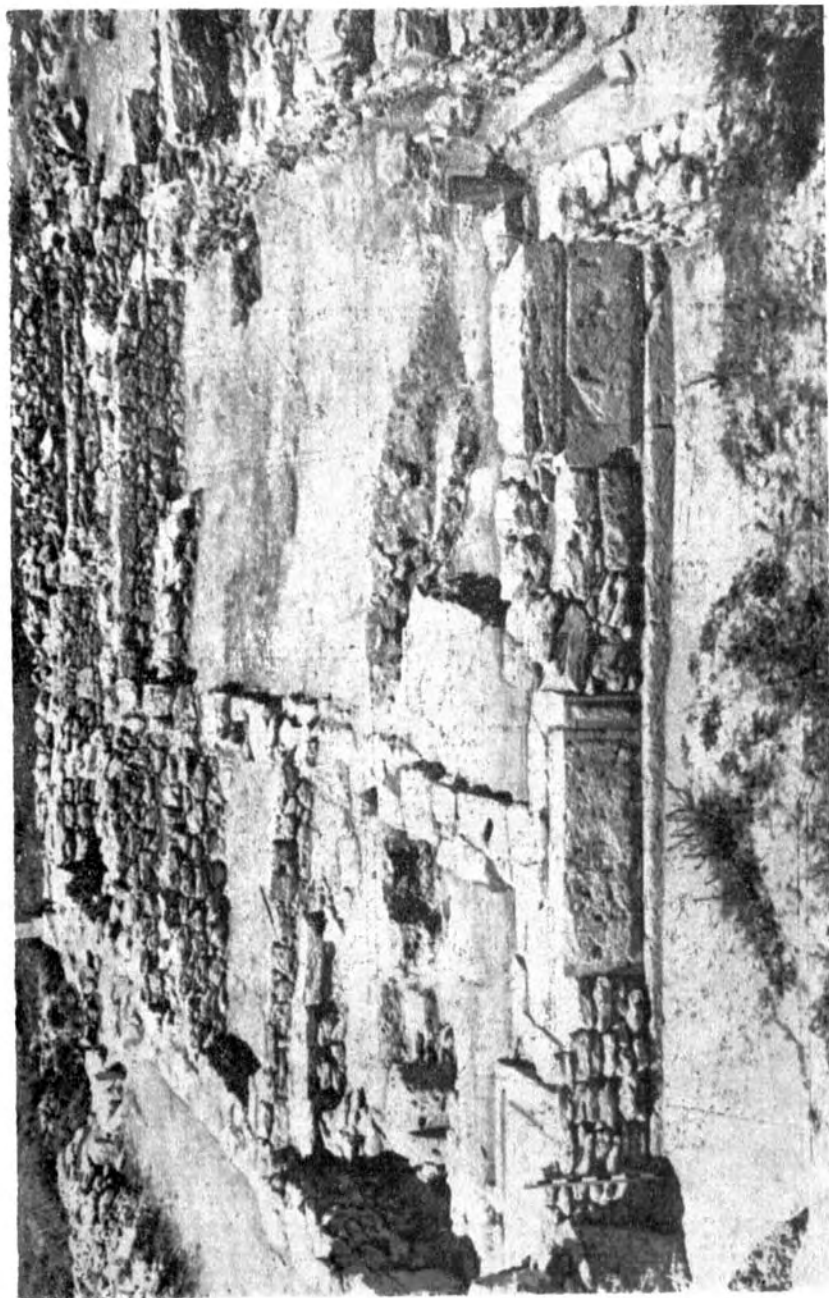

Рис. 92. Общий вид западной половины усадьбы II в. до н. э. на клере № 26. В центре — хозяйственный двор, слева — винодельня, справа — западная стена башни, на заднем плане — скотный двор. На переднем плане — остатки рустованной кладки первого строительного периода.

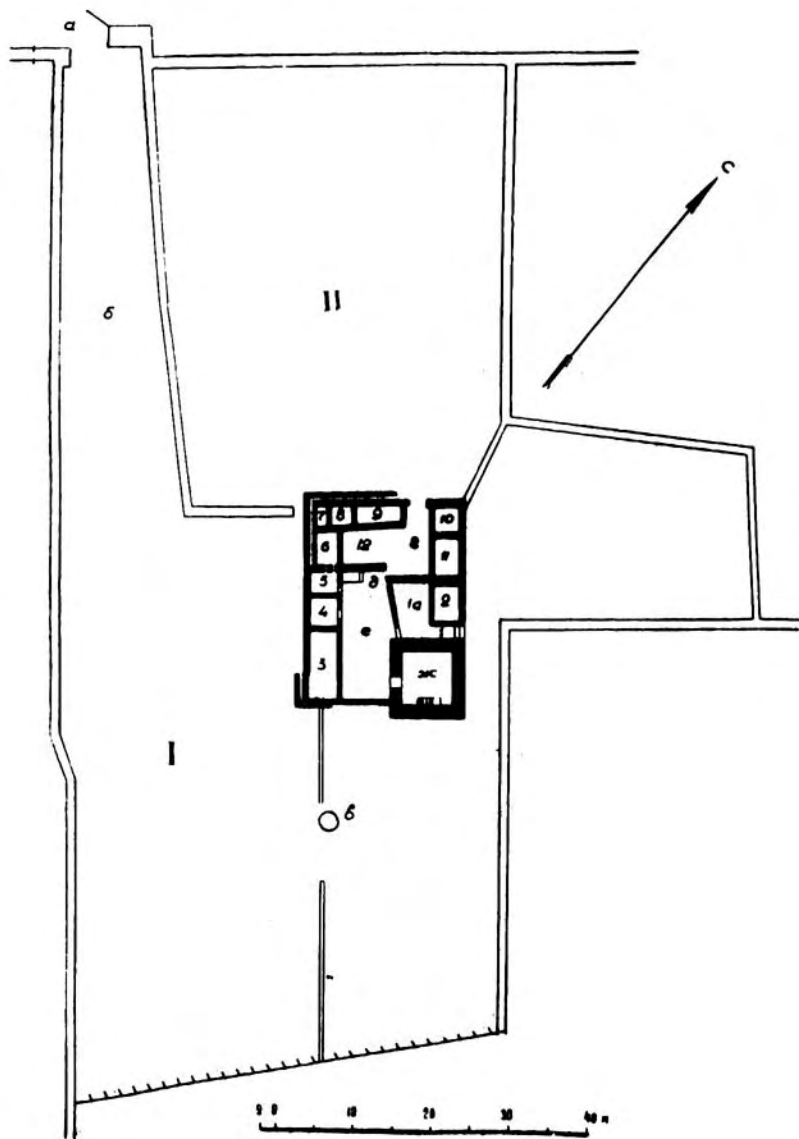

Рис. 93. Схема-план усадьбы клера № 26 с внешними дворами (I и II): а — ворота на усадьбу клера; б — проезд от ворот к усадьбе; в — цистерна; г — скотный двор; д — лестничная площадка на 2-й этаж жилого дома; е — хозяйственный двор; ж — башня усадьбы; 1—12 — различные помещения усадьбы.

Рис. 94. Раскопки усадьбы клера № 26. Стены помещений усадьбы первого строительного периода, перекрытые башней второго периода.

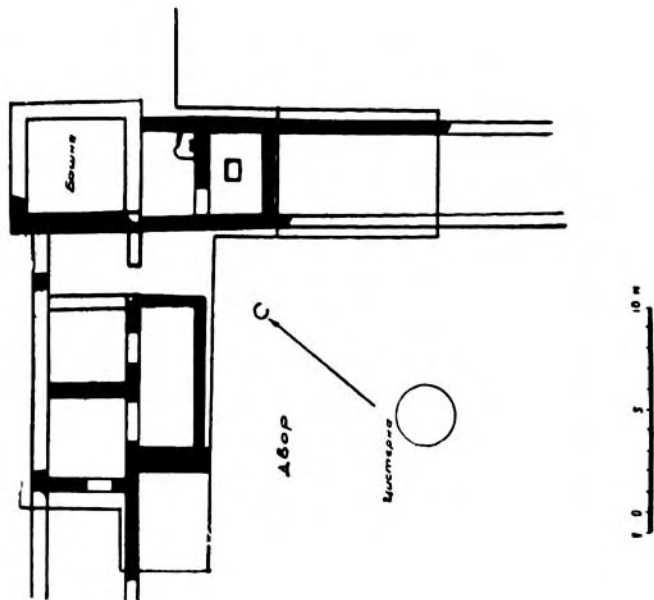

Рис. 95. План северного угла усадьбы первого строительного периода.

Рис. 96. Помещение α с очагом. Половина помещения перекрыта башней усадьбы 2-го строительного периода.

Рис. 97: Помещение β с жаровней в центре пола.

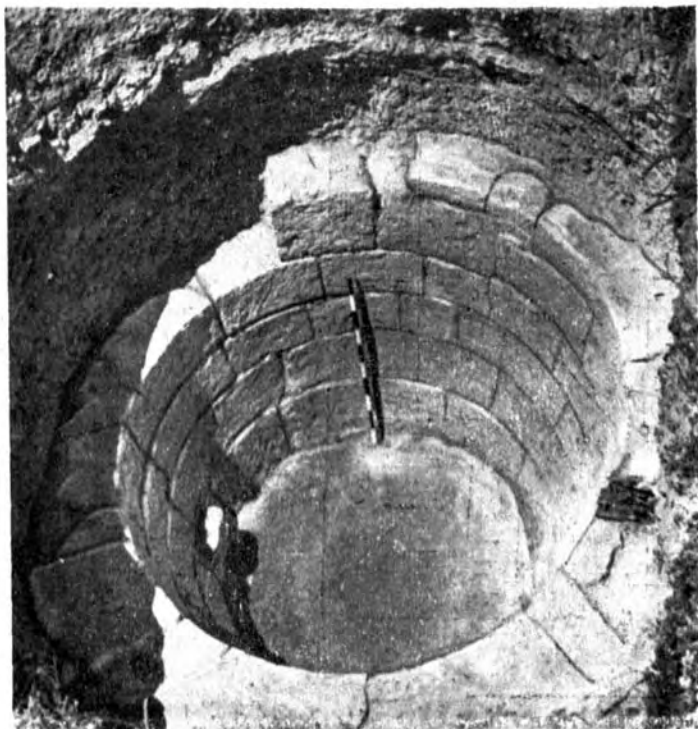

Рис. 98. Цистерна для сбора дождевой воды на усадьбе клера № 26.

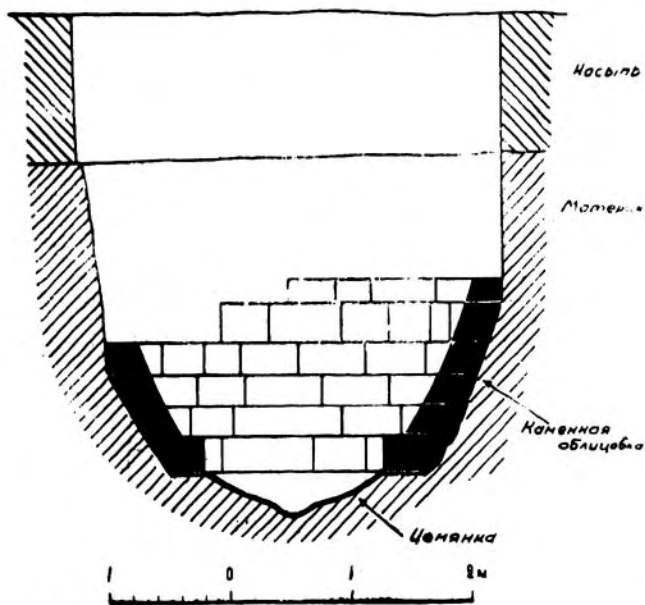

Рис. 99. Разрез цистерны для сбора дождевой воды на усадьбе клера № 26.

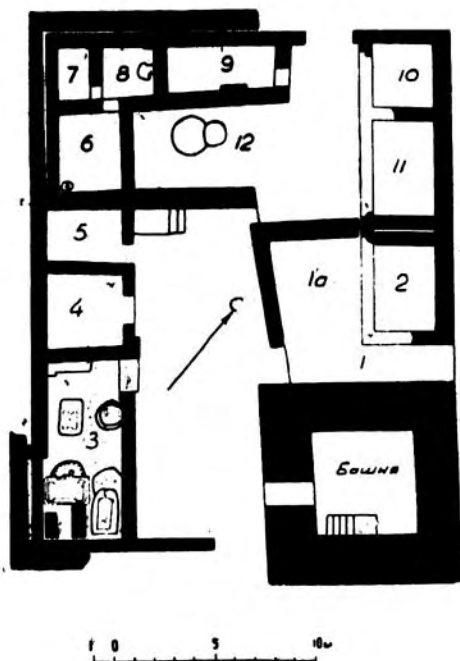

Рис. 100. План усадьбы конца II в. до н. э. на клере № 26. 1 — входной коридор у наружной двери усадьбы; 1а — помещение для хранения вина (?); 2, 4, 5 — помещения неопределенного, вероятно всего хозяйственного назначения; 3 — винодельня; 6—8 — жилые помещения 1-го этажа; 9 — кухня; 10—11 — помещения для скота; 12 — навес для скота под жилыми помещениями 2-го этажа.

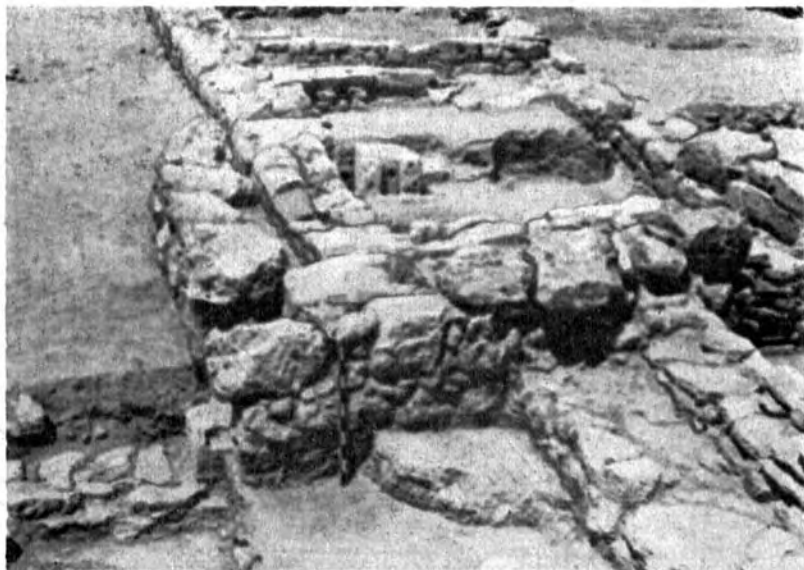

Рис. 101. Южный угол усадьбы 2-го строительного периода на клере № 26.

Рис. 102. Западный угол усадьбы клера № 26. Хорошо видны наружный панцирь, кухня, навес для скота с лифосами и жилое помещение — б.

Рис. 103. Западный угол усадьбы клера № 26. Хорошо заметна пирамиальность кладки угла из больших камней. На заднем плане — скотный двор с хлевами—10 и 11.

Рис. 104. Наружная дверь усадьбы 2-го строительного периода на клере № 26. Дверь заложена. Вид снаружи.

Рис. 105. Северо-западная стена башни усадьбы второго строительного периода на клере № 26. Внешняя облицовка. На переднем плане — порог входа в помещение 1а, на заднем — внешний вход на усадьбу.

Рис. 106. Мощный пол башни 2-го строительного периода на усадьбе клера № 26. На заднем плане лестничная площадка для подъема на 2-й этаж башни. В углу, под метром, видна стена башни 1-го строительного периода.

Рис. 107. Общий вид винодельни конца II в. до н. э. на усадьбе 2-го строительного периода клера № 26 (пом. 3).

Рис. 108. Жилые помещения 6—8 на усадьбе № 26. В стене среднего плана видна заложённая дверь в помещение 5. На заднем плане — винодельня.

Рис. 109. Помещение 8 с очагом на усадьбе 2-го строительного периода на клере № 26.

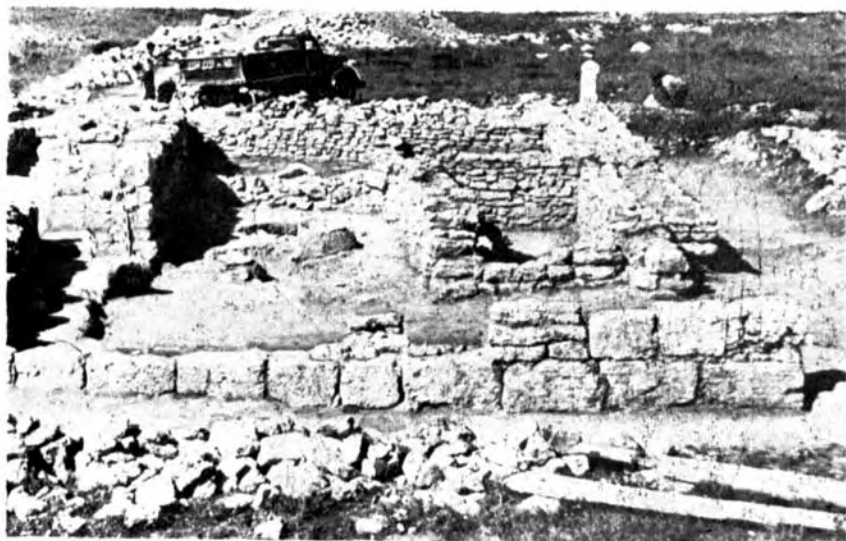

Рис. 110. Скотный двор на усадьбе 2-го строительного периода клера № 26.
Справа, примыкая к воротам, видна кухня

Рис. 111. Камни из завала в башне усадьбы клера № 26 со
знаками каменотесов.

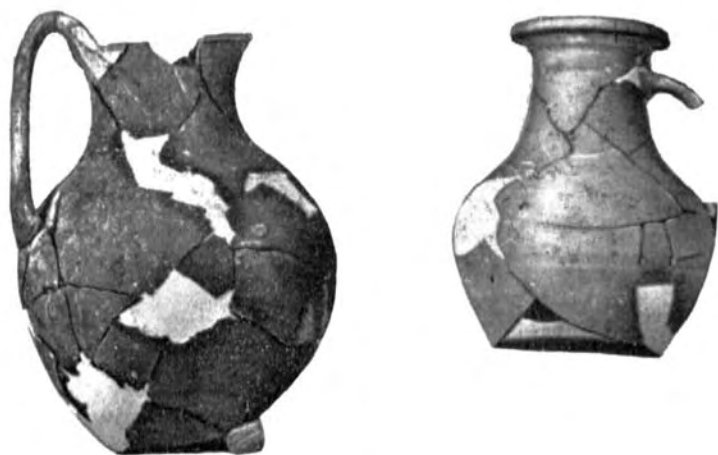

Рис. 112. Кувшины с усадьбы клера № 26

Рис. 113. Кухонные горшки с усадьбы клера № 26.

Рис. 114. Кухонные горшки с усадьбы клера № 26.

Рис. 115. «Мегарская» чаша из винодельни на усадьбе клера № 26.

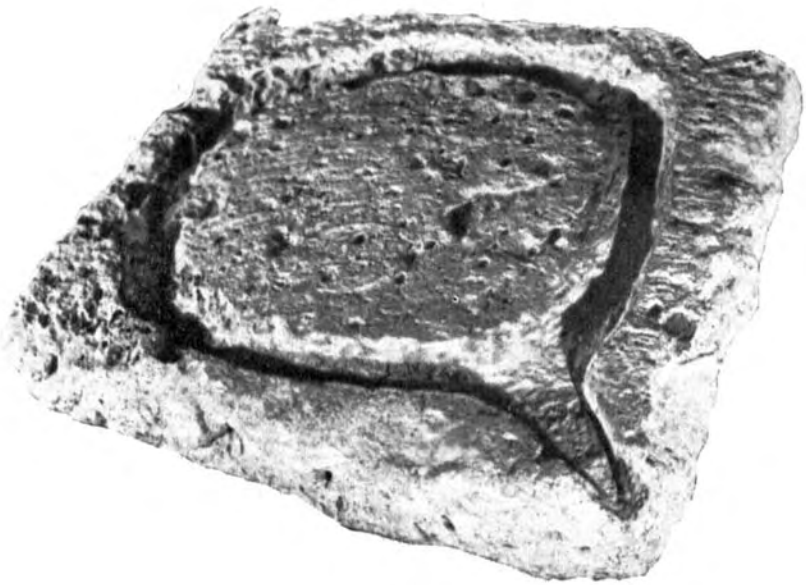

Рис. 116. Каменный тарпан — виноградная давиля.

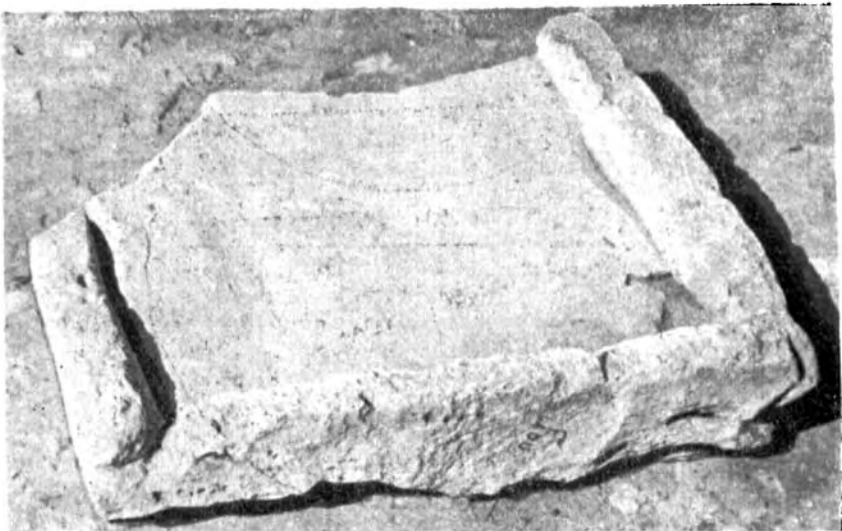

Рис. 117. Каменный тарпан из кухни усадьбы клера № 26 (пом. 9).

Рис. 118. Каменный тарапан из пом. 16 усадьбы клера № 25.

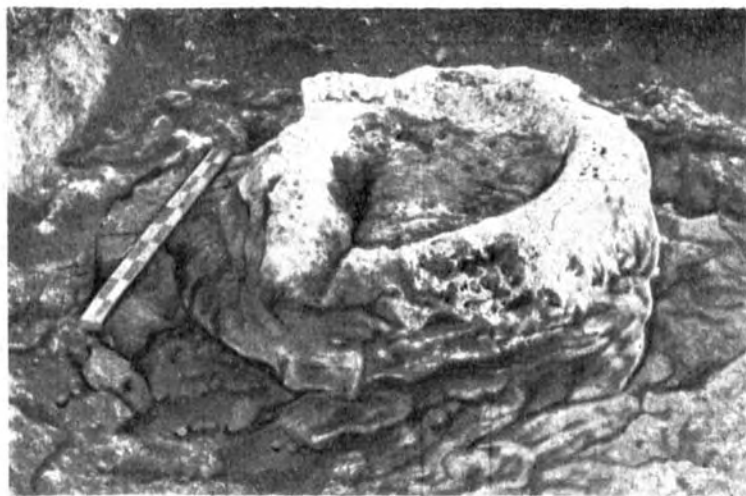

Рис. 119. Тарапан, вырубленный в скале, на клере № 26 (виноградный участок № 12).

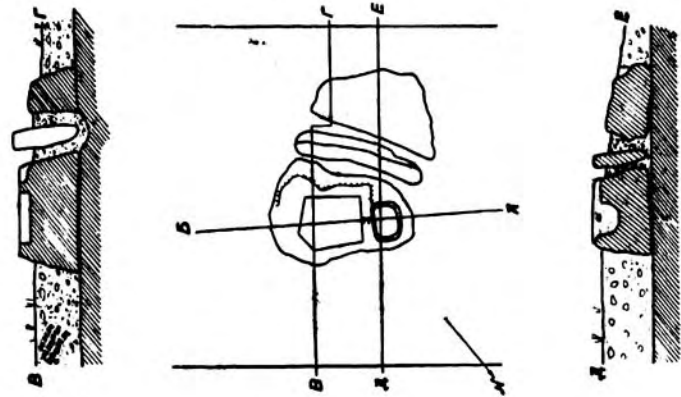

Рис. 120. Винодельня № 1. Геракле-
ский полуостров. Туровская балка.
Вырублена в скале. Чертеж М. И.
Скубетова.

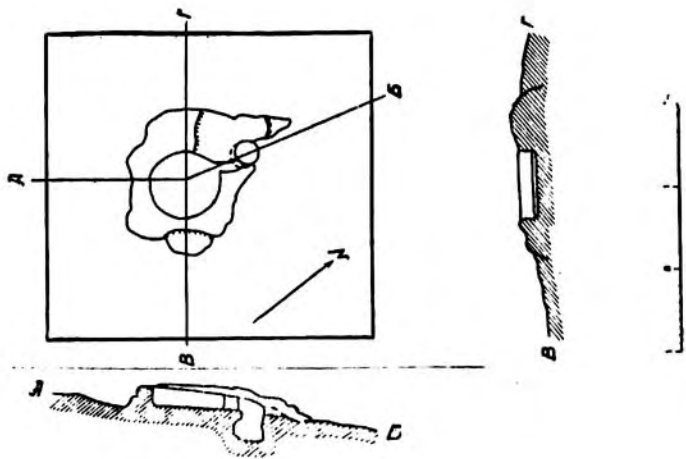

Рис. 121. Винодельня № 2. Геракле-
ский полуостров. Стрелецкая балка.
Вырублена в скале. Чертеж М. И.
Скубетова.

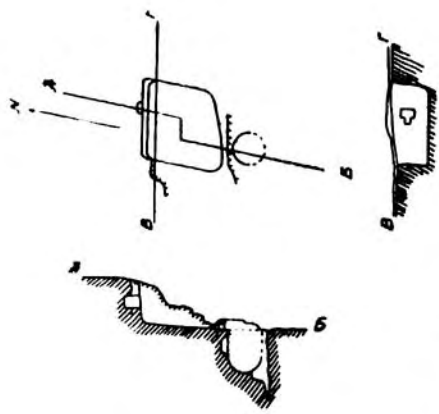

Рис. 122. Винодельня № 3. Поселок
виноделов у Карантинной бухты близ
Херсонеса. Чертеж М. И. Скубетова.

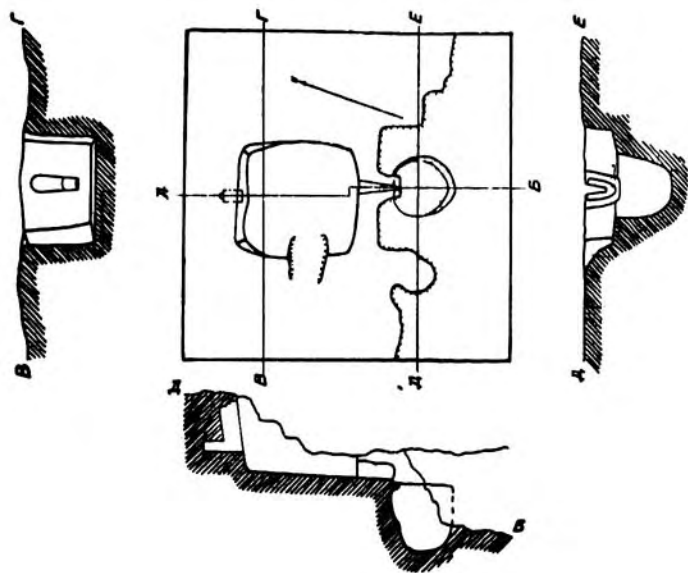

Рис. 123. Винodelья № 4. Тот же поселок. Чертеж М. И. Скубцова

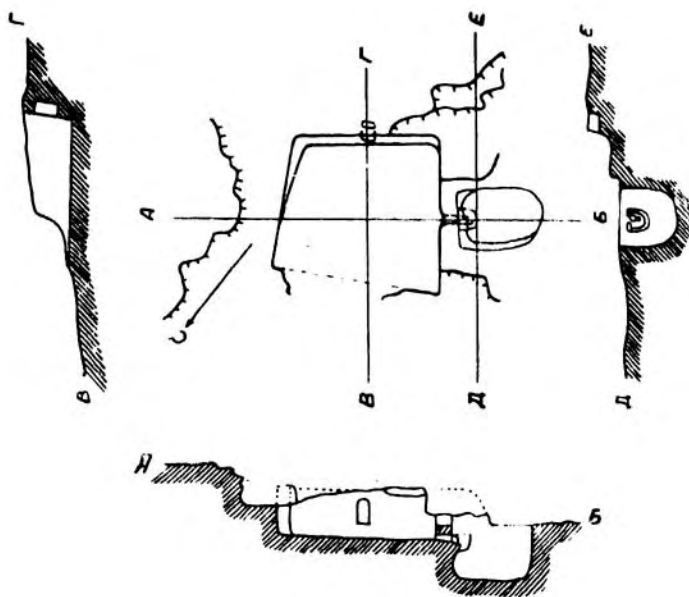

Рис. 124. Винodelья № 5. Тот же поселок. Чертеж М. И. Скубцова.

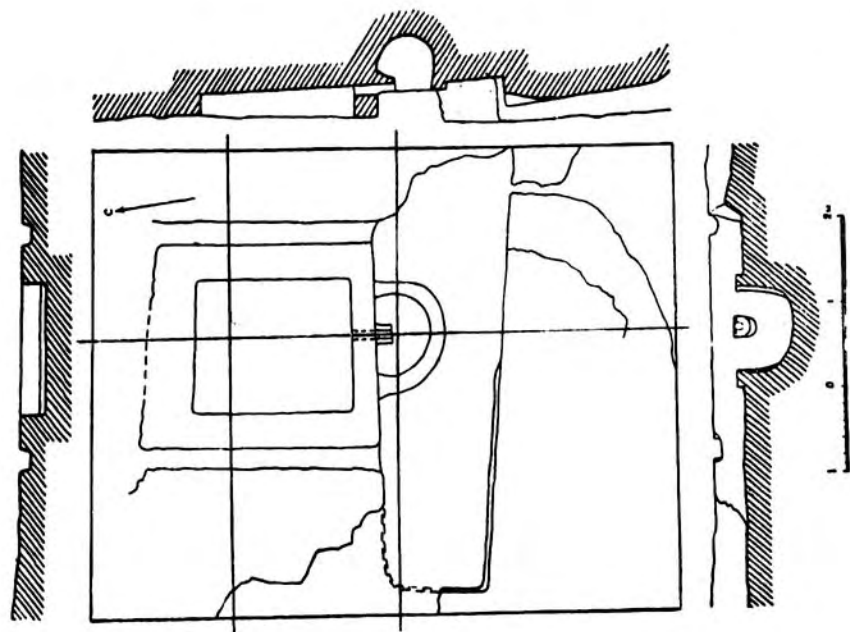

Рис. 126. Винодельня № 7. Гераклеяский полуостров. Западнй склон Киден-балки. Чертеж М. И. Скубегова.

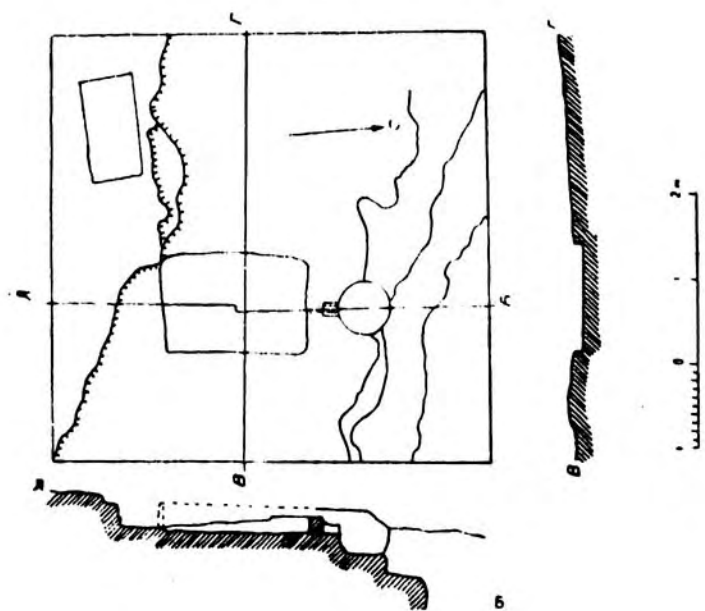

Рис. 125. Винодельня № 6. Тот же поселок. Чертеж М. И. Скубегова.

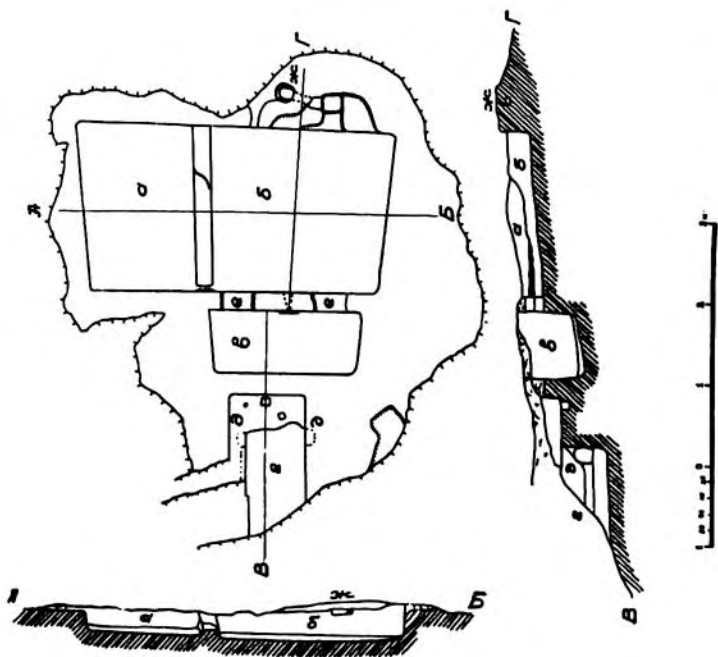

Рис. 127. Винодельня № 8. Поселок виноделов у Карантинной бухты близ Херсонеса. Раскопки 1956 г.: а — давящая площадка, на которой сок выдавливали ногами; б — давящая площадка пресса; в — резервуар для сбора сока; г — выруб для крепления отяжек рычага пресса; д — пазы, вырубленные в скале для крепления деревянного бруса; е — вырубы в скале по сторонам стока для крепления предохранительной прокладки под рычагом пресса; ж — крепление заднего конца рычага пресса.

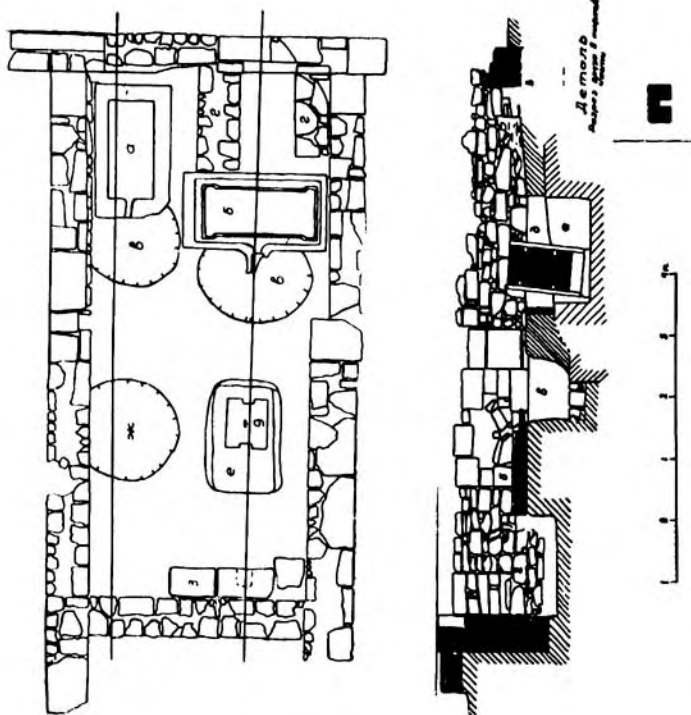

Рис. 128 и 129. План и разрез винодельни конца II в. до н. э. на усадьбе клера № 26: а — тарпан — давящая площадка, на которой сок выдавливали ногами; б — тарпан — давящая площадка пресса; в — ямы, в которых стояли глиняные сосуды для сбора виноградного сока; г — фундамент деревянного крепления заднего конца рычага пресса; д — каменный груз пресса; е — яма для груза; ж — яма с пифосом; з — каменная скамейка неопределенного назначения.

Рис. 130. Винодельня усадьбы клера № 26. Тарапан, на котором вы-
давливался сок ногами.

Рис. 131. Глиняный чан для сбора сока на винодельнях.

Рис. 132. Винodelьяна усадьбы клера № 26. Тарапан — давилная площадка ви-
ноградного пресси.

Рис. 133. Винодельня усадьбы клера № 26. Каменный груз рычага виноградного пресса.

Рис. 134. Каменный тарапан — давящая площадка виноградного пресса из винодельни усадьбы клера № 31. Рис. Н. М. Янышева.

Рис. 135. Изображение пахаря, вырезанное на мраморной плите. Первые века н. э.

Рис. 136. Мукомольные жернова.

Рис. 138. Общий вид винодельни № 1 в Херсонесе.

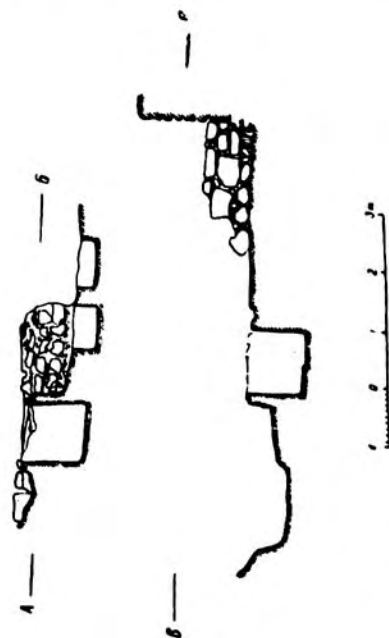
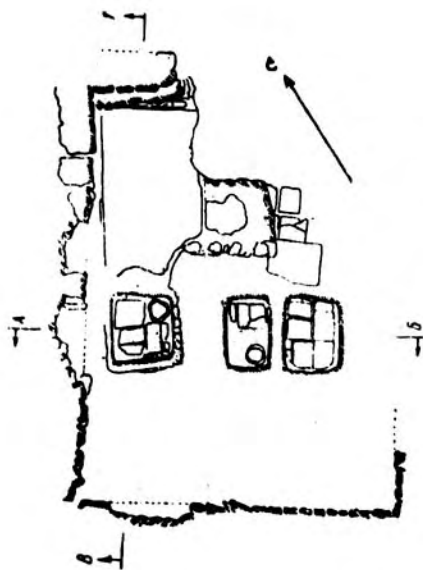

Рис. 137. План и разрез винодельни № 1 позднеантичного—раннесредневекового времени. Херсонес.

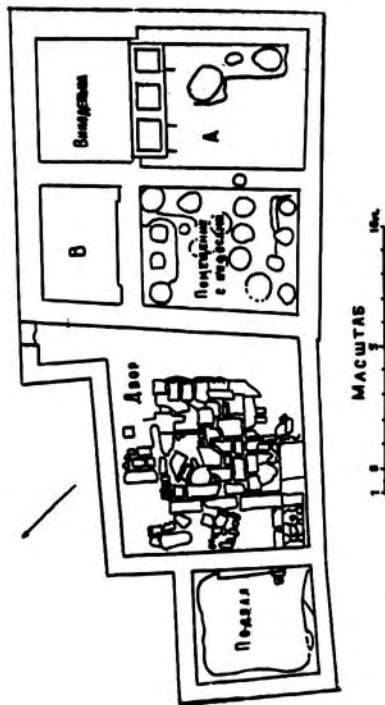

Рис. 139. План дома винодела позднеантичного раннесредневекового времени. Херсонес.

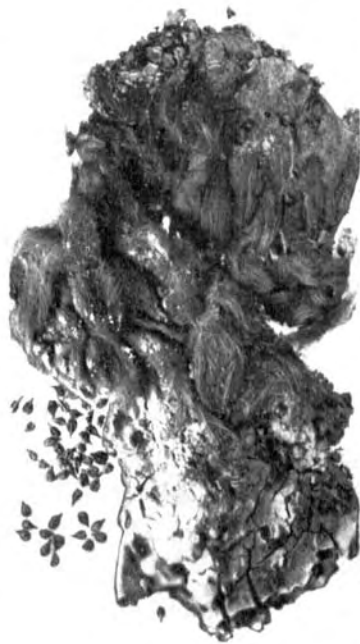

Рис. 141. Остатки фильтра в виде мата, сплетенного из шерсти, для процеживания вина. На фильтре сохранился илистый осадок с виноградными зернами. Из виноделия V—VII вв. н. э. на северной стороне г. Севастополя.

Рис. 140. Бассейны для сбора виноградного сока в винодельне № 2 в Херсонесе.

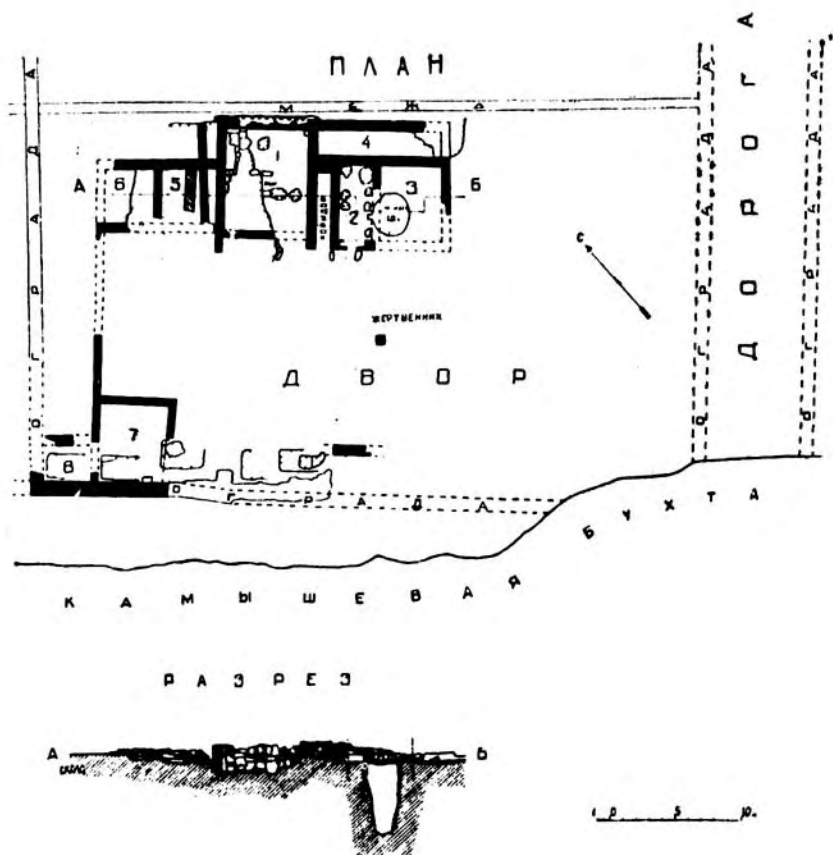

Рис. 142. План сельской усадьбы II–IV вв. н. э. на берегу Камышевой бухты. Раскопки В. П. Лисна.

Рис. 143. Краснолаковые светильники и обломок терракоты из раскопок усадьбы II–IV вв. н. э. на берегу Камышевой бухты.

Рис. 144. Кибела. Известняк. Первые века н. э.

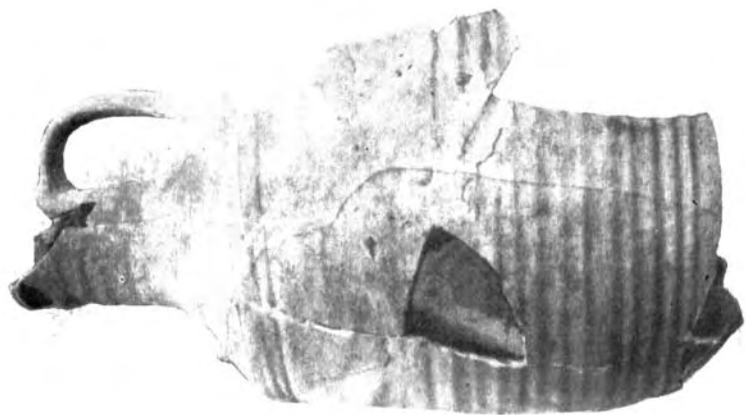

Рис. 145. Амфоры III—IV вв. н. э. с той же усадьбы.

Рис. 146. Общий вид башни на северной усадьбе клера № 7.

Рис. 147. Стена башни на усадьбе клера № 31.

Рис. 148. Развалины усадьбы клера № 32.

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск VI

Станислав Францевич Стржелецкий

Редактор *Евг. Баев*. Художественный редактор *И. Литвинов*.

Технический редактор *А. Фисенко*. Корректор *С. Касьян*.